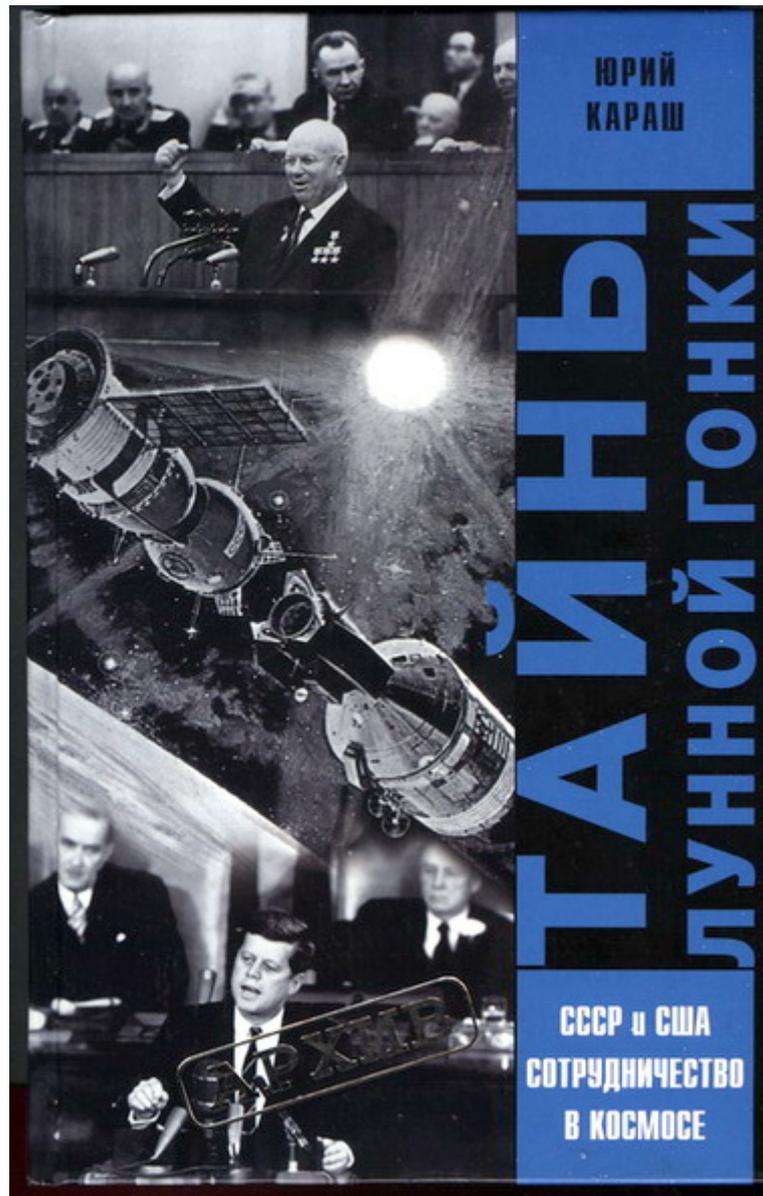

Юрий Юрьевич Караш ТАЙНЫ ЛУННОЙ ГОНКИ

Владимир Ямщиков
«ТАЙНЫ ЛУННОЙ ГОНКИ. СССР и США: СОТРУДНИЧЕСТВО В КОСМОСЕ»:
ОЛМА-ПРЕСС Инвест; Москва; 2005 LdGray
ISBN 5-94848-210-3

Аннотация

В книге доктора наук (Ph.D.) США по специальности «Космическая политика и международные отношения», кандидата исторических наук (АН СССР), магистра внешней политики Высшей школы международных исследований им. Пола Нитце при университете им. Джонса Гопкинса (США), члена-корреспондента Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского Ю. Ю. Караша всесторонне исследуется проблема противостояния и сотрудничества СССР и США в реализации величайшего инженерного замысла XX века — экспедиции людей на Луну. Автор приводит множество малоизвестных фактов, которые позволяют понять подоплеку произошедших событий.

Юрий Караш

ТАЙНЫ ЛУННОЙ ГОНКИ СССР И США: СОТРУДНИЧЕСТВО В КОСМОСЕ

Памяти советского космонавта Владимира Комарова и американских астронавтов Гаса Гриссома, Эда Уайта и Роджера Чаффи, погибших в «лунной гонке» по разные стороны железного занавеса.

НЕОКОНЧЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Дипломатические позиции, космические ходы и смена правил игры

— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — произнесла, наконец, Алиса. — Только фигур почему-то не видно... А впрочем, вот и они! — радостно закричала она, и сердце громко забилося у нее в груди. — Здесь играют в шахматы! Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая партия.

Льюис Кэрролл

Зазеркалье Кэрролла, по мысли одного из его биографов, английского писателя Уолтера Де ла Мара — это «космос интеллекта, напоминающий эйнштейновский тем, что это конечная бесконечность, допускающая бесчисленные исследования, которые, однако, никогда не будут завершены». А разве космическая деятельность человечества не есть «космос интеллекта»? Разве политическая игра, где делаются «космические ходы», не есть «конечная бесконечность»? Разве космическая дипломатия не изменяет на ходу правила игры? И разве соотнесение космической деятельности с космической политикой и дипломатией не оставляет простора все новым и новым исследованиям в этой области? Мир Космоса, этого Зазеркалья Земли, а также великая стратегическая партия, разыгрываемая в нем космическими державами, — не менее парадоксальны и захватывающи, чем кэрролловские композиции. Книга Юрия Караша «Тайны лунной гонки. СССР и США: сотрудничество в космосе» прекрасное тому доказательство.

Полеты первых советских космонавтов прямо демонстрировали научно-технические успехи Советского Союза и косвенно — его военную мощь, то есть и резко усилившуюся политическую позицию на международной арене. Но уже через четыре года США значительно обогнали СССР по длительности пилотируемых полетов. Сначала в августе 1965 г. экипаж «Джемини-5» (Г. Купер и Ч. Конрад) провели в космосе почти 8 суток, побив советский рекорд, установленный В. Быковским в июне 1963 г. на «Востоке-5» — 4 суток 23 часа. Затем в декабре 1965 г. «Джемини-7» (Ф. Борман и Дж. Ловелл) совершил двухнедельный полет — 13 суток 18 часов. Такое положение не устраивало руководство СССР, рекорд американцев надо было побить, причем по традиции, принятой в те времена, — к какой-нибудь торжественной дате. В конце декабря 1969 г. ЦК КПСС принял решение: советские космонавты должны выполнить длительный космический полет продолжительностью 17-20 суток к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — 22 апреля 1970 г. Рациональные расчеты к тому времени могли иногда корректировать волевые политические решения, и поэтому уже 20 февраля старт был перенесен с 17 апреля на вторую половину мая 1970 г.

Старт корабля «Союз-9» с космонавтами А. Николаевым и В. Севастьяновым на борту

состоялся в полночь 1 июня 1970 г. Особенностью полета экипажа «Союза-9» было то, что космонавты не только проводили научные эксперименты и наблюдения, но и просто учились жить в космосе. Неудивительно, что, когда 10 июня, на девятые сутки полета, экипажу был устроен день отдыха, космонавты получили предложение Земли сразиться в шахматы. (В космическом корабле были и специально сконструированные для игры в невесомости шахматы — фигуры двигались по пазам, не отделяясь от доски.) Началась первая в Истории партия Космос-Земля. За Космос белыми играли А. Николаев и В. Севастьянов, за Землю — генерал Н. Каманин и космонавт В. Горбатко.

Космос предложил ферзевый гамбит:

1. d2 — d4 d7 — d5
2. c2 — c4 d5 — c4
3. e2 — e3 e7 — e5

В теории считается, что этим ходом черные уравнивают игру. Однако у Космоса, несмотря на возникающую изолированную пешку, свободное развитие фигур и возможности игры на обоих флангах.

Полет «Союза-9» не только соединил Космос и Шахматы, он образовал символический треугольник Политика-Космос-Шахматы.

10 июня 1970 г. матч Космос-Земля продолжался около шести часов, со 141-го по 144-й виток. Партия дважды откладывалась, когда космический корабль находился вне пределов радиовидимости. Первая в истории шахматная партия закончилась вничью — результат, который может послужить хорошим ориентиром для политиков, обдумывающих новые космические ходы.

Партия, о которой повествуется в книге Юрия Караша, началась пораньше, но по историческим меркам все равно недавно — всего лишь каких-нибудь полвека назад.

Середина 50-х годов XX века. Советский Союз и Соединенные Штаты Америки готовились запустить свои искусственные спутники Земли (ИСЗ). В августе 1954 г. Совет Министров СССР утвердил предложения по проработке научно-теоретических вопросов, связанных с космическим полетом. Пентагон разрабатывал программу создания спутников как для ведения разведки, так и для предупреждения о возможном ракетном нападении. Оба проекта были этапом военных ракетных программ двух государств, а потому запуск Первого ИСЗ имел существенную особенность: рассматриваемый как военный ход, он мог существенно осложнить и без того непростые отношения СССР и США.

В шахматах есть дебюты, суть которых — в долгом позиционном развитии, а есть начала, где с первых же ходов завязывается острая игра. Каким будет первый ход? Какое начало будет избрано?

Партия, началась в конце июля 1955 года:

1. e2 — e4 ...

Королевскую пешку двинули США и момент выбрали весьма обдуманно. Прошло несколько недель после женевской встречи на высшем уровне руководителей Великобритании, Франции, Соединенных Штатов и Советского Союза, показавшей потепление международной обстановки — то, что впоследствии назвали «духом Женевы». Появилась реальная возможность, что запуск ИСЗ не будет интерпретироваться как агрессивное намерение, и США официально объявили о своем намерении запустить ИСЗ.

Естественный, но тихий (секретный) ответ последовал почти немедленно: в начале августа 1955 г. М. Хруничев, В. Рябиков и С. Королев направляют Первому секретарю ЦК КПСС Н. Хрущеву и председателю Совета Министров СССР Н. Булганину записку в связи с заявлением американцев. И уже 8 августа 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС принимается решение «О создании искусственного спутника Земли».

1. ... e7 — e5

Тем временем США продолжали обдумывать дебютную идею. Они ищут ход конем: требуется создать международно-правовую основу для запуска и эксплуатации спутников-шпионов. Президенту Д. Эйзенхауэру требовалось найти мирный предлог для пролетов

американских спутников-шпионов над советской территорией. Появилась идея приурочить запуск к Международному геофизическому году, совместной программе ученых 67 стран с 1 июля 1957 г. по 31 октября 1958 г., и тем самым создать прецедент свободного и законного облета различных стран космическими аппаратами Соединенных Штатов.

2. Kg1 — f3 ...

Но Советский Союз сразу переходит в контратаку, стремясь захватить инициативу. Прочитав в одном из выступлений руководителя американской программы создания первого ИСЗ Дж. Хагена о том, что запуск, возможно, будет предпринят до конца 1957 г., Главный конструктор С. Королев с Байконура, фактически диктуя Н. Хрущеву, переносит пуск советского спутника с 6 октября на два дня раньше. И 4 октября 1957 г. мир узнал, что Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли, начав отсчет космической эры.

2. ... Kg8 — f6!

Спутник представлял собой алюминиевую сферу диаметром 58 см и массой 83,6 кг с четырьмя штыревыми антеннами длиной 2,4-2,9 м. В герметичном отсеке размещалась аппаратура и источники электропитания. С этого простейшего аппарата, передавшего из космоса свои позывные «бип-бип-бип», и началась серьезнейшая стратегическая игра, продолжающаяся и по сей день.

Первый советский спутник позволил впервые измерить плотность верхних слоев атмосферы, получить данные о распространении радиосигналов в ионосфере, отработать вопросы выведения на орбиту, тепловой режим и решить другие технические проблемы. Но политический эффект первого спутника оказался не менее важен. Запуск вызвал небывалый международный резонанс. Буквально за один день международный статус СССР неимоверно вырос. Одним из следствий было то, что в Соединенных Штатах всерьез задумались о привлечении ученых к формированию государственной политики на высшем уровне. Глава государства учредил должность специального помощника президента по вопросам науки и техники и перевел консультативный комитет по науке в непосредственное подчинение Белому дому.

3. d2 — kg8 — f6... d4...

В теории это продолжение считается одним из сильнейших. К тому же США оставались спокойны и полагали, что уступка инициативы в начале партии дает им некоторые стратегические преимущества. Президент Д. Эйзенхауэр и заместитель министра обороны США Д. Куарелс, обсуждая через несколько дней запуск первого спутника, пришли к выводу, что русские даже оказали США услугу, установив принцип свободы международного космического пространства. Между тем в Советском Союзе о международно-правовых основах освоения космоса пока не думали: первые публикации на эту тему появятся лишь в следующем году. Эту пешку СССР побил запуском 3 ноября 1957 г. второго ИСЗ — биологического спутника с собакой Лайкой на борту.

3. ... e5 — d4

Теперь можно было думать и о пилотируемых космических полетах. Соединенные Штаты ответили запуском своего первого спутника лишь через три месяца.

Всего лишь три хода большой «космической партии», а как много за ними стоит! Обо всех планах, политических расчетах, дипломатических удачах и просчетах, политической и психологической подоплеке того или иного хода в чрезвычайно увлекательной форме рассказывается в книге. Изучая хронологию космической политики и дипломатии, скрупулезно выписанную Ю. Карашем, вдумчивый читатель обнаружит все признаки шахматной партии: попытку захвата инициативы в дебюте, реакцию на новинку, оригинальные и шаблонные ходы, ловушки, бездумные линии игры, реакцию на трудный ход противника и так далее. Но анализ «космических шахмат» куда более сложен, потому что у них свои особенности, в частности:

- 1) игроки меняются — партия продолжается;
- 2) число игроков увеличивается;

3) правила игры создаются по ходу партии и тоже меняются.

В самом деле, «состав игроков», делавших первые ходы, несколько изменился: Советский Союз заменила Россия и первое время не сдавала партию лишь благодаря солидному запасу прочности, созданному СССР; в число участников международной космической политики вошли страны Европы, Канада, Бразилия, Япония, Индия, ряд других государств и, очень мощно, — Китай. Менялись и правила: постепенно происходил переход от идеологии «космической гонки» к политике космического сотрудничества. Очевидные примеры такого сотрудничества — экспериментальный полет «Аполлон» — «Союз» (ЭПАС) и Международная космическая станция (МКС) — находятся за пределами рассмотрения в данной книге. Однако автор рассказывает о первых попытках перейти к сотрудничеству и анализирует неуспех этих первых попыток.

Первоначальная реакция СССР на возможность сотрудничества с США в деле исследования космического пространства с помощью ИСЗ была позитивной. Когда Н. Хрущева спросили в 1955 г. на одном из дипломатических приемов в Москве, согласится ли Советский Союз взаимодействовать в этой области с Соединенными Штатами, он ответил положительно, хотя и весьма лаконично. Но, как показывает нам автор книги, для С. Королева (и не только для него), имевшего огромное влияние на Н. Хрущева, существовала только одна форма взаимоотношений в космосе между СССР и США — «космическая гонка». Впрочем, подобные подходы имелись и в США: специальный помощник президента Н. Рокфеллер убеждал Д. Эйзенхауэра в том, что для США проигрыш в космической гонке недопустим. С оппозиции идее сотрудничества начало и учрежденное в 1958 г. Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА).

В терминах теории игр эта политическая дилемма — победа в гонке или сотрудничество — соответствует переходу от игры «с нулевой суммой» (что один выигрывает, то другой проигрывает, и наоборот) к игре «с ненулевой суммой», в которой стратегии «нулевой суммы» непригодны. В чем суть?

И СССР, и США имели свои космические планы. Для простоты допустим, что каждое правительство рассматривало возможность только двух стратегий, а именно:

– стратегию космического доминирования, обоснованную с военной точки зрения, но экономически трудную;

– стратегию космического сотрудничества, экономически более выгодную, но не дающую гарантий защиты от космического вмешательства.

В случае игры «с нулевой суммой» единственным рациональным выбором (безопасность) был бы выбор доминирующей стратегии. Однако в игре «с ненулевой суммой» ситуация меняется. Если обе страны выберут доминирующую стратегию, то обе поступят менее эффективно, чем если бы они выбрали стратегию сотрудничества. Но для этого надо сойтись вместе и прийти к соглашению. А такой образ действий ставит множество вопросов. Например, что значит «прийти к соглашению»? Если это взаимное обязательство придерживаться «правил игры», то речь идет о международном праве. Но в данном случае смысл понятия «прийти к соглашению» явно иной. Соглашение относится не к чему-то достигнутому до начала игры (или до определенного хода в игре), соглашение само является «ходом». Но такие «соглашения» подразумевают привлечение новых категорий — «доверие», «мораль», редко применяемых в политике.

Рационально ли доверять в политике? Рационально ли быть честным в политике? Для того чтобы получить ответы на такие вопросы, требуются годы и десятилетия. Вот почему путь к космическому сотрудничеству был непростым и долгим. Юрий Караш сделал очень важную вещь: он исследовал и подробно описал генезис стратегии сотрудничества и тем самым существенно углубил понимание современной международной космической политики.

Книга Юрия Караша, по сути, комментарий специалиста к дебютной части интереснейшей стратегической партии. Но читатель вправе рассчитывать и на следующий

шаг — анализ миттельшпиля в следующей книге Ю. Караша. А дальше — парадокс: к счастью, ни автор, ни читатели не доберутся до эндшпиля. И это не черный пессимизм, а вполне рациональный оптимизм: в отличие от матча «Союза-9» с Землей глобальная космическая партия бесконечна.

Юрий БАТУРИН, летчик-космонавт России, доктор юридических наук

Глава 1 НАПЕРЕГОНКИ ИЛИ РУКА ОБ РУКУ?

Период Дуайта Эйзенхауэра — Никиты Хрущева (конец 1950-х — 1964 г.)

История — странная штука. Порой, чем дальше в прошлое уходит событие, тем больше приподнимается над ним завеса тайны, открывая факты и события, неизвестные даже его современникам. Наблюдение это вполне применимо и к величайшему инженерному замыслу XX века — экспедициям людей на Луну. Проект этот, как известно, был успешно осуществлен Соединенными Штатами в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Официальная версия, озвученная советскими средствами массовой информации, состояла в следующем: СССР никогда не стремился высадить своих посланцев на Селене, а уж тем более — не пытался сделать это раньше американцев. Пилотируемый полет на Луну при том уровне развития техники — слишком небезопасное для космонавтов предприятие. Рисковать жизнями людей ради престижа — удел нации, живущей по «волчьим законам» капитализма, но отнюдь не «самого гуманного и прогрессивного» общества в мире, где «все для блага человека и все во имя человека». Да и кроме того — зачем выбрасывать деньги на ветер, проектируя и строя дорогостоящие обитаемые корабли для исследования Селены, когда автоматические аппараты, создаваемые передовой советской наукой и техникой, могут с успехом решить те же задачи куда за меньшие средства? Так говорили жителям СССР и в этом пытались их убедить. Однако посвященные в советскую космическую политику наверняка относились к подобным аргументам так же, как и генерал-полковник Н. П. Каманин, который уже в мае 1969 г. назвал их «безудержной ложью»[1]. Впрочем, мнение это Николай Петрович, руководитель подготовки космонавтов в 1960-1971 гг., высказал в своем дневнике. Его высокий государственный статус, а также звание Героя Советского Союза, не позволяли на публике отходить от принципа: «советское — значит лучшее в мире»[2].

И лишь во второй половине 1980-х годов, с введением в стране так называемой «гласности» на страницы печати стали просачиваться сведения о том, что у Советского Союза тоже, оказывается, была своя пилотируемая лунная программа и что СССР даже пытался опередить американцев в высадке на Луну. Ручеек информации о неудачной попытке Страны Советов достичь Селены постепенно превратился в довольно полноводную «реку», состоящую из мемуаров тех, кто непосредственно участвовал в проекте. В статьях и книгах приводились технические детали лунной пилотируемой программы, объяснялось, как и почему ее пытались реализовать и кто непосредственно участвовал в этом. Однако практически во всех этих публикациях упускалась важнейшая сторона так называемой «лунной гонки», а именно: величайшее соревнование в космосе могло стать примером величайшего научно-технического сотрудничества двух сверхдержав за пределами атмосферы. Почему этого не произошло и отчего взаимодействие в достижении естественного спутника Земли уступило место изнурительному соперничеству? Ответам на эти и другие неясные, а порой и спорные вопросы, посвящена эта книга. Расстановке, так сказать, точек над *i*.

Обвинять советских и российских авторов в невнимании к этому аспекту «битвы за

Луну» было бы несправедливо. Переговоры о возможном объединении технологических и экономических ресурсов Советского Союза и Соединенных Штатов в их стремлении достичь Селены были делом «большой политики» и проводились в обстановке повышенной секретности. Последнее применимо, конечно, в первую очередь, к СССР. Если в США дилемма «сотрудничать или соревноваться» с Советским Союзом открыто обсуждалась в конгрессе, попадала на страницы СМИ и становилась достоянием широкой общественности, то в СССР тот же вопрос был предметом для размышления высших руководителей страны. Те же, как известно, предпочитали делать это либо в одиночку, либо в узком кругу особо приближенных лиц. Результатом подобных раздумий стали решения, практически никогда не сопровождавшиеся объяснением того, как они принимались, какие при этом рассматривались «за» и «против». Отсюда — парадоксальная и довольно обидная для российских исследователей истории космонавтики ситуация, когда о несостоявшихся совместных советско-американских космических проектах приходится узнавать в основном из заокеанских источников.

Именно по этой причине большинство россиян на вопрос: «Когда были сделаны первые попытки объединить усилия двух великих космических держав в области освоения внеземного пространства?» ответят: «Когда в космосе состыковались «Союз» и «Аполлон». Что касается даты события, то здесь у курильщиков со стажем — карт-бланш. Именно они с большей вероятностью увяжут данный эпизод советско-американских космических отношений с появлением в СССР в середине 1970-х годов известной отечественной марки сигарет. Совместный полет, состоявшийся в 1975 г., не только дал им название «Союз-Аполлон», но и украсил табачную коробку изображением двух соединенных космических кораблей.

Впрочем, люди некурящие, но читающие газеты и интересующиеся историей, вероятно, вспомнят, что стыковке предшествовало обсуждение проекта, как среди инженеров, так и на высшем политическом уровне. Все это проходило в начале 1970-х годов и нашло свое документальное оформление в соглашении о сотрудничестве в области освоения космического пространства, подписанном в мае 1972 г. председателем Совета Министров Алексеем Николаевичем Косыгиным и президентом США Ричардом Никсоном. Пожалуй, ничего большего из советской прессы того периода узнать было нельзя.

А между тем сама возможность для взаимодействия в космическом пространстве сверхдержав возникла почти за 20 лет до «рукопожатия в космосе» (так с легкой руки журналистов стали называть полет двух кораблей) и примерно за пять лет до попытки «перекинуть мост через Луну» между Москвой и Вашингтоном. И было это в то время, когда Советский Союз возглавлял жизнерадостный оптимист, уверенный в скорой победе коммунизма в СССР, а Соединенные Штаты — боевой генерал, бывший командующий союзническими войсками в Европе. Имя одного было Никита Хрущев, а другого — Дуайт Эйзенхауэр. И тот и другой прошли войну, знали цену миру и стремились сохранить его в отношениях между СССР и США. В те времена жесткого противостояния двух стран основным способом сделать это представлялось сохранить баланс силы между ними и не допустить дальнейшего развертывания гонки вооружений.

Сразу оговорюсь — желающие узнать о каких-то секретных космических проектах, осуществленных Советским Союзом и Соединенными Штатами в конце 1950-х — начале 1960-х годов, будут разочарованы. Их не было. Но было другое — космос в качестве козырной карты пасьянса военно-стратегического равновесия, раскладываемого Кремлем и Белым домом. Проникновение во внеземное пространство использовалось, с одной стороны, как напоминание о могуществе, в том числе и военном, а с другой — как поле для возможной совместной деятельности двух сверхдержав.

Итак, в середине 1950-х годов между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки развернулась гонка в области создания оружия массового поражения (ОМП). Эйзенхауэру пришлось изыскивать способы противодействия угрозе, которую представляли для США советские водородные бомбы, новые дальние бомбардировщики, а также новейшие баллистические ракеты. Вот как описал данные поиски известный американский

исследователь политической истории освоения космического пространства Уолтер Мак-Дугал: «Эйзенхауэр отчаянно нуждался в точной разведывательной информации о советских успехах (в области создания ОМП. — Ю. К.). Самолеты-разведчики У-2[3] представлялись лишь промежуточным решением проблемы, а космическая разведка сулила куда более заманчивые перспективы... Это-то и определило приоритеты администрации Эйзенхауэра в сфере ракетной и космической политики в середине 1950-х годов. Первый состоял в том, чтобы нагнать время, упущенное при разработке американских боевых ракет. Второй — войти в космический век таким способом, чтобы раз и навсегда обеспечить Америке возможность проникновения через железный занавес. Каждое из этих соображений по-своему оказало влияние на запоздалое решение о запуске первого американского спутника»[4].

Несмотря на то, что запуск искусственного спутника Земли (ИСЗ) должен был стать шагом, радикально обогащающим знания людей о Земле и Вселенной, решение Эйзенхауэра вывести на орбиту космический аппарат было вызвано не только научными соображениями. Как отметил глава вашингтонского бюро газеты «Лос Анжелес Экзаминер», «Айк (неофициальное, но общепринятое прозвище Эйзенхауэра. — Ю. К.) вновь заработал очки, как боец психологической войны, когда объявил на весь мир, что Америка собирается запустить искусственный спутник... Понятно, что подобное устройство вполне могло бы превратиться в «парящего часового», заглядывающего в глотку Красной России в поисках каких-либо симптомов обострения агрессивности» [5].

Хотя Эйзенхауэр заверял, что американское устройство не создавалось в интересах обороны и что полученные с его помощью научные данные станут достоянием всех народов планеты, включая Советский Союз, президент США определенно «поигрывал мускулами». Не случайно решение о постройке и запуске ИСЗ было обнародовано всего лишь через несколько часов после официального публичного заявления о запасах водородных бомб, которые создавались в последние шесть месяцев по прямому указанию президента Эйзенхауэра[6].

Мало того, согласно высказываниям представителя Национального фонда науки США (National Science Foundation), одной из причин объявления о запуске американского спутника было желание «развеять серьезные опасения, будто Россия обогнала США в спутниковой гонке»[7], ибо Советский Союз уже заявил о своих планах запустить ИСЗ (хотя и меньшего размера, чем тот, который первоначально планировал построить Вернер фон Браун). Что касается фон Брауна, то он вообще рассматривал идею создания орбитальной станции, вооруженной не только телекамерами, но и крылатыми атомными и обычными бомбами, которыми можно нанести удары по любой точке планеты. Перечень милитаристских планов и заявлений, так или иначе связанных с началом космической эры, можно продолжить, но и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы понять — космос с момента появления возможности освоения его человечеством стал играть важную роль в военно-стратегическом противостоянии СССР и США.

Отступление первое: Вернер фон Браун

8 сентября 1944 г., Лондон. Около семи часов вечера раздается звук, отдаленно напоминающий шум идущего по мосту поезда. Гул делается все громче и обрывается грохотом взрыва в районе Чизвик. Лондонцы переглядываются — кто с испугом, кто с удивлением. Ведь воздушной тревоги не объявляли, да и характерного рокота моторов над головами слышно не было. Понятно, уставшим от бомбардировок жителям Туманного Альбиона было все равно, что же в тот день, 8 сентября, разворотило городскую улицу. Но, думается, если бы они знали — что, и были способны взглянуть на это событие через толщу последующих десятилетий, то наверняка поспешили бы на место падения таинственного разрушителя, а может, даже и попытались найти его остатки. Ведь именно в тот день Земля, пусть и таким печальным способом, по-настоящему вступила в ракетный век. А помогло ей

сделать это похожее на веретено семнадцатиметровое металлическое тело с тремя крылышками-плавниками, плотно прижатыми к нижней части корпуса. За несколько минут до падения на Лондон оно оттолкнулось огненным хвостом от стартового стола, расположенного рядом с Гаагой — столицей оккупированной немцами Голландии. Данная ракета, обезличенная под ничего не говорящим индексом А-4 (А означало «агрегат»), также известная, как V-2, или «Фау-2», стала настоящим символом машинной мощи того времени. Почти 13 тонн ее веса выстреливались вверх с силой, превышающей 25 тонн, а двигатель, развивавший такую тягу, «съедал» 120 килограммов спиртово-кислородного топлива в секунду. Целых 460 лошадиных сил (две трети мощности мотора тяжелого танка «Тигр») вращали одни лишь турбонасосные агрегаты, подававшие горючее в этот маленький «вулкан». В тот же день, 8 сентября, пережить чувства удивления и страха пришлось и жителям Парижа, которых также «навестила» «Фау-2».

...16 июля 1969 года, четверть века спустя. Со стартовой площадки космодрома на мысе Канаверал в штате Флорида медленно поднимается гигантская ракета «Сатурн-5», своим «ростом» заметно обогнавшая символ Америки — знаменитую статую Свободы. Белый узкий цилиндр длиной 110 метров и массой 2 790 тонн сначала неохотно, а потом все быстрее уходит навстречу палящему солнцу. Пять двигателей первой ступени, толкающие огромную машину от Земли с силой в 3 375 тонн, пожирают каждую секунду почти 15 тонн кислородно-керосинового коктейля, а турбонасосные агрегаты, подающие эту смесь в камеры сгорания, развивают мощность 30 дизельных локомотивов. В некоторых домах, расположенных в радиусе десяти километров от стартового комплекса, вылетели стекла, а отдаленные отзвуки непереносимого рева долетели до Нью-Йорка, находящегося от мыса Канаверал более чем в 1 500 километрах. Проходит еще четыре дня, и с поверхности Луны на антенны центра управления полетом в Хьюстоне придет фраза, которую в режиме реального времени транслируют все ведущие телекомпании мира: «Орел» (название посадочного модуля «Аполлона-11») приземлился», а еще через шесть с лишним часов: «Один небольшой шаг для человека, но громадный скачок для всего человечества». Слова эти скажет Нил Армстронг — первый представитель земной цивилизации, ступивший на другую планету.

При всей несхожести данных событий — бомбардировке Лондона и высадке на Луне — было то, что их объединяло (а точнее — тот, кто их объединял). Основным техническим творцом достижения, которое, как когда-то запуск спутника и полет Гагарина, всколыхнуло всю мировую цивилизацию, был главный создатель «Фау-2» и «Сатурна-5», немецкий конструктор, эмигрировавший после окончания Второй мировой войны в США, Вернер фон Браун.

«...Вернер, если так будет продолжаться и дальше, нам придется либо вставить в окна фанеру, либо поселить в доме стекольщика», — барон Магнус фон Браун укоризненно смотрит на среднего сына. В оконном проеме их семейного особняка торчат блестящие осколки — результат поломки «системы управления» обычной фейерверочной петарды, из которой десятилетний сын пытался сделать некое подобие ракеты. Впоследствии барон фон Браун весело вспоминал: «Главное, что мне запомнилось о его детстве, — это абсолютная бесплодность всех моих попыток воздействовать на него родительским авторитетом. Наставления, отцовская строгость, дипломатичность — все было впустую. Любая попытка усовестить или убедить в неприемлемости такого поведения была для него не более чем каплей воды, или нет, даже ртути, не оставляющей после себя никакого следа. Вскоре я сдался и стал просто смотреть, как он растет. Как же я теперь рад, что так поступил — это было лучшее, что я сделал в своей жизни».

Фон Брауны могли проследить свою генеалогию начиная с 1285 года. В их роду имелись рыцари, землевладельцы, губернаторы, юристы, дипломаты, генералы и даже ректоры духовных семинарий. Но вот кем не могли похвастаться благородные фон Брауны, так это — инженерами и учеными. До Вернера среди них не было ни одного представителя точных дисциплин. Откуда же взялись подобные способности у будущего основоположника

практического ракетостроения? «Он унаследовал их от матери, — уверенно заявлял его отец. — Она была исключительным сосредоточием различных талантов. Я вообще считаю, что у моих детей была лучшая мать, какую они только могли пожелать».

Что правда, то правда. Биографы фон Брауна считают, что отношения Вернера с его матерью были отмечены редко встречающейся печатью человеческой близости, искренности и тепла. Он мог бы сказать о ней те же слова, какие в свое время его отец произнес о своей матери: «Моя мама со своей идущей из самой глубины сердца неиссякаемой любовью к людям и животным, с неподдельным интересом практически ко всему на свете, была для нас, ее детей, просто центром Вселенной».

Баронесса Эмми фон Браун, урожденная Квисторп, была настоящей «гранд леди» с аристократичными манерами и не менее аристократическими предками. Знала шесть европейских языков и установила в семье традицию — каждый день разговаривать друг с другом на одном из них. Была вхожа в высшее общество, но при этом с одинаковой простотой, мягкостью и человечностью общалась как с графами и баронами, так и с садовниками и кучерами. Именно она купила Вернеру на тринадцатилетие телескоп, через который он, собственно, и увидел цель, к которой потом стремился всю жизнь.

Подарив сыну астрономический прибор, Эмми не только открыла ему двери в науку. Она же научила его играть на пианино — искусство, которым Вернер овладел в таком совершенстве, что уже в 15 лет написал несколько пьес. Впоследствии к фортепьяно добавилась еще и виолончель. С музыкой он не расставался никогда. Друзья и коллеги вспоминали, как фон Браун, будучи уже известным конструктором, иногда отбрасывал в сторону карандаш и садился за пианино, если таковое оказывалось поблизости. Его любимым композитором был Бах. Играл он, как правило, без нот, но при этом никогда не ошибался.

Когда Вернеру было десять лет, на вопрос Эмми, чем бы тот хотел заниматься, когда вырастет, он с той же интонацией, с какой дети его возраста обычно отвечают: «пожарником», «моряком» или «летчиком», ответил: «Хочу помочь колесу прогресса крутиться еще быстрее». Однако перспектива того, что он «выкатится» из школы раньше, чем доберется до этого «колеса», была вполне реальна: почти все время он мастерил какие-то машины и механизмы, а «успехи» по математике и физике — хуже некуда. Поэтому, когда в 1925 г. Вернеру исполняется 13 лет, родители приняли решение перевести сына в школу-интернат в Эттерсбурге, где тот будет почти под постоянным наблюдением педагогов и воспитателей. Из любимых вещей разрешено взять только телескоп — никаких ракет и «ракетомобилей».

Не дали захватить их с собой? Ну и что! Есть же книги, где написано, как построить еще большие и лучшие машины. Вот, например, одна из них: «Ракеты в межпланетном пространстве», написанная двадцатисемилетним теоретиком космических полетов Германом Обертом. Хорошо, что она попала Вернеру на глаза. Теперь, после внимательного прочтения, Вернер точно знает, что нужно сделать в ближайшем будущем. Первое — основательно изучить математику, второе — стать пионером освоения космоса.

Первая цель блестяще достигнута: уже через пару лет директор школы попросил Вернера заменить заболевшего учителя математики и вместо него провести занятие по этому предмету со своими одноклассниками. Что касается второй, тут фон Браун в лучшем случае стал «одним из». Титула «пионер космонавтики» его лишил советский конструктор Сергей Павлович Королев, запустивший в 1957 г. в космос первый искусственный спутник Земли (ИСЗ).

Но до того момента еще 30 лет. А пока, 15 февраля 1927 года, в «Журнале для германской молодежи» Вернер публикует свою первую статью под названием «Путешествие на Луну: астрономические и технические аспекты». В том же году он, пятнадцатилетний юнец, отправляет самому Оберту письмо, в котором, в частности, есть такие строки: «Я знаю, Вы верите в будущее ракет. Я тоже. Оттого и беру на себя смелость послать Вам небольшую работу по ракетостроению, которую недавно написал». Оберт, с его

поразительным чутьем на таланты, ответил парнишке: «Не останавливайтесь, молодой человек! Если Вы продолжите в том же духе, то наверняка станете способным инженером!».

Встреча двух ракетчиков произошла в 1930 году, когда Вернер стал студентом Берлинского технического университета. Летом того же года он уже помог Оберту и двум его соратникам в строительстве неподалеку от Берлина базы для ракетных экспериментов. Их совместная работа и дружба длилась почти 50 лет, до смерти будущего отца «Фау» и «Сатурна» (родившись на 18 лет раньше фон Брауна, Оберт пережил его на 12 лет). Там, в стенах одного из лучших инженерных учебных заведений страны Вернер понимает: чтобы построить ракету — концентрированное воплощение самых передовых знаний в области механики, нужно очень хорошо разбираться в технике вообще. И он проходит практику на локомотивном заводе Борзига в Берлине. Но ракета интересна ему не сама по себе, а лишь как средство, которое доставит человека к иным мирам.

Как представитель человечества перенесет стартовые и посадочные перегрузки? И вот уже крутится сделанная из велосипедного колеса центрифуга, на которой совершают «полет» белые мыши. Правда, эти эксперименты в области «космической медицины» довольно скоро прекратила квартирная хозяйка Вернера. Ей не понравилось, что стены комнаты ее квартиранта, где проходили опыты, забрызганы мышьиной кровью. Впрочем, подобный запрет, как позднее вспоминал фон Браун, не очень-то его расстроил. Испытания, которым он подвергал несчастных созданий, не доставляли ему никакой радости, да и не очень-то он верил в то, что данные, полученные в результате подобных экспериментов, помогут людям быстрее освоить космос.

Там же, в техническом университете, проявилась еще одна страсть фон Брауна — полеты. Довольно скоро он становится опытным летчиком-планеристом. Позже, переехав в США после окончания войны, он получил все мыслимые пилотские категории, включая право совершать коммерческие полеты на многомоторных самолетах, да к тому же в сложных метеоусловиях. Последний «трофей» в его пилотской коллекции — лицензия на управление гидросамолетом, обладателем которой он стал в 60 лет.

Тепловозы, центрифуга, самолеты... Все это, конечно, способствует приближению к главной цели — полету в космос. Но без надлежащего финансирования данный полет так и останется мечтой. Где же взять деньги на столь дорогостоящее предприятие? В ослабленной Первой мировой войной и экономическими кризисами Германии есть только одна организация, способная выделить на это средства — армия.

В стране, униженной условиями Версальского мира 1918 г., идеи восстановления поруганной национальной гордости и прежнего влияния на мировой арене приобретали все большую популярность. Политики понимают — без мощных вооруженных сил, оснащенных по последнему слову техники, это сделать невозможно. Следовательно, есть шанс, что власть имущие профинансируют разработку и создание ракет как нового типа оружия, тем более что это, в отличие от военной авиации, не запрещено Версальским договором.

Понятно, откуда взять деньги, но как подступиться к этому «кошельку»? Помог случай. Однажды пассажирами таксомотора, который девятнадцатилетний Вернер водил для пополнения своего скудного студенческого бюджета, оказались Вальтер Дорнбергер и Риттер фон Хорстиг — руководители зарождавшейся ракетной программы вооруженных сил Германии. Пытаясь максимально соблюсти нормы приличия, фон Браун сделал несколько комментариев по предмету их профессионального разговора. Этого оказалось достаточно, чтобы получить приглашение на беседу в главный штаб сухопутных сил. Результатом встречи стал контракт, который в 1932 г. подписал фон Браун с военными на работы в области ракетостроения. Мог ли он предвидеть, что заключает союз с дьяволом? Позже он вспоминал: «Было очевидно, что деньги и материальная база армии давали единственную реальную возможность подступиться к космическому полету, Гитлер для нас в то время был не более чем напыщенным дураком»...

Первоначально работы ведутся на испытательном полигоне в Куммерсдорфе, в 100 км к югу от Берлина. Ракета «Мирак II», созданная при участии Вернера, поднимается на

высоту 60 м., после чего начинает «беситься» и падает, прежде чем над ней раскрывается парашют. (Мирак означает «минимальная ракета», или ракета «проще некуда». Вот какой бесхитростный смысл скрывался в этом загадочном имени.)

Присутствовавшие на испытаниях представители департамента по боеприпасам не знают — продолжать финансирование «летающей петарды» или нет. Все заказы на изготовление необходимых деталей, которые фон Браун отсылает в Артиллерийское управление сухопутных войск, выполняются как «неприоритетные», с большой задержкой. Вернер и «штат» его сотрудников, состоящий из одного механика, находят нетривиальное решение: используя обычный телефонный справочник, обзванивают проживающих поблизости жестянщиков, инструментальщиков, сварщиков и так далее, с просьбой о помощи. Помощь приходит, а вместе с ней — удача. Ракеты «А-1» и «А-2» достигают высоты 2,5 км, что расценивается, как полный успех.

30 января 1933 г. «напыщенный дурак» становится рейсканцлером Германии. Как отреагировал на это Вернер? Скорее всего никак. Он был слишком занят своими ракетами. Но известно — его отец вскоре после прихода Гитлера к власти вышел в отставку с высокого государственного поста и поселился в родовом имении в Силезии. А в 1935 г. для ракетного полигона находят новое место — на острове Узедом, расположенном в Балтийском море в 180 км к северу от Берлина. В 1937 г. после двух лет строительных работ там открывается центр германского ракетостроения, получивший имя расположенной поблизости рыбацкой деревушки Пенемюнде.

...Лето 1943 г. Безупречно стартовав, ракета А-4 (будущая «Фау-2») достигает высоты 30 м., после чего заваливается набок и через несколько секунд разносит в щепки несколько самолетов, стоящих на аэродроме в западной части Пенемюнде — там, где Люфтваффе испытывают управляемые ракеты (или крылатые бомбы) «Фау-1», запускаемые с бомбардировщиков. За стартом наблюдает небольшая группа людей. На лице одного из них, одетого в черную военную форму с высшими знаками различия СС, появляется саркастическая улыбка:

– Теперь у меня не осталось сомнений, что это оружие следует как можно скорее заказать для сухопутных сил в качестве крупнокалиберного артиллерийского снаряда.

– Рейсхфюрер, — один из сотрудников Пенемюнде нашел в себе мужество ответить Гиммлеру в его же духе, — зато теперь вы можете с полным на то основанием называть это «оружием возмездия».

Намек был более чем прозрачен: за несколько дней до этого инцидента «Фау-1» — продукт «смежников» с западной части Пенемюнде, сделала большую воронку рядом с цехами, где собирали А-4.

3 октября 1943 г. ракета А-4 достигла высоты 85 км, пролетев при этом 190 км. Машина явно продемонстрировала свой боевой потенциал. Вожди Третьего рейха наконец-то обращают более пристальное внимание на новое «чудо-оружие». Особую инициативу стал проявлять Гиммлер. Стремясь укрепить вес и влияние своего ведомства, он берет под личный контроль работы по А-4. Впрочем, подобные попытки предпринимались им и раньше. В мае 1940 г. фон Брауну был «пожалован» чин унтершарфюрера СС (примерно — старшего лейтенанта). Вернера весьма огорчило такое проявление благосклонности рейсхфюрера. По совету ближайших друзей и помощников он все же решил принять этот «дар». Отвергнуть его означало бы навлечь на себя гнев Гиммлера с непредсказуемыми последствиями. Теперь же, три года спустя, люди в черных мундирах зачастили в Пенемюнде. Вернер понимает — с этими типами лучше не связываться, но сдержать сарказм при виде их вызывающей самоуверенности порой оказывается выше его сил.

– Господин фон Браун, сколько вам потребуется времени, чтобы подготовить А-4 к войсковым испытаниям? — эсэсовец говорит таким тоном, словно отдает команду: «Смирно!».

– Три месяца.

– А если я отряжу 200 офицеров СС вам в помощь?

– В этом случае, господин штандартенфюрер, потребуется от шести до восьми месяцев, чтобы устранить те поломки, которые понаделают в ракете эти ничего не понимающие в ней люди.

Ладно, тот хоть пытался помочь, но этот самовлюбленный индюк, похоже, вздумал учить его организации труда.

– Доктор фон Браун, что за бумажный бардак вы развели у себя на столе! Просто видеть невыносимо! Когда мой генерал работает в своем кабинете в Берлине, перед ним всегда лежит только один лист бумаги.

– Охотно верю и даже знаю, что это за бумага — наверняка та, в которую жена завернула для него бутерброд.

Все эти мелкие стычки доводятся до сведения Гиммлера и постепенно вызывают в нем крайнее раздражение. Этот чертов интеллигент хочет быть чистеньким! Будто не знает, что на его производстве работают тысячи заключенных концлагерей. Пришла пора доказать ему, что он ничуть не лучше тех, от кого тщательно старается дистанцироваться. В июне 1943 г. фон Брауна повышают до звания штурмбанфюрера СС (майора). А в феврале 1944 г. рейхсфюрер вызывает его для личной беседы.

– Надеюсь, вы понимаете, что ваша ракета А-4 перестала быть игрушкой, — Гиммлер не сводит с лица фон Брауна своего ничего не выражающего взгляда, — полагаю, вам уже порядком надоели ваши начальники-фронтовики, которые не видят большой разницы между солдатами в окопах и инженерами, создающими новую технику. Почему бы вам не стать моим непосредственным сотрудником? Это бы дало вам прямой доступ к фюреру, от которого вы получили бы куда больше поддержки, чем от этих «великих» полководцев.

– Господин рейхсфюрер, — фон Браун старается тщательно подбирать слова, но его обычная манера использовать аллегории для иллюстрации своих мыслей, похоже, в этот раз оказывает ему сомнительную услугу. — Видите ли, задержки с испытаниями А-4 носят технический, а не организационный характер. Это пока еще маленький росток цветка, которому, чтобы распуститься, нужны строго определенные дозы солнечного света, воды, тепла, удобрений, а также умелый садовник. Боюсь, вы намерены вылить на наш цветочек большое ведро жидкого навоза, а это наверняка убьет его...

На этом разговор с Гиммлером закончился. Вскоре после их встречи, однажды в два часа утра Вернера разбудили трое сотрудников гестапо и вместе с еще двумя специалистами из Пенемюнде отвезли в тюрьму. Вернер провел там две недели, пока ему предъявили обвинение в том, что он использовал средства армии для разработки не боевой, а космической ракеты. Надо сказать, что основания для подобных подозрений у «черных мундиров» были. А-4Б — одноступенчатая ракета с крыльями, могла пролететь 450 км, а ее увеличенная двухступенчатая преемница А-9/А-10 — уже 3000 км.

«Зимой 1944-1945 гг., — вспоминал фон Браун, — мы произвели испытательные пуски двух ракет А-9. Первый был неудачным, а в ходе второго управляемая ракета с крыльями, видимо, впервые преодолела звуковой барьер». Впрочем, далеко улететь она не смогла. Вскоре после успешного старта А-9 перешла в глубокое пикирование, в ходе которого у нее отлетели крылья. «На наших проектных чертежах А-9, — продолжал фон Браун, — была уже герметичная кабина вместо боеголовки, а также посадочные шасси! Мы держали эти чертежи втайне от посетителей из Артиллерийского управления сухопутных войск, но при этом продолжали расчеты и выяснили, что А-9 сможет доставить пилота на расстояние 640 км за 17 мин».

Дальше — больше. Оказалось, если А-9 разместить в качестве второй ступени на более мощном носителе А-10, машина сможет перенести своего обитателя со сверхзвуковой скоростью уже через Атлантику. А за А-10 уже проглядывали контуры еще не существующей даже в виде чертежей А-11 — машины, которая могла бы стать первой ступенью трехступенчатого космического корабля.

«Подобная комбинация, — уверял фон Браун, — сможет запустить А-9 с человеком на борту на орбиту искусственного спутника Земли. Следующим шагом будет выведение в

космос постоянно обитаемой станции...»

Разумеется, подобные планы по освоению внеземного пространства могли вызвать у руководства Третьего рейха какие угодно чувства, но только не симпатию. Трудно сказать, как сложилась бы судьба фон Брауна после ареста, если бы не заступничество высшего армейского начальства. Вернер был условно освобожден на три месяца, а потом и амнистирован — нужно было «доводить до ума» А-4.

...Наступило 8 сентября 1944 г. Над Лондоном и Парижем оседает кирпичная пыль, поднятая взрывами ракет, отныне официально называемых «Фау-2» (означает «оружие возмездия» — имя, данное А-4 министром пропаганды Геббельсом). Доретт Кирстен, секретарь Вернера в то время, вспоминает: «Фон Браун был совершенно подавлен. Никогда — ни до, ни после — мне не приходилось видеть его таким печальным, таким опустошенным. „Это не должно было произойти, — сказал он. — Я всегда надеялся, что война закончится до того, как они запустят А-4 по настоящей цели. Мы создавали наши ракеты, чтобы проложить дорогу к другим мирам, а не сеять разрушение на земле. Неужели это и есть результат нашей работы?“».

Но, увы, был и еще один, не желаемый фон Брауном продукт его деятельности в Пенемюнде. Начиная с апреля 1943 г., Рейх все активнее начинает использовать узников концлагерей в широкомасштабном производстве А-4. В августе 1943 г. Пенемюнде был буквально смешан с землей 600 британскими тяжелыми бомбардировщиками «Ланкастер». Фюрер отдает приказ: «Стратегическую промышленность — под землю». В сентябре 1943 г. первые компоненты А-4 создаются в цехах завода Миттельверк, расположенного в полуторакилометровой пещере, прорытой в горе неподалеку от города Нордхаузен. Эта гигантская рукотворная «нора» была построена обитателями близлежащих концлагерей Дора и Элрих. Несмотря на приказ Гитлера не использовать никого, кроме немцев, в ракетном производстве, 90% из задействованных там узников были представителями других национальностей.

Знал ли фон Браун о том, что его ракеты создаются при участии рабов в арестантских одеждах? Да, знал. По его словам, то, что ему приходилось наблюдать в Миттельверке — ужасало. Стремясь облегчить положение узников, он и один из технических руководителей программы А-4 Артур Рудольф (по некоторым данным вначале с энтузиазмом одобрявший использование подневольного труда в Миттельверке) апеллируют не к гуманизму (это было бы бесполезно), а к практичности эсэсовских бонз: «Как вы можете требовать от заключенных качественной работы, если они еле держатся на ногах?» Трудно сказать, в какой степени подобные аргументы облегчили жизнь и работу узников, но одно известно точно: за 5784 А-4/«Фау-2», покинувших цеха Миттельверка, было заплачено жизнями 20 000 гитлеровских невольников, как умерших от истощения и неимоверно тяжелых условий труда, так и казненных по обвинению в саботаже.

...Весна 1945 г. Фон Брауну и его сотрудникам ясно — впереди плен, либо советский, либо американский. Вернер выбирает второе, видимо, понимая, что ему, штурмбанфюреру СС, несмотря на пользу, которую он может принести СССР как конструктор, не придется рассчитывать на снисхождение со стороны Москвы. Любопытно, что впоследствии этот его шаг одобрили даже представители советской космической отрасли. Так, после завершения полета «Аполлона-11», ознаменовавшего собой поражение СССР в «лунной гонке» с Америкой, один из руководителей этой отрасли пошутил:

– Это все Черток виноват (Б. Е. Черток — один из ближайших соратников Королева, изучавший вместе с ним в Германии трофейную немецкую ракетную технику. — Ю. К.). В 1945 г. он задумал украсть у американцев фон Брауна и с задачей не справился.

– И очень хорошо, что эта авантюра мне и Васе Харчеву не удалась. Просидел бы у нас фон Браун без толку на острове, потом отправили бы его в ГДР. Там как бывшего нациста никуда бы не допустили. А так с помощью американцев он осуществил не только свою мечту, но и мечту всего человечества, — с обидой ответил Черток[8].

Но до реализации той мечты было еще 20 с лишним лет. А пока 2 мая 1945 г. брат

Вернера Магнус, свободно говорящий по-английски, встречается с представителями передовых американских частей и обговаривает условия сдачи в плен фон Брауна с его командой. «Семена» упали на более чем благодатную «почву». Свидетельство тому — приказ генерала Дуайта Эйзенхауэра, главнокомандующего экспедиционными союзными войсками в Европе и будущего президента США: «Арестовать более 400 ведущих исследователей и разработчиков из Пенемюнде... Идеи научных руководителей этой группы обогнали американские на 25 лет... Рекомендую 100 наилучших специалистов немедленно переправить в США...» Германские конструкторы как «хлеб и воздух» были нужны для «Проекта Гермес» — американской программы создания ракет дальнего радиуса действия для военных и научных целей.

Так фон Браун и 500 его коллег оказались в Соединенных Штатах, а вместе с ними и комплекты для сотни «Фау-2». Чтобы их перевезти, потребовался 341 железнодорожный вагон. Со временем в США были переправлены и семьи творцов этой машины. Первоначально работы немецких инженеров развернулись в штатах Техас и Нью-Мехико. На территории последнего располагался Уайт Сендз — основной ракетный полигон Соединенных Штатов, где в основном и проводились испытания «Фау-2». В Америке у ракет этого типа была куда более долгая, хотя и менее интенсивная жизнь, чем в Германии. В Рейхе с момента первого испытательного запуска «Фау-2» до падения Берлина прошло лишь два с половиной года, но за это время было произведено более 3000 пусков машины. В США не менее 70 «Фау» оторвались от земли, но на это ушло шесть с лишним лет — с апреля 1946 по сентябрь 1952 г. Большинство из них вместо боеголовок были оснащены научной аппаратурой для исследования верхних слоев атмосферы.

Несмотря на теплый прием, оказанный американским правительством немецким конструкторам, фактически они были на положении если не пленных, то «находящихся на привязи» (включая ограничение свободы передвижения) в течение пяти лет после прибытия в США. Лишь в 1950 г., когда конгресс и Белый дом поняли, что германские инженеры необходимы для развития долгосрочной ракетной программы Соединенных Штатов, фон Брауну и его коллегам был предоставлен официальный статус иммигрантов. Сам «отец» «Фау-2» стал гражданином США в 1955 г.

Но еще до этого в жизни Вернера случилось событие, без которого он вряд ли когда-нибудь мог сказать, что его жизнь наконец-то вошла в нормальное русло. Однажды, в феврале 1947 г., он исчез из Форта Блисс, местечка рядом с тexasским городом Эль Пасо, где жили германские специалисты, и появился лишь через пару недель, но уже не один. Вместе с ним была та, что сопровождала его потом всю жизнь. Мария фон Браун, урожденная Квисторп, была его «полукузиной» — у них был общий дед. Тридцатипятилетний Вернер был старше ее на 17 лет и потом в шутку говорил, что захотел жениться на ней в тот момент, когда еще юношей держал ее на руках в церкви во время обряда крещения. Они прожили вместе 30 лет. В 1948 г. у них родилась первая дочь Ирис, через четыре года — Маргит, а в 1960 г. — сын Петер.

Немцам создали максимально комфортные условия не только для жизни, но и для работы. Но вот парадокс — правительству будто и не нужны эти ракеты — по крайней мере если судить по крошечному финансированию, которое оно выделяет на их создание. Значит, опять к космическим далям через союз с «демоном» войны? Пусть так, если нет другого выхода. «Запад вынужден вооружиться до зубов в интересах сохранения хрупкого мира на этой истерзанной земле, — пишет Вернер в обосновании разработки и постройки многоступенчатой боевой ракеты. — Мы должны отыскать принципиально новый фактор сдерживания Третьей мировой войны — на том поле, где пробное «бурение» уже подтвердило наличие огромного количества «сокровища», которое мы ищем... «Поле», которое я имею в виду, — это ракеты». Впрочем, фон Браун предлагал вложить в руку американскому «Марсу» не только ракету. Позже он выдвинул идею орбитальной станции с атомными бомбами на борту, способной сбросить их на голову потенциального противника в любой точке траектории своего полета.

Холодная война между СССР и США действительно способствовала росту интереса в обеих странах к ракетному оружию как к фактору сдерживания. С 1950 по 1960 г. фон Браун занимает соответственно посты: руководителя отдела разработки управляемых ракет, затем — директора оперативного отдела развития баллистических ракет. Результатом его работы стали ракета «Редстоун» и ее более «дальнобойная» модификация «Юпитер». Обе они поступили на вооружение американских баз в Европе и Турции в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Эти машины стали единственными в многочисленном боевом ракетном арсенале США, разработанными под непосредственным руководством фон Брауна.

Много лет спустя после прибытия в США фон Браун признался друзьям: «Когда я ступил на американский континент в 1945 г., у меня была одна жгучая надежда, а именно, что этот шаг позволит мне внести свой вклад в запуск первого искусственного спутника Земли».

Это произошло, но в СССР. Президент Эйзенхауэр не считал, как премьер Хрущев, что освоение космоса способно сыграть решающую роль в борьбе между капитализмом и социализмом, а потому он, в отличие от советского коллеги, не стал осуществлять тотальную мобилизацию научно-технического и экономического потенциала страны ради космических побед.

Не последнюю роль в неудачном для США начале «космической гонки» сыграло и отношение к космической деятельности американцев в погонах. Специальный технический комитет, созданный Пентагоном в 1947 г. для оценки перспектив использования спутников, не нашел возможностей для их военного применения. На основании выводов данного комитета министр обороны США Джеймс Форрестол заявил в 1948 г., что вся деятельность Соединенных Штатов в области создания рукотворных орбитальных объектов будет ограничена лишь предварительными исследованиями и разработками отдельных элементов спутников. Однако тормозящее воздействие военных на процесс появления первого американского спутника не ограничилось лишь их неспособностью увидеть его разведывательный потенциал. Даже когда в середине 1950-х годов работы по проектированию ИСЗ все же начались, они были в значительной степени затруднены конкурентной борьбой между сухопутными войсками, военно-воздушными и военно-морскими силами, которую те вели за первенство в запуске спутника. В основе борьбы лежали, в первую очередь, личные амбиции руководителей армии, авиации и флота. Данная ситуация была весьма четко отражена в карикатуре, появившейся 21 ноября 1957 г. в газете «Вашингтон Пост», через месяц с лишним после запуска первого советского ИСЗ. Двое военачальников, каждый из которых, очевидно, представлял свой вид вооруженных сил, смотрят вверх на пролетающий над ними спутник с серпом и молотом на борту. И тот и другой с облегчением вытирают пот со лба и говорят: «Слава Богу! Я уж подумал, что это запустил кто-то из «смежников» (в смысле, из другого вида вооруженных сил США)».

К СЛОВУ

О том, какое влияние оказывало соперничество между ведомствами трех видов вооруженных сил США на планирование в американской космической программе, и как трепетно относилось руководство НАСА к тому, чтобы, не дай Бог, не обидеть кого-либо из них, говорит следующий эпизод.

В январе 1961 г. в агентстве решался вопрос — в какой очередности семь астронавтов, отобранных для программы «Меркурий» (с нее начиналась история пилотируемых космических полетов в США), отправятся в космос. Боб Гилрут, руководитель программы, расположил первую тройку в следующем порядке: Алан Шепард, Гас Гриссом и Джон Гленн. О том, почему сделан именно такой выбор и какую реакцию он вызвал среди «звездоплавателей» (так с греческого переводится слово «астронавт». — Ю. К.), лучше всего расскажет Дик Слейтон. Он был одним из наиболее опытных летчиков-испытателей из этой «семерки» и имел все основания надеяться на то, чтобы войти в

число «самых первых»:

«[Я] не мог поверить, что не включен даже в первую тройку. То, что остальные трое испытывали такой же шок (от подобного выбора. — Ю. К.), [меня] не касалось. В какой-то момент [я] стал сомневаться — а удастся ли мне вообще слетать? Неужели в этом виновата аритмия? (у Слейтона были определенные проблемы со здоровьем. — Ю. К.).

[Я] потерял контроль над чувствами. Я был шокирован, уязвлен и невероятно унижен... Я взглянул на Алана. Он побледнел и уставился в пол. Затем ему удалось растянуть губы в некое подобие улыбки. Несмотря на чувства, которые испытывал в тот момент, я напомнил себе, что Шепард не только офицер ВМС, но еще и чертовски классный летчик-испытатель.

Внезапно правда шарахнула меня между глаз. Ну конечно! Политика! Когда бюджет НАСА переживал не лучшие времена, Гилруту приходилось играть на «струнах банджо», натянутых конгрессом. [А потому не удивительно, что из-под его пальцев вышли следующие «ноты»]: представитель ВМС — Шепард, представитель ВВС — Гриссом и представитель корпуса морской пехоты (самостоятельный вид вооруженных сил в США. — Ю. К.) — Гленн. (Таким образом НАСА «потрафило» лоббистам флота, авиации и морской пехоты среди законодателей. — Ю. К.) Что касается сухопутных сил, то у них не было своих летчиков-испытателей. В общем, ни один из видов вооруженных сил не мог предъявить Гилруту претензий. Даже заступающий в должность новый президент. Шепард и Кеннеди — оба офицеры ВМС. Можно дать стопроцентную гарантию, что это никакое не совпадение. Кеннеди — знаменитый командир торпедного катера. Кеннеди — герой войны на море. Все вполне объяснимо» [9].

Попытка избежать ситуации, когда авиационный «лебедь», сухопутный «рак» и морская «щука» тянули в разные стороны «воз», на котором лежал проект первого американского спутника, была предпринята в 1955 г. Тогда уже упомянутый замминистра обороны Дональд Куарелс учредил комитет во главе с Гомером Стюартом — профессором физики из Калифорнийского технологического института. В задачу данного органа входило определить, какой из трех проектов ИСЗ является наилучшим. В августе 1955 г. голоса девяти членов комитета распределились так: шесть — за проект ВМС «Авангард», три — за представленный сухопутными войсками «Орбитер». Что касается спутника ВВС, он даже не рассматривался, поскольку под него не было носителя. Подчеркивая «плюсы» своего предложения, фон Браун, работавший под эгидой сухопутных войск, говорил: «Сравнивая наш проект с проектами, выдвинутыми ВВС и ВМС, необходимо отдавать себе отчет в том, что мы тщательно старались избежать использования техники, которая нуждалась еще в значительной разработке... У нас уже был носитель, который успешно прошел летные испытания...» То есть, как будет видно в дальнейшем, фон Браун исповедовал вполне «советский» подход к запуску Первого ИСЗ.

Решение комитета Стюарта имело довольно драматические последствия для судьбы спутника, предлагавшегося командой немецкого конструктора. Министр обороны отдал приказ сухопутным силам прекратить все работы по созданию ИСЗ и сконцентрироваться на разработке боевых ракет. Когда о распоряжении узнали те, кто проектировал «Орбитер», они не могли поверить в это. Их общее настроение можно выразить следующими словами: «В конце концов, мы хотели запустить американский, а не армейский, или хантсвиллский, спутник (город Хантсвилл, штат Алабама — место, где работала группа фон Брауна. — Ю. К.). Мы знали, что идем «ноздря в ноздю» в «космической гонке» с Советами, и как трудно будет для команды «Авангард» выполнить свое обещание, с учетом тех абсолютно новых элементов конструкции, которые им предстоит создать, включая ракетный двигатель».

Однако фон Браун не потерял своего традиционного оптимизма. Он предложил продолжить работу над верхней ступенью носителя типа «Юпитер-С», который представлял из себя модифицированную ракету «Редстоун». Ступень эта разрабатывалась для испытания носового обтекателя «Юпитера». И вот когда придет время и их снова попросят

подключиться к работам по ИСЗ (а фон Браун не сомневался, что это скоро произойдет), то они быстренько возьмут эту третью ступень, «посадят» на нее спутник, слегка модифицируют систему управления носителем и... готово дело! Первый рукотворный объект отправится на орбиту.

Когда изучаешь историю создания предтечи всех прочих американских ИСЗ, порой отказываешься верить в правдоподобность событий, вокруг него разворачивавшихся. Так, американские военные были куда больше озабочены тем, чтобы соблюсти все приказы и инструкции, чем тем, чтобы первыми запустить в космос спутник. Классический пример: 20 сентября 1956 г. от земли оторвался двухступенчатый «Юпитер-С». Но это случилось лишь после того, как представитель Пентагона убедился — под носовым обтекателем не скрывается третья ступень, способная «невзначай» запуститься и вывести полезную нагрузку на круговую околоземную орбиту.

Надо отдать должное способности фон Брауна подчинить личные амбиции пользе дела: когда стало ясно, что ВМС не «вытягивают» свой «Авангард», он и его коллеги стали (причем неоднократно) предлагать морякам свою помощь. Более того, они даже соглашались с тем, чтобы проект по-прежнему назывался «Авангард» и считался военно-морским. Но ВМС ответили «нет».

Когда фон Браун узнал о запуске ИСЗ в СССР, то был чрезвычайно удручен — если бы не организационные просчеты военного командования и политиков, его носитель вывел бы искусственный спутник на орбиту Земли за два года до советского. В качестве объяснения причин проигрыша Советам начального, «спутникового» этапа «космической гонки», он привел выдержку из доклада, написанного одним из американских участников Международного астронавтического конгресса в Барселоне. Конгресс этот открылся в день запуска первого советского ИСЗ. В докладе содержалось изложение беседы этого делегата с профессором Леонидом Седовым — советским участником конгресса и одним из «околоспутниковых» персонажей (о нем пойдет речь далее). Вот, что сказал Седов:

«Одно мы [в Советском Союзе] не могли понять: почему вы выбрали такой сложный, трудный и [не связанный с уже имевшимися у вас разработками] путь создания носителя для вашего спутника. Ведь вам же пришлось все проектировать с нуля! И потом, у него же нет потенциала для развития. Все, что вы надеетесь запустить — это небольшое устройство весом в 20 фунтов (9 кг. — *Ю. К.*)... Почему, ради всего святого, вы не взяли один из ваших мощных двигателей, которые к тому времени были уже многократно испытаны в полетах? Это было бы как раз то, что нужно для вашего спутникового проекта... Мы просто не могли понять, почему вы не выбрали этот простой и наиболее целесообразный подход... Мы в России рассматривали спутник как проект исключительной важности для нашей страны, не только с научной, но и с политической точки зрения, — развивая свою мысль, добавил Седов. — Для нас это была первостепенная национальная задача... [И чтобы ее успешно решить] мы старались по возможности избегать экспериментов с новыми разработками. Мы просто не могли понять, почему вы не сделали то же самое. Вы бы сейчас находились в отличном положении [для запуска ИСЗ]».

Обратим внимание на один момент: практически дав понять, что советский спутник стал «побочным продуктом» создания ракетно-ядерного щита СССР, профессор Седов, тем не менее, не признал этого факта, заявив, что ИСЗ был самостоятельной программой его страны. Комментируя слова Седова, фон Браун отметил: «Русские прочитали нам, американцам, бесплатную лекцию. Нам следует использовать ее с максимальной пользой для дела... Истинная трагедия [для США] победы спутника состоит в том, что данную ситуацию можно было предвидеть два года назад, когда была учреждена самостоятельная (в смысле — независимая от уже имевшейся военной ракетной техники. — *Ю. К.*) программа запуска американского сателлита». Однако, с присущим ему оптимизмом, фон Браун добавил: «Мы проиграли битву и, может быть, проиграем еще несколько [сражений], но пока мы не

потерпели поражения в войне. Если мы только будем помнить, что запустить спутник от имени всей Америки куда важнее, чем под эгидой сухопутных, военно-морских или военно-воздушных сил, то скоро вновь будем в хорошей форме [для выведения на орбиту ИСЗ]».

Уверенность фон Брауна в том, что, когда запуск в космос первого рукотворного объекта США станет общенациональной, поставленной выше амбиций отдельных лиц и организаций задачей, именно его команде поручат ее решить, оправдалась. Носитель «Юпитер-С» (известный еще под названием «Юно-1»), «выращенный» немецким конструктором из разработанного под его же руководством «Редстоуна», доставил 31 января 1958 г. первый американский автоматический аппарат «Эксплорер-1» в космос. Он весил 13,9 кг, или почти на 70 кг меньше первого советского ИСЗ (83,6 кг), запущенного на орбиту 4 октября 1957 г. Подобное соотношение масс двух аппаратов дало основание премьеру Хрущеву насмешливо сравнивать первый искусственный спутник США с апельсином, хотя по форме тот больше напоминал карандаш. Впоследствии с помощью «Редстоунов» было осуществлено два первых полета американских астронавтов: Алана Шеппарда в мае и Гаса Гриссома — в июле 1961 г. Оба полета были совершены по суборбитальной траектории и представляли собой подъем в корабле до высоты порядка 200 км, а после — практически отвесный спуск. Каждый из них длился около 15 мин. Отправить «звездоплывателей» США по круговой околоземной орбите, как это сделал «Восток» с кораблем Гагарина в апреле 1961 г., у «Редстоуна» просто не хватило бы мощи.

Эпилог же (более похожий на эпитафию) программы «Авангард» был такой. Спутник «Авангард-1» попробовали вывести на орбиту 6 декабря 1957 г., или примерно через два месяца после успешного запуска в СССР первого спутника. Попытка эта, как и следующая за ней — 5 февраля 1958 г., закончилась провалом. В первом случае носитель взорвался через две секунды после старта, а во втором — потерял управление на 57-й секунде полета. После этого ИСЗ «Авангард» приобрели в США созвучное российскому «спутник» насмешливое прозвище «флопник» — от английского слова «флоп» (flop), одновременно обозначающего провал и хлопок.

Успех улыбнулся программе «Авангард», начатой в марте 1955 г. (т. е. почти на 10 месяцев раньше выхода в Советском Союзе правительственного постановления, придавшего созданию спутника статус государственной задачи), лишь 17 марта 1958 г. В тот день одноименный носитель вывел на орбиту «Авангард-1» весом в один килограмм. Впрочем, американские ВМС могли и не спешить. К этому времени в космосе летали уже три спутника — два советских и один американский, запущенный командой фон Брауна за полтора месяца до «Авангарда-1». Вообще, РН типа «Авангард» оказался весьма ненадежной машиной. Из 11 запусков 8 закончились неудачей.

В 1960 г. фон Браун с командой переходят под юрисдикцию созданного в 1958 г. Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), или, проще говоря, американского космического агентства, и приобретают статус гражданских служащих. Вернер становится директором одной из крупнейших научно-исследовательских организаций нового ведомства — Центра космических полетов имени Маршалла, расположенного в Хантсвилле. В том же году в Белый дом приходит сорокатрехлетний Джон Кеннеди — самый молодой президент за всю историю США, который принимает вызов, брошенный Советским Союзом в области освоения космоса Соединенным Штатам. 25 мая 1961 г. он ставит перед нацией задачу — до конца 1960-х годов осуществить высадку американца на Луне и его благополучное возвращение на Землю (программа «Аполлон»). Задача разработки сверхтяжелого носителя поручается фон Брауну, с которой тот успешно справляется. Представители семейства ракет-носителей типа «Сатурн», начиная с самого «маленького» — «1» и заканчивая самым мощным — «5», стартовали в космос в общей сложности 32 раза; 15 раз — с экипажами, а шесть «пятерок» доставили на Луну в 1969-1972 гг. 12 астронавтов. При этом ни на одном из носителей не было сколько-нибудь серьезного отказа.

«Сатурн» стал пиком карьеры Вернера, но одновременно и началом ее заката. После

победы над СССР в «лунной гонке» новые лидеры Америки, в первую очередь президент США Ричард Никсон, во многом потеряли интерес к мощной программе освоения внеземного пространства, отменив пять уже запланированных экспедиций на Луну. Космические «пассионарии» типа фон Брауна стране больше не были нужны. Вернер еще какое-то время работает в НАСА руководителем отдела планирования агентства, помогает разработать концепцию корабля типа «Спэйс Шаттл» и околоземной станции «Скайлэб», а также определяет схемы будущих экспедиций на Луну и Марс. Но не встретив должной поддержки своим идеям, он в 1972 г. уходит в отставку и тогда же становится вице-президентом частной аэрокосмической корпорации «Фэйрчайлд».

Если кто-то, знакомый с фон Брауном лишь по его профессиональным достижениям, но не знавший его лично, мог представить себе схимника, для которого ничего в мире, кроме ракет, не существовало, то действительность не могла быть дальше от подобного образа. Это был человек исключительно разнообразных интересов и любивший жизнь во всех ее проявлениях. Помимо полетов на самолетах и планерах увлекался водными видами спорта, дружил с известным ученым и писателем-фантастом Артуром Кларком, погружался вместе с ним с аквалангами у Большого барьерного рифа рядом с побережьем Австралии. Справедливо полагая, что для обеспечения широкой общественной поддержки освоения космоса нужно захватить этой идеей воображение публики, активно сотрудничал с мультипликационной студией Уолта Диснея во время строительства Диснейленда в Калифорнии.

Для того чтобы собрать необходимое количество средств для реализации этого проекта, Дисней задумал создать серию телефильмов, рассказывающих, в чем его суть. Одна из частей будущего Диснейленда называлась «Туморроу-лэнд» (Земля завтра). По совету друзей «отец» Микки-Мауса решил посвятить этому разделу несколько фильмов о космосе и обратился к немецкому конструктору с просьбой помочь в их создании. Фон Браун с готовностью согласился.

Первая серия под названием «Человек в космосе» (две других части назывались «Человек и Луна» и «Марс и далее») была показана по ТВ в марте и июне 1955 г. В ней давалась краткая история ракетостроения, обсуждались медицинские аспекты и потенциальные проблемы космических полетов, а фон Браун представил проект огромного носителя с крылатой верхней ступенью для доставки грузов на околоземную орбиту. О том, насколько серьезным делом может быть такое «несерьезное» дело, как телешоу, говорит один факт: после того, как «Человек в космосе» побывал через «голубые экраны» в каждом американском доме, пленка эта была продемонстрирована по личному приказу президента Эйзенхауэра пентагоновскому начальству. Совпадение это или нет, но через шесть недель после демонстрации глава Белого дома объявил о намерении США запустить ИСЗ к Международному геофизическому году.

Впрочем, как выяснилось уже в 2004 г., Эйзенхауэр был не единственный, на кого произвели впечатление серии диснеевских фильмов о космосе. Среди попавших под магию «кинематографии звездного неба» был и тот, кто в дальнейшем придал новое измерение полетам в атмосфере и за ее пределами. «Вы не поверите, как [эти ленты] изменили мою жизнь», — сказал известный конструктор авиационной и космической техники Барт Рутан. Именно в том 1955 г. двенадцатилетний Рутан, посмотрев телевизионное творение Диснея и фон Брауна, «заболел» путешествиями в космическое пространство[10].

К СЛОВУ

Элберт Барт Рутан родился 17 июня 1943 г. Закончил Калифорнийский политехнический университет. В 1974 г. основал компанию «Рутан Эркафт Фактори», а в 1982 г.- «Скейл Композитс». Его брат Дик вместе с Джуанной Егер совершил с 14 по 23 декабря 1986 г. первый в мире беспосадочный кругосветный полет без дозаправки в воздухе на специально сконструированном для этой цели под руководством Барта двухмоторным

самолете «Вояджер». За 9 дней 3 минуты и 44 секунды они пролетели 40 212 км со средней скоростью 187 км в час на средней высоте 3,4 км.

В 2004 г. Рутан вновь вписал строку в историю освоения человечеством окружающей среды с помощью летательных аппаратов. Разработанный под его руководством первый в мире частный космический корабль для туристов три раза выходил за границы земной атмосферы. Машина под названием «Спэйсшиван» («Космический корабль первый») представляла из себя ракетоплан, который поднимался на высоту примерно 14 км с помощью специального реактивного самолета «Уайт Найт» («Белый рыцарь»), после чего отцеплялся от него и с использованием собственного ракетного двигателя достигал заданной высоты. 21 июня 2004 г. шестидесятилетний летчик-испытатель Майк Мелвилл «забрался» на нем на 100 км (став первым в истории «коммерческим астронавтом»), 29 сентября — на 109,1 км., а 4 октября 51-летний пилот Брайан Бинни преодолел на «Спэйсшиван» «планку» на высоте 112,2 км. Два крайних полета туристического ракетоплана позволили команде Рутана выиграть так называемый «приз Анзари», или «Приз Экс» на сумму в 10 млн долларов. «Анзари» — имя состоятельной семьи из Техаса, внесшей в призовой фонд 1 млн долларов, а «Экс» (латинская буква X) означает сразу три вещи: загадочный, экспериментальный и цифру 10 (количество млн долларов, предназначенных победителю). Главным идеологом этого приза был аэрокосмический инженер и энтузиаст освоения космоса Питер Диамандис.

По условиям конкурса приз должен был достаться тому, кто построит на частные средства первый практически пригодный трехместный космический корабль (один пилот + два пассажира) для туристов и совершит на нем два полета в течение двух недель на высоту не менее 100 км. Во всех трех полетах на борту «Спэйсшиван» был только один пилот, однако условия конкурса позволяли замену туристов их весовыми эквивалентами. Всего же за «Приз Экс» боролись 25 групп из семи стран, в том числе Англии, Канады, Германии, России (проект «Космополис XXI») и Аргентины.

Кроме того, фон Браун помогал юным астрономам в сооружении обсерватории. Чтобы лучше понять условия, в которых приходится действовать астронавтам, работал в космическом скафандре в бассейне гидроневесомости и летал на невесомость в специальном самолете. Был последовательным сторонником советско-американского сотрудничества в космосе. Когда некоторые политики в США хотели отменить совместный полет «Союз — Аполлон» (состоявшийся в 1975 г.), активно выступил в его защиту, утверждая, что без создания совместимых стыковочных систем невозможно говорить о международном освоении космоса.

Свое жизненное кредо (разумеется, уже после эмиграции в США) фон Браун однажды выразил такими словами: «Мы живем в условиях демократии, где учитываются настроения и пожелания людей. Если вы хотите осуществить нечто такое грандиозное, как полет в космос, вы должны завоевать расположение людей, чтобы они встали на сторону вашей идеи. Быть дипломатом, конечно, важно, но этого недостаточно. И должны быть наполнены жгучим желанием воплотить вашу идею в жизнь. Вы должны быть абсолютно уверены в правоте вашего дела и в его конечном успехе. Короче говоря, вы должны вести что-то вроде крестового похода».

Фон Браун действительно во многом был «крестоносцем, уверенным в правоте своего дела», но при этом отнюдь не бездушной машиной, не задумывающейся о последствиях своего фанатичного стремления к поставленной цели. Друзья и коллеги вспоминали, как фон Браун уже после того, как его ракеты проложили землянам дорогу на Луну, иногда спрашивал: «Вы думаете, это было правильно — то, что мы делали все эти годы? Я потратил свою жизнь на то, чтобы люди смогли летать в космос, и увлек за собой тысячи [последователей]. Мы потратили колоссальные суммы денег, а в мире еще столько человек живут в нищете и нуждаются в срочной помощи. Действительно ли мы делали то, что надо?»

Это был, конечно, во многом риторический вопрос — ведь поступки фон Брауна и его

коллег диктовались не только их личными и профессиональными интересами, но и обстоятельствами, в которых им пришлось жить и работать. Однако сам факт, что он, не мысливший своей жизни без космоса и ракет, испытывал порой такие сомнения, много говорит о его человеческих качествах.

Обычно его товарищи и единомышленники приводили немало аргументов в пользу правильности и обоснованности того, чем они занимались. Во-первых, деньги не выброшены в космос. Они потрачены здесь, на Земле. Предлагали подумать о тысячах, а может о миллионах семей, живущих на зарплату, получаемые в космической отрасли. Сколько из них смогли поднять свой жизненный уровень благодаря космической программе! Во-вторых, призывали вспомнить о бесчисленном количестве сооружений и объектов, которые возникли во многом благодаря космической деятельности — домах, больницах, школах, церквях, библиотеках, торговых центрах, улицах, мостах, заводах, железных дорогах, авиакомпаниях.

В-третьих, наказывали не забывать о бесчисленных технических инновациях, таких, например, как компьютеры и микроэлектроника, рождением своим во многом обязанных космическим проектам. В-четвертых, спутники связи помогли сблизить государства планеты. В-пятых, космические проекты дали громадный толчок развитию науки и техники. В-шестых, миллионам людей будет легче получить образование и медицинскую помощь благодаря спутникам. В-седьмых, метеоспутники помогают лучше прогнозировать погоду, а следовательно, способствуют повышению эффективности сельского хозяйства. В-восьмых, не грех подумать о душевном подъеме, чувстве оптимизма и уверенности в своих силах, которые испытывали жители Земли, когда следили за полетами астронавтов на Луну. Не зря же сенатор Абрахам Рибикофф сказал в 1969 г., вскоре после посадки «Аполлона-11» на поверхность спутника Земли: «Если люди способны добраться до Луны, а теперь мы знаем, что способны, то нет ничего такого, что мы не смогли бы сделать. Видимо, в этом и состоит главное достижение „Аполлона-11“»[11]. Наконец, не следует забывать о тех «мостах», что перекинуло сотрудничество в области исследования космоса между США, Европой, Японией, Советским Союзом и Китаем.

Соединенные Штаты, напоминали они ему, тратят на борьбу с бедностью во всем мире почти в 20 раз больше, чем на свою космическую программу. Если США откажутся от деятельности за пределами земной атмосферы и все деньги, что расходуют на развитие космической отрасли (включая зарплаты ее сотрудников), добавят к бюджету программ ликвидации нищеты, то данные бюджеты увеличатся всего лишь на какие-то пять процентов. Но при этом число нуждающихся пополнится на несколько миллионов за счет ликвидированных рабочих мест в упраздненной космической программе.

Фон Браун всегда внимательно выслушивал эти бесхитростные, но в общем, обоснованные аргументы и говорил: «Что ж, это то, во что я всегда верил и что утверждал. Так ты думаешь, что это так?» — «Да, безусловно...»

Сомнения в правильности своих поступков не единственные качества, родившие его с обычными «земными» людьми. Так, он ненавидел утро и нередко говорил, что «ни одно из крупных достижений человечества не было сделано до десяти тридцати или одиннадцати утра». Будучи в командировках, мог опоздать на встречу на полчаса, а то и на час, особенно если это происходило в утренние часы (вот вам и хваленая немецкая аккуратность!). Придавал очень большое значение полноценному отдыху. Однажды, отправившись на пару дней с компанией на пляж, насильно вытащил своего коллегу из-за письменного стола со словами: «Спорю, если ты поедешь с нами, то это ни на час не задержит будущую высадку людей на Луну».

Фон Браун всегда реально оценивал свои профессиональные качества. Он, например, считал себя «чистым» инженером и никогда не пытался «рядиться» в мантию ученого. Более того, нередко испытывал не свойственные ему при публичных выступлениях скованность и смущение, когда обращался к академической аудитории. Причины этого могли корениться в том, что Вернер, относясь с огромным уважением к создателям фундаментальных знаний, никогда не забывал, что многие из них смотрели на космическую программу как на «дыру»,

через которую неоправданно утекали колоссальные суммы денег на оплату «цирковых трюков». Под трюками этими, разумеется, понимаются полеты за пределы атмосферы — то, что являлось главным смыслом деятельности фон Брауна. Разумеется, немецкого конструктора обижало такое отношение к его работе. Ведь созданные им ракеты были не просто «космическими такси», предназначенными для доставки людей из одной точки пространства в другую, но и платформами, которые могли предоставить ученым уникальную возможность для исследования внеземной среды. Достаточно лишь разместить на них космические аппараты с научными приборами.

Итак, «главный ракетчик» Америки, общепризнанный мировой авторитет в области освоения космического пространства, человек, сумевший воплотить в жизнь свою мечту, счастливый муж и отец, наконец, весьма обеспеченный человек. Казалось, есть все составляющие для душевного комфорта. Но вот прошлое... Как быть с ним? Нет-нет, да и напоминало оно о себе в виде арестантских роб тех, кто работал на его «Фау-2», или черных гестаповских мундиров, в изобилии мелькавших на ракетных полигонах.

Перед тем как прибыть в США, фон Браун был подвергнут тщательному допросу американскими следователями, в ходе которого рассказал о связи между Пенемюнде, «Фау-2» и концлагерем в Миттельверке. Его откровенные ответы, правдивость которых была подтверждена многочисленными документами и свидетельскими показаниями, были сочтены удовлетворительными. После этого главный конструктор «оружия возмездия» и его коллеги были, как известно, допущены в Соединенные Штаты, получили американское гражданство, а со временем — самые секретные допуски, уважение (надо сказать, вполне заслуженное), доверие и симпатии научно-технической элиты США.

Впрочем, определенные сложности, связанные с его прошлым, все же возникали. Так, в 1961 г. глава НАСА Джеймс Уэбб искал того, кто мог бы возглавить новорожденную программу «Аполлон». Рассматривались две кандидатуры: одна — фон Браун, директора Центра космических полетов имени Маршалла, а другая — Эйба Силверстайна, начальника отдела космических полетов НАСА. Руководству агентства пришлось решать один весьма щекотливый вопрос: Силверстайн был евреем, а фон Браун работал на нацистский режим. Таким образом, независимо от выбора, были все основания ожидать возникновения между ними проблем, по крайней мере на уровне межличностного общения. Некоторые сотрудники высшего звена агентства выступили против кандидатуры фон Брауна, вплоть до угрозы подать в отставку, если он будет поставлен во главе программы «Аполлон». Другие, впрочем, не испытывали энтузиазма и по поводу Силверстайна, который явно стремился к расширению своих властных полномочий за рамки руководства лунным пилотируемым проектом. Дело разрешилось компромиссом: был назначен третий человек — сорокалетний Брейнард Холмс, один из управляющих компании «Радиокорпорация Америки». Он входил в число лучших технических менеджеров в США и в свое время возглавлял работы по созданию элементов системы раннего предупреждения о ракетном нападении на севере Аляски, в Гренландии и Шотландии[12]. Что же касается отношений между Силверстайном и фон Брауном, то, по крайней мере, первый, уже после смерти фон Брауна, признался, что всегда испытывал к нему уважение и что после ухода немецкого конструктора из НАСА американская космическая программа «лишилась чего-то существенного».

После «бескровного» разрешения потенциального конфликта между бывшим членом СС и представителем нации, ставшей одной из жертв гитлеровского геноцида, казалось, вопрос о прошлом фон Брауна был закрыт раз и навсегда. Однако прошло пять лет после событий, развернувшихся вокруг поиска «рулевого» программы «Аполлон», и 20 — после окончания войны, когда фон Брауну вновь пришлось объясняться, что он делал в Пенемюнде и как это соотносилось с Миттельверком. На это раз волна разоблачений по следам его деятельности на Третий рейх хлынула из Франции. Граждане этой страны были в больших количествах заняты на работах в концлагерях, обслуживавших производство фон Брауна.

А началось все так. В середине 1960-х годов все главные нацистские бонзы — идеологи подневольного труда и творцы «фабрик смерти» были уже мертвы. Что касается «фишек»

среднего и нижнего звена, то они либо были неизвестны большинству узников, либо просто исчезли, замаскировавшись под добропорядочных граждан где-нибудь в Западной Европе или в Латинской Америке. Таким образом, по прошествии двух десятилетий после падения Рейхстага практически не осталось тех, кто бы ответил бывшим рабам гитлеровского режима за их страдания.

Однако уже в начале 1950-х годов на страницах газет и журналов, выходящих как в США, так и в Европе, все чаще начинает мелькать имя Вернера фон Брауна. О нем говорят как о горячем пропагандисте освоения космоса с помощью спутников, космических кораблей, а также как об идеологе пилотируемого полета на Марс. Но при этом становится известно, что он был «душой и мозгом» Пенемюнде и «отцом» Фау-2 — изделия, детали к которому изготавливались руками десятков тысяч заключенных. Не удивительно, что бывшие обитатели концлагерей связали имя фон Брауна с теми кругами ада, через которые им пришлось пройти. В особенности их, конечно, стало возмущать то, что бывший «слуга нацистов» теперь представлялся средствами массовой информации (и чем дальше, тем больше) чуть ли не героем, указывавшим человечеству пути его развития. Последней каплей стала серия хвалебных статей о фон Брауне и его команде, опубликованных во французском журнале «Пари-Матч» в 1964-1966 гг. Члены организации под названием «Друзья узников лагерей «Дора-Элрих» написали в 1965-1966 гг. ряд писем в этот журнал. По их мнению, если бы фон Браун не разработал «Фау-2» и не форсировал бы ее производство, не было бы ни «Доры» ни «Элриха», а следовательно — страданий их невольных обитателей. Авторы писем не придали большого значения тому факту, что концлагери существовали в гитлеровской Германии и до того, как «Фау-2» стали сходиться с конвейера. Что касается Миттельверка, то никто не бросал людей в тюрьму с целью заставить их работать на этом заводе в качестве невольников. Они привозились туда из «Доры», «Элриха» и прочих находившихся в тех краях концлагерей. Не было бы «Фау-2», несчастных заняли бы на каких-нибудь других, как знать, может быть куда более тяжелых работах. Однако в письмах фон Браун представлялся главным виновником мучений заключенных, ответственным за их бесчеловечные условия труда и жизни, а также за высокую смертность среди них.

Разумеется, редакторы «Пари-Матч» не могли проигнорировать подобные послания. 4 апреля 1966 г. они обратились к шефу нью-йоркского бюро журнала со следующей просьбой: «Не могли бы вы, используя ваше знакомство с фон Брауном, попросить его как-то ответить на такого рода обвинения, в подтверждение которых, кстати, не приводится никаких достоверных фактов».

26 апреля 1966 г. редакция получила довольно пространственный ответ от конструктора. В нем, в частности, были такие строки:

«Спасибо за то, что дали мне возможность ознакомиться с письмами, которые «Пари-Матч» получил от «Друзей узников лагерей „Дора — Элрих“». Я могу без труда представить себе раздражение, которое бывший французский заключенный германского военного лагеря принудительного труда должен испытывать, когда видит, как ведущий французский журнал разворачивает большую рекламную кампанию вокруг человека, чья инженерная деятельность в годы войны заставила [этого заключенного] пройти через невыносимые страдания и лишения. Однако моя роль в этих прошлых событиях была весьма отлична от той, как представляют некоторые из написавших вам письма...» Далее фон Браун объяснил, что обитатели застенков, в принципе, не могли знать о том, какие функции выполняли те или иные люди или организации в программе «Фау-2». «При том, что я полностью понимаю их горечь, — писал фон Браун, — я шокирован их ложными обвинениями против меня. Я знаю, каким страшным испытаниям они были подвергнуты, но, необоснованно делая из меня главного виновника своих несчастий, они не смогут смягчить воспоминаний о том кошмаре, который им пришлось пережить». После этого фон Браун кратко описал свой путь в Германии как инженера, включая годы работы на Третий рейх. При этом особо отметил, что работа была тщательно расследована представителями американского командования, и те не нашли в ней состава преступления. Что же касается непосредственного присутствия в местах

использования подневольного труда, в частности на предприятии в Миттельверке, фон Браун признал, что периодически ему приходилось это делать. Однако каждый визит, особо отметил конструктор, «длился от нескольких часов до нескольких дней и был связан исключительно с необходимостью осуществлять контроль качества [изделий]». «Хотел бы со всей ответственностью заявить, — продолжил фон Браун, — что ни разу в ходе моего визита в Миттельверк я не видел мертвого заключенного, ни разу не был свидетелем избиения, повешения или какой-либо иной казни, равно как и никогда не принимал участия в каких-либо актах насилия или издевательств над узниками. Я также никогда не призывал других к такого рода действиям. Всякие свидетельства обратного могут быть только результатом того, что меня приняли за кого-нибудь другого». При этом конструктор признал, что в конце 1944 года в ходе поездок в Миттельверк ему стало известно, что многие невольники умерли в результате недоедания, болезней, нечеловеческого обращения, отсутствия медицинской помощи и прочих причин, а также что некоторые из них были повешены за саботаж. «Я с готовностью признаю, что сама среда Миттельверка была отвратительна и что работавшие там подвергались унижениям, — сказал фон Браун. — Мне стыдно, что подобные вещи могли происходить в Германии, даже в условиях войны, когда под вопросом было само выживание [немецкой] нации». Не забыл создатель «оружия возмездия» упомянуть и факт своего ареста гестаповцами весной 1944 г. по обвинению в том, что он фактически саботировал производство «Фау-2», уделяя слишком много времени разработке планов будущих космических полетов. «Думаю, — продолжал фон Браун, — подобное обвинение явно контрастирует с убежденностью некоторых несчастных узников „Доры“ в том, что именно я несу персональную ответственность за страдания их и их погибших товарищей».

К своему ответу журналу «Пари-Матч» Вернер приложил письмо от 12 апреля 1963 г., которое он получил от другого бывшего заключенного концлагеря „Дора“. «Содержание этого письма, — подчеркнул он, — сильно отличается от того, что вам писали «Друзья узников Доры-Элриха». Уже во время пребывания в США фон Браун получил несколько подобных писем, однако, воздержался от того, чтобы предать их огласке.

Ответ творца «Фау-2» французскому журналу многое прояснил, но, увы, не поставил точку в череде попыток ответить на вопрос: кто вы, господин фон Браун — преступник или гениальный конструктор? Последняя из них была предпринята в 1975 г., за два года до смерти Вернера. В том году увидела свет книга под названием «Дора», написанная Жаном Мишелем — бывшим заключенным этого лагеря. В ней он рассказал о днях, проведенных за колючей проволокой. Автор, как и многие до него, попытался возложить всю вину за мучения узников «Доры» на плечи создателя первой боевой ракеты, а также некоторых других руководителей полигона Пенемюнде.

Несмотря на это, фон Браун, как и все его коллеги, был по-прежнему убежден, что, не будь А-4/«Фау-2», СС построила бы не меньше концлагерей. Разница была бы в том, что их обитателей заставили бы работать где-нибудь еще — он предпочел больше не оправдываться. Немалую роль в подобном решении, видимо, сыграла и прогрессирующая болезнь, заметно ослабившая его. «С этими несчастными так жутко обращались, — сказал он как-то одному из близких друзей. — Наверное, я почувствовал бы себя еще хуже, если б стал до хрипоты доказывать им, что они обвиняют не тех, кого надо. Это не помогло бы смягчить воспоминания о Миттельверке [ни тем, кто там работал], ни тем из нас, кому пришлось хоть на короткое время побывать [на этом заводе]».

...Весна 1977 г. Из палаты госпиталя в Александрии, небольшого города неподалеку от Вашингтона, где лежал после курса химиотерапии и очередного переливания крови фон Браун, только что вышел астронавт Нил Армстронг. «Статистически моя перспектива выжить довольно бледна, — сообщил ему Вернер. — Но ты знаешь, насколько неверна может быть статистика. По ее прогнозам ты должен был погибнуть в космосе, а я — сидеть в тюрьме на Земле. Хотя, знаешь, у моего несчастья есть одна положительная сторона — я теперь все время вместе с женой и детьми».

Тяжело подводить итоги жизни в 65 лет, когда еще столько хочешь сделать! Он стоял у

истоков, а после стал одним из руководителей космических программ — сначала в стране, где царил самый кровавый диктаторский режим, а потом в одном из наиболее демократических и сильных государств планеты. Однажды его спросили о самых счастливых и самых черных моментах жизни. «Она была ко мне очень благосклонна, — ответил фон Браун, — и подарила мне несколько счастливых моментов. Помню, какой невероятный восторг я испытал, когда, вдохновленный книгой Германа Оберта «Ракеты в межпланетном пространстве», а так-же на основании своих детских расчетов понял, что пилотируемые полеты на Луну и некоторые другие планеты с помощью ракет станут возможны в будущем, и я смогу помочь людям летать в космос, если буду достаточно много и целеустремленно работать».

Своим следующим счастливым моментом фон Браун назвал день 3 октября 1942 г., когда ракета А-4, стартовав с Пенемюнде, совершила первый успешный полет на дальнейшее расстояние. Не зря ведь его ближайший соратник полковник Дорнбергер устроил в тот день маленькую неформальную вечеринку, на которой произнес: «Дамы и господа, сегодня родился космический корабль. Наша работа открыла людям ворота в космос...»

Затем было 31 января 1958 г., когда «Эксплорер-1» — первый спутник «свободного мира», вышел на орбиту. «Я в особенности радовался этому успеху, — отметил фон Браун. — Ведь с его помощью я смог выразить свою глубокую благодарность американцам, которые так щедро предоставили моим коллегам и мне возможность заниматься освоением космоса».

Ну и конечно, 27 июля 1969 г., когда три астронавта в добром здравии вернулись с Луны после того, как несколько часов ходили по ее поверхности. «Это был миг всепоглощающего счастья, — вспоминал конструктор, — и, должен признать, невероятного облегчения».

Ну а как быть с самыми черными мгновениями? Те, кто знали фон Брауна, вряд ли могли сомневаться в его ответе на этот вопрос. «Я их запомнил и буду помнить всегда. Все началось осенью 1943 г., когда Гиммлер и его эсэсовцы принялись отодвигать нас от управления программой А-4. Они стали постепенно устанавливать над ней контроль, чтобы как можно скорее запустить ракету в серийное производство, несмотря на то, что до окончания ее разработки и летных испытаний было еще очень далеко... Самое удручающее в данной ситуации было то, что я никак не мог повлиять на развитие событий. Даже если бы лично я полностью отошел от проекта, СС все равно бы продолжила производство и развертывание [«Фау-2»]... Самый же черный момент, — продолжал фон Браун, — наступил 8 сентября 1944 года, когда я узнал, что А-4, названная доктором Геббельсом «Фау-2», была запущена по Парижу. Мы хотели, чтобы наши ракеты летали к Луне и Марсу, а не били по нашей планете...»

Что и как лучше скажет об итогах жизненного пути конструктора, чем цифры, в которых выражаются его достижения? Если «Фау-2», размером с шестиэтажный дом, могла «закинуть» чуть меньше тонны на расстояние около 300 км со скоростью порядка 5000 км в час, то «34-этажный» «Сатурн-5» — 50 т на дистанцию 384 000 км (расстояние от Земли до Луны) со скоростью 40 000 км в час. (А если учесть, что вес этот мог быть направлен не только на Луну, но в любую точку космического пространства, то вместо 384 000 км мы фактически получаем бесконечность.) Итого: прирост в скорости — в 8 раз, в весе полезной нагрузки — 50 раз, а в расстоянии — 1280 раз. На свете не было и нет конструктора, творения которого прошли бы такую гигантскую эволюцию.

Но были еще и другие цифры: 20 000 погибших узников на его ракетном производстве в Германии. 3200 запущенных гитлеровцами «Фау-2», доставивших в 1944-1945 гг. к целям в Англии, Франции и Бельгии 3000 т взрывчатки. И пусть только за один налет тяжелых бомбардировщиков на землю падало до 10 000 т бомб. Пусть однажды сам британский премьер Черчилль сказал: «Это счастье, что немцы значительную часть своих усилий затратили на ракеты, а не бомбардировщики», применение которых против Англии нанесло бы ей куда больший ущерб, чем «Фау-2». Пусть люди соглашались с Вернером (или только

делали вид, что соглашались), когда он говорил о практической невозможности избежать в современных условиях трагического дуализма, состоящего в том, что одни и те же ракеты могут убивать людей и помогать им познать окружающий мир. Пусть он оправдывал свое служение Рейху тем, что «во время войны гражданин должен стоять за свою страну, вне зависимости от того — простой ли это солдат, инженер или ученый, соглашается он или нет с политикой своего правительства». Но как убедить себя в том, что дома в Лондоне, Париже и Брюсселе, превратившиеся в руины под ударами его «Фау», или смерть миллионов человек, затаившаяся в ядерных боеголовках его послевоенных ракет — так называемого «оружия сдерживания» — были необходимой прелюдией к тому, чтобы люди благодаря ему, Вернеру, смогли воочию увидеть лунный пейзаж?

...16 июня 1977 г. фон Брауна не стало. Лишь очень узкий круг родных и по-настоящему близких друзей (так он захотел сам) проводили его на следующий день в последний путь. Когда до конца жизненной дороги Вернера оставалось всего ничего, к нему в госпиталь пришли два его старых товарища, долгие годы работавшие вместе с ним. Он уже почти не мог говорить, но чувствовалось — ему нужно сказать что-то очень важное, нечто, что не оставляло его даже в последние часы. Один из друзей наклонился к нему — иначе пришлось бы читать по губам. «Ты думаешь, мы правильно делали, что разрабатывали эти ракеты?... — голос фон Брауна был еле слышен. — Мы их строили для полетов в космос, но нам нужна была поддержка армии... мы надеялись, что они никогда не будут использованы против людей... Знаешь, оглядываясь назад, я по-настоящему счастлив, что управляемые ракеты оказались для мира нужнее, чем для войны».

Но действительно ли главный творец «Фау-2» и «Сатурна-5» нашел счастье и успокоение в этой мысли или только пытался себя в этом убедить? Вопрос, который навсегда останется без ответа[13].

Возвращаясь к стремлению Вашингтона иметь «космический глаз» над территорией СССР, следует отметить, что решение политических проблем, вызванных необходимостью «заглянуть в глотку Красной России», было так же важно, как и решение технических. После того, как Кремль в неприкрытой форме отверг идею «Открытого неба», предусматривавшую свободный облет американскими самолетами советских, а советскими самолетами — американских военных объектов, Эйзенхауэру требовалось найти политический предлог для пролетов спутников-шпионов США над территорией СССР[14].

Одним из возможных решений было создать прецедент свободного и законного облета различных стран космическими аппаратами Соединенных Штатов. Международный геофизический год (МГГ), намеченный на 1957-1958 гг., мог способствовать его созданию[15].

Аналогичные надежды питали и участники Международного астронавтического конгресса, который состоялся в Риме в сентябре 1956 г. Некоторые из выступающих прямо предупреждали — не поставите под международный контроль неукротимый прогресс в области создания ракет и спутников — пеняйте на себя. «К счастью, — с облегчением вздыхали другие, наивно полагавшие, что если звездное небо принадлежит всем одинаково, то в нем не может быть места соперничеству или конфронтации, — первые искусственные спутники Земли будут запущены Соединенными Штатами и, вероятно, Советским Союзом, как составные элементы международных научных исследований». Во всяком случае, американцы действительно преподносили грядущий запуск своей маленькой «рукотворной Луны» как вклад в расширение познаний человечества об окружающем мире. Нужно ли говорить, что благодарное человечество вполне благосклонно смотрело на грядущие полеты американских спутников над любыми странами и континентами, не особенно задумываясь при этом, какую аппаратуру несут они на своем борту — для измерения магнитосферы Земли или же для подсчета танков и самолетов потенциального противника.

Впрочем, нужно отметить, что помощь в решении этой непростой дипломатической дилеммы пришла не столько со стороны всего международного сообщества, сколько... СССР. Через несколько дней после запуска Советским Союзом 4 октября 1957 г. первого

искусственного спутника Земли президент Эйзенхауэр и заместитель министра обороны США Дональд Куарелс обсуждали это событие. Как вспоминал потом Куарелс, «русские... невольно оказали нам услугу, установив принцип свободы международного пространства... После этого президент спросил о [состоянии работ] по разведывательному спутнику».

Нельзя исключить и еще одну причину, по которой США официально объявили о своем намерении запустить ИСЗ в конце июля 1955 г. Вспомним, что за несколько недель до этого завершилась женеvская встреча, или, как теперь принято говорить — саммит, между руководителями Великобритании, Франции, Соединенных Штатов и Советского Союза. Встреча эта не принесла сколько-нибудь ощутимых результатов в плане решения насущных международных проблем, но при этом создала то, что журналисты впоследствии окрестили «духом Женеvы». Возникло «четкое ощущение, легшее в основу всей последовавшей за саммитом дипломатии: нации, чьи лидеры могут общаться друг с другом лицом к лицу, вряд ли смогут стать врагами»[16]. Таким образом, можно было надеяться, что заявление о грядущей постройке и запуске американского спутника — явное напоминание миру об американской мощи — не будет в то же время воспринято СССР как скрытая угроза и не воспрепятствует пусть даже и небольшому взаимодействию Советского Союза и США в космосе.

Первоначальная реакция СССР на возможность сотрудничества с другими странами, в том числе и США, в деле исследования космического пространства с помощью ИСЗ была вроде бы положительной. Когда Хрущеvа спросили в 1955 г. на одном из дипломатических приемов в Москве, согласится ли Советский Союз взаимодействовать в этой области с Соединенными Штатами, он ответил: «Да... если это в интересах человечества». Однако добавил: «Я что-то слышал об этом, но внимательно не изучал, а поэтому не могу сказать ничего определенного»[17]. На следующий день академик Леонид Иванович Седов, председатель «Межведомственной комиссии по координации работ в области организации и осуществления межпланетных сообщений», оценил как «весьма вероятную» перспективу объединения усилий СССР и США в сфере запуска ИСЗ. При этом, правда, Седов, действуя вполне в духе времени, заметил, что Советский Союз может обогнать Соединенные Штаты в «спутниковой гонке» и первым через два года запустить ИСЗ, который, к тому же, будет больше американского космического «баскетбольного мяча»[18].

Отступление второе: люди в «железных масках»

Помните историю (а может быть, легенду) о том, как король Франции Людовик XIV заточил в темницу своего брата-близнеца, чтобы тот не смог претендовать на престол? Правда, и этого «королю-солнце» показалось мало. Опасаясь, что кто-нибудь может воспользоваться абсолютным сходством августейшего узника с действующим монархом и просто «тихо» заменить правителя Франции на его копию, Людовик приказал близнецу всегда носить на лице железную маску.

История эта в какой-то степени применима и к советским создателям ракетно-космической техники. Правда, никто из «власть предержащих» не опасался, что разработчики носителей, космических кораблей и аппаратов станут претендовать на их места. Их беспокоило другое — чтобы коварный «враг» (в смысле — Запад) не нашел к этим инженерам и конструкторам дорогу и не попытался выведать у них стратегические секреты, относящиеся к ракетному оружию — важнейшему фактору поддержания Советским Союзом статуса сверхдержавы. Сделали они это довольно простым и вполне достойным самодержцев способом — скрыли личности творцов нового вида вооружения под «железными масками» цензуры.

Так, Королев печатался только на страницах «главной» газеты страны «Правда» и только под псевдонимом «профессор К. Сергеев». А вышеупомянутая «Межведомственная комиссия по координации работ в области организации и осуществления межпланетных сообщений» была чистой фикцией, созданной с целью ввести

в заблуждение вероятных шпионов, охотившихся за советскими ракетными секретами. Она была призвана отвлечь их внимание от конструкторского бюро в подмосковном г. Калининград (переименованном в Королев в 1996 г.), где и создавалась ракетно-космическая техника.

Сам Л.И.Седов во многом выполнял те же функции, что и возглавляемая им комиссия. Вот как рассказал об этом известный российский историк космонавтики Ярослав Кириллович Голованов: «Леонид Иванович оказался в центре внимания. Ему преподносили шоколадные ракеты, фотографировали со знаменитыми красавицами, а через несколько лет, когда спутник действительно полетел, нарекли «отцом русского спутника». Он, насколько мне известно, подобные утверждения не оспаривал, хотя и не подтверждал, обаятельно и таинственно улыбался, вместо того чтобы с той же обаятельной улыбкой сказать: „Уважаемые дамы и господа! Я ученый-механик. У меня есть хорошие работы по гидро- и аэродинамике. Но к ракетной технике и изучению космического пространства я никакого отношения не имею, а служу лишь ширмой, за которой прячутся те, кто имеет...”

Но Седов этого не сказал, полмира объездил и «отцом русского спутника» пребывал несколько лет. Мне его всегда было жалко. Мне кажется, это унижительно для настоящего ученого...»[19].

О степени технической осведомленности Леонида Ивановича в «спутниковых» делах говорит такой эпизод, хорошо запомнившийся всем на космодроме. Уже после запуска первого ИСЗ Королев пригласил Седова на очередной старт, показывал ему МИК (монтажно-испытательный корпус) и стартовую площадку. Там уже стояла очередная «семерка» (ракета Р-7, известная, как «Союз»). Расхаживая вокруг нее, Седов спросил простодушно:

– Сергей Павлович, а где, собственно, спутник?

Королев опешил. Потом присел на корточки, протянул указующий перст к верхушке ракеты и не своим, писклявым голосом запел:

– Во-о-о-он там![20]

По словам Голованова, «те же, кто был хоть немного в курсе, например А. А. Благонравов[21], С. Н. Вернов[22], были опутаны такими подписками о неразглашении государственных секретов, что говорили одни банальности, а потому мало отличались от непосвященных».

То же происходило и с теми, кто на самом деле имел прямое отношение к космической программе. Именно потому, что они действительно знали свое дело, цензура проявляла к ним особенную строгость. Их статьи были абстрактны, отрешенны и понять, какая связь между автором и тем, о чем он пишет, было невозможно. Так писали все: «профессор К. Сергеев» (С. П. Королев), «профессор В. Петрович» (В. П. Глушко[23]), «профессор В. Иванченко (Б. В. Раушенбах[24]), «М. Михайлов» (М. С. Рязанский[25]), «Б. Евсеев» (Б. Е. Черток), «О. Горлов» (О. Г. Газенко[26]) и другие замаскированные специалисты[27].

Был у первого ИСЗ и еще один «эрзац-отец» — академик Благонравов. Как и Седов, он был «выдвинут» на эту роль ревностными оградителями советских секретов. Роль он эту не любил, тяготился ею, но сказать правду не имел права.

Знаменитый ученый в области химической физики, лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов рассказывал Голованову, что Келдыш[28] якобы получил предложение Шведской Академии наук присудить Нобелевскую премию человеку, руководившему запуском первого ИСЗ, для чего шведам надо было, как минимум, знать, кто этот человек. Бумага эта была переправлена Хрущеву, который быстро решил сложный вопрос: «Автор спутника? Весь советский народ!»[29] Комментарии излишни...

Абсурд секретности, окружавшей советскую космонавтику в самом начале ее существования, достиг апофеоза в 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1962 г. в ознаменование полета Гагарина был установлен День космонавтики — 12 апреля. В зале Кремлевского дворца съездов прошло торжественное собрание, посвященное первой годовщине полета. На нем выступил Гагарин. Но в президиуме не было ни одного

главного конструктора, ни одного из действительных участников создания ракеты и корабля[30].

Обратим внимание на два весьма характерных момента в словах главы советского государства, сказанных им по космической тематике на вышеупомянутом дипломатическом приеме в Москве в 1955 г. Первый — Хрущев признается, что не очень-то разбирается в вопросах освоения внеземного пространства, а тем более — сотрудничества в космосе. Можно, конечно, предположить, что глава страны таким образом пытался предотвратить саму возможность ознакомления американцев с передовой советской технологией. Но тогда обратимся ко второму моменту — как это Седов, ученый, а не государственный деятель, может проявлять инициативу в вопросах сотрудничества с главным потенциальным противником Советского Союза, да еще и в области технологий двойного использования, если сам Никита Сергеевич еще не определил своего отношения к подобному партнерству или же пытался его избежать? Загадку эту невозможно решить, если не вспомнить об одной могущественной советской государственной структуре и тесно связанной с ней прослойкой советского общества, игравших важную роль не только в освоении космического пространства, но отчасти и в формировании государственной политики страны. Это...

Академия наук (АН) СССР и советская научно-техническая элита

АН СССР традиционно состояла из ученых, чьи профессиональные карьеры нередко подразумевали высокие посты либо в промышленных, либо в военных организациях. В силу данной особенности академики и члены-корреспонденты уже не могли быть глашатаями «чистой» науки и неизбежно становились лоббистами интересов тех отраслей производства или областей государственной деятельности, из которых они вышли. Простор для лоббирования был достаточно широким, ибо, по словам Бориса Евсеевича Чертока, члена-корреспондента АН СССР и Российской академии наук (РАН), ответственного за разработку систем управления космическими аппаратами и ближайшего сподвижника Королева, «высшие партийные руководители понимали, что определенная суверенность и самоуправляемость технократам необходима. Ученым-аграрникам, биологам, художникам и поэтам приходилось хуже»[31].

Однако только лишь предоставлением большей самостоятельности представителям технических дисциплин дело не ограничивалось. Стремление тоталитарной политической системы взять под контроль научно-техническую интеллигенцию путем назначения ее представителей на высокие партийные и государственные посты приводило к парадоксальной ситуации. С одной стороны, подобный контроль со стороны Кремля за научной элитой действительно усиливался, но с другой — ученые также получали возможность влиять на принятие политических и правительственных решений. Как отметил академик Роальд Сагдеев[32], бывший директор Института космических исследований (ИКИ) АН СССР и советник первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева, «окутанное аурой престижа и уважения, членство в академии манило, как магнит.

Сам Сталин был почетным академиком»[33]. Известный советский/российский конструктор механизмов и инженерных, в частности, стыковочных, систем для космических кораблей Владимир Сергеевич Сыромятников, начинавший свой путь в «большую технику» во времена, наступившие сразу за сталинскими, вспоминал:

«Получение научных званий приобрело большой практический смысл, после того как по знаменитому указу Сталина все ученые страны получили огромные привилегии. Преподаватели вузов, имевшие ученые степени, а также доктора и кандидаты наук в НИИ и КБ, которые создавали новую технику и специальными постановлениями включались в списки привилегированных организаций, стали получать гораздо большую зарплату, продолжительный отпуск и продвижение по службе. Так что затраты времени и усилий на подготовку и защиту диссертации могли окупиться с лихвой, игра стоила свеч. Тогда и родилась почти научная

поговорка: ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан»[34].

По мнению Сагдеева, АН СССР была «государством в государстве». На нее «возлагалась ответственность за окончательные решения по любым инициативам национального масштаба, шла ли речь об инвестициях в новую отрасль промышленности или же в объект, строительство которого могло иметь последствия для окружающей среды»[35].

Попутно заметим, что подобным статусом советские ученые заметно отличались от заокеанских коллег — членов американской Национальной академии наук, которые в массе своей были и остаются выходцами из университетов или исследовательских центров, напрямую с производственной инфраструктурой или институтами государственной власти не связанными. Эту особенность «главного штаба» науки США подметил Сыромятников, принимавший активное участие в ряде совместных космических проектов двух стран. По его словам, «в отличие от нашей, советской [американская академия]... не обладала такими возможностями и полномочиями и формировала лишь общественное мнение»[36]. Именно эта черта — удаленность научной элиты США от политического Олимпа страны, позволяла президенту Соединенных Штатов прислушиваться к мнению ученых лишь в тех случаях, когда он этого хотел, и не обращать на него внимания, если оно шло вразрез с его собственным.

Роль Королева

По воспоминаниям Сергея Хрущева, сына Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Никиты Хрущева, его отец принял решение о развертывании в Советском Союзе широкомасштабной космической программы во многом под влиянием Сергея Павловича Королева. И произошло это в 1956 г., когда Хрущев посетил его конструкторское бюро (КБ). Кто же был этот человек, мысли и поступки, которого сыграли ключевую роль в зарождении современного этапа развития цивилизации, получившего неофициальное название «космического века»?

О Королеве, особенно после начала перестройки и открытия многих до того секретных архивов и материалов, написано множество статей и несколько книг. Повторять то, что изложено в них, вряд ли имеет смысл. Желающих больше узнать о Сергее Павловиче адресую к двум, пожалуй, наиболее полным, добросовестным и объективным исследованиям его жизни и деятельности. Первое принадлежит известному российскому писателю и историку космонавтики (собиравшемуся, кстати, в 1960-е годы полететь в космос в качестве журналиста) Ярославу Голованову: «Королев: Факты и мифы». Второе — его американскому коллеге Джеймсу Харфорду: «Королев: Как один человек создал в Советском Союзе целую программу для победы над Америкой в „лунной гонке“»[37]. Ну а тем, кто не пожелает тратить время на хождение по книжным магазинам или библиотекам, напомним, что С. П. Королев (1907-1966) был главным конструктором советских ракетно-космических систем. Его наибольшие достижения — первые советские баллистические ракеты, а позже — носители, которые вывели в космос первый спутник (4 октября 1957 г.), первое живое существо — собаку Лайку (3 ноября 1957 г.), первый аппарат, достигший Луны (14 сентября 1959 г.), и первый — сфотографировавший ее обратную сторону (7 октября 1959 г.). Но главный «бриллиант» в «короне» его профессиональных заслуг — это бесспорно полет 12 апреля 1961 г. первого человека в космос — Юрия Алексеевича Гагарина.

Фон Браун и Королев — два главных основоположника практической космонавтики. Личности вполне сопоставимых масштабов. Сравнить их вклады в освоение космоса с точки зрения всего человечества — все равно, что пытаться выяснить, кто сделал больше для развития физики — Исаак Ньютон или Альберт Эйнштейн. Оба конструктора подверглись репрессиям со стороны властей за верность выбранному пути. Правда, «терновый венец», возложенный на голову фон Брауна Третьим рейхом, был намного легче того, что надел на

голову Королева сталинский режим. Если первый находился всего лишь пару недель в заключении весной 1944 г. (при этом с ним вполне прилично там обращались)[38], то второму, по стандартному в те времена обвинению во вредительстве, пришлось с июня 1937 по сентябрь 1943 года пройти все «круги ада». Это в первую очередь сопровождаемые пытками допросы в подвалах Лубянки. Об их тяжести и жестокости говорит такой факт, упомянутый Головановым: «В феврале 1988 года я беседовал с членом-корреспондентом Академии наук СССР Ефуни. Сергей Наумович рассказывал мне об операции 1966 года, во время которой Сергей Павлович умер. Сам Ефуни принимал участие в ней лишь на определенном этапе, но, будучи в то время ведущим анестезиологом 4-го Главного управления Минздрава СССР, он знал все подробности этого трагического события.

„Анестезиолог Юрий Ильич Савинов столкнулся с непредвиденным обстоятельством, — рассказывал Сергей Наумович. — Для того чтобы дать наркоз, надо было ввести трубку, а Королев не мог широко открыть рот. У него были переломы обеих челюстей...».

Факт этот подтверждается и тогдашним министром здравоохранения Б. В. Петровским, который лично оперировал Королева (Петровский занял пост главы Минздрава за пять месяцев до операции). По словам Петровского, главный конструктор «скрывал, что у него были сломаны челюсти и он не мог широко открыть рот. Опирируя людей, прошедших ужасы репрессий 30-х годов, я довольно часто сталкивался с этим явлением. У меня нет никаких сомнений, что во время допросов в 1938 году Королеву сломали челюсти...»[39]

После «задушевных бесед» на Лубянке последовали нечеловеческие условия колымских лагерей (в которых от голода и холода умирало столько людей, что данные «исправительные учреждения» вполне могли бы быть названы «лагерями смерти»), а также все «прелести» подневольного (хоть, правда, интеллектуального) труда в бригаде таких же конструкторов-«вредителей», как и он сам[40]. И все же, несмотря на куда более тяжкие лишения, выпавшие на его долю, Королев, в итоге, приобрел для советской космической программы большее значение, чем фон Браун — для американской. У немецкого коллеги Сергея Павловича функции были фактически сведены лишь непосредственно к разработке ракетно-космической техники. Пусть благодаря фон Брауну люди впервые ступили на поверхность Луны — достижение, не превзойденное до сих пор. Пусть фон Браун со всевозможной страстью доказывал на страницах печати, на радио и телевидении, на различных форумах и конференциях важность и необходимость пилотируемых полетов в космос, а в будущем — и его колонизации. Но сказать про него то же, что и про Королева — «создал целую программу», направленную на достижение в космосе определенной цели, Харфорд бы явно не смог. И дело здесь отнюдь не в фон Брауне, а в американской системе взаимоотношений власть — наука, в рамках которой наука, в отличие от АН СССР, не играет самостоятельной роли и не выходит за границы отведенного ей властью места.

К тому же так уж сложилось — хорошо это или плохо — но спроектированная в середине 1950-х годов под руководством Сергея Павловича знаменитая «семерка» — «Союз», начиная с полета Гагарина в 1961 г., и в наши дни остается единственной «рабочей лошадкой», выводящей в космос российские пилотируемые корабли. А всего, начиная с запуска в космос первого ИСЗ в 1957 г. и по конец 2004 г., «Союзы» стартовали более 1 660 раз, в подавляющем большинстве случаев успешно вынося за пределы земной атмосферы как экипажи, так и автоматические аппараты. Более того, у «Союзов» есть все шансы находиться на службе вплоть до 2015 г. — ориентировочного срока окончания работы Международной космической станции (МКС). Ведь именно они периодически доставляют к ней «спасательные шлюпки», сделанные на базе кораблей, также именуемых «Союз», и транспортные корабли типа «Прогресс». Запускают в космос модифицированные «семерки» и некоторые типы спутников.

Что же касается фон Брауна, то из четырех основных типов американских носителей, вывезших на себе пилотируемую программу США до «Спэйс Шаттла» — «Редстоун», «Атлас», «Титан» и «Сатурн», лишь два — «Редстоун» и «Сатурн» — созданы под его непосредственным началом. К тому же немецкий конструктор, в отличие от советского

коллеги, не принимал активного участия в разработке американских пилотируемых кораблей. «Союз — Аполлон» поставил точку в блистательной и триумфальной истории освоения космоса машинами фон Брауна. Она длилась 17 лет — с момента запуска первого американского ИСЗ и до первого «рукопожатия на орбите»[41].

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что под занавес своей конструкторской деятельности фон Браун внес некоторый вклад и в определение будущего американской пилотируемой космической программы. В начале 1970-х годов в США уже активно обсуждался вопрос, какой носитель и корабль станут преемниками «Сатурнов» и «Аполлонов». Подавляющее большинство инженеров и политиков склонялось к мысли, что это должен быть корабль многоразового использования «Спэйс Шаттл» (в переводе на русский — «космический челнок»). Однако, что касается степени этой многоразовости, то тут мнения разнились. Некоторые отдавали предпочтение двухступенчатой системе, каждая ступень которой возвращается на Землю и вновь используется. Фон Браун же с рядом других специалистов полагал, что более простой вариант, при котором назад возвращалась лишь одна ступень, будет одновременно и более дешевым[42]. Последнее было особенно важно в свете выделения в 1971 г. Белым домом ассигнований на разработку «Спэйс Шаттла» в два раза меньше ожидаемых (с 10 до 5 млрд. долларов). В итоге «шаттл» получился полуступенчатым. Прилепленные по бокам кислородно-водородного бака «карандаши» — твердотопливные ускорители, отделяются от корабля примерно через две с небольшим минуты после старта и возвращаются на Землю (а точнее спускаются на парашютах в океан). После этого они, как и «челнок», готовятся к очередному использованию. «Карандаши» считаются половиной ступени, а «шаттл» — ступенью целой. Вполне вероятно, что «полуступенчатость» «челноков» как раз и стала результатом компромисса между «двухступенчатостью», предлагаемой оппонентами фон Брауна, и «одноступенчатостью», предлагаемой им самим. Если это так, нынешнее руководство космической программой США должно быть благодарно за то, что невероятно дорогой «шаттл» (стоимость некоторых полетов доходит до 450 миллионов долларов, что в 20 с лишним раз больше стоимости полета «Союза) не стал еще дороже[43].

Но в любом случае сыграть сколько-нибудь заметную роль в разработке «шаттлов» фон Браун уже не мог. В 1972 г. он официально ушел из НАСА (National Aeronautics and Space Administration — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), а проще говоря — американского космического агентства, и стал сотрудником частной корпорации «Фэйрчайлд Индастриз». Начиная с 1975 г. — времени наиболее активной разработки «челнока», здоровье человека, проложившего людям дорогу на Луну, постепенно ухудшалось, и в 1977 г. его не стало[44].

Первый же «шаттл» отправился на орбиту лишь через четыре года после этого — 12 апреля 1981 г., ровно через два десятка лет, день в день, после полета Гагарина[45].

Таким образом, детища Королева пережили непосредственные творения немецкого конструктора почти на 30 лет и имеют шанс увеличить эту цифру до 40.

Но вернемся в 1956 г. До встречи с Сергеем Павловичем Хрущев даже не помышлял о том, чтобы опередить американцев в области освоения космоса. Такая мысль просто не приходила ему в голову. Заинтересовался же подобной идеей Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР именно благодаря Королеву. Вот как рассказывает об этом сын Н. С. Хрущева Сергей: «Королев убеждал, что мы можем опередить американцев, запустить свой аппарат (первый искусственный спутник. — Ю. К.) не только раньше их, но и весом во много раз больше. При этом, говорил он, затраты потребуются мизерные, основные расходы уходят на создание носителя, а у нас ракета уже есть.

— Будет, — поправился он.

Возможность утереть нос американцам понравилась отцу. Оживившись, он стал расспрашивать Королева, насколько серьезным переделкам придется подвергнуть ракету? Не повлияет ли погоня за престижем на решение основной задачи создания столь необходимого для страны оружия (баллистических ракет — Ю. К.)...

Примерно так вспоминал отец о своей реакции на рассказ Королева. Тогда же он только сказал: „Если главная задача не пострадает, действуйте“...

Вскоре после посещения конструкторского бюро, 30 января 1956 г., вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященное исследованию космоса. Запуск искусственного спутника Земли стал одним из разделов государственного плана[46].

А по мнению Чертока, «главный вождь партии — Хрущев оказался, может быть, большим романтиком космических исследований, чем Королев и Келдыш. Поэтому поддержка самых смелых и еще сырых космических программ с самого верха была обеспечена»[47].

С учетом влияния, которое имел Королев на Хрущева, не будет преувеличением сказать, что главный конструктор вместе со своим бюро во многом определили космическую политику СССР в начале «космической эры» и наметили стратегические ориентиры для дальнейшего развития деятельности Советского Союза в космосе. Так, в 1960 г. Сергей Павлович разрабатывает и утверждает в высших правительственных инстанциях развернутую программу широкомасштабного космического наступления. Этот документ, датированный 23 июня того же года, назывался Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в период 1960-1967 годов». Наиболее далеко идущими пунктами программы были пилотируемые полеты на Луну и Марс, а также исследование «дальнего» космоса при помощи автоматических аппаратов. Обратим внимание на тот факт, что все это должно было быть реализовано до 1967 г.[48] Вполне возможно, что, зная силы, как собственные, так и коллег по работе, а также присущую ему способность убеждать тех, кто держал руку на «бюджетном кране», Королев считал подобный план вполне осуществимым в эти временные параметры.

Огромная степень личного влияния Королева на правительственные круги подтверждается современниками Сергея Павловича, хорошо его знавшими или имевшими какое-либо отношение к космонавтике.

Академик Сагдеев сравнивает главного конструктора с «могущественным феодалом», способным «ногой открывать дверь кабинета Хрущева»[49]. Почему? Ответ на этот вопрос дает Голованов: «Начиная с первого спутника и далее, через лунники к гагаринскому кораблю и потом вплоть до полета первого «Восхода», во время приземления которого и произошел первый в советской истории государственный переворот, космонавтика оставалась для Хрущева сильнейшим козырем в его политической борьбе, и это определяло его отношение, а следовательно, отношение государственного и партийного аппарата, к Королеву и его трудам.

Лунниками назывались советские автоматические межпланетные аппараты, запущенные к Луне в 1959 г., включая «Луну-1» — первый рукотворный объект, покинувший околоземное пространство. Прошел рядом с Луной на расстоянии около 6000 км. Безусловное достижение, хотя и не совсем то, которое планировалось, ибо «Луна-1» должна была попасть на естественный спутник Земли. «Луна-2» — первый земной объект, достигший лунной поверхности. «Луна-3» — первая фотография обратной стороны Луны.

Все же исследование естественного спутника Земли Советским Союзом выглядит с точки зрения статистики так: с 1958 по 1966 г. СССР произвел 21 пуск по Луне. Из них только в трех был достигнут полный, а в одном — частичный успех.

Став лидером столь важного научно-технического направления, определяющего в какой-то мере политику всей страны, Сергей Павлович уже помимо своей воли превращался в деятеля политического[50].

Отступление третье: как формировался экипаж «Восхода»

Полет первого в мире многоместного корабля «Восход-1» проходил 12-14 октября 1964 г. Экипаж — Владимир Комаров (военный летчик, командир), Константин Феоктистов (бортинженер), Борис Егоров (врач). Во время полета состоялся Пленум ЦК, который и освободил Хрущева от всех занимаемых должностей, отправив в политическое небытие. 19 октября новый хозяин Кремля Леонид Ильич Брежнев решил продолжить добрые традиции своего предшественника и устроить на Красной площади праздник в честь новых героев космоса. Во время полета экипажа в Москву кто-то в шутку предложил Комарову доложить новоиспеченному главе страны так: «Готовы выполнить любое новое задание любого нового правительства».

Формирование экипажа этого «Восхода» шло достаточно трудно. Дело в том, что уже тогда установилось негласное соперничество между ВВС и создателями космической техники за право отправлять в полет своих представителей. Командование военно-воздушных сил, сознавая, насколько усиливает его авторитет и влияние участие в освоении космоса, хотело, чтобы все космонавты были военными летчиками. Конструкторы понимали — пилотирование космического корабля настолько отличается от пилотирования самолета, что обладание пилотными навыками дает летчику (если вообще дает) минимальный карт-бланш перед инженерами с космических предприятий, в то время как последние, в силу более глубокой технической и научной подготовки, смогут значительно больше рассказать о поведении корабля в полете, чем летчики. Так и произошло в случае с «Восходом-1». По словам Голованова, бортинженер с королевской «фирмы» Феоктистов (первый «гражданский» на орбите) поведал Королеву «о корабле в космосе больше, чем все другие летавшие до него космонавты вместе взятые».

Но еще до миссии «Восхода» командование Центра подготовки космонавтов настаивало на том, чтобы вместо гражданского врача Бориса Егорова летел военный врач и летчик Василий Лазарев. Генералы еще могли смириться с нахождением на борту одного гражданского — Феоктистова, но двух — было выше их сил[51]. Склонил чашу весов в пользу Егорова его меньший рост — он лучше вписался в корабль, чем Лазарев. Дело в том, что в спускаемом аппарате «Восхода» было очень тесно. От скафандров отказались не только потому, что главный конструктор систем жизнеобеспечения Гай Ильич Северин был уверен в надежности своей продукции, и не оттого, что, по утверждению американского журнала «Лайф», русские хотели сделать «просто показной жест». Космонавтов лишили «космических доспехов» по той причине, что троих «покорителей Вселенной» в их традиционном обмундировании разместить в корабле было чрезвычайно трудно. Поэтому требования к росту, а точнее — к относительным размерам туловища и ног космонавтов были весьма жесткие. Так вот, фигура Егорова оказалась оптимальной — он отлично вписывался в «шарик»[52].

Попутно замечу, что похожая ситуация наблюдалась в начале 1960-х годов и в США, где ВВС также хотели монополизировать всю космическую деятельность в стране, фактически взяв на себя функции НАСА. Далее вы узнаете о том, как был достигнут компромисс между этими ведомствами.

Как свидетельствуют современники Сергея Павловича Королева, для него существовала только одна форма взаимоотношений в космосе между Советским Союзом и США — «космическая гонка». В некотором смысле он, движимый профессиональными амбициями, без которых не может состояться настоящий конструктор, был озабочен «побитием» американцев в космосе даже больше, чем Хрущев. Не зря же радовался Королев в Германии тому, что советским войскам не удалось взять в плен фон Брауна и заставить работать на СССР[53]. И правда — зачем ему немец? Дал кое-какую пищу для размышлений своими «Фау-2», и довольно. Далее — своим путем, постоянно доказывая всем, в том числе и фон Брауну, очередными космическими победами над Америкой, что свой путь — эффективнее, надежнее, выгоднее, а попросту говоря — лучше. Как подчеркивал Голованов, Королева «...просто ужас охватывал, когда он представлял, что „американцы" (словечко,

изобретенное Сергеем Павловичем) его обгонят. Он и думать об этом не хотел!»[54] По воспоминаниям кандидата медицинских наук А. Д. Серяпина, участвовавшего в подготовке полетов собак в космос, приблизительно в середине 1950-х годов «Сергей Павлович высказал предложение послать на ракете в суборбитальный полет уже не собаку, а человека. Четверо медиков — и я в том числе — подали рапорт о готовности совершить такой полет. Мы уже готовились приступить к тренировкам, но этому плану не суждено было осуществиться: создание новой межконтинентальной ракеты и последовавший вскоре запуск первого искусственного спутника поставили перед исследователями совсем иную неотложную задачу...»[55]

Впрочем, дело здесь, конечно, не только в профессиональных амбициях. Анализ последующего развития отечественной космической программы, густо замешанной на политике, говорит о том, что стремление Королева быть первым было точно рассчитанным политическим ходом. Он не дал себе расслабиться даже после специального правительственного решения, снимавшего с него всякую ответственность за опоздание с пуском первого ИСЗ. Причина подобного шага руководства страны состояла в том, что в создании спутника большую роль играла формально неподконтрольная Королеву организация — комиссия по космосу в рамках АН СССР, возглавляемая Келдышем. В задачу этой комиссии входила разработка научных приборов для ИСЗ.

Более того, по воспоминаниям космонавта Георгия Гречко, подтвержденным многими испытателями, работавшими на космодроме Байконур, срок пуска ПС («простейший спутник» — так иногда назывался первый ИСЗ) Королев сдвинул на два дня раньше.

Причиной тому был листок экспресс-информации, в котором говорилось, что на совещании по координации запусков ракет и спутников, которое проходило в Вашингтоне по линии МГГ, на 6 октября [1957 г.] намечен американский доклад «Спутник над планетой». Что это значит? Королев встревожился. Может быть, просто доклад — один из многих на эту тему. А может быть, констатация факта! Он звонил в КГБ. Ему сказали, что никаких сведений о том, что американцы запустят на днях спутник, нет. Королев знал, что запуск американского спутника планируется примерно на март 1958 г. Но вдруг! Ведь в одном из своих выступлений — Королев читал их внимательнейшим образом — Джон Хаген, руководитель проекта «Авангард», заявил как-то неопределенно: «Быть может, мы предпримем испытания до исхода этого года...»

Сейчас, когда счет шел на дни, даже на часы, сама мысль о том, что его могут опередить, была для Королева невыносима. И несмотря на то, что работы шли по очень напряженному графику, Главный принимает решение: сдвинуть его на два дня, провести пуск не 6 октября, как намечалось, а 4 октября[56].

Приказ о летных испытаниях С. П. Королев подписал 2 октября — за два дня до старта. Обратите внимание на один характерный момент: приказ шел не из Москвы в Байконур, а из Байконура в Москву[57].

Фактически Королев отдавал приказ Кремлю, требуя от последнего только завизировать его, что и было сделано 4 октября — в день запуска первого ИСЗ[58]. Но уже не дожидаясь никаких вышестоящих разрешений, ранним утром 3 октября ракету со спутником вывезли на стартовую позицию[59].

Такое же отношение Сергей Павлович проявлял и к первому пилотируемому полету в космос. «Освободившись от «Луны», — вспоминает Черток, — он весь ушел в азартную гонку за вывод в космос человека. Кто будет в космосе первым: русский или американец? Мы отлично понимали, что уступить приоритет американцам через три года после запуска первого спутника недопустимо»[60].

Проявляя инициативу, торопя смежников и фактически указывая руководству страны, что нужно делать, Королев и его соратники, безусловно, приблизили момент старта первого спутника, а после — и первого человека в космос. А теперь представим, что было бы, если бы американцы опередили СССР в космосе? Ведь в запуске первого ИСЗ Советский Союз обогнал Соединенные Штаты чуть меньше, чем на четыре месяца, а Гагарин «обошел»

Алана Шепарда и того меньше — лишь на три недели. И пусть Шепард совершил 5 мая 1961 г. только суборбитальный полет, все равно — лавры нации, первой отправившей своего представителя за пределы атмосферы, достались бы американцам.

Случись все это, не было бы того политического эффекта первенства, не было бы фанфар Кремлю как внутри страны, так и за ее пределами, не было бы такой заинтересованности руководителей государства в ускоренном развитии отечественной космической программы. Заинтересованности, которую Королев стремился всячески обострить, еще больше усиливая ее политическую подоплеку. Вот как вспоминал об этом Сергей Хрущев: «Второй спутник Сергей Павлович предложил запустить к празднику, в этом году исполнялась круглая дата — 40-летие революции. Отец засомневался, не принесла бы спешка вреда, вместо подарка получим сплошное расстройство. Королев уговорил его. Он не сомневался в успехе, ну а ежели что, то просто промолчим. Дома отец поделился со мной новостью: к празднику на орбиту выйдет новый спутник с собакой на борту.

Хочу прояснить одно недоразумение. Не раз в воспоминаниях свидетелей и участников событий тех лет мне приходилось читать, как Королев передавал своим коллегам то пожелания, а то и требования отца запустить спутник или космический корабль к очередной знаменательной дате. В самой такой постановке с точки зрения принятых у нас стереотипов нет ничего предосудительного. В те годы мы сдавали дома, заводы, мосты к дате. Не было бы ничего удивительного и в подобных просьбах отца, если б они попросту были. Скорее всего, авторы искренне заблуждаются, память подводит. А возможно, Сергей Павлович, желая прибавить обороты, использовал не только свой авторитет, но и отца.

От отца я не раз слышал о предложениях Королева запустить что-нибудь новенькое, невиданное к «красному» дню. Желание понятное, а подогнать сроки, особенно если впереди несколько месяцев, несложно. Отец же шутил: «Поспешишь — людей насмешишь». Пока спутники запускались в беспилотных вариантах, его еще удавалось уговорить. Неудача не заставила себя ждать. Третий тяжелый спутник Сергей Павлович подгадывал запустить к Первомаю. Старт назначили на 27 апреля пятьдесят восьмого года. Закончился он аварийно, спутник потеряли. Имевшийся в запасе второй экземпляр вывели на орбиту только 15 мая.

Отец сделал для себя выводы и, когда начались пилотируемые полеты, стал непреклонен. Любые предложения приурочить запуск космонавта к дате отвергал с порога, запрещал. Перелистайте календарь: до конца 1964 г. пилотируемых запусков к праздникам не делали, об автоматических не могу сказать, здесь запреты действовали не так строго»[61].

Отступление четвертое: так была ли «гонка за датами»?

Свидетельством того, что на автоматические пуски действительно не распространялись строгие запреты «не гнаться за датами», стала запись, которую 5 января 1961 г. оставил в своем дневнике генерал-лейтенант авиации Николай Петрович Каманин. Правда, как следует из нее, гонка со временем даже при запуске беспилотных носителей могла привести к человеческим жертвам: «...попытка пуска новой ракеты Р-16 (24 октября 1960 г. — Ю. К.) закончилась ее взрывом на старте и гибелью 74 человек, в том числе маршала Неделина. Причины этих неудач точно не установлены, и их никто не рискнет установить. Дело в том, что пуски приурочивались к выступлению Хрущева в ООН в Нью-Йорке, и поэтому были допущены преступная спешка и неорганизованность. Начальство «давило на всех и вся» и «выдавило грандиозные провалы». А 25 января в дневнике Каманина появилась следующая запись: «Дважды был у Главкома ВВС Вершинина, подробно доложил ему о ходе подготовки пуска ракеты на Венеру. Он также считает, что только требования престижа толкают нас на поспешный и недостаточно подготовленный эксперимент»[62].

А вот как описывает Голованов встречу Королева и Хрущева после запуска первого ИСЗ:

«Беседа была совершенно непринужденной. В благодушном настроении

Никита Сергеевич был очень милым, веселым человеком, общение с которым доставляло истинное удовольствие, но в гневе зверел, становился неуправляем и дик. Сейчас, начитавшись правительственных вестников ТАСС и радиоперехватов с восторгами по поводу спутника, Хрущев был очень оживлен, разглядывая Королева своими умными лукавыми глазками, говорил откровенно:

– Когда вы нам писали о спутнике, мы вам не верили. Думали, это так, фантазирует Королев, хвастается, да... Но теперь другое дело... Близится годовщина Октября, Сергей Павлович, 40 лет Советской власти как-никак, да... Хотелось бы что-нибудь к празднику, а?

– Например, спутник, который бы вместо сигналов передавал «Интернационал», — подсказал сидевший рядом Анастас Иванович Микоян[63].

– Ну что ты со своим «Интернационалом», — одернул его Хрущев, — что это тебе — шарманка[64], что ли?

Идея Микояна о «шарманке» на орбите получила свое неожиданное воплощение в первом китайском спутнике «Донгфангхонг-1», запущенном в космос 24 апреля 1970 года. Он транслировал на Землю любимую мелодию Мао Цзэдуна «Алеет восток».

– А что, если запустить спутник с живым существом, с собакой? — предложил Королев с таким выражением лица, будто идея эта его только что осенила.

– С собакой? — восторженно воскликнул Хрущев. — А что? Здорово! Представляешь, Анастас, собака в космосе, а? Это годится! Давайте собаку! Но к празднику! Договорились, Сергей Павлович, а? Можете просить все, что хотите, но к празднику, договорились? — Хрущев расхохотался.

– Будем стараться, Никита Сергеевич, — улыбнулся Королев.

Королев, как хороший инженер, знал, что сделать и запустить спутник с собакой за месяц — невозможно, даже если люди будут весь месяц работать круглосуточно. Но он знал, что сделать его придется, и он его сделает»[65].

Однако независимо от того, подстраивались ли космические старты под «великие даты» или нет, «высшие политические руководители Советского Союза, — отмечал Черток, — никогда не упускали случая воспользоваться ракетно-космическим козырем во внешнеполитической игре и для напоминания народу, что только под руководством Коммунистической партии и ее Центрального Комитета могут быть обеспечены свершения, доказывающие явное превосходство социалистической системы»[66].

Аналогичного мнения об истинных причинах интереса Кремля к освоению космоса придерживался и посол США в СССР в 1962-1967 гг. Фой Колер. По его словам, «буквально за одну ночь достижение в области науки и техники уже само по себе придало новый мировой статус Советскому Союзу и нанесло серьезный удар по престижу и влиянию США не только в глазах других наций, но, прежде всего — американцев. И в течение многих лет после этого советское руководство с большим умением и эффективностью использовало это новое научно-техническое достижение в области освоения космоса для преследования еще более глобальных политических целей. Причем делало это в такой степени, что советская внешняя политика в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов часто называлась „дипломатия спутника"»[67].

Хорошо это или плохо, что освоение космоса Советским Союзом было во многом подчинено решению отнюдь не космических задач, но ясно одно: не было бы «дипломатии спутника», не было бы сегодня на «визитной карточке» России слов «космическая держава». А это — единственный «титул», который, в основном, и поддерживает ее имидж как современного, высокотехнологичного индустриального государства.

Впрочем, объяснять внимание, уделявшееся космосу Кремлем лишь стремлением поразить воображение соотечественников и всех людей планеты, было бы неверно. Как отмечал Колер, «русские использовали свои космические успехи в качестве главного орудия в непрекращающихся попытках достичь мирового превосходства в области науки и техники, то есть в том, что расценивалось советским руководством как „самый важный трамплин в

борьбе между двумя системами на мировой арене"»[68]. Другими словами, космические технологии рассматривались правительством СССР как важнейшая движущая сила прогресса в других отраслях промышленности, играющих ключевую роль в экономике современного государства. К числу таких относятся, в частности, приборостроение и электроника, исключительно сильным стимулом для развития которых стала ракетная техника[69].

Столь значительная роль космонавтики в жизни советского государства и общества не могла не способствовать еще большему увеличению влияния АН СССР на политику государства, а внутри самой академии — так называемого ракетно-космического лобби. В июне 1958 г. прошла сессия общего собрания Академии наук. Несмотря на полную секретность работ по созданию межконтинентальных ракет и спутников, ученое академическое общество понимало, что творцы данной техники достойны самых высоких ученых степеней и званий. Глушко и Королев были на этом собрании избраны академиками. Бармин[70], Кузнецов[71], Пилюгин[72], Рязанский и Мишин[73] — членами-корреспондентами.

Как вспоминает Черток, итоги выборов в Академию способствовали существенному повышению авторитета Совета главных конструкторов не только в «верхах», но и среди рядовых инженеров. У руководителей многих смежных предприятий появился весьма ощутимый стимул для активизации работы в сфере ракетно-космической техники. «Дальнейшие события подтвердили, что перспектива быть избранным в Академию за заслуги в области решения научных проблем ракетной техники и исследования космического пространства привлекла к нашим работам многих талантливых ученых, которым отнюдь не чуждо было честолюбие»[74].

Однако избранные в Академию представители космической отрасли не считали членство в ней ценностью самой по себе. Высший научный орган страны должен был стать инструментом осуществления их планов. Перспективы подобной трансформации АН СССР были более чем реальны. Ведь в начале 1960-х годов, ракетчики составляли самое многочисленное (102 академика и члена-корреспондента), а главное — самое могущественное и наиболее щедро (если не считать атомщиков) финансируемое отделение Академии — мозг военно-промышленного комплекса Советского Союза. От президента АН СССР Александра Николаевича Несмеянова (он занимал эту должность в 1951-1961 гг.), кстати, очень положительно относящегося к работам Королева и его коллег, ракетчики требовали поставить «космонавтику в положение исключительное, ломать в угоду ей научные планы множества институтов и отдавать ей лучшие людские и материальные ресурсы Академии»[75]. Несмеянов же не собирался жертвовать во имя освоения заатмосферного пространства интересами фундаментальных наук.

У этого драматического противостояния была вполне ожидаемая развязка. Представители «космического лобби» добились смещения Несмеянова и назначения на его место «своего человека» Келдыша. Интересно отметить, что даже руководитель тоталитарного государства Хрущев не мог своим приказом отправить в отставку президента Академии. Для этого потребовались формальные пере выборы. Другим примером значительной независимости ученых от партийных функционеров стала ситуация с назначением Р.З.Сагдеева на пост директора ИКИ. Партбюро института, поддержанное руководством партийной организации Москвы, противилось этому. Причина — Сагдеев не был членом КПСС. Однако Келдыш проигнорировал партийные протесты, и Сагдеев возглавил ИКИ[76].

Наиболее ярко автономность гильдии ракетчиков была продемонстрирована в конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда между Королевым и Глушко разгорелся конфликт сначала из-за разногласий в оценках причин катастроф первых ракет, а после — из-за разных взглядов на грядущие типы ракетных двигателей[77]. Впрочем, главная подоплека коллизии заключалась в споре за лидерство в космической программе, который вели эти две ярчайшие как в личном, так и в профессиональном плане личности. Несмотря на то, что конфликт этот,

безусловно, наносил ущерб всей отрасли, даже Хрущев не мог заставить Королева и Глушко оставить в сторону личную неприязнь и, как прежде, объединить усилия ради создания новой техники[78].

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы понять — ракетно-космическая промышленность, имевшая своих представителей в АН СССР и во многом ее контролировавшая, была вполне независимой структурой, оказывавшей значительное воздействие на формирование космической политики страны. Это важно знать, ибо данная промышленность была отнюдь не заинтересована в снижении темпов «космической гонки» между СССР и США, а уже тем более в сотрудничестве между двумя странами за пределами атмосферы. Так, одним из сильнейших аргументов, приводимых представителями «космического лобби» в пользу увеличения финансирования какого-либо их проекта, был следующий: на аналогичные работы в США выделено N миллионов долларов[79]. А в сентябре 1960 г. заместитель администратора (руководителя) НАСА Хью Драйден так доложил о своей встрече с академиком Седовым в итальянском городе Стресса, на X международном конгрессе по вопросам прикладной механики: «Седов обсуждал сотрудничество, но весьма неконкретно... Он считает, что если мы действительно станем сотрудничать в подготовке и осуществлении полета человека в космос, ни у нас, ни у них не будет соответствующей программы, изза того, что [данный полет] является предметом соревнования [между СССР и США] и обусловлен политическими мотивами»[80].

Американские ученые и спутник

Если в СССР ученые, имеющие отношение к изучению и освоению космоса, в массе своей были весьма политизированы и буквально «болели» идеей космического первенства, то их заокеанские коллеги являли собой скорее обратный пример. Видимо, сказывалась их большая, чем у советских исследователей, близость к фундаментальным дисциплинам, достижения в которых традиционно считаются «благом всего человечества» и, как правило, делаются достоянием всеобщей гласности. Но не будем забывать и о духе, царившем в те годы в обществе «победившего социализма» — догнать и перегнать Америку. Задача эта была официально сформулирована в высшем программном документе партии — «Программе КПСС», принятом на XXII съезде КПСС в 1961 г.: «в ближайшее десятилетие (1961-1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США...». Отсюда и соревновательная пассионарность, свойственная советским ракетчикам: действительно, разве можно допустить саму мысль о сотрудничестве с тем, кого во что бы то ни стало хочешь опередить, тем более на направлении, где победа наиболее очевидна и впечатляюща?

Дух «космической гонки» представителям страны, не сомневающейся в своей мощи и могуществе, был свойствен, конечно, в меньшей степени, нежели их советским «преследователям». Во всяком случае, до первых космических успехов СССР. Так, даже после известий о том, что Советский Союз разрабатывает свой проект искусственного спутника и не собирается делать его объектом международного сотрудничества в рамках МГГ, ученые США по-прежнему продолжали настаивать на необходимости запуска американского ИСЗ под эгидой Международного геофизического года. И это при том, что первоначально Соединенные Штаты, как и СССР, также собирались сделать спутник чисто национальной программой.

Нельзя, правда, сказать, что представители научного сообщества США не понимали: приоритет Советского Союза в запуске первого ИСЗ может нанести ущерб престижу США. Эту проблему они обсуждали в ходе второй встречи в рамках специального комитета по Международному геофизическому году, состоявшейся в Риме в сентябре 1954 г. И все равно рекомендовали данному комитету предложить запуск спутника под эгидой МГГ[81]. Предложение в принципе было принято, но лишь через 10 месяцев после этого, в июле 1955

г., президент Эйзенхауэр объявил о своем решении одобрить создание американского ИСЗ. Возможно, он прислушался к рекомендации своего специального помощника Нельсона Рокфеллера, который в специальном меморандуме Белому дому отметил: «Если мы позволим инициативе русских опередить нашу собственную и первыми приписать себе достижение в той области, которая символизирует научно-технический прогресс для всех людей планеты, последствия этого для нас будут весьма дорогостоящими. Поставленный на ставку престиж делает для нас проигрыш в этой гонке недопустимым»[82]. Во всяком случае, по мнению американских исследователей, Эйзенхауэр стремился успеть сделать подобное заявление до аналогичного шага со стороны русских[83].

Насколько ученые в СССР были последовательны в политическом прагматизме, настолько их коллеги в США — в научном идеализме. По словам Хью Одишау, исполнительного секретаря американского комитета по проведению МГГ, после того как в Соединенных Штатах было принято решение о запуске спутника, «никто в научной среде не вел разговоров о том, чтобы запустить спутник лишь с целью опередить русских»[84].

Забегая вперед, скажу, что одним из наиболее важных ответных шагов Эйзенхауэра на «бип-бип», переданные с орбиты советским первенцем, было привлечение ученых к участию в формировании государственной политики на высшем уровне. Во-первых, глава государства учредил должность специального помощника президента по вопросам науки и техники (Special Assistant to the President for Science and Technology). А во-вторых, он перевел консультативный комитет по науке (Science Advisory Committee) из относительно малозначимого отдела оборонной мобилизации[85] в администрации президента США в непосредственное подчинение Белому дому[86].

Но даже после этого американские идеалисты от науки опасались, что политически мотивированная космическая программа потребует больше средств на свою реализацию, чем если бы она коренилась на чисто научной почве, и что это, в свою очередь, понизит внимание к другим научным проектам. «Выиграть гонку у русских» — стояло в ряду политических целей, достижение, которых в США традиционно было уделом политиков, а не ученых.

Оппозиция в США сотрудничеству с Советским Союзом

Впрочем, не стоит думать, будто в Соединенных Штатах все те, кто сколько-нибудь были причастны к освоению космоса, мечтали о взаимодействии в этом деле с СССР. Вовсе нет. Более того, оппозиция этой идее была со стороны мощного государственного органа, призванного управлять космической программой США.

В 1958 г. в США было учреждено Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства, или НАСА (NASA — National Aeronautics and Space Administration). Устав организации, или Национальный акт по авиации и космосу (National Aeronautics and Space Act), нацеливал ее, в частности, на решение следующих задач.

Раздел 102. Деятельность Соединенных Штатов в области авиации и освоения космического пространства должна строиться таким образом, чтобы реально способствовать... сотрудничеству Соединенных Штатов с другими нациями и группами наций, с одной стороны — в деле, осуществляемом в соответствии с этим Актом, а с другой — в мирном использовании результатов этого дела.

Несмотря на то, что создатели НАСА неоднократно подчеркивали, будто одной из целей учреждения данного агентства было отделить гражданские космические программы от военных, граница между ними была сознательно сделана весьма расплывчатой. Это и понятно — космическая техника является технологиями двойного использования, которые могут быть с одинаковым успехом задействованы как с мирными, так и с военными целями. Понимая это, авторы Устава НАСА специально отметили в разделе «Декларация политики и целей [агентства]»: «Конгресс заявляет, что общее благополучие и безопасность Соединенных Штатов требуют принятия соответствующих мер в сфере авиационной и

космической деятельности. Конгресс также заявляет, что данная деятельность будет находиться в компетенции гражданского агентства и управляться им. [Это агентство] осуществляет контроль над авиационной и космической деятельностью США, за исключением тех случаев, когда речь идет о деятельности, связанной в основном с разработкой систем вооружения, военными операциями или обороной Соединенных Штатов... и которая будет находиться в компетенции министерства обороны и управляться им. Окончательное решение о том, какая из организаций (НАСА или Пентагон. — Ю. К.) будет отвечать за то или иное направление такого рода деятельности, будет приниматься президентом...» [87]

Раздел 205. Администрация (НАСА. — Ю. К.), руководствуясь внешнеполитическими директивами президента, может участвовать в программе международного сотрудничества в области деятельности, определяемой данным Актом, а также в мирном использовании результатов этой деятельности, в соответствии с соглашениями, заключенными президентом по совету сената и по согласованию с ним.

Однако, несмотря на то, что международное сотрудничество было составной частью идеологии НАСА с момента рождения этой организации, растущий бюджет агентства зависел от продолжающегося соревнования в космосе между США и СССР (и в этом плане, как видно, НАСА ничем не отличалось от советской космической отрасли). Была, впрочем, и еще одна причина, по которой американское аэрокосмическое агентство не было в восторге от перспективы сотрудничества с Советским Союзом. Многие сотрудники НАСА того времени вышли из вооруженных сил. Два десятилетия холодной войны, контроль, установленный СССР над Восточной Европой, а также советское термоядерное оружие выработали у них, как и большинства американцев, чувство скорого начала войны «горячей»[88].

Не случайно поэтому работники аэрокосмического агентства США, искренне верившие в то, что речь идет о выживании западной цивилизации, описывали первые годы «космической гонки» как самые настоящие фронтовые сражения[89]. Как отметил один из ведущих американских специалистов в области теории государственного управления Говард МакКерди, «сотрудники НАСА были призваны на одну из крупнейших битв холодной войны, вести которую должны были на пределе своих профессиональных возможностей»[90].

Ясно, что подобная философия, исповедовавшаяся работниками аэрокосмического агентства, не позволяла им даже гипотетически рассмотреть возможность сколько-нибудь существенного сотрудничества в космосе с Советским Союзом. Это особенно четко проявилось в 1960 г., когда руководитель НАСА Кейт Гленнан призвал Эйзенхауэра, планировавшего свой визит в СССР в этом же году, воздержаться от обсуждения с советскими официальными лицами каких-либо форм взаимодействия в космосе, помимо полезного обмена безобидными метеорологическими данными[91].

Советский и американский спутники: некоторые тайны рождения

Военно-стратегическое противостояние между СССР и США, а главное разные политические и экономические системы двух стран, стали причиной одной весьма существенной разницы между программами первого ИСЗ, осуществлявшимися в Советском Союзе и Соединенных Штатах. Причем разница эта оказала впоследствии довольно заметное воздействие на сотрудничество в космосе между двумя государствами.

Как Эйзенхауэр, так и Хрущев, были озабочены тем, чтобы спутники не помешали осуществлению в их странах программ межконтинентальных баллистических ракет (МБР)[92]. С учетом технических особенностей рождения обоих первенцев, основания для подобного беспокойства были: ведь и тот и другой проекты как бы «вырастали» из МБР. Правда в разной степени. Если американский «Юпитер», запустивший в космос «Эксплорер-

1», представлял собой значительно модифицированную баллистическую ракету «Редстоун» (наибольшие изменения коснулись трех верхних ступеней)[93], то создатели советского ИСЗ пошли по еще более простому пути: практически они всего лишь заменили спутником боеголовку «семерки».

Однако, имея с инженерно-технической точки зрения одинаковых «родителей» — программы МБР, проекты спутников по разным сторонам железного занавеса[94] получили весьма разных «воспитателей».

Хрущев не желал ни малейшего отвлечения интеллектуальных, производственных или экономических ресурсов страны от создания стратегического ударного потенциала страны. Королев получил от него «добро» на создание ИСЗ только после того, как смог убедить премьера: все, что потребуется для запуска спутника — это сменить «начинку» под головным обтекателем ракеты с ядерного заряда на блестящий шар с длинными усами-антеннами[95]. Таким образом, советская спутниковая программа не только с технической, но и с политической точки зрения стала обязательной частью программы развертывания МБР.

К данной особенности появления на свет советских ИСЗ (даже предназначенных для решения исключительно мирных задач) прибавился тот факт, что «все стартовые площадки страны и полигоны для испытания космической техники с первых дней советской космической программы были поставлены под непосредственный контроль военных»[96]. А в сочетании эти два явления вполне логично привели к тому, что вся космическая деятельность в СССР стала окутываться плотным покрывалом секретности. Какие же после этого могли быть серьезные разговоры о сотрудничестве с американцами в области запуска ИСЗ, если для этого пришлось бы делиться высшими военными секретами с потенциальным противником?

Впрочем, как следует из воспоминаний Сергея Хрущева, была и еще одна причина для скрытности, которую проявляло советское руководство в вопросах, касающихся отечественной ракетной техники. Так, когда вице-президент США Ричард Никсон посетил Москву в 1959 г., ему «показали все, что он пожелал, кроме ракетных позиций. Показывать пока было нечего». А когда одного из руководителей партии Фрола Романовича Козлова американцы предложили свозить на Мыс Канаверал — город в штате Флорида, где располагается главный космодром США[97], ...отец (т.е. Н.С.Хрущев. — Ю. К.) посоветовал ему вежливо отказаться.

— Они это делают, чтобы потребовать взаимности. Мы им ничего показать не можем, и ему там нечего делать, — подвел он итог обсуждению шифровки из США, в которой запрашивались инструкции[98].

Правда, по мнению Сагдеева, советские специалисты, работавшие в сфере освоения космического пространства, были вполне удовлетворены режимом секретности, накрывшим их деятельность своим непроницаемым пологом. Поскольку все, что они делали, было «тайной за семью печатями», всегда имелся шанс скрыть истинную причину какой-либо неудачи в их работе, даже если она вызвана чьей-либо халатностью или разгильдяйством. Всегда можно было представить собственную, выгодную для себя версию случившегося, не особо опасаясь, что кто-нибудь проведет параллельное расследование и выяснит реальные причины произошедшего[99]. Более того, «система секретности, — как считал Сыромятников, — устраивала и высшее руководство (страны. — Ю. К.), позволяя покрывать недостатки, придавая ореол таинственности и внося фактор неожиданности при покорении новых вершин на пути к новым победам социализма»[100].

Впрочем, не будем столь однозначны в оценке восприятия секретности людьми, вольно или невольно отмеченными ее грифом. Кто-то, может быть, действительно извлекал из нее пользу, покрывая ею собственную недобросовестность. Однако Черток вспоминал, что и Королев, и Глушко, люди весьма честолюбивые и имевшие уже академические звания, «очень болезненно» воспринимали славословия мировой прессы в адрес тех, кто, выполняя «партийное поручение», выступали в роли «родителей» спутника, а после — полета

Гагарина[101]. Скорее отношение конструкторов к тайне, поглотившей их вместе с работой, которую они делали, можно назвать «смех сквозь слезы». Шофер Королева, очень переживавший, что его Главного никто не знает, однажды спросил у Сергея Павловича, когда его «откроют», когда люди о нем узнают? «Вот умру, и сразу все узнают!» — ответил Королев с какой-то веселой удалью. Он угадал точно: только смерть, которая никому не подчиняется, рассекретила его...»[102]

А вот как описывает Голованов один из своих разговоров с Королевым:

«Во время одной из встреч с Сергеем Павловичем я попросил его прочесть небольшое мое сочинение и высказать свое мнение. Он согласился.

— Куда вам привезти рукопись — спросил я, — в Подлипки[103] или домой? Мне домой удобнее, я живу рядом с вами...

— Да нет, домой не надо, — ответил Королев, помолчал и добавил, — тут такое дело было... Стреляли в меня...

— Как стреляли?! — я подскочил в кресле.

— В окно моего кабинета... Перед этим к дому подъехала машина, и какие-то люди хотели пройти в дом: говорили, что они со студии документальных фильмов. Охрана их не пустила. Записали номер машины. Оказалось, что такого номера не существует... КГБ разбирается... Так что домой не надо, начнут к вам приставать: кто да что...

Помню, я был поражен: надо же, в Королева стреляли!...

Уже после смерти Сергея Павловича я как-то рассказал об этой истории Нине Ивановне (жене Королева. — Ю. К.). Она рассмеялась:

— Ну, фантаст! Третий Стругацкий! Знаете, как было дело? Мальчишки из рогатки стреляли по окну спальни металлическим шариком, разбили только наружное стекло. Приезжали, действительно, из КГБ, исследовали этот шарик и установили, как и откуда им «стреляли», нашли еще несколько шариков около дома. Потом я позвала стекольщика, и на этом история «покушения» закончилась...

Ему хотелось, чтобы в него стреляли! Таинственные убийцы на таинственной машине, и стрельба, и баллистическая экспертиза КГБ — весь этот сплав былей, вымыслов и домыслов говорит о том, что какое-то, пусть во многом мальчишеское, удовлетворение из своей «великой бесфамильности» он все-таки получал. Или, точнее, стремился получить»[104].

Но вернемся к спутникам. Создание ИСЗ в Америке, в отличие от СССР, было намеренно отделено от программы МБР[105], в основном по двум причинам. Первая — уже упомянутая озабоченность Эйзенхауэра по поводу возможной помехи, которую мог представить спутник сотворению американской «ракетно-ядерной дубинки». Вторая — маскировочная. Департамент обороны США[106] так же, как и его коллега — Министерство обороны СССР, не был чужд пусканию возможных охотников за секретами по ложному следу.

В середине 1950-х годов Пентагон стал разрабатывать программу WS-117L, которая предусматривала создание ряда спутников, способных как заниматься разведкой, так и предупреждать о возможном ракетном нападении. Стремясь интегрировать запуск своего ИСЗ в комплекс мероприятий, осуществляемых в рамках Международного геофизического года, США пытались максимально привлечь внимание мировой общественности, а вместе с тем и иностранных разведок, к своему открытому научному проекту. Это повышало шансы WS-117L остаться в тени[107].

Итак, в тот период времени американское правительство пробовало одновременно решить две довольно противоречивые задачи: с одной стороны, придать космической программе США определенную открытость, а с другой — оградить ее от посторонних глаз. Создание НАСА способствовало в известной степени решению этой дилеммы. Однако попытка связать воедино «коня и трепетную лань» стоила Соединенным Штатам, по мнению

некоторых членов кабинета Эйзенхауэра, пальмы первенства в запуске первого в мире ИСЗ. Вот что говорилось в «Меморандуме о встрече с президентом 8 октября 1957 года» (через четыре дня после запуска спутника. — Ю. К.), подготовленном бригадным генералом США Гудпастером:

«Президент [Эйзенхауэр] задал вопрос секретарю Куарелсу[108] о представленном ему докладе, согласно которому «Редстоун» могла бы вывести на орбиту искусственный спутник много месяцев назад. Секретарь Куарелс подтвердил, что «Редстоун» без сомнения мог бы запустить спутник на орбиту год назад или более. Однако консультативный комитет по науке придерживался мнения, что создание искусственного спутника Земли должно проходить отдельно от разработок в военной сфере. Одна из причин этого состояла в том, чтобы подчеркнуть мирный характер данной программы, а другая заключалась в стремлении избежать использования технологий, применяемых в боевых ракетах, к которым могли бы получить доступ зарубежные ученые»[109].

Зачем Соединенным Штатам нужно было сотрудничество с СССР?

Вопрос не праздный. Разве американцы в меньшей степени, чем русские, были озабочены возможностью «перетекания» своих современных технологий двойного использования в руки тех, кто мог обратить их против Соединенных Штатов? Отнюдь. Но был при этом и еще ряд факторов, обуславливавших во второй половине 1950-х годов интерес США и лично президента Эйзенхауэра к объединению в космосе усилий с Советским Союзом. Что же это были за факторы?

Для простоты и четкости восприятия поместим их в два хронологических периода. Первый — с середины 1950-х годов и до конца 1956 г. Тогда Белый дом был, как отмечалось выше, озабочен созданием на международном уровне юридической основы для запуска и эксплуатации спутников-шпионов.

Начало второго периода совпало с началом 1957 г. К этому времени у Соединенных Штатов выдвинулись на передний план три новые причины, по которым взаимодействие с русскими в космосе представлялось американским политикам весьма неплохой перспективой.

Первая — растущая в Вашингтоне тревога относительно ускорявшейся гонки с Москвой в области создания МБР. В США всерьез опасались того, что соревнование с СССР в сфере постройки и запуска спутников не только еще более обострит эту гонку, но и неизбежно приведет к размещению в космосе оружия. Лихие заявления Хрущева о том, что советские ракеты «собьют муху в небе», не пошатнули веры Эйзенхауэра в превосходство американской бомбардировочной мощи над советской, а МБР в глазах президента явно блекли в тени разного рода летающих «крепостей»[110].

Следовательно, в интересах Белого дома было эту гонку если не прекратить, то замедлить, при сохранении военно-стратегического *status quo* с Кремлем[111].

Попытаться решить подобную задачу можно было двумя способами: с одной стороны, стремиться заключить соглашение об использовании космического пространства исключительно в мирных целях, а с другой — продвигать идею международного сотрудничества в области мирного освоения космоса[112].

Не все на Капитолийском холме[113] разделяли энтузиазм по поводу обмена с другими странами, в частности с Советским Союзом, данными, полученными с помощью спутников[114].

Однако 17 ноября 1958 г. сенатор Линдон Джонсон, будущий вице-президент, а после трагической смерти президента Джона Кеннеди — президент США, обращается к Организации Объединенных Наций (ООН) с призывом принять резолюцию, учреждающую Специальный (Ad Hoc) комитет по использованию космического пространства в мирных

целях. Обратим внимание — он говорит от имени всего американского политического истеблишмента. Вот что он, в частности, сказал: «Наше правительство, наши партии и наши люди едины в своем стремлении использовать космос лишь с мирными целями на благо всего человечества. Между исполнительной и законодательной властью государства также нет противоречий по этому вопросу...

Мы знакомы с плодами сотрудничества. Мы знакомы с потерями, которые бывают, когда сотрудничество не удается. Если мы не сможем использовать полученные уроки или же не будем спешить с их использованием, то можем с уверенностью сказать — проникновение в космос будет означать только придание войне нового качества. Но если мы сможем организовать полноценное сотрудничество, то уже самим фактом сотрудничества сможем сделать самый весомый вклад, когда-либо сделанный в укрепление мира. Вряд ли люди, которые работали бок о бок, чтобы достичь звезд, когда-нибудь ввергнут друг друга в пучину войны и разрухи»[115].

Вторая причина интереса Вашингтона к сотрудничеству с СССР в космосе состояла в следующем: находившийся в то время под контролем демократов конгресс был озабочен перспективой проигрыша Америкой «космической гонки» с Советским Союзом. Чтобы не допустить подобный весьма досадный промах, конгресс рекомендовал двусторонний подход:

1. Соединенные Штаты должны стать лидером с точки зрения конкретных космических достижений, которые будут свидетельствовать о технологическом и политическом лидерстве Америки.

2. Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в деле организации международного сотрудничества в космосе[116].

Однако, если по-боевому настроенный конгресс был готов выделить средства на реализацию первой части подхода, то Эйзенхауэр не испытывал энтузиазма по поводу дополнительных трат из федерального бюджета. Вторая сторона подхода, а именно лидерство через сотрудничество, могла помочь найти компромисс между позициями президента и конгресса.

Наконец, третья причина повышенного внимания Вашингтона к возможности взаимодействия в космосе с Советским Союзом состояла в следующем. Как известно, Эйзенхауэр испытывал растущее беспокойство по поводу усиливающегося влияния военно-промышленного комплекса (ВПК) и научно-технической элиты на общественную и политическую жизнь страны. «Космическая гонка», неизбежно укреплявшая авторитет ВПК и данной элиты, могла сделать их роль в жизни США еще более весомой. Запуск первого спутника нанес бесспорный урон имиджу США как внутри Америки, так и за ее пределами, а соответственно — требовал адекватного ответа. По мнению Уолтера МакДугалла, известного американского исследователя политической истории освоения космоса, «являясь технократическим продуктом, ставшим возможным благодаря интеграции последних достижений в области науки и техники под эгидой государства, [спутник] поставил под сомнение сами основы политики США в военной, экономической и образовательной сферах, а также все способы проведения интеллектуальной мобилизации страны. Будучи непревзойденным техническим подвигом, он предполагал усиление зависимости народных представителей (депутатов конгресса. — Ю. К.) от круга экспертов — зависимости, при которой у первых не было иного выбора, кроме как принимать на веру все, что делали вторые. Короче говоря, спутник грозил подорвать усилия Эйзенхауэра войти в ракетный век, избежав при этом централизованной мобилизации и планирования (т.е. того, с чем обычно ассоциировался Советский Союз. — Ю. К.)»[117].

В подобных опасениях Эйзенхауэр был не одинок. Еще 30 апреля 1953 г. Совет национальной безопасности США выразил мнение, что над Соединенными Штатами нависли две главных угрозы. Одна из них — внешняя, заключающаяся в военной опасности, исходящей от СССР. Другая — внутренняя, состоящая в том, что цена противостояния «свободного» и «коммунистического» миров «может серьезно ослабить экономику Соединенных Штатов, а также разрушить саму свободу, ценности и институты, которые мы

стремимся сохранить»[118]. «Космическая гонка», как уже отмечалось выше, была важнейшим проявлением данного противостояния. Одним из способов для американского президента смягчить воздействие данной гонки на американское общество было снижение ее темпов за счет сотрудничества.

Точкой отсчета второго периода в истории подхода США к международному сотрудничеству в космосе во второй половине 1950-х гг. стал меморандум, направленный Соединенными Штатами первому комитету Генеральной ассамблеи ООН 12 января 1957 г. В нем, в частности, говорилось:

«Ученые многих стран в настоящее время предпринимают усилия, направленные на вывод объектов в открытый космос, а также на путешествия в отдаленные области за пределами земной атмосферы. Диапазон соответствующих программ обозначается различными терминами, включающими в себя «околоземные спутники», «межконтинентальные ракеты», «дальнобойные непилотируемые вооружения» и «космические платформы». Никто не может с точностью предсказать, что получится из проникновения человека в эту новую сферу. Однако совершенно очевидно: если мы хотим, чтобы это познание неведомого стало благом, а не проклятием, то должны сделать усилия всех стран, предпринимаемые в данном направлении, объектом надежного контроля над вооружениями. В качестве первого шага, направленного на обеспечение того, чтобы всякая деятельность в космическом пространстве преследовала исключительно мирные и научные цели, Соединенные Штаты предлагают проводить испытания подобных объектов с участием разных стран и поставить данные испытания под международную инспекцию. В этом, как и в остальных вопросах, США выражают готовность участвовать в разумно сбалансированной, надежной системе контроля»[119].

Реакция СССР на предложение США

В марте 1958 г. в ответ на вышеприведенный меморандум, как и на более ранние предложения Соединенных Штатов об установлении международного контроля над космической деятельностью, Советский Союз предложил включить в повестку дня грядущей 13 сессии Генеральной ассамблеи ООН следующий пункт: «Запрещение использования космического пространства в военных целях, ликвидация иностранных военных баз на территориях других стран и международное сотрудничество в изучении космического пространства». В приложенном меморандуме, поясняющем данное предложение, советское правительство представило отказ от ядерного оружия и ликвидацию иностранных военных баз в качестве ключевых предпосылок обеспечения безопасности всех государств планеты, а также использования достижений науки на благо международного сообщества[120].

Причина, по которой Кремль настаивал на ликвидации военных баз в непосредственной близости от СССР, коренилась в различном восприятии опасности Советским Союзом и Соединенными Штатами. СССР и его предшественница — царская Россия, не имея естественных преград вдоль границ в виде океанов, морей или гор, неоднократно становились объектом агрессии с территорий сопредельных государств. Это выработало у правителей страны своеобразный подход к обеспечению ее безопасности: главное, чтобы потенциальные противники находились как можно дальше от границ России/СССР. Заметим попутно, что у американской политической элиты наблюдается иной подход к оценке возможной угрозы Соединенным Штатам. Будучи отгороженной от остального мира двумя океанами и имея у своих континентальных границ соседей, которые не могли и не могут представлять для нее опасность ни сами по себе, ни как плацдарм для агрессии, Америка с подозрением относится лишь к тем странам, которые не разделяют ее демократические принципы[121]. В основе этого лежит достаточно распространенное на Западе убеждение, будто государства, где правит демократия, по своей природе не могут

быть агрессивными.

В свете разницы между восприятием опасности Советским Союзом и Соединенными Штатами становится понятно, что невозможность для СССР создать угрозу для США, аналогичную той, какую США после начала холодной войны создали у границ СССР, разместив там свои военные базы, создавала немалый дискомфорт для Кремля.

Позиция Эйзенхауэра по вопросу предотвращения милитаризации космического пространства была ясно выражена в его письме председателю Совета Министров (предсовмину) СССР Николаю Александровичу Булганину[122] от 15 февраля 1958 г., в котором он назвал «страшной опасностью» возможность милитаризации космоса.

«Пришло время покончить с этой опасностью, — писал американский президент советскому премьеру. — Будет настоящей трагедией, если советские лидеры закроют глаза на эту опасность или проявят к ней равнодушие так же, как они, очевидно, не разглядели или проигнорировали десять лет назад атомную и ядерную опасность в самом начале ее возникновения»[123].

Хрущев, сменивший Булганина в марте 1958 г. на посту предсовмина, увязал сотрудничество в космосе с разоружением, и в первую очередь, с ликвидацией иностранных военных баз: «Мы не можем оставить без внимания тот факт, что атомные и водородные бомбы могут быть доставлены к цели не только с помощью межконтинентальных ракет, но также и с помощью ракет среднего и ближнего радиуса действия, а также с помощью обычных бомбардировщиков, базирующихся на многочисленных военных базах в районах, прилегающих к Советскому Союзу»[124].

Хрущева, связавшего воедино две весьма разные вещи — сотрудничество в космосе и разоружение, понять можно: в самом деле — вы активно настаиваете на сотрудничестве, следовательно, оно нужно больше вам, чем нам. Тогда извольте хоть что-то дать взамен: уберите, например, свои базы от нашей территории. В этом случае с геостратегической точки зрения СССР и США оказались бы в равной ситуации.

Трудно сказать, верил ли Хрущев в возможность принятия Вашингтоном своего предложения. Ведь чтобы согласиться на такое, Эйзенхауэру пришлось бы поставить под вопрос верность США союзническим обязательствам перед западными странами — базы на их территории как раз и были частью подобных обязательств, а также составным элементом политики «сдерживания» коммунизма[125].

Первые шаги к сотрудничеству

Позиции двух глав государств, выраженные в их письмах друг другу, стали отражением подходов, которые СССР и США проявляли к двустороннему сотрудничеству в космосе вплоть до окончания президентства Эйзенхауэра. Суть же этих подходов была кратко охарактеризована в одном из документов сената США:

«Подход США подчеркивал необходимость, с одной стороны, стремиться к заключению соглашения об использовании космического пространства только в мирных целях, а с другой — прикладывать усилия для развития международного сотрудничества в области мирного использования космоса. Данный подход прямо противоречил советскому, согласно которому ни о каком международном сотрудничестве в области мирного использования космоса и речи не может быть, если оно не будет сопровождаться ликвидацией всех иностранных военных баз»[126].

Таким образом, Кремль и Белый дом зашли в тупик и в конечном итоге перестали касаться этой темы. Эпилогом, если не эпитафией попыткам установить сотрудничество в космосе между Советским Союзом и Соединенными Штатами на заре космической эры стала последняя встреча Хрущева и Эйзенхауэра, прошедшая в сентябре 1959 г. в Вашингтоне и Кэмп-Дэвиде. Ни тот, ни другой больше не подняли вопрос о международном

контроле над использованием космического пространства или о сотрудничестве в области его исследования[127].

Не стоит, впрочем, думать, будто Кремль с порога отвергал все попытки Белого дома вовлечь Советский Союз в международное сотрудничество в космосе. В течение какого-то времени позиция Москвы могла быть истолкована так, что Советский Союз не возражает против доступа всех участников МГГ к информации, полученной при помощи спутников. Так, Булганин в письме к Эйзенхауэру от 10 декабря 1957 г. расценил запуск первого ИСЗ как вклад в СССР в программу Международного геофизического года[128].

Однако на деле очень мало что удалось осуществить. Советский Союз отказался предоставить сведения о параметрах орбит своих спутников, обнародовать данные, которые позволили бы точнее отслеживать полет ИСЗ с помощью радиосредств, а также не принял предложение об автоматическом «сбросе» полученной с помощью спутников информации в мировые информационные центры. Ну а в конечном счете Кремль, не мудрствуя лукаво, просто отказался дать какие-либо гарантии того, что кто-либо за пределами СССР вообще когда-нибудь увидит данные с советских спутников[129]. Соответственно Арнольд Фруткин, директор отдела международных программ НАСА (NASA Office of International Programs) и бывший директор по вопросам информации в рамках Национального американского комитета МГГ, пришел к следующему выводу: «Согласие Советского Союза выполнить даже самые незначительные требования в области космических исследований, проводимых под эгидой МГГ, было сделано в основном *pro forma*. Попытки изменить ситуацию в лучшую сторону, хоть и предпринятые посредством международного научного аппарата МГГ, совершенно не увенчались успехом»[130].

Специальный (Ad Hoc) комитет по использованию космического пространства в мирных целях

В 1958 г. США сделали еще одну попытку выделить освоение космического пространства из общего контекста отношений, отмеченных печатью холодной войны. Они предложили организовать Специальный комитет под эгидой ООН. Шаг этот получил мощную поддержку со стороны сенатора Линдона Джонсона, что, впрочем, не заставило Москву изменить свое отношение к подобной идее. СССР, как обычно, не отверг ее напрямую, а сделал зависимым согласие с ней от разоружения[131].

Однако Соединенным Штатам удалось собрать достаточное количество голосов, чтобы провести резолюцию 1348, учреждающую Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Главной задачей комитета стало изучение проблем, связанных с созданием в рамках ООН постоянно действующего органа, препятствующего милитаризации космоса и способствующего развитию в нем международного сотрудничества, а также подготовка соответствующих докладов. Членами этого комитета стали 18 государств, из которых только три были из «Восточного блока» — Советский Союз, Польша и Чехословакия. Однако СССР вскоре отказался от своего членства на том основании, что деятельность данного комитета «носит односторонний характер и не соответствует объективному рассмотрению этой важной проблемы»[132]. После того, как Советский Союз вышел из спецкомитета, за ним вскоре последовали Индия и Объединенная Арабская Республика[133], мотивируя тем, что в деятельности этого комитета нет смысла, если в его работе не участвуют как США, так и СССР.

Постоянный комитет по использованию космического пространства в мирных целях

Несмотря на негативную позицию советского правительства, Вашингтон продолжал лоббировать идею создания постоянного Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. В отличие от специального комитета, новый орган имел бы

значительно ограниченные полномочия. Он был создан 12 декабря 1959 г. и существует по сей день. Часто употребляется его полуофициальное и более краткое название — Комитет ООН по космосу, а иногда — аббревиатура его полного официального названия — COPUOS (Committee on Peaceful Uses of Outer Space). Приобрел статус постоянного комитета в 1961 г.

Вначале Советский Союз вроде бы согласился принять участие в работе, но оформление членства в нем погрязло в бюрократических проволочках, и, в конце концов, 14 ноября 1961 г. СССР заявил о своем нежелании иметь дело с новым комитетом. Советская сторона так объяснила причину отказа: поскольку только СССР и США способны отправлять космические аппараты за пределы земной орбиты, решения комитета должны приниматься лишь на основе соглашения между этими двумя странами. По мнению представителя СССР при ООН Зорина, Соединенные Штаты «пытались поставить Советский Союз в заведомо невыгодную позицию», поскольку СССР, «несмотря на свои достижения в космосе, оказывался бы в меньшинстве при голосовании, ибо членами комитета являются 12 стран «Западного блока», 5 — нейтральных и 7 — коммунистических»[134].

Логику Советского Союза понять можно — к чему делиться уникальными данными, полученными при помощи спутников, со странами, которые не могут дать ничего аналогичного взамен? И дело здесь даже не в неоправданном альтруизме. Поступить так означало бы во многом обесценить монопольное преимущество страны, которое могло бы использоваться как разменная карта в переговорах с США по ряду проблем, в том числе и по разоружению.

Соединенные Штаты проявляют настойчивость

США пытались вовлечь СССР в какое-либо, пусть и ограниченное, сотрудничество в космосе, не только в рамках ООН. Так, в ноябре 1959 г. заместитель администратора НАСА Драйден обратился с предложениями о сотрудничестве к академикам Седову, Благоднарову и профессору В. И. Красовскому[135] во время их визита в Американское ракетное общество в Вашингтоне.

Администратор НАСА Кейт Гленнан предложил советским специалистам использовать систему слежения США за космическими объектами, а Драйден в письме к Седову соблазнял последнего широким спектром возможных совместных проектов. В том числе: научной обработкой результатов телеметрии, полученных с помощью американского спутника «Эксплорер-7», экспериментами США на советских спутниках и, наконец, совместными экспериментами с использованием американского экспериментального спутника связи «Эхо». Все эти предложения остались без ответа[136].

Советские космические «мускулы», явно обгоняющие в своем росте американские, а также впечатляющие достижения СССР в космосе стали восприниматься американской политической элитой как признаки явной сдачи Соединенными Штатами позиций в глобальном противостоянии с Советским Союзом. Советские спутники, чертящие ночное небо над Вашингтоном, превратились в символы угрозы национальной безопасности США, исходящей от «красных» ракет. Надежды смягчить эту угрозу путем сотрудничества двух держав в освоении заатмосферного пространства оказались иллюзией. Космос становился одним из важнейших залогов победы в холодной войне, а это означало существенный пересмотр американской космической политики. Между способностью успешно сотрудничать и успешно конкурировать с СССР в космосе рука «дяди Сэма» постепенно вырисовывала знак равенства.

Попытка прорыва (Хрущев — Кеннеди)

По вкладу в освоение космического пространства из всех глав государств, как бывших, так и действующих, нет равных двоим. Один из них Н. С. Хрущев. Во многом благодаря его политике рукотворный объект, а следом и человек впервые вышли на орбиту вокруг Земли.

Второй — Джон Фицджеральд Кеннеди, избранный в 1960 г. президентом США. Именно он принял решение о полете людей на другую планету — Луну. Решение, воплощенное в жизнь в июле 1969 г., когда на поверхность искусственного спутника Земли впервые ступили два человека — американцы Нил Армстронг и Баз Олдрин.

Таким образом, имя Кеннеди навсегда будет связано в истории космонавтики с триумфальной лунной программой США. Однако мало кто знает, что цель, поставленная президентом перед НАСА, — опередить Советский Союз в высадке экипажей на Луну — была отнюдь не первоначально сформулированной 35-м хозяином Белого дома задачей в рамках лунной пилотируемой программы США. О том, каким глава Соединенных Штатов хотел видеть осуществление лунной экспедиции, сказал через несколько десятков лет после описываемых событий Теодор Соренсен — один из ближайших помощников Кеннеди. По его словам, «не секрет, что Кеннеди предпочел бы сотрудничать с Советами» в осуществлении полетов на Луну[137].

Новые возможности для советско-американского сотрудничества в космосе возникли при самом молодом президенте в истории США в силу двух причин[138].

В основе первой лежал избранный Кеннеди новый подход к отношениям с СССР. В чем же была суть этого подхода?

Во-первых, он признал, что советская военная мощь сравнялась с американской[139].

Не последнюю роль в этом признании сыграли и космические успехи СССР. «Советские спутники, — писал американский военный специалист профессор Б. Броди, — нанесли удар по самодовольству американцев, впервые показав, что русские способны опередить нас в технических достижениях большого военного значения»[140]. Осознание данных факторов заставило Кеннеди пересмотреть политику «с позиции силы» в отношении Советского Союза, которая исповедовалась его предшественниками — президентом Эйзенхауэром и госсекретарем Даллесом. Главное для нового президента было не допустить, чтобы геополитическое противоборство СССР и США привело к вооруженному конфликту[141].

Дальше — больше. Если конфронтация теряет смысл, нужно подумать о «наведении мостов» с потенциальным противником. Кеннеди выдвигает идею о поиске и развитии «сфер общих интересов» с СССР, которые помогли бы смягчить климат холодной войны. «Где бы мы ни нашли сферу, совпадение в которой советских и американских интересов позволит наладить эффективное сотрудничество между двумя странами, необходимо эту сферу выделить и развивать», — заявил Кеннеди в одном из предвыборных интервью[142].

Во-вторых, 35-й президент США не считал, что противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов ограничено лишь рамками двусторонних отношений, но является отражением глобальной борьбы. Борьбы, которая, по мнению Кеннеди, велась между «свободой и тиранией». Выражаясь в том же духе, президент назвал «великим полем боя, на котором оборонялась и отвоевывала новые позиции свобода... все южное полушарие, включая Азию, Латинскую Америку, Африку и Ближний Восток — земли поднимающихся народов»[143]. В-третьих, Кеннеди считал, что наука и техника призваны сыграть столь же важную роль в исходе этой борьбы, как и оружие.

Но существовала и еще одна причина, по которой при Кеннеди шансов установить взаимодействие в космосе между СССР и США было больше, чем при Эйзенхауэре. Новый хозяин Белого дома имел совсем иное видение освоения космического пространства и его роли в международных отношениях. Для него деятельность за пределами земной атмосферы была не только средством восстановления американского престижа и самоуважения, сильный урон которым был нанесен выведением на орбиту Земли советского спутника и полетом Гагарина[144], и не только инструментом обеспечения будущего экономического, политического и стратегического лидерства Америки[145]. Кеннеди рассматривал космос, как одну из «сфер совместных интересов» с Советским Союзом[146].

Однако подобный подход к освоению космического пространства поставил перед Кеннеди три дилеммы, правильное решение, которых требовало незаурядного дара

политического и дипломатического предвидения.

1. Для того чтобы восстановить погрязший престиж и самоуважение, необходимо было создать дорогую космическую программу, нацеленную на победу в «космической гонке» с СССР. Для этого, в свою очередь, нужно было отбросить тревоги Эйзенхауэра по поводу несовместимости свободы и динамизма гражданского общества с централизованной мобилизацией и планированием, то есть с теми управленческими мерами, которые как раз и требовались для успешного осуществления амбициозной космической программы. Кеннеди считал, что подобная программа «потребуется самопожертвования, дисциплины и организованности: нация не сможет более позволить себе остановки работ, завышенные стоимости [товаров и услуг], бессмысленные свары между государственными службами или же высокую текучесть высококвалифицированного персонала»[147]. Однако сотрудничество с Советским Союзом в области космоса размыло бы основание для «гонки», а следовательно, и для «ударного» рывка в космос американской нации.

2. Допустим, США и СССР станут сотрудничать в каких-либо второстепенных проектах, но при этом продолжат соревнование в тех, где победа сделает либо одну, либо другую страну бесспорным мировым лидером в области науки и техники. Как тогда? Будут ли они по-прежнему вовлечены в стратегическую гонку в космосе с сопутствующими негативными последствиями для их двусторонних отношений, или же у космоса все же сохранится шанс стать «сферой совместных интересов»?

3. Что нужно сделать в первую очередь — хоть немного улучшить отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами перед возможным началом какого-либо крупного совместного проекта или же наоборот — сделать подобный проект средством «отогрева» этих отношений?

Данные дилеммы были, наверное, одними из труднейших вопросов, на которые нужно было ответить администрации Кеннеди при формировании космической политики. Состояние советско-американских отношений, равно как и достижения СССР и США в космосе, давали Кеннеди разные варианты решений этих дилемм в течение его президентства.

Приоритет — сотрудничеству

В начале своего правления Кеннеди, как уже было отмечено, отдавал предпочтение идее сотрудничества, а не соперничества. Немалую роль в этом сыграла и рекомендация, полученная им от группы по формированию космической политики США в переходный период, то есть от Эйзенхауэра к Кеннеди. Возглавлял эту группу не кто иной, как Джером Визнер — советник Кеннеди по науке и технике. В докладе группы, представленном вниманию президента 10 января 1960 г., говорилось, в частности, следующее: «...наша космическая деятельность, особенно в области связи и исследования нашей солнечной системы, предоставляет прекрасные возможности для международного сотрудничества со всеми странами мира. Самые амбициозные и долгосрочные космические проекты только бы выиграли, если бы были не предметом национального соперничества, а осуществлялись бы в атмосфере сотрудничества, как проекты всего человечества»[148].

В своей инаугурационной речи, произнесенной 20 января 1961 г., Кеннеди призвал Советский Союз «вместе с США исследовать звезды»[149]. А через десять дней в своем первом «Послании конгрессу о положении страны»[150] особо подчеркнул: «Эта администрация (Кеннеди. — Ю. К.) намерена безотлагательно исследовать все возможные сферы сотрудничества с Советским Союзом и прочими нациями, «чтобы наука давала пищу пытливым умам, а не несла человечеству смерть и разрушения».

В частности, я сейчас же приглашаю все нации, включая и Советский Союз, начать вместе с нами разработку программы предсказания погоды, новой программы спутниковой связи, а также начать сотрудничество в подготовке полетов автоматических зондов на Марс и Венеру. Зондов, которые однажды помогут нам разгадать глубочайшие тайны Вселенной.

В настоящее время эта страна (США. — Ю. К.) находится впереди в области

космических исследований и технологий, в то время как Советский Союз имеет преимущество по средствам выведения на орбиту тяжелых аппаратов. Обе нации могли бы помочь друг другу, а также другим нациям, если бы не делали (вышеперечисленные программы. — Ю. К.) предметом жесткого и бессмысленного соперничества в духе холодной войны. Соединенные Штаты желали бы объединиться с Советским Союзом, а также учеными всех стран мира, чтобы общими усилиями сделать плоды этих новых знаний доступными всем...»[151]

В общей сложности можно насчитать пять причин, по которым Кеннеди отдал приоритет сотрудничеству, а не соперничеству в космосе.

1. У него не было твердой уверенности в том, что США смогут догнать и перегнать Советский Союз в космосе. Перспектива ввязаться в гонку, в результате которой СССР еще больше подчеркнул бы свое космическое превосходство, была президенту явно не по душе.

2. Не был Кеннеди убежден и в научной значимости широкомасштабной пилотируемой космической программы. Сомнения в его душе посеял вышеупомянутый доклад группы, возглавляемой Джеромом Визнером (иногда данный документ называют «Докладом комитета Визнера»). В нем программа «Меркурий» была охарактеризована как «второстепенная» и к тому же «способная дискредитировать страну и, в частности, администрацию Кеннеди»[152].

3. Предупреждение Эйзенхауэра о возможном воздействии на политику государства военно-промышленного комплекса и научно-технической элиты также не прошли мимо ушей нового главы Белого дома. Ввязаться в «космическую гонку» — явно способствовать укреплению политического влияния этих экономических и социальных структур. А они, в свою очередь, будут не только ускорять данную «гонку», сулящую им большие куски от бюджетного «пирога», но и пытаться распространить ее на другие, в первую очередь военные сферы, также манящие перспективами больших госзаказов.

4. Как в силу вышеотмеченной причины, так и вследствие создания новых ракетных технологий, «гонка» в космосе могла привести к ускорению гонки вооружений, а следовательно, к еще большему усилению холодной войны.

5. Наконец, беспокойство Кеннеди вызывала и стоимость космической программы, особенно ее возможное воздействие на другие государственные программы, в том числе социальные. Беспокойство вполне объяснимое — ведь он не мог сказать, что получил поддержку явного большинства избирателей. Перевес Кеннеди над Ричардом Никсоном, его конкурентом от республиканской партии на президентских выборах, был весьма незначителен. Данный фактор неизбежно вынуждал нового президента особо внимательно учитывать в своих шагах и действиях мнение американского электората[153].

Впрочем, возможно, была и еще одна причина, по которой новый президент с большим воодушевлением смотрел на перспективу сотрудничества, чем соперничества с СССР в космосе. Есть основания предполагать, что еще до президентских выборов Кеннеди знал: Хрущев симпатизирует ему в большей степени, чем кандидату-республиканцу Никсону. Как вспоминал об этом сын Хрущева, «...в случае его избрания отец рассчитывал найти с ним общий язык, в первую очередь по германскому вопросу»[154].

В общем, отец с лета начал «болеть» за Кеннеди. Помочь он ему, конечно, не мог. Отец прекрасно понимал, что если в США проведут, что он на стороне Кеннеди, то это обойдется кандидату в президенты потерей немалого количества голосов»[155].

Понимал это, судя по всему, и сам Кеннеди. Иначе как объяснить тот факт, что многочисленные попытки Хрущева встретиться с ним до избрания его президентом, по свидетельству бывшего первого заместителя министра иностранных дел СССР Георгия Корниенко, закончились безрезультатно[156].

Однако, по словам Сергея Хрущева, устранившись от выборов нового главы Белого дома его отец «тоже не пожелал, решил действовать исподволь, из-за кулис».

Эта «закулисная» поддержка выразилась отчасти в следующем. Незадолго до выборов в США Хрущев принимал Генри Кэбота Лоджа-младшего[157], который в качестве вице-

президента баллотировался вместе с Ричардом Никсоном.

Никсону очень хотелось до дня голосования добиться от Хрущева освобождения из советских тюрем американских летчиков-шпионов: Пауэрса, сбитого на У-2 над Свердловском 1 мая 1960 г., и двух оставшихся в живых пилотов уничтоженного 1 июля 1960 г. над Северным морем РБ-47 (вариант шестидвигательного реактивного бомбардировщика Б-47 с экипажем из трех человек). Одной из целей визита Лодж-младшего в Москву было решить этот вопрос. В случае положительной реакции Кремля, Никсон смог бы записать в свой предвыборный актив важное дипломатическое достижение и тем самым увеличить шансы на победу над Кеннеди.

Понимая это, Хрущев отказался обсуждать судьбу пилотов с Лоджем-младшим. Впрочем, это не означало, будто глава Кремля к тому времени еще не решил, что с ними делать. Пауэрса он собирался обменять на советского разведчика полковника Рудольфа Абея (настоящее имя — Вильям Фишер), осужденного в США в 1957 г. Обмен этот и состоялся в 1962 г. Что же касается летчиков с РБ-47, содержавшихся под стражей без суда как нарушители границ, то Хрущев собирался решать данный вопрос с новой администрацией. По воспоминаниям Сергея Хрущева, «конечно, он не знал, кто победит. В случае поражения Кеннеди пилотов вернули бы Никсону. Но после выборов, а не до. Пока же отец и Лодж мило поговорили, вспомнили прошлогоднюю поездку (Хрущева в США. — Ю. К.) и разошлись. Хочу отметить, что затее с передачей пленных американских летчиков отец придавал большое, чуть ли не решающее, значение. Не знаю, оказал ли этот шаг какое-то влияние на исход выборов, но он часто возвращался к нему в разговорах. Не преминул он упомянуть об этом эпизоде и во время беседы с глазу на глаз с президентом Кеннеди в Вене. По словам отца, собеседник поблагодарил за своеобразную поддержку в предвыборной борьбе».

По свидетельству его сына, Хрущев «сиял от удовольствия», узнав об избрании Джона Фицджеральда. «Он в шутку говорил о победе Кеннеди, как о своеобразном подарке к празднику годовщины Октябрьской революции, а себя ощущал до некоторой степени участником выборов». Сразу после церемонии вступления Джона Кеннеди в Белый дом, 26 января 1961 года, Советское правительство возвратило пленных американских летчиков РБ-47[158].

Шаг этот, свидетельствующий о намерении Кремля «не помянуть старое», давал основания надеяться, что руководство СССР вместе с администрацией Кеннеди откроет новую главу в советско-американских отношениях, куда будут вписаны в том числе и совместные космические проекты двух стран.

Кеннеди отстаивает идею сотрудничества

Если кто и мог обвинить молодого президента в том, что его призыв к международному сотрудничеству в космосе, в частности с Советским Союзом, больше носил пропагандистский характер, чем преследовал конкретные цели, то лишь до начала февраля 1961 г. Именно тогда Белый дом учредил «Оперативную группу по международному сотрудничеству в космосе» («Task Force on International Cooperation in Space»). Так «вкратце» называлась «Совместная оперативная группа НАСА — консультативного комитета по науке при президенте — Государственного департамента по [рассмотрению] возможностей международного сотрудничества в космическом пространстве» («Joint NASA -President's Science Advisory Committee-Department of State Task Force on Possibilities for International Cooperation in Outer Space»)[159]. У этого совершенно неудобоваримого названия было, однако, одно преимущество — оно давало довольно четкое представление о том, какие организации участвуют в работе группы. Возглавлял ее Бруно Росси — профессор физики из Массачусетского технологического института. Привлекались к работе группы и консультанты, такие, как Филип Фарли — специальный помощник госсекретаря по атомной энергии и космическому пространству, или же Ричард Портер — представитель компании

«Дженерал Электрик». Их задача состояла в периодической подготовке меморандумов.

Одной из главных целей группы было определить «весь диапазон возможностей для совместных действий», а также описать «оптимальные варианты возможного международного сотрудничества в космосе... на основе объединения или даже слияния усилий в проектах мирового масштаба... Подобное описание оптимальных вариантов международного сотрудничества в космосе могло бы стать важным вкладом в переоценку целей и программ США в космическом пространстве»[160].

Оперативная группа работала до середины апреля. За это время она провела ряд собраний, по результатам каждого из которых подготавливался небольшой отчет, где суммировались результаты каждого этапа работы группы. Конечный же ее продукт был представлен в виде «Доклада группы по международному сотрудничеству в космосе» от 20 марта 1961 г. и «Предварительных предложений по сотрудничеству в космосе между США и СССР» от 14 апреля 1961 г.[161]. Идеи и рекомендации, содержащиеся в этих документах, могут быть сведены к трем основным положениям.

Первое. Любые совместные проекты не должны иметь никакой, пусть даже косвенной связи с военной деятельностью. Это был первый урок, извлеченный из безуспешных попыток Эйзенхауэра вовлечь Советский Союз в сотрудничество в космосе с США. Напомним, что Кремль воспринимал соответствующие инициативы президента, как попытки навязать свою идею «Открытого неба» с использованием спутников-шпионов вместо самолетов.

Второе. Для преодоления политических проблем советско-американских отношений, которые могут стоять на пути реализации совместных проектов, необходимо четко определить масштабы последних. Данные проекты должны быть или очень простыми и небольшими, чтобы их осуществление диктовалось исключительно экономической выгодой и научно-техническим интересом, неподвластными колебаниям политического барометра. Или же наоборот — настолько грандиозными и завораживающими, что перед ними просто поблекли бы все серьезные разногласия между Белым домом и Кремлем.

В общей сложности оперативная группа выдвинула 22 конкретных предложения, направленных на организацию сотрудничества в космосе между СССР и США. Их диапазон простирался от координации усилий в реализации отдельных проектов до сотрудничества в таких широкомасштабных программах, как пилотируемая экспедиция на Луну или же исследование планет Солнечной системы, в частности Марса, с помощью автоматических аппаратов. Интересно, что Портер подготовил меморандум, предлагающий осуществить советско-американское «рандеву на Луне», предусматривающее строительство на естественном спутнике Земли международной базы. Любопытно, как он объяснял, почему участие в подобном проекте — «предложение, от которого» СССР «не сможет отказаться»: «...Если подобный проект будет заявлен и станет очевидно, что остальные страны мира смогут с успехом принять в нем участие и без Советского Союза, то представляется... маловероятным, что Советский Союз откажется присоединиться к нему»[162].

Оперативная группа сочла данное предложение весьма интересным, ибо «если СССР и Соединенные Штаты смогут договориться о совместном осуществлении такого крупного проекта, то все прочие двусторонние и многосторонние проекты с участием СССР станут вполне вероятными и реализуемыми»[163].

Третье положение заключалось в том, что Соединенные Штаты должны сотрудничать непосредственно с Советским Союзом, ибо «только эти два государства способны в настоящее время запускать в космос ракеты и аппараты». Данная рекомендация была явным отходом от политики Эйзенхауэра, который, как известно, пытался вовлечь СССР в международное сотрудничество в космосе в контексте международных соглашений и механизмов контроля над вооружениями.

В одном из вариантов «Доклада группы по международному сотрудничеству в космосе», получившем название «Предварительные предложения по сотрудничеству в космосе между СССР и США», так объяснялась политическая необходимость расширенного

советско-американского сотрудничества в космосе:

«А. Конкретно подтвердить, что Соединенные Штаты предпочитают осваивать космическое пространство совместными усилиями, а не превращать его в арену для конкурентной борьбы.

В. Способствовать смягчению климата холодной войны путем демонстрации возможности сотрудничества между США и СССР в сфере, находящейся в центре общественного внимания и...

С. Получить наибольшую выгоду от сотрудничества в рамках крупнейших проектов, реализация которых только одним участником привела бы к значительной нагрузке на его экономические и людские ресурсы»[164].

В целом Визнер высоко оценил работу группы. В своем письме к Бруно Росси он, в частности, отметил, что она «великолепно» решила задачу «предоставления научно обоснованных выводов, которые станут предпосылкой для любых возможных политических шагов»[165]. Документы оперативной группы должны были лечь в основу разговора между администратором НАСА Джемсом Уэббом, госсекретарем Дином Раском и советником президента по науке Джеромом Визнером. Цель данного обмена мнениями «достичь соглашения между непосредственными советниками президента относительно масштаба предложений», которые планировалось сделать Советскому Союзу касательно сотрудничества в космосе[166].

Отступление пятое: Джеймс Уэбб

Джеймс Уэбб (1906-1992) — глава НАСА в 1961-1968 гг. Руководитель программы «Аполлон». До Даниэля Голдина — рекордсмен по длительности непрерывного пребывания на посту администратора агентства — более 7 лет.

Так, наверное, можно было бы «по-анкетному» выразить космический послужной список Уэбба. Однако емкость и образная точность характеристики, которую дал главе НАСА американский исследователь Генри Ламбрайт, когда сказал про него, что тот «вдохнул мощь в „Аполлон"», невольно заставляют уделить Уэббу больше внимания, чем это мог бы сделать составитель энциклопедического словаря.

Итак, ко времени, когда Уэбб (по образованию школьный учитель, юрист и пилот) вплотную подошел к тому, чтобы возглавить космическую программу США, он был уже опытным административным работником, чиновником, как в сфере бизнеса, так и на государственной службе. Что касается последней, то наиболее крупными постами, которые занимал Уэбб до своего прихода в НАСА, были директор бюджетного бюро в администрации Трумэна, а после — заместитель госсекретаря США.

В январе 1961 г. Уэбб находился в городе Оклахома, на обеде, устроенном в честь сенатора Роберта Керра, назначенного главой сенатского комитета по космосу. Тут-то его и застиг звонок Визнера. Советник президента по науке спросил Уэбба, не прибудет ли тот в Вашингтон, чтобы обсудить с вице-президентом Джонсоном, а после и с самим Кеннеди вопрос о том, чтобы возглавить аэрокосмическое агентство.

По словам Ламбрайта, Уэбб, несмотря на стремление занимать руководящие посты в правительстве, никогда не хотел быть администратором НАСА. Должность эта была непростая. (Сложно руководить новой космической деятельностью, возраст которой в США едва насчитывал три года.) Наверное, поэтому трудно было подобрать подходящего кандидата на этот пост. А когда таковой появлялся, то порой отказывался сам. Во всяком случае, к моменту прибытия Уэбба в столицу США в качестве потенциального претендента на пост главы НАСА в этой ипостаси побывало уже 20 человек.

Уэббу оказалось достаточно поверхностного взгляда на положение дел в агентстве, чтобы сразу заметить четыре наиболее существенных проблемы, связанные с руководством американской космической отраслью. Первая заключалась в том, что два лобби — «ученых», персонифицировавшееся в Визнере, и «политиков», олицетворявшееся Линдоном

Джонсоном, не могли найти общего языка по одному немаловажному вопросу, а именно — кто должен возглавить НАСА? Ученые хотели видеть на этом посту человека с серьезной инженерной подготовкой, а также хорошо разбирающегося в космических исследованиях. Что касается Джонсона, то он предпочел бы, чтоб агентством руководил человек, знающий, как договариваться с конгрессом, а заодно и с исполнительной властью, то есть включая самого вице-президента.

Кеннеди устал от постоянного «перетягивания одеяла» между Джонсоном и Визнером и, в конце концов, сказал обоим, что если они сообща не выдвинут единого кандидата, то он это сделает сам. Джонсон обратился за советом к сенатору Керру. Тот порекомендовал Уэбба. Подумывал об Уэббе, как о человеке, хорошо разбирающемся в науке и технике, и Визнер. В общем, кандидатура бывшего заместителя госсекретаря США устроила обоих.

Вторая проблема, с которой пришлось столкнуться Уэббу, также была вызвана учеными, связанными с администрацией Кеннеди. Оперативная группа, возглавляемая Визнером, представила президенту доклад, резко критикующий «Меркурий» — пилотируемую программу НАСА. По мнению членов этой группы, агентство слишком увлеклось заброской астронавтов на околоземную орбиту и, как следствие, недостаточно внимания уделяло космическим исследованиям.

Третья проблема заключалась в том, что Пентагон, а точнее ВВС, намеревались прибрать к рукам космическую программу США, фактически вытеснив из данной сферы гражданское аэрокосмическое агентство. Наконец, Кеннеди, несмотря на то, что отвел космосу больше места в повестке дня своей деятельности, чем Эйзенхауэр, все же вначале не имел четко сформулированной космической политики и не собирался тратить слишком много усилий на решение космических вопросов. Отчасти для того, чтобы не отвлекаться с дел «земных» на «космические», президент поручил Джонсону заниматься национальной программой исследования и освоения внеземного пространства.

Впрочем, была и еще одна причина, по которой Кеннеди передал космос в ведение вице-президента. Как считает Джон Логсдон, один из ведущих специалистов в области космической политики США, «если бы Джонсону не дали конкретную работу, он мог стать слишком неутомим как вице-президент и потребовать для себя полномочий, какие Кеннеди не хотел бы ему давать»[167]. В итоге общее впечатление у всех, кто так или иначе рассматривался на должность главы НАСА, складывалось следующее: рассчитывать на особую поддержку Белого дома в деятельности на посту руководителя агентства не приходится, и дело в лучшем случае придется иметь с Джонсоном — не самым популярным человеком в правительстве Кеннеди. Этот фактор также сыграл свою роль в том, что многие кандидаты в главные «рулевые» космической программы США отказались от этой роли[168].

Но вернемся к Уэббу. В то утро, когда он должен был встретиться с Джонсоном по поводу своего предстоящего назначения на пост руководителя агентства, Уэбб думал о том, как бы повежливее отказаться. Увидев в приемной вице-президента своего давнего знакомого Хью Драйдена, исполняющего обязанности главы этого ведомства, он так объяснил причину нежелания стать администратором НАСА: «Не думаю, что я подходящий человек для этой работы. Я не инженер и к тому же никогда не видел ракеты в полете». Драйден согласился с доводом Уэбба. Однако последующий разговор с Джонсоном закончился своего рода компромиссом. Уэбб намекнул, что вступит в эту должность, только если его попросит об этом непосредственно президент, а Джонсон, в свою очередь, намекнул, что Кеннеди, возможно, и сделает это ближе к вечеру.

Встреча состоялась. Президент тут же разрушил главную «линию обороны» Уэбба, считавшего, если НАСА — агентство, занимающееся вопросами техники, то кандидат на эту должность никогда техникой не занимался. Кеннеди сказал, что на данном посту ему нужен не инженер, а политик. «Эта космическая программа имеет огромное внутри- и внешнеполитическое значение, — сказал президент. — Я выбрал вас, потому что вам приходилось заниматься политикой на уровне Белого дома и Госдепартамента». Уэбб

спросил Кеннеди и о том, есть ли у него уже сформированная концепция космической политики. Президент ответил, что нет, и создание такой концепции как раз и будет частью работы собеседника. После того, как Кеннеди согласился с просьбой Уэбба оставить Драйдена заместителем администратора НАСА, Уэбб принял предложенную должность[169].

Итак, первая проблема, а именно достижение компромисса между «техниками» и «политиками» в вопросе о назначении главы агентства, была урегулирована. Следующий вопрос, требовавший своего решения, состоял в том, чтобы найти баланс между двумя программами НАСА — пилотируемой и научной (замечу, что агентство было структурно организовано таким образом, чтобы управлять тремя главными направлениями своей деятельности — «вояжами» астронавтов на околоземную орбиту, космическими исследованиями и изучением космоса с научно-прикладными целями).

В самом начале деятельности Уэбб четко обозначил свою позицию: только полеты людей в космос помогут Соединенным Штатам создать такой ракетно-космический потенциал, который в дальнейшем позволит им решать любые задачи в сфере космической деятельности. Следовательно, главная задача НАСА — доставить людей за пределы атмосферы и обеспечить там их жизнь и работу. Фундаментальные космические исследования, спутники связи и погоды — все это, конечно, тоже нужно, и Уэбб отнюдь не забывал о них, но на первом месте для него всегда стояли полеты астронавтов во внесземное пространство[170].

Подобное отношение администратора НАСА к пилотируемой космонавтике было продиктовано и политическими соображениями. Уэбб прекрасно понимал, что соревнование Восток — Запад проходило, в основном, на «поле» полетов кораблей с экипажами на борту. Здесь он мог рассчитывать на поддержку ключевых политических фигур в сфере как исполнительной, так и законодательной власти. К числу первых относился вице-президент Джонсон, а к числу вторых — руководитель сенатского комитета по космосу Керр. И тот и другой были горячими сторонниками пилотируемой программы и страстно желали видеть обитателей капсул типа «Меркурий», летящих «быстрее, выше и дальше» (правда, в случае с космическими кораблями — «дольше») своих соперников в капсулах типа «Восток».

Но, как опытный и вдумчивый политик Уэбб понимал насильно обратить ученых в «пилотируемую» веру не удастся, да и не нужно. Без серьезных космических исследований НАСА рискует превратиться в конструкторское бюро, занимающееся созданием средств доставки людей на орбиту, а не в штаб, руководящий комплексной программой изучения и освоения внесземного пространства. Именно поэтому новый глава НАСА и настоял на том, чтобы его заместителем стал Драйден — известный ученый, один из руководителей Национальной академии наук США, а кроме того, человек, отвечавший в правительстве за организацию и координацию научных исследований, уважаемый в академической среде и имевший в ней многочисленные связи. В задачу Драйдена (деятельность которого на посту второго человека в НАСА была, впрочем, ограничена в основном консультативными функциями) входило не допустить излишнего перекоса агентства в «пилотируемую» сторону. Да и само присутствие такого специалиста в высшем руководстве агентства как бы посылало сигнал американскими ученым — не волнуйтесь, НАСА не забудет о ваших профессиональных интересах[171].

Оставалась последняя крупная проблема из числа тех, с которыми Уэббу пришлось столкнуться в начале своей работы на посту главного «рулевого» космической программы США, а именно — выяснить отношения с ВВС и определить наконец, кто «главнее» в этой программе. Отсутствие ясности в этом вопросе создавало заметные организационные сложности в реализации пилотируемых полетов в космос. Так, в феврале 1961 г., уже через несколько дней после назначения на пост главы НАСА, Уэбб одобрил намеченное на конец месяца испытание ракеты-носителя типа «Атлас» с кораблем типа «Меркурий». Данная связка должна была обеспечить астронавту полет по орбите. Напомню, носитель типа «Редстоун», на котором американцы в «Меркуриях» должны были совершить первые выходы за пределы атмосферы, мог позволить этому кораблю осуществить лишь

суборбитальный полет.

Однако ВВС воспротивились такому решению. «Атлас» был в первую очередь баллистической ракетой и, по мнению авиационных начальников, его несостоятельность в качестве носителя пилотируемого корабля могла дать русским основание усомниться в надежности всей американской системы ядерного сдерживания. У них были основания для подобных опасений. Пробный старт «Атласа» в середине 1960 года закончился неудачей. Но, несмотря на многочисленные протесты военных, глава агентства решил не отступать.

Испытания прошли успешно. Уэбб укрепил свой авторитет в глазах не только работников НАСА, но и корпуса ВВС. Первые уверовали в его техническую компетентность и способность к предвидению, а вторые убедились в твердости характера. Видимо, второе качество Уэбба сыграло не последнюю роль в достижении следующего компромисса с военными: ни НАСА, ни Пентагон не станут предлагать разработку новых типов космических кораблей или носителей без взаимного согласования. А более конкретно роли распределились так: НАСА будет отвечать за разработку новой техники, а военные — за определение путей ее применения и использования. Однако министерство обороны США хотело сохранить контроль над пилотируемыми космическими полетами, а потому предложило следующий вариант разделения полномочий: Пентагон отвечает за все околоземные полеты, а НАСА — за те, что осуществляются за пределами земной орбиты. Первую «скрипку» в тандеме все равно играли бы ВВС. В конце концов, в 1963 г. оба ведомства согласились на следующем: главная руководящая роль в пилотируемой программе остается за НАСА, а ВВС платит за военное оборудование, установленное на корабле, а также за эксперименты, проводимые экипажами на орбите в интересах обороны. Кроме того, космическое агентство и Пентагон договорились, что будут «только совместно» предлагать и разрабатывать крупнейшие пилотируемые проекты, предназначенные к осуществлению в околоземном пространстве[172].

Несмотря на последовательность, с какой Уэбб отстаивал скорейшее введение «Атласа» в эксплуатацию в качестве носителя обитаемых кораблей, он в то же время критиковал тех, кто связывал будущее пилотируемой программы США с этой ракетой. Показательна встреча, состоявшаяся в начале 1961 г. между Кеннеди, Уэббом, Джонсоном, Визнером и рядом других высокопоставленных государственных чиновников. На ней Уэбб охарактеризовал решение Эйзенхауэра не выделять средств на пилотируемые полеты после окончания программы «Меркурий», как попытку «кастрировать десятилетний план [космических полетов] до того, как он достигнет годовалого возраста. И «до тех пор, пока [это решение] не пересмотрят, можно гарантировать, что в течение последующих десяти лет каждый впечатляющий исследовательский полет будет за русскими, а не за нами». Слова эти Уэбб подкрепил конкретным примером: в то время, как основной российский носитель (королевская «семерка») развивал тягу почти в 340 тонн, «Атлас» — лишь около 150. Дополнительные средства, которые Уэбб хотел «выбить» из федерального бюджета, должны были ускорить работу НАСА по созданию носителя тягой в 675 тонн (концепция данной машины в то время представляла собой связку из восьми двигателей «Атласа»), а заодно начать разрабатывать следующую, еще более мощную «рабочую лошадку» — «Нову»[173].

Наконец, Уэбб запросил средства для проектирования нового типа космического корабля, который и должен был выводиться в космос «Сатурном». Данный корабль, получивший впоследствии название «Аполлон», был, по мнению Уэбба, необходим «для полетов вокруг Земли экипажей из нескольких человек, а также для экспедиций в окрестности Луны».

Кеннеди, в то время еще не принявший окончательного решения, как ответить на вызов, брошенный ему русскими в космосе, решил побалансировать между теми, кто отвечал за формирование федерального бюджета (а потому по долгу службы всячески стремящимися сократить государственные расходы), и теми, кто отстаивал необходимость «космического рывка». В итоге президент одобрил инициативу Уэбба лишь наполовину — на «Сатурн» деньги выделили, но с «Аполлоном» решили подождать[174]. К тому же и сам Кеннеди, как

покажут последующие события, все еще сомневался — к чему тратить миллионы долларов на разработку техники, которая может быть создана совместными финансовыми, интеллектуальными и промышленными усилиями США и СССР?

В дальнейшем нам еще не раз придется встретиться с Уэббом, а пока вернемся в апрель 1961 г., когда члены администрации президента вырабатывали совместные космические рекомендации главе Белого дома. Сразу замечу — сам Кеннеди тоже не терял времени. Он продолжал планомерную «осаду» Кремля, пытаясь понять отношение руководства СССР к идее космического сотрудничества с Америкой. Так, 13 февраля 1961 г. президент отправил Хрущеву телеграмму, в которой поздравил его с запуском советской автоматической станции к Венере. В ответе от 15 февраля Никита Сергеевич упомянул о предложениях по взаимодействию в космосе, сделанных Кеннеди в инаугурационной речи и в «Послании конгрессу о положении страны». Правда, при этом Хрущев вновь подчеркнул, что создание «благоприятных условий» для космического сотрудничества потребует «урегулирования проблемы разоружения»[175].

Нельзя сказать, что ответ Хрущева не обескуражил Кеннеди. Однако глава Белого дома продолжил попытки убедить Первого секретаря ЦК КПСС в важности и полезности объединения в космосе усилий СССР и США. 22 марта Кеннеди встретился с главой НАСА Уэббом. По словам последнего, «...президент в разговоре со мной подчеркнул свое пожелание к нам выработать как можно больше идей для предстоящей конференции с русскими по международному сотрудничеству. Он выразил надежду, что мы отнесемся к его просьбе с очень большим вниманием»[176].

В поздравительном послании, отправленном Хрущеву по случаю полета Гагарина, Кеннеди, в частности, отметил: «Я искренне желаю, чтобы в своем продолжающемся познании космического пространства наши страны смогли работать вместе на благо всего человечества»[177]. Настойчивость Кеннеди нетрудно понять: ведь именно сотрудничество в космосе он собирался сделать одним из важнейших пунктов повестки дня будущей встречи на высшем уровне с Хрущевым, устроить своей мысли о «сферах совместных интересов» Америки и Советского Союза своеобразный экзамен.

Правда, применительно к космосу идея эта пока не могла сдать даже «зачет». Успех полета Гагарина отнюдь не сделал советское руководство более расположенным к перспективе разделить славу космических первопроходцев с Соединенными Штатами, да и вообще — тянуть за собой «отсталых» американцев. Не случайно ведь президент АН СССР Келдыш, выступая примерно через месяц после посадки «Востока-1» на общем собрании Академии, подчеркнул: американские космические достижения в космосе столь незначительны, что даже не могут сравниться с советскими[178]. Ощущение великой победы, по крайней мере, на одном из важнейших научно-технических направлений глобального противостояния Советского Союза и Соединенных Штатов, всячески поддерживалось средствами массовой информации СССР. Вот как вспоминал об этом один из ведущих американских политологов Арнольд Горелик, современник описываемых событий:

«Никакое иное событие после смерти Сталина не получало такой огласки в СССР, как состоявшийся 12 апреля 1961 г. полет майора Юрия Гагарина в космическом корабле «Восток-1» и его возвращение на Землю после одного витка вокруг планеты. Это событие освещалось в передовых статьях специальных выпусков центральных советских газет — редкое явление в стране, где события обычно становятся новостями не тогда, когда они происходят, а когда о них официально объявляют. Торжественные собрания были проведены в Москве, а также в других крупных городах, и были транслированы по каналам советского и зарубежного телевидения. Советское радио в своих передачах, рассчитанных как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию, практически исключило из эфира что-либо еще, кроме сообщений и комментариев, посвященных последнему советскому достижению»[179].

Все это было проявлением уже упоминавшейся «дипломатии спутника», о которой Хрущев уже после того, как был лишен всех государственных и партийных постов, откровенно сказал: «Конечно, мы старались извлечь максимальную политическую пользу из того факта, что первыми запустили ракеты в космос. Мы хотели оказать давление на американских империалистов, а также повлиять на умы наиболее здравомыслящих политиков с тем, чтобы Соединенные Штаты стали бы относиться к нам с большим уважением»[180].

Одним из наиболее ярких проявлений данной дипломатии стал берлинский кризис 1961 г. Вот как описывает в своих мемуарах Сергей Хрущев встречу его отца с Королевым незадолго до августовского обострения ситуации вокруг Германской демократической республики (ГДР):

«На прощание Королев, суеверно постучав по деревянной крышке летнего садового столика, еще раз напомнил, что полет Титова намечен на начало августа»[181].

Неожиданно для меня отец не приказал — попросил осуществить запуск не позднее десятого. Обычно он в такие дела старался не вмешиваться. На сей раз он изменил своему правилу.

Королев с готовностью согласился.

– Давайте назначим на седьмое, — улыбаясь, произнес он.

– Ну вот и договорились, — отозвался отец.

Только потом я догадался, почему первая декада августа была для него предпочтительнее второй. В голове у отца запуск Титова увязывался с установлением границы в Берлине, но тогда это была тайна за семью печатями»[182].

Напомним, что установление данной границы было сделано с помощью так называемой «Берлинской стены», отгородившей Западный Берлин от территории ГДР. Начало ее строительства — 13 августа — фактически стало пиком берлинского кризиса 1961 г.

Итак, к лету 1961 г. советско-американские отношения в космосе оказались под влиянием двух главных факторов. С одной стороны, космические достижения СССР продолжали питать стремление Кремля и дальше демонстрировать неоспоримое превосходство советской науки и техники над американской. При таком подходе о каких-либо формах взаимодействия с США в космосе, разумеется, не могло быть и речи.

С другой стороны, общественность в Соединенных Штатах, а также члены конгресса, как от партии республиканцев, так и демократов, начинали все сильнее критиковать Кеннеди за его пассивность перед лицом космических успехов Советского Союза. Успехи эти воспринимались, как явный вызов, брошенный американскому мировому лидерству и безопасности. Тон выступления некоторых конгрессменов в ходе их встречи с Уэббом и другими представителями НАСА на специальной сессии комитета по космосу говорит сам за себя:

«Фултон, штат Пенсильвания:

– Я считаю, что мы находимся в состоянии гонки, и я много раз говорил Вам, господин Уэбб: „Скажите, сколько вам нужно денег, и мы прямо здесь, в этом комитете выделим Вам требуемую сумму...“ Я устал от того, что мы все время вторые после Советского Союза. Я хочу быть первым. Я считаю, что это хорошее, мирное соревнование. Я не вижу в нем ничего плохого... Понимаете ли вы, господа, что вы несете ответственность за то, как капиталистическая система выглядит в глазах остального мира с точки зрения ее эффективности и научного прогресса? Понимаете ли вы, господа, что это может оказать влияние на переговоры с Советским Союзом, в частности, по Лаосу?

Конгрессмен Анфусо был еще более прямолинеен:

– Я хочу, чтобы страна провела мобилизацию, как в военное время, потому что мы находимся в состоянии войны. Я хочу, чтобы наши рабочие графики были бы урезаны вдвое. Я хочу, чтобы работа, которую НАСА собирается сделать за 10 лет, была бы сделана за 5. Я хочу, чтобы НАСА наконец-то хоть в чем-нибудь стало первым, как, например, посадка на Луну, что, как я знаю, может быть осуществлено...

Военные параллели Анфусо поддержал и его коллега Кинг:

– Я согласен с тем, что нам нужна собственная программа. Но, кроме того, я очень остро ощущаю, что мы вовлечены в самое настоящее соревнование с русскими. Не вижу, как мы можем его избежать. Линии фронта, я надеюсь — мирные линии фронта, уже проведены. Здесь нет никакого сомнения. Надеюсь, это будет дружественное соревнование, которое таким и останется. Но оно самое настоящее. Как до этого отметил господин Фултон, а также остальные, наш имидж в глазах нашей нации совершенно очевидно зависит от того, как мы выйдем из этого соревнования»[183].

Фиаско в заливе Свиней[184] на Кубе в апреле 1961 г. вынудило Кеннеди обратить особое внимание на свой имидж внутри страны.

Ехидные поздравления с успехом американской технологии, которые направил Хрущев главе Белого дома после майского полета Алана Шепарда, возможно, стали последней каплей, переполнившей чашу терпения президента. Кеннеди стал пересматривать стратегические ориентиры космической политики США[185].

Решение о пилотируемом полете на Луну

Теперь их стало два. Первый и самый главный — восстановить подорванный престиж и самоуважение Америки. Подобная задача могла быть решена только успешным осуществлением какого-либо проекта, который затмил бы советские космические достижения. Причем Кеннеди был готов рассмотреть возможность и «несимметричного» ответа на заатмосферные триумфы СССР. Еще до того, как было принято решение о программе «Аполлон», президент сказал Визнеру: «Если у Вас есть захватывающий воображение проект, осуществить который можно на Земле и от которого было бы больше пользы, скажем, опреснение океана, или что-нибудь такое же драматичное и убеждающее, как освоение космоса, то мы должны сделать это»[186].

Но, судя по всему, ничего более «драматичного и убеждающего», чем проникновение во внеземное пространство, советник Кеннеди не нашел, а потому 14 апреля, через два дня после полета Гагарина (но еще за три недели до первого полета американца в космос), в «кабинетной комнате» Белого дома прошло совещание. Его свидетелем стал Хью Сайди, корреспондент крупнейшей американской печатной корпорации «Тайм-Лайф». В этот день Хайди должен был взять интервью у президента, но тот, вместо того чтобы сделать это с глазу на глаз, пригласил его с собой в «кабинетную комнату», видимо, желая придать как можно большую огласку теме, которая там обсуждалась. А она того стоила. Еще до появления в комнате главы Белого дома там уже находились его советники — Теодор Соренсон и Визнер, «насовцы» Уэбб и Драйден, а также руководитель бюджетного отдела[187] в администрации президента Дэвид Белл, активно обсуждавшие «следующие шаги в космической гонке».

Кеннеди присоединился к дискуссии. Вот как описывает Хайди один из ее эпизодов:

«- Поставим вопрос так, — с нетерпением произнес Кеннеди, — есть ли область, где мы их сможем догнать? Сможем ли мы облететь Луну до них? Сможем ли мы раньше их высадить человека на Луну? Как обстоят дела с «Новой» и «Ровером»? [188] Когда будет готов «Сатурн»? Можем ли мы сделать рывок?

Возможным решением проблемы, пояснил Драйден, стала бы организация ускоренной программы по типу Манхэттенского проекта (создание атомной

бомбы. — *Ю. К.*). Однако подобная мера может обойтись в \$40 миллиардов, и даже в этом случае шансы победить Советский Союз оценивались, как пятьдесят на пятьдесят.

Слово взял Джеймс Уэбб.

— Мы делаем все возможное, господин президент. И благодаря вашему руководству, мы продвигаемся вперед быстро, как никогда... Но вот цена, — он запнулся, как бы взвешивая свои слова, — вот о чем я не перестаю думать.

Он повернулся к ответственному за бюджет Беллу с вопросом в глазах.

— Цена космических исследований взлетела в геометрической прогрессии, — пояснил Белл...

— Сейчас не время для ошибок, — предостерег Визнер.

Кеннеди повернулся к людям, полукругом обступившим его, и на мгновение задумался. Затем заявил:

— Когда у нас будет больше информации, я смогу решить — стоящая эта затея или нет. Если бы кто-нибудь мог сказать мне, как догнать...

Кеннеди вновь ненадолго замолчал, глядя в лица присутствовавших в комнате. После этого тихо проговорил:

— Сейчас нет ничего более важного»[189].

Возможно, по следам совещания в Белом доме Кеннеди отправил 20 апреля меморандум вице-президенту Линдону Джонсону. В этом документе, в частности, говорилось:

«В соответствии с нашим разговором, мне хотелось, чтобы Вы, как председатель совета по космосу[190] (орган внутри администрации президента. — *Ю. К.*) возглавили работу по общей оценке нашей ситуации в области освоения космического пространства.

Несмотря на то, что Совет был создан еще при Эйзенхауэре, тот фактически не прибегал к его услугам. Кеннеди придал данному органу «второе дыхание», одновременно изменив закон, согласно которому Совет мог возглавлять только президент. По новой версии закона, Совет по космосу мог возглавить вице-президент, что и случилось в 1961 г. когда его председателем стал Джонсон.

Национальный совет по аэронавтике и космосу существовал вплоть до 1973 г., после чего его деятельность была временно прекращена. Он был воссоздан в 1989 г. уже под сокращенным названием — Национальный совет по космосу (National Space Council). В 1993 г. данный Совет был вновь распущен, а его функции взял на себя Национальный совет по науке и технике при президенте (National Science and Technology Council).

1. Есть ли у нас шанс опередить Советский Союз посредством запуска в космос лаборатории, или же полета вокруг Луны, или же ракеты, которая сядет на Луну, или же ракеты с человеком на борту, которая доберется до Луны и обратно? Есть ли какая-либо другая космическая программа, которая обещала бы нам впечатляющую победу?

2. Каких это потребует дополнительных затрат?

3. Работаем ли мы 24 часа в сутки по уже имеющимся программам? Если нет, то почему? Если нет, то не посоветуете ли Вы мне, как можно ускорить эту работу?

4. При строительстве крупных ракет-носителей должны ли мы сделать основной акцент на ядерном, химическом или жидком топливе или же на сочетании всех трех типов топлива?

5. Работаем ли мы с максимальными усилиями? Добиваемся ли мы необходимых результатов?

Я попросил Джима Уэбба, доктора Визнера, секретаря МакНамару (Роберт МакНамара — министр обороны в правительстве Кеннеди. — *Ю. К.*) и прочих ответственных служащих оказать Вам полное содействие. Я был бы признателен, если бы Вы мне как можно скорее предоставили доклад» (по этому меморандуму.

К моменту встречи в Белом доме и появлению меморандума Джонсона, лунный пилотируемый проект уже обсуждался в НАСА. Информация, поступившая к Уэббу из разных источников, в том числе секретных, еще больше убедила администратора НАСА: именно посадка на Луну — «основной проект, в отношении которого мы сможем убедить президента, что сможем его осуществить, и осуществить раньше русских, или по крайней мере у нас имеется достаточно шансов сделать это» [192].

Не стоит думать, что, отстаивая данный проект, Уэбб руководствовался только лишь интересами всей американской нации. Думал он и о своей организации — НАСА. Тонкий и умелый политик, Уэбб понимал: НАСА — дитя холодной войны, а, следовательно, будущее процветание агентства — в советско-американском космическом соперничестве. Поддержание мирового престижа США требовало догнать, а в конечном счете и перегнать Советский Союз в космосе [193]. В итоге НАСА пришло к выводу, что лунная экспедиция «не только возможна, но, что самое главное — станет прекрасной осью, вокруг которой станет вращаться большинство мер, направленных на всестороннее развитие возможностей, которые потребуются Соединенным Штатам для достижения лидерства в космосе» [194].

8 мая 1961 г. Кеннеди получил из рук Джонсона меморандум, подготовленный Уэббом и МакНамарой. В нем содержалась рекомендация президенту сделать лунную посадку национальной целью, поскольку заработанный на этом престиж станет «частью битвы, ведущейся на непрерывно меняющемся фронте холодной войны» [195]. Кеннеди принял рекомендацию к сведению и собирался огласить ее в виде официального решения перед общим собранием конгресса. Но после решил не торопиться. Впереди была намеченная на июнь встреча с Хрущевым в Вене, и Кеннеди хотел предпринять еще одну попытку сделать, на этот раз из лунного проекта, «сферу совместных интересов» США и СССР.

Согласно Фою Колеру, «У президента не было никакого конкретного плана проведения этой встречи... Кеннеди хотел оставить за собой возможность маневра с минимальным количеством заранее выработанных позиций, с тем, чтобы иметь возможность максимально использовать перспективные направления для сотрудничества, которые могут обозначиться в ходе беседы... Несмотря на это, у президента имелись конкретные идеи, как улучшить [советско-американские] отношения, если представится возможность (изложить эти идеи Хрущеву. — Ю. К.). Одна из таких идей, на которые он возлагал особенные надежды, — сотрудничество в космосе» [196].

Следуя установке президента на космическое партнерство с Советским Союзом, сотрудники аппарата Белого дома продолжали готовить к саммиту соответствующие документы. Так, 16 мая Джером Визнер передал Кеннеди аналитическую записку о возможности сотрудничества с СССР в космосе. Документ, вышедший из стен госдепартамента 12 мая, представлял собой еще одну «обработку» доклада группы Росси с участием сотрудников госдепа, НАСА и отдела Визнера. Записка не была связана напрямую с подготовкой к предстоящему саммиту, ибо президент к тому времени еще не принял окончательного решения о встрече с Хрущевым. В документе предлагалось вначале прозондировать на высоком правительственном уровне отношение Кремля к идее космического сотрудничества, но сделать это «тактично и без лишнего шума». Правда, авторы записки допускали: несмотря на то что «Советский Союз будет, вероятнее всего, заинтересован в координации простых проектов, мы не должны исключать из нашего списка [предложений] возможность сотрудничества и в более амбициозных проектах, связанных с пилотируемым освоением Луны и исследованием планет». В документе отмечалось, что «недавний полет нашего астронавта (речь идет о суборбитальном полете 5 мая Алана Шепарда. — Ю. К.) и кристаллизация планов расширения и ускорения нашей космической программы помогут занять нам более выгодную позицию в переговорах с Советским Союзом» [197].

Кеннеди не собирался ждать июня, чтобы выяснить отношение Кремля к перспективе партнерства двух стран за пределами атмосферы. Он начал подготовку своего «космического наступления» уже в середине мая. Кеннеди попросил госсекретаря Раска обратиться с этим вопросом к министру иностранных дел СССР Андрею Андреевичу Громыко[198].

Ответ Громыко, полученный Раском 20 мая, не содержал ничего нового: без прогресса в области разоружения любое сотрудничество в области ракетно-космической техники, включая передачу информации о советских достижениях в данной сфере, немыслимо. Кеннеди, однако, не пал духом. Вскоре после начала кризиса в заливе Свиней он организовал своего рода секретный канал связи с советским руководством.

Его брат — министр юстиции США Роберт Кеннеди, установил неофициальные отношения с сотрудником ГРУ Георгием Никитовичем Большаковым. Большаков работал под крышей посольства СССР в Вашингтоне в качестве атташе по культуре и редактора журнала «Soviet Life» («Советская жизнь»). Некоторые историки считают его роль в связи между Белым домом и Кремлем «беспрецедентной в истории современной дипломатии миссией»[199]. По словам Большакова, познакомил его с Робертом Кеннеди Фрэнк Хоулмен, корреспондент газеты «Нью-Йорк дейли ньюс», которого Большаков знал с 1955 г. Хоулмен и Большаков дружили семьями, «часто ходили друг к другу в гости» и обсуждали «самые острые проблемы». Однако Хоулмен также находился в дружеских отношениях с пресс-секретарем Роберта Кеннеди Эдом Гатманом, и «самые интересные места» этих бесед передавал ему. Гатман затем суммировал «наиболее существенную информацию» и передавал ее своему начальнику. Хоулмен не скрывал, что делился информацией с Гатманом для передачи министру юстиции, который «живо интересовался положением дел в американо-советских отношениях».

В какой-то момент Хоулмен предложил Большакову познакомиться непосредственно с Робертом Кеннеди, чтобы тот получал информацию «из первоисточника». Большаков согласился, став, таким образом, «послом по особым поручениям на высшем уровне», обеспечивая связь между руководителями СССР и США в сложные периоды двусторонних отношений. Если судить по записям в настольном календаре Роберта Кеннеди, за период с мая 1961 г. по декабрь 1962 г. они встречались либо разговаривали друг с другом по телефону 31 раз, хотя на самом деле количество контактов могло быть намного больше. Сам Кеннеди вспоминал позднее, что встречался с Большаковым регулярно, в среднем один раз в две недели[200].

21 мая, на следующий день после получения отрицательного ответа Громыко относительно возможности советско-американского сотрудничества в космосе, министр юстиции воспользовался каналом «Большаков-Кремль», чтобы повторить предложение. Ответа не последовало. Только тогда президент Кеннеди принял окончательное решение выступить 25 мая 1961 г. перед общим собранием двух палат конгресса с обращением, названным «Неотложные нужды нации». Обращение это получило официальный статус второго традиционного ежегодного послания президента нации под не меняющимся названием «О положении в стране». Именно в этом послании он и сделал историческое заявление о начале реализации в США проекта лунной пилотируемой экспедиции «Аполлон». Попутно заметим, что название это было придумано Эйбом Силверстайном (Abe Silverstein), который отвечал за разработку космических программ НАСА до 1961 г. включительно. Именно Силверстайн дал имя «Меркурий» и первой американской пилотируемой программе. Что же касается «Аполлона», то первоначально это название было применено к программе — предполагаемой преемнице «Меркурия». О ней было объявлено в августе 1960 г. Она включала в себя длительные полеты трехместных кораблей на околоземной орбите, а возможно и облеты Луны. Когда Кеннеди официально объявил о программе полета на Луну, название «Аполлон» автоматически перешло к ней. Интересно отметить, что к моменту выступления главы Белого дома в конгрессе программа «Джемини» (Gemini), следующая сразу за «Меркурием», официально даже не существовала. О ней официально было объявлено лишь в декабре 1961 г.[201]

Итак, задача в рамках «Аполлона» была сформулирована президентом таким образом: доставить человека на Луну и благополучно вернуть его на Землю до конца 1960-х годов. В первоначальном варианте обращения, правда, ставилась более конкретная и амбициозная цель — сделать все до 1967 г. включительно. Коррективу внес Уэбб. Понимая, что в таком новом и сложном деле, как освоение космического пространства, случиться может все, он убедил президента обозначить срок, к которому нога астронавта должна была ступить на поверхность Луны, словами «до конца этого десятилетия»[202].

В обращении Кеннеди дал понять, что рассматривает полет на Луну как средство одержать победу над Советским Союзом в «космической гонке». «Ни один [другой] космический проект, — подчеркнул президент, — в данный период времени не произведет на человечество большего впечатления, не будет более важным для долгосрочного освоения космоса или же более трудным и дорогим в осуществлении»[203].

Это не означает, что Кеннеди или его ближайшие помощники отбросили идею космического партнерства с СССР. Сотрудники аппарата Белого дома подготовили к предстоящему венскому саммиту записку, в которой обозначили четыре потенциальных сферы для сотрудничества Советского Союза и США. В их число вошли космос, ядерные исследования, изучение Земли, биология с медициной. В записке содержалась рекомендация президенту Кеннеди «в случае, если ход встречи будет к тому располагать» поднять вопрос о сотрудничестве в одной из этих сфер во время бесед с Хрущевым[204]. А 29 мая специальный советник президента по национальной безопасности Мак-Джордж Банди представил президенту к грядущей встрече на высшем уровне «новый и значительно улучшенный меморандум из отдела Визнера». В документе говорилось уже только о четырех вероятных сферах для сотрудничества, две из которых были связаны с ядерной физикой, а две — с космосом. Что касается космических проектов, то в их число входило использование наземной инфраструктуры для совместных экспериментов, а также исследование планет с помощью автоматических аппаратов. Передавая документ президенту, Банди, однако, предостерег: «Когда будете делать предложения Хрущеву (относительно научно-технического сотрудничества. — Ю. К.) от своего имени, Вам, видимо, не следует идти дальше выражения личного интереса [в этих проектах]. Выскажите мысль о том, что данный вопрос должен быть обсужден экспертами на встрече, организованной послом [Льюэллином] Томпсоном»[205].

Подобная предосторожность, по мнению Банди, не будет лишней, ибо «на практике процесс научного сотрудничества может идти очень трудно даже с друзьями и Вам ни к чему ставить собственный престиж на карту конкретных переговоров, которые в любой момент могут забуксовать по вине Советов»[206].

Суммируя итоги встречи на высшем уровне в июне 1961 г., Сергей Хрущев сказал следующее: «Переговоры в Вене не дали результата. И с новым президентом отец не нашел общего языка. А это означало продолжение ядерной гонки»[207]. Основные причины разногласий остались. Хрущев угрожал Кеннеди тем, что подпишет договор с ГДР до конца года, после чего новое правительство этой республики отрежет доступ американцам в Западный Берлин. Со своей стороны, президент США заявил, что подобное неприемлемо, и в случае необходимости его страна применит силу, чтобы сохранить за собой подобный доступ. Не желая уступать американцу, Никита Сергеевич пригрозил ответить силой на силу, после чего какие-либо дальнейшие попытки «навести мосты» между Советским Союзом и Соединенными Штатами потеряли всякий смысл. Это и выразил в аллегорической форме хозяин Белого дома, когда сказал, что «грядущая зима будет холодной»[208].

Впрочем, говорить о том, что Кеннеди не предпринял никаких «мостонаводящих» шагов, было бы несправедливо. Во время обеда в резиденции американского посла в Вене, по завершении первого заседания в рамках саммита, Кеннеди откровенно спросил Хрущева, «должны ли США и СССР вместе осуществить пилотируемый полет на Луну». Вопрос этот, несмотря на прямоту, был задан не официально, а как бы между прочим (сказалась, видно, рекомендация Визнера). Никита Сергеевич сначала по инерции ответил отрицательно, а

потом полушутя добавил: «А собственно, почему бы и нет?». Когда же президент попробовал развить эту тему во время ответного обеда в резиденции советского посла, к главе Кремля, видимо, вернулось его серьезное настроение, и он прочел Кеннеди небольшую лекцию о внутренних и внешних факторах, способных повлиять на сотрудничество в космосе между СССР и США. Так, Никита Сергеевич, в частности, сказал, что в настоящее время он вообще накладывает «определенные ограничения» на советские лунные пилотируемые проекты, ибо осуществление их будет весьма дорогим. А это, в свою очередь, может отвлечь необходимые средства от укрепления обороны страны (недвусмысленный намек президенту).

Но Кеннеди, видимо с заложенным в его ирландском характере упрямством, вновь спросил Первого секретаря «в лоб», может ли вообще реализоваться совместная советско-американская лунная экспедиция. Пришлось Никите Сергеевичу объяснять «непонятливому» президенту, что сотрудничество в космосе невозможно без разоружения, ибо главные «действующие лица» в этом партнерстве — ракеты, — «могут быть использованы как для военных, так и для научных целей»[209].

Позднее Хрущев так обосновал в своих мемуарах нежелание сотрудничать в космосе с США: к тому времени у СССР была только одна «работающая» межконтинентальная баллистическая ракета — «семерка». Согласись Советский Союз участвовать с Соединенными Штатами в совместных космических исследованиях — и пришлось бы ему раскрыть перед потенциальным противником особенности конструкции этой МБР. А в инженерных способностях американцев Хрущев не сомневался. Стоит им, полагал он, взглянуть на советскую ракету, как они легко смогут ее воспроизвести. Дальше — больше. Иллюзий относительно боевых возможностей «семерки» Никита Сергеевич, оказывается, не питал, ибо опасался, что, скопировав ее, заокеанские специалисты тут же узнают о том, насколько эти возможности ограничены. Значит, показав американцам свою ракету, заключает Хрущев, Советский Союз только продемонстрировал бы им свою слабость[210].

Таким образом, во многом из-за боязни руководства СССР раскрыть перед США свои «военно-стратегические карты», советско-американские «космические» отношения зашли в тупик. 6 сентября 1961 г. глава НАСА Уэбб, обращаясь к членам Американской ассоциации политических наук, в частности, заявил: «Очень жаль, что возможности для истинно международного сотрудничества в космосе не могут реализоваться из-за господствующей в мире политической ситуации. Советский Союз говорит о «желательности международной координации усилий всех стран и народов...» и заявляет, что «...для Советского Союза естественно и неизбежно играть ведущую роль в международных программах космических исследований...» Однако СССР лишь усиливает зависимость космической деятельности от политической конъюнктуры до такой степени, что даже подвергает резкой критике совершенно открытую программу метеорологических спутников «ТИРОС» (TIROS)[211].

И это при том, что СССР, как и другим странам, предложили открытый обмен данными по облачному покрову. СССР в самом деле был приглашен принять участие в данной программе[212]. Впрочем, начав «за упокой», Уэбб закончил «за здравие»: «Несмотря на сложившуюся ситуацию, НАСА продолжит свои усилия по вовлечению всех наций в международное сотрудничество, включая СССР. Президент Кеннеди подтвердил свою решимость «продолжать попытки сделать Советский Союз партнером по совместной (космической) деятельности»[213].

Слова Уэбба о намерениях Белого дома вскоре были подтверждены конкретными шагами американской администрации.

И вновь «всемирный» подход...

На этот раз Кеннеди решил действовать иначе и вернуться к казалось бы не оправдавшей себя тактике Эйзенхауэра в организации космического сотрудничества, а именно, использовать механизм ООН для недопущения милитаризации космоса. Подход

этот, получивший название «всемирного» (all-nation), наглядно проявился в выступлении Кеннеди перед Генеральной ассамблеей ООН 25 сентября 1961 г. Суть его, с точки зрения американских национальных интересов, заключалась в следующем: Америка станет ведущей космической державой за счет главной роли, которую она сыграет в объединении усилий разных стран в области освоения космического пространства. То, что предшественник Кеннеди не смог ничего достичь на данном направлении, не остановило молодого президента. Очевидно, некоторые дипломатические новшества Белого дома, касающиеся международной космической деятельности, давали Кеннеди надежду на успех.

После венского саммита на формирование политики США в отношении СССР оказывал заметное влияние госсекретарь Дин Ачесон. По его мнению, Советский Союз должен чувствовать «твердую американскую руку» до тех пор, пока не смягчит свою позицию по Западному Берлину. Ачесон не рекомендовал руководству Соединенных Штатов обращаться к советским коллегам с какими-либо предложениями о сотрудничестве, ибо Кремль мог расценить их как проявление слабости со стороны США[214]. Понятно, что в подобных условиях Вашингтон не мог сделать Москве прямое предложение о сотрудничестве.

Но если нельзя напрямую, то можно попробовать косвенно, через ООН. В Белом доме так и решили поступить. Правда, учли при этом предшествующий опыт.

Во-первых, Соединенные Штаты согласились с существованием связи между сотрудничеством в космосе и разоружением, то есть с тем, на чем настаивал Советский Союз. Хотя рассматривали они эту связь как бы с другого конца: с их точки зрения, именно успешное партнерство могло стать прологом к разоружению. Как отметил постоянный представитель США при ООН Адлай Стивенсон, «если мы без промедления сможем начать [сотрудничать], это послужит основой для ослабления напряженности, а также облегчит продвижение к общему и полному разоружению»[215].

Во-вторых, американское предложение преследовало цель не только «сохранить космическое пространство для мирного использования», но также «установить глобальную систему спутников связи, объединившую бы весь мир с помощью телеграфа, телефона, радио и телевидения»[216]. Это было четкое следование рекомендациям группы Росси, советовавшей сотрудничать в «проектах, участники которых смогли бы избежать глубокого привлечения собственных ресурсов для их осуществления, а соответственно и связанных с этим трудностей».

Наконец, администрация Кеннеди, хоть и с трибуны ООН, но признала особую роль СССР и США в международном сотрудничестве в космосе, подчеркнув тем самым двухполюсной характер мировой космической деятельности. США пошли на компромисс в рамках Комитета по использованию космического пространства в мирных целях с тем, чтобы согласиться с требованием СССР, а именно: члены данного комитета должны принимать решения не голосованием, а на основе консенсуса. Напомним, что причина, по которой Советский Союз настаивал на этом, состояла в несправедливой, по мнению Кремля, расстановке сил внутри комитета — среди его членов было 12 «западных» стран, 5 — нейтральных и 7 — коммунистических. Таким образом, несмотря на достижения в космосе, СССР имел вполне реальные шансы оказаться в меньшинстве при голосовании.

Причина, по которой США пошли на компромисс, была выражена в выступлении представителя Австралии при ООН господина Плимсоли. Он сказал, что «с практической точки зрения соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами желательно, а во многих случаях — и необходимо, если мы хотим, чтобы международная кооперация, да и решения Соединенных Штатов, имели бы какой-нибудь практический эффект»[217]. Суть же компромисса состояла в следующем: комитет будет стремиться выработать решение методом консенсуса и прибегать к голосованию лишь в том случае, если консенсуса достигнуть не удалось[218]. Во многом благодаря этому шагу предложенная Соединенными Штатами резолюция 1721 (XVI) под названием «Международное сотрудничество в деле мирного освоения космического пространства» была единодушно одобрена 20 декабря 1961

г.[219] Ее значение выходит за рамки вклада в предотвращение милитаризации космоса. Резолюция эта стала первым реальным результатом почти трехлетней деятельности ООН в области регулирования использования космического пространства[220].

Тот факт, что Советский Союз согласился с данным документом, стал для многих свидетельством нового подхода СССР к сотрудничеству в космосе, в частности, с США. Во-первых, Советский Союз принял выдвинутую США инициативу. Во-вторых, не возражал против того, чтобы отделить вопросы космического партнерства от вопросов разоружения. В-третьих, СССР согласился с резолюцией, призывающей к международному сотрудничеству в космосе в областях, где Соединенные Штаты, а не Советский Союз, «были готовы к тому, чтобы играть ведущую роль, а именно — использование спутников в развертывании глобальных систем наблюдения за погодой и связи»[221].

Впрочем, помимо определенной гибкости, продемонстрированной администрацией Кеннеди в отношении СССР, была и еще одна причина, по которой Кремль в целом согласился с американским подходом к международному сотрудничеству в космосе. Обостряющийся конфликт между Москвой и Пекином, одновременно с растущей зависимостью СССР от поставок зерна из США, вынуждали советское руководство смягчать жесткость конфронтационного тона в диалоге с Белым домом.

Следующим шагом Кремля, намекающим на его согласие, по меньшей мере, рассмотреть вопрос о сотрудничестве, стала поздравительная телеграмма, которую Хрущев направил Кеннеди 21 февраля по случаю полета Джона Гленна[222].

В этой телеграмме он признал, что если Советский Союз и США «...объединят свои усилия — научно-технические и материальные, для покорения Вселенной, это будет чрезвычайно благоприятно для прогресса науки и будет с радостью воспринято всеми людьми, которые хотели бы видеть, как научные достижения идут на благо человеку, а не служат холодной войне и гонке вооружений»[223].

Готовность Кеннеди перевести разговоры о советско-американском космическом партнерстве в практическую плоскость была продемонстрирована скоростью, с какой он откликнулся на телеграмму Хрущева. В ответном послании президента, в частности, говорилось:

«Я тепло благодарю Вас за Ваше поздравление по случаю успешного полета полковника Гленна. Я также приветствую Ваше заявление о том, что наши страны должны сотрудничать в освоении космоса. Я давно так считаю и ясно выразил это в своем первом Послании конгрессу о положении страны.

Мы, разумеется, верим в важность ощутимой поддержки нашей деятельности в данной области со стороны ООН, а, кроме того, напрямую сотрудничаем в этой сфере со многими другими странами. Но совершенно очевидно, что наши две страны имеют особые возможности, и в этой связи на них ложится особая ответственность.

Я отдаю распоряжение соответствующим сотрудникам этого правительства подготовить новые и конкретные предложения для проектов, которые можно было бы совместно осуществлять уже в ближайшем будущем»[224].

23 февраля помощник президента по национальной безопасности МакДжордж Банди направил госсекретарю меморандум № 129 по действиям в области национальной безопасности (National Security Action Memorandum), предписывающий государственному департаменту вместе с НАСА, отделом науки Белого дома, а также Национальным советом по авиации и космосу «как можно скорее подготовить» новые предложения, о которых шла речь в ответе президента Хрущеву, а также «рекомендации, как лучше начать обсуждение данных вопросов с советскими представителями»[225]. Стремясь предотвратить возможную обиду со стороны Уэбба («как же так, госдеп — организация, в компетенции которой общие политические вопросы, «задает тон» в разработке рекомендаций по космосу, а моя организация — НАСА, профессионально занимающаяся космической деятельностью

— лишь „подпевает“)», Банди направил отдельный меморандум и главе аэрокосмического агентства. В нем, в частности, объяснялось: просьба была адресована в первую очередь госдепу по той причине, что ее выполнение связано с международными переговорами. Но при этом, подчеркнул Банди, Кеннеди хочет, чтобы Вы знали, «как хорошо он понимает центральную роль Вашей организации в решении данного вопроса». Более того (тут Банди уже перешел на «доверительный шепот», насколько это было возможно в письменной форме), президент попросил его передать кое-что Уэббу в «частном порядке»: Кеннеди отдает себе отчет, что «с такого рода сотрудничеством связано множество проблем, как и то, что у Вас голова переполнена проектами, осуществление которых не должно ни остановиться, ни замедлиться». Это явный намек на развертывание программы «Аполлон». Однако, как отмечает Банди, «если мы сможем ясно дать понять, что намерены энергично и прямо добиваться сотрудничества с Советами в данной сфере, это может принести нам реальную политическую выгоду. Не исключено, что прогресс в данном направлении автоматически окажет смягчающее воздействие на Берлинский кризис». «По этой причине, — высказал свое предположение Банди, — президент надеется, что Вы призовете Ваших людей проявить немного творчества, чтобы найти хорошие проекты (для сотрудничества с СССР. — Ю. К.)»[226].

Уже 6 марта госсекретарь Раск отправил Кеннеди черновик письма Хрущеву, который содержал «ряд конкретных предложений, ... сформулированных таким образом, чтобы Советам было легче дать положительный ответ». «Если Вы одобрите данное письмо, — продолжал Раск, — мы вскоре доставим его [адресату]... и в течение довольно длительного времени не будем предавать его огласке, чтобы у Советов была возможность дать нам обдуманый ответ. Мы, тем не менее, в конфиденциальной форме проинформируем несколько заинтересованных стран об этом шаге»[227].

Кеннеди одобрил письмо, которое 7 марта было отправлено Хрущеву. В послании содержался ряд проектов, в рамках которых США и СССР могли бы объединить свои усилия, в том числе: а) метеорологические спутники; б) взаимное предоставление услуг, связанных со слежением за космическими объектами, или, проще говоря, сотрудничество советских и американских НИПов — наземных измерительных пунктов; в) составление магнитного поля Земли из космоса; г) обмен информацией по спутникам связи, а также д) совместные работы в области космической медицины.

Как видно из письма, Кеннеди не повторил своего предложения Хрущеву сделать лунную пилотируемую программу совместным советско-американским предприятием. Это неудивительно — НАСА, политические круги США, аэрокосмическая индустрия Америки да и общественное мнение этой страны все больше и больше предпочитали видеть отношения Советского Союза и Соединенных Штатов в космосе в форме гонки, а не партнерства. Но даже если бы Кеннеди и сделал подобное предложение — насколько велика была бы вероятность положительного ответа Хрущева? Рискну предположить, что не очень. В начале 1962 г. Советский Союз тоже начал понемногу втягиваться, хоть и довольно неуклюже (об этом речь чуть дальше), в «лунную гонку». После околоземной орбиты Луне предстояло стать главной ареной для продолжающегося «состояния» в космосе двух стран, а дух соперничества, как известно, плохо сочетается с духом сотрудничества.

Впрочем, умолчав о лунной экспедиции, Кеннеди вместе с тем оставил возможности и для расширения партнерства за пределы, обозначенные в его письме: «Помимо этих конкретных проектов, мы готовы обсудить и более широкое сотрудничество в куда более грандиозных проектах, которые должны быть предприняты в области освоения космического пространства. Задачи, которые придется при этом решать, столь сложны, а риск для храбрецов, занимающихся освоением космоса, столь велик, что мы обязаны по велению совести использовать каждую возможность, чтобы совместными усилиями, в том числе и финансовыми, решать эти задачи с целью уменьшения риска»[228].

В своем послании Кеннеди намекнул на возможность будущего сотрудничества СССР и США в области «пилотируемого и беспилотного исследования космоса», в частности

изучения лунной поверхности автоматическими средствами. Не исключил он даже «взаимное определение шагов, которые необходимо предпринять в развитии всестороннего научного исследования Марса и Венеры, включая рассмотрение возможного использования пилотируемых полетов в осуществлении подобных программ». Наконец, президент вновь подчеркнул, что рассматривает сотрудничество в космосе в первую очередь как взаимодействие между Советским Союзом и Соединенными Штатами: «По мере достижения соглашений между нами по каким-либо элементам этих или подобных им программ, предлагаю информировать об этом Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях». Как видно, глава Белого дома предложил лишь *post factum* ставить ООН в известность о советско-американской космической деятельности, не более того[229].

Хрущев проявляет гибкость

Никита Сергеевич ответил Кеннеди почти через две недели после того, как получил от него письмо. Глава Кремля согласился практически со всеми предложениями американского президента о возможных сферах сотрудничества в космосе, включая спутники связи, метеорологические ИСЗ, составление карты магнитного поля Земли, а также космическую биологию и медицину. Хрущев отверг только возможность взаимодействия в использовании НИПов. Согласиться на такое даже на взаимной основе было, по мнению Никиты Сергеевича, все равно, что узаконить доступ «американских шпионов» к секретной информации о размещении и характере перемещения в космосе советской орбитальной группировки.

Благосклонно отреагировав на письмо президента, Хрущев не был бы Хрущевым, если бы не попытался представить дело так, будто от него, а не от Кеннеди исходила инициатива о советско-американском партнерстве, и американский президент лишь внял совету своего мудрого советского коллеги: «Ознакомившись с Вашим посланием от 7 марта сего года, я с удовлетворением отмечаю, что мое письмо к Вам от 21 февраля, содержащее предложение об объединении двух наших стран в покорении космоса, нашло должное понимание со стороны правительства Соединенных Штатов».

В подтверждение своих слов Никита Сергеевич сослался на предложения о сотрудничестве в космосе, с которыми советское правительство обращалось в марте 1958 г., в апреле 1961 г. и в феврале 1962 г. к международному сообществу и прежде всего — к США. Но Хрущев «забыл», что все предложения, за исключением февральского, были прочно увязаны с разоружением и ликвидацией иностранных военных баз. Теперь глава Кремля признался Кеннеди, что по прочтении его письма понял: «Направление Ваших мыслей, в сущности, не отличается от того, в котором и мы рассматриваем практические шаги в области подобного сотрудничества». Видимо, стремясь подтвердить серьезность отношения к возможному космическому партнерству с Америкой, Хрущев прямо спросил президента: «С чего начнем?». Список вероятных совместных проектов, предложенных Кеннеди, глава Кремля дополнил двумя, включая «помощь в поиске и спасении космических кораблей, спутников и капсул, совершивших аварийную посадку», в особенности когда это «связано со спасением жизней космонавтов — этих отважных исследователей дальних уголков Вселенной». Второй проект «от Хрущёва» состоял в «решении важных юридических проблем, поставленных космической эрой перед самой жизнью». К числу такого рода проблем Никита Сергеевич отнес ситуацию, когда кто-то (читай — США) создает «препятствия для исследования и изучения космоса, осуществляемых в мирных целях»[230].

Эти две новые сферы для потенциального партнерства, добавленные к перечню предложенных Белым домом, были отнюдь не проявлениям душевного порыва Хрущева, наконец-то оценившего «открытость и дружелюбность» американского президента. Никита Сергеевич преследовал вполне конкретные цели, связанные, прежде всего, с обеспечением национальной безопасности СССР. В начале 1960-х гг. спутники-шпионы США стали

доставлять все большую головную боль политическому и военному руководству Советского Союза. Их растущее количество было напрямую связано с новой стратегической доктриной Кеннеди, получившей название «за исключением городов» («no-cities»). Суть доктрины в нанесении ударов по избранным целям, по возможности исключая неоправданные жертвы среди мирного населения, сосредоточенного в основном в городах. Напомним, что до этого вооруженные силы США руководствовались выдвинутой Эйзенхауэром доктриной «массированного возмездия». Разумеется, новую стратегию Кеннеди было невозможно претворить в жизнь без составления детальных карт СССР, с указанием точного местонахождения ракетных частей, баз подводных лодок, аэродромов, подразделений ПВО и т. д. И к сентябрю 1961 г. при помощи спутников-шпионов задача эта была в целом решена[231].

Вначале Хрущев даже намеревался написать Кеннеди формальный протест, но после отказался от этой мысли, как бесполезной — наверное, вспомнил, что только уничтожение самолета-разведчика У-2 смогло остановить полеты машин этого типа над Советским Союзом. Возвращаемые капсулы некоторых американских спутников-шпионов совершили незапланированные посадки на территории СССР и даже были найдены, но в руки «компетентных органов», к сожалению, попали в плачевном состоянии. Причина — любопытство обнаруживших их местных жителей, желавших посмотреть, а что там внутри[232].

Таким образом, есть основание предположить, что, говоря о спутниках и капсулах, совершивших «аварийную посадку», Никита Сергеевич косвенно намекал Кеннеди на возможность быть «схваченным за руку» при очередной попытке фотографирования территории Советского Союза при помощи спутника-шпиона.

Что же касается препятствий для исследования и изучения космоса в мирных целях, которые «кто-то» может создать, то Никита Сергеевич имел в виду не только довольно успешный опыт советско-американского сотрудничества в области космического законодательства (совместное принятие резолюции ООН), но и так называемый «Проект Вест Форд» (Project West Ford). Суть проекта ВВС США, разработанного Массачусетским технологическим институтом, состояла в следующем: на околоземную орбиту «забрасывалось» 350 млн тончайших медных нитей. Каждая из них длиной 17,78 мм и 0,254 мм в диаметре. Летя «роем» вдоль орбиты, они должны были стать своего рода отражающей антенной для коротких волн (8 000 MHz). Цель эксперимента — создание глобальной системы радиосвязи, нечувствительной к «глушению».

Проект был одобрен Белым домом 4 октября 1961 г. Однако реакция на него в международных научных кругах оказалась неоднозначной. Многие посчитали, что «медное облако» может создать помехи для работ радиотелескопов, да и вообще — изменить характеристики околоземного пространства. Тем не менее, представители политических кругов стран-членов НАТО отнеслись к «Вест Форду» весьма благосклонно, ибо разглядели в нем весьма существенное подспорье к системе стратегического «сдерживания».

Вывести спорный груз на орбиту удалось лишь со второй попытки — 10 мая 1963 г. «Нитки» образовали довольно компактное облако, вращающееся вокруг Земли с периодичностью 166 мин. по околополярной орбите на высоте 3 704 км. Журнал «Сайенс» (Science — «наука») сообщил в номере от 16 декабря 1963 г., что почти все «нитки» к этому времени прекратили свое существование в плотных слоях атмосферы[233].

Пожалуй, один из наиболее важных моментов письма Хрущева к Кеннеди состоял в признании отсутствия жесткой зависимости между партнерством в космосе и разоружением:

«В то же время мне кажется очевидным, что масштабы нашего сотрудничества в мирном освоении космоса, так же, как и выбор направлений, в которых данное сотрудничество будет возможно, в некоторой степени связаны с решением проблемы разоружения. До тех пор, пока соглашение о всеобщем и полном разоружении не будет достигнуто, обе наши страны будут ограничены в своих возможностях сотрудничать в области мирного использования космоса. Не

секрет, что ракеты, запускаемые с военными целями, и космические корабли — с мирными, создаются на основе одних и тех же научно-технических достижений... Куда более широкие перспективы для сотрудничества и объединения наших научно-технических достижений, включая совместное строительство космических кораблей для полетов к другим планетам — Луне, Венере и Марсу, откроются вместе с заключением соглашения о разоружении»[234].

Подводя итог подобной эволюции в отношении Кремля к партнерству в космосе, госсекретарь Раск в своем меморандуме Кеннеди от 15 мая 1962 г. отметил: «Советы продолжают упоминать необходимость разоружения в качестве предисловия для тесного и широкомасштабного космического сотрудничества, но не обязательно — для более скромного сотрудничества»[235].

В своем письме к Хрущеву от 7 марта 1962 г. Кеннеди выразил надежду, что представители СССР и США «смогут встретиться в ближайшее время, чтобы обсудить наши и ваши идеи с точки зрения их практической реализации». В ответном послании от 20 числа того же месяца Никита Сергеевич также отметил, что представители СССР «получат инструкции встретиться с представителями Соединенных Штатов с целью обсуждения конкретных вопросов сотрудничества в исследовании и мирном использовании космического пространства в интересах наших стран». Намерения глав СССР и США воплотились в жизнь довольно быстро — 27 марта, или через неделю после того, как Кеннеди получил мартовское письмо Хрущева.

Переговоры Благонравова и Драйдена

Итак, Соединенные Штаты и Советский Союз впервые от красивых слов о благе сотрудничества в космосе перешли к конкретным действиям, призванным это благо реализовать. Со стороны СССР в переговорах, посвященных практическим вопросам взаимодействия двух стран за пределами атмосферы, участвовал академик-секретарь Отделения технических наук АН СССР А. А. Благонравов, а со стороны США — заместитель администратора НАСА Хью Драйден. За время, когда у власти одновременно находились Кеннеди и Хрущев, между Благонравовым и Драйденом состоялось пять встреч. Первая — с 27 по 30 марта 1962 г. в Нью-Йорке, вторая — с 29 мая по 7 июня в Женеве, третья — в марте 1963 г. в Риме, четвертая — в мае того же года в Женеве и пятая — в сентябре 1963 г. в Нью-Йорке[236]. Информация о переговорах с советской стороны помечалась если не грифом «секретно», то «для служебного пользования». По воспоминаниям Сыромятникова, в то время аспиранта Института машиноведения, который возглавлял Благонравов, «меня, заочного аспиранта его института, он к этим проблемам (связанным с сотрудничеством в космосе с американцами. — Ю. К.) не привлекал, видимо, по соображениям секретности. Мне в то время об этих переговорах вообще ничего не было известно»[237].

Несмотря на отказ Благонравова обсуждать вопросы, связанные с взаимным использованием НИПов, а после — и перспективы партнерства двух стран в области космической биологии и медицины[238], ему и Драйдену удалось, по окончании встречи в Женеве в июне 1962 г., подписать 8 числа того же месяца двустороннее соглашение о сотрудничестве. Документ состоял из трех частей, в каждой охватывалась сфера для потенциального взаимодействия. Первая состояла в обмене данными с метеорологических спутников, включая их координированные запуски. Вторая — в совместном составлении карты магнитного поля земли. Третья — в совместных экспериментах в области космической связи с использованием американского спутника — пассивного отражателя радиосигналов «Эхо II» (ЕСНО II)[239], или же активных спутников связи, которые могут быть запущены в будущем СССР и США[240].

Позже Драйден упомянул, что он и Благонравов положительно рассмотрели

возможность обмена опытом между советскими учеными, разрабатывающими космический аппарат для полета к Марсу, и американскими — для полета к Венере. Это планировалось сделать во время встречи в рамках программы КОСПАР (COSPAR)[241] в июне 1963 г. в Варшаве[242].

Стороны договорились о двухмесячном «тайм-ауте» для обсуждения на правительственном уровне подписанного документа и внесения необходимых изменений. По истечении срока в августе 1962 г. выяснилось — соглашение устраивает и Советский Союз, и Соединенные Штаты, что было отмечено в соответствующих нотах, которыми обменялись посольство США в Москве и МИД СССР. Окончательно закрепить официальный статус достигнутой договоренности и поднять ее на уровень отношений между правительственными организациями двух стран, курирующих космическую деятельность, должен был обмен соответствующим письмами между президентом АН СССР Келдышем и администратором НАСА Уэббом[243].

Процедура состоялась, но с задержкой, которая лишней раз продемонстрировала, насколько советско-американское сотрудничество в космосе зависит от общего состояния отношений между Советским Союзом и США. Осенью 1962 г. случилось то, что впоследствии получило название Кубинского (Карибского) ракетного кризиса. Он был вызван размещением на Кубе 42 советских баллистических ракет средней дальности (БРСД) типа Р-12 (SS-4) и Р-14 (SS-5) с ядерными боеголовками. Составление плана действий и его реализация пришлось на весну-осень 1962 г. 24 мая Президиум ЦК КПСС принял решение о переброске контингента советских войск на территорию Кубы (операция «Анадырь»), а 10 июня тот же орган утвердил решение о доставке на Кубу ракет[244].

Формально поводом для установки БРСД на острове была защита Кубы от возможной агрессии США. В то же время данная акция очевидно преследовала цель создания у границ Соединенных Штатов опасности, аналогичной той, которую США создали у советских границ, разместив в сопредельных с СССР государствах свои ядерные ракеты. Хрущеву приписывают такой обращенный к министру обороны Родиону Малиновскому вопрос: «Почему бы не запустить ежа дяде Сэму в штаны?»[245]

Проявив исключительную жесткость, Соединенные Штаты вынудили Советский Союз вывести с Кубы свои ракеты. Пик кризиса в советско-американских отношениях пришелся на октябрь 1962 г. По мнению большинства политиков и экспертов, никогда в послевоенные годы мир не стоял так близко к атомной войне, как во время «14 дней в октябре» (еще одно название Кубинского кризиса, по продолжительности его наиболее острого периода)[246].

Когда стало известно о ракетах на «острове Свободы», Кеннеди издал приказ, согласно которому американская сторона не «должна предпринимать никаких действий в рамках двустороннего [соглашения] по космосу между США и СССР, пока не урегулирована ситуация вокруг Кубы».

Но уже 30 октября, буквально через два дня после того, как Хрущев и Кеннеди достигли взаимопонимания по выходу из создавшегося положения (СССР убирал с Кубы БРСД, а США обязались не нападать на остров), Келдыш и Уэбб обменялись письмами. Очевидно, что Белый дом и Кремль спешили послать друг другу сигнал о намерении «не поминать старое», и взаимное стремление к космическому партнерству было лучшим символом желания двух лидеров «разогнать облака» в советско-американских отношениях. А 5 декабря Советский Союз и Соединенные Штаты совместно проинформировали Комитет ООН по космосу о достигнутой договоренности по взаимодействию в космосе[247]. После этого правительства СССР и США через Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) и пресс-службу НАСА публично воздали должное этому соглашению, как средству развития международного научного сотрудничества в целом[248].

Интересно отметить, что переговоры Драйдена и Благонравова практически не касались тем, выходящих за рамки совместных действий Советского Союза и Соединенных Штатов в космосе. Дух холодной войны, правда, немного ощущался в начале встреч. Благонраков не принял предложение США сотрудничать в области исследования верхних

слоев атмосферы при помощи стратостатов, отметив, что в Советском Союзе «вообще не любят стратостаты». Это был явный «камень», брошенный в американский «огород». Соединенные Штаты в тот период времени активно использовали высотные шары как для разведки, так и для разброса пропагандистской литературы над восточноевропейскими странами «социалистического лагеря». Для борьбы с «надувными шпионами» в СССР был даже создан специальной высотный самолет М-55, впоследствии названный «Геофизика».

Досталось от академика-секретаря и «Проекту Вест Форд», когда он заговорил о недопустимости ситуации, при которой одно государство в космосе мешает другому. Наконец, Анатолий Аркадьевич зачитал протест против ядерных испытаний, проводимых США в атмосфере, а затем сказал, что «советские ученые... приветствовали бы совместное заявление ученых США и СССР, ограничивающее использование космического пространства только для мирных целей и осуждающее применение спутников-шпионов»[249]. Интересно, что, по наблюдению американской стороны, Благоднаров испытывал определенную неловкость, вручая своему американскому коллеге подобную «ноту протеста». Анатолий Аркадьевич говорил «почти извиняющимся» тоном и сказал к тому же, что ему «поручили» сделать это[250]. Однако после того, как Драйден в вежливой, но твердой форме дал понять, что «у нас (т. е. американцев. — Ю. К.) нет ни компетенции в данной сфере, ни полномочий, чтобы ее касаться, никаких попыток затронуть данные вопросы больше сделано не было». Более того, «обе стороны поняли, что единственная надежда (добиться конкретных результатов в ходе переговоров. — Ю. К.) — это оставаться в пределах областей, не находящихся в эпицентре холодной войны»[251].

Чтобы разработка плана совместных действий в космосе шла и в перерывах между встречами Драйдена и Благоднарова, стороны договорились в ходе встреч, прошедших в марте 1963 г. в Риме и в мае того же года — в Женеве, о формировании рабочих групп, состоящих из советских и американских специалистов. Был подписан и еще один документ — «Первый меморандум о взаимопонимании относительно реализации двустороннего соглашения от 8 июня 1962 г.». Меморандум был официально одобрен Советским Союзом и Соединенными Штатами 8 июля и 1 августа того же года, правда скорее на уровне Драйден — Благоднаров, чем Уэбб — Келдыш. Далее стороны проинформировали Комитет по космосу ООН о данном соглашении как о вступившем в силу[252].

Практическая реализация достигнутых договоренностей, как, впрочем, и следовало ожидать, вновь продемонстрировала — космическую деятельность, пусть преследующую и чисто научные цели, но все равно играющую немаловажную роль в балансе сил между участниками холодной войны, от «войны» этой полностью отделить нельзя. Вначале выяснилось, что раньше 1964 г. сотрудничество в области изучения погоды из космоса начаться не сможет, но даже если и начнется, то лишь на основе взаимности — американские комические снимки в обмен на советские. Драйден специально отметил этот момент в выступлении на слушаниях в сенате по бюджету НАСА на 1964 г., что дает основание предположить — со взаимностью возникли проблемы[253].

Что касается совместных геомагнитных исследований, для этого советским специалистам пришлось бы раскрыть американским коллегам точность работы своих НИПов, что им, как уже отмечалось, делать было запрещено. Наконец, о взаимодействии в сфере спутников связи не могло быть и речи до начала 1964 г. — времени вывода на орбиту «Эхо II». Соглашение, правда, предусматривало возможность альтернативы «Эхо» в виде специальных ИСЗ, запускаемых СССР и США, но ни та, ни другая сторона не приступили к ее реализации.

Не стоит думать, будто только советская сторона опасалась передать потенциальному противнику, пусть и непреднамеренно, сведения, содержащие военную тайну, или же что Кремль был одинок в своей озабоченности дать больше, чем получить взамен. Отнюдь. Как свидетельствует меморандум МакДжорджа Банди президенту Кеннеди, аналогичные тревоги испытывала и американская сторона. В документе Банди, в частности, отметил: «Я знаю, Вы озабочены перспективой политических нападков на соглашения, которые заключает Драйден.

Думаю, эти три проекта (по которым удалось достичь взаимопонимания. — Ю. К.) вполне безопасны. ЦРУ и Министерство обороны рассмотрели их буквально «под микроскопом», подробно доложили (о результатах этой экспертизы. — Ю. К.) придирчивым и скрупулезным конгрессменам... и у тех это не вызвало никакой критики». В рамках проектов, продолжил Банди, «мы получаем столько же, сколько даем», и при этом «не раскрываем ни наших передовых технологий, ни базирующихся на их основе наших разведывательных возможностей»[254].

Подводя общий итог переговорам с Благодравовым, Драйден в выступлении 24 апреля 1963 г. перед сенатским Комитетом по авиации и космическим исследованиям, в частности, сказал, что их главным результатом стал «...не прогресс в осуществлении совместных проектов, но (1) дальнейшее сокращение, возможно с целью сделать их более реализуемыми, и без того весьма узких областей, в которых обе страны решили сотрудничать, и (2) подтверждение в более конкретной форме намерений сотрудничать в новых рамках»[255].

Согласно сообщению газеты «Вашингтон Пост», обе стороны также исключили какое-либо взаимодействие в сфере пилотируемой экспедиции на Луну (это и понятно — «лунная гонка» ведь уже фактически началась). Благодравов отказался предсказать, кто придет к «финишной ленточке» первым. «Это ведь как скачки», — заметил он, а Драйден высказался: «Надеюсь, мы прибудем туда вместе». Впрочем, Анатолий Аркадьевич не стал полностью закрывать дверь перед возможностью пусть и ограниченного партнерства СССР и США в области пилотируемых полетов, обмолвившись, мол, если будем сотрудничать в области сбора сведений об условиях космической среды, сможем быстрее достичь цели повышения безопасности полетов людей в космос[256].

В целом достигнутые соглашения, по мнению Уэбба, предусматривали скорее «координацию, чем интеграцию» космической деятельности двух стран. А Фруткин, принимавший активное участие в переговорах Драйдена и Благодравова, так охарактеризовал границы советско-американского взаимодействия в рамках подписанных документов: «Не будет никакого обмена, ни секретной, ни закрытой информацией. Никакая из сторон не станет поставлять оборудование другой стороне (для совместных проектов. — Ю. К.). В отношениях между сторонами не будет никаких платежей. От НАСА не потребуется начинать какие-либо новые программы или изменять существующие. Поток информации от одной стороны к другой будет основан на принципе взаимности и может быть легко прерван, если взаимность будет отсутствовать»[257].

Однако, пожалуй, самым большим «отрезвляющим душем» для американских энтузиастов сотрудничества в космосе с Советским Союзом стало игнорирование Кремлем самого факта переговоров или заключенных соглашений. Ни Хрущев, ни кто-либо другой из высших руководителей СССР не упомянули о шагах, сделанных в направлении космического партнерства между Советским Союзом и Соединенными Штатами[258]. Вашингтон воспринял это, как сигнал со стороны Москвы — подписанные Драйденом и Благодравовым документы, возможно, и могут стать материалом для «бумажного кораблика», призванного создавать благодушное настроение ученым и общественности двух стран, но отнюдь не для «ледокола», способного взломать лед холодной войны.

Но жизнь даже такого «кораблика» могла оказаться под угрозой. Надежды на конструктивное взаимодействие между СССР и США в рамках Комитета по космосу ООН также во многом оказались иллюзорными. Вся работа данного органа, по сути, свелась к мелочному выяснению различных юридических аспектов освоения космического пространства, сопровождаемому столкновениями по любому поводу между американскими и советскими представителями. Единственным реальным результатом работы комитета стал доклад 17 Генеральной ассамблее ООН от 14 сентября 1962 г., в котором констатировалось отсутствие прогресса по выяснению спорных вопросов[259]. Все, что смогла сделать ООН — выразить сожаление по поводу создавшейся ситуации и призвать членов Комитета по космосу к «сотрудничеству в целях дальнейшей разработки законодательства по

космическому пространству»[260].

Впрочем, призыв генассамблеи не смог не то что придать импульс работе данного органа, но более того — даже предотвратить конфликт между его членами, фактически заведший деятельность комитета в тупик. 24 мая 1963 г. представитель СССР при ООН Николай Федоренко отправил письмо Генеральному секретарю этой организации под названием «Опасные действия США в открытом космосе». Послание повторяло уже выдвигавшиеся против Соединенных Штатов обвинения. Первое — в связи с «Проектом Вест Форд», в частности, то, что в случае войны «400 миллионов медных иголок» будут использоваться для наведения на цели ракет с ядерными боеголовками и стратегических бомбардировщиков. Второе — в связи с ядерными испытаниями в атмосфере, представлявшими опасность для всего человечества. Составленное в резких тонах, письмо делало не менее резкий вывод: «Данные факты бесспорно свидетельствуют о том, что в космосе так же, как и на Земле, Соединенные Штаты действуют не в интересах мира и улучшения отношений между государствами, а в интересах собственной политики подготовки к войне — политики, ради которой они готовы нарушить все принципы международного права»[261].

Со своей стороны, США также не «остались в долгу». 6 июня американский представитель при Организации Объединенных Наций Адлаи Стивенсон распространил в качестве официального документа ответ на письмо Федоренко. В нем, в частности, отмечалось, что международное научное сообщество было поставлено в известность об особенностях «Проекта Вест Форд» и может подтвердить его мирную направленность. Америка проинформирует мировую общественность о его результатах, как делала это раньше в отношении собственных атмосферных ядерных испытаний. А что касается Советского Союза, то он «в резком отличии» от Соединенных Штатов «...никогда не объявлял о ядерных испытаниях в атмосфере, которые он проводил осенью 1961 г., следом за своим односторонним нарушением добровольного моратория на ядерные испытания, который действовал с 1958 г. Советский Союз также не объявил о трех атмосферных ядерных испытаниях, проведенных осенью 1962 г. Не признал он и факт их осуществления»[262].

Анализируя, как развивалось советско-американское взаимодействие в космосе, Кеннеди вынужден был признать, что его надежды построить «космический мост» между США и СССР оказались во многом призрачными. Он и сказал об этом на пресс-конференции, состоявшейся 17 июля 1963 г.[263] Настроение президента разделил конгресс, который сначала положительно отнесся к переговорам с Советским Союзом о партнерстве в космосе. Причем разочарование у законодателей наметилось раньше, чем у главы Белого дома. Еще в 1962 г. сенатор Керр, комментируя доклад Драйдена перед сенатом о советско-американском соглашении, заключенном в июне 1962 г., сказал: «...Прослушав Ваше выступление, я был вынужден прийти к выводу, что причина, по которой оно было столь кратким, заключалась в ограниченности результатов (реализации подписанных документов. — Ю. К.)»[264]. Примерно через год сенатор Маргарет Чейз Смит прямо спросила Драйдена в ходе слушаний по поводу «Первого меморандума о взаимопонимании...»: «...в течение всего времени, что Вы проводили переговоры [с Благонравовым], что реального удалось нам получить от Советского Союза? Не могли бы Вы назвать полдюжины сколько-нибудь существенных примеров научных знаний, полученных в СССР, которые он передал бы нам в рамках этого соглашения?»

В ответе Драйден смог упомянуть лишь о согласии советской стороны использовать так называемый «абсолютный магнетометр» в совместных работах с американцами, но после вынужден был признать: «...не думаю, что мы сможем много сказать о том, действительно ли ведет данное соглашение к обмену информацией, пока его пункты не станут выполняться»[265].

Впрочем, к лету 1963 г. как НАСА, так и другим правительственным органам США стало ясно, что переговоры Драйдена с Благонравовым идут в никуда и продолжают следовать

в этом направлении до тех пор, пока не произойдут кардинальные изменения в структуре взаимодействия между советскими и американскими специалистами. Это и имел в виду Драйден, когда сказал на слушаниях в сенате: «Первая возможность проверить, получим ли мы какую-либо конкретную отдачу от этого соглашения, будет во время встречи в Варшаве в рамках КОСПАра, где соберутся вместе ученые, работающие по проектам исследования Марса и Венеры»[266].

Однако, по свидетельству Фруткина, советские специалисты в ходе данной встречи были скованы «оковами секретности». Именно вследствие этих «оков» все их контакты с американскими коллегами носили весьма ограниченный и чисто формальный характер. Представители СССР не могли предоставить никакого доступа ни к информации по советским приборам, предназначенным для космических исследований, ни к «сырым» данным, полученным в результате исследований. Они не были готовы даже намекнуть на используемые носители или же на наземное приборное оборудование. Не дали они общих сведений об их инфраструктуре слежения за космическими объектами и приема данных[267]. Причины подобной молчаливости своих «братьев по космонавтике» объяснил Сыромятников:

«В 60-е годы, благодаря инициативе Хрущева, специалистов передовых промышленных отраслей, включая РКТ (ракетно-космическая техника. — Ю. К.), стали иногда посылать за границу. Высшее руководство осознавало, что для сохранения передовых позиций необходимо наладить непосредственный контакт с зарубежными коллегами, в том числе на международных конференциях, организация которых приобретала все больший размах. Работники «почтовых ящиков» (так на жаргоне назывались предприятия, единственным адресом которых был номер их почтового ящика. — Ю. К.) вроде нашего п/я 651 были засекречены. Даже сам факт участия в создании «закрытой» техники считался большим секретом. При оформлении на работу мы давали подписку о неразглашении государственной и военной тайны и даже о том, что не будем никогда, ни при каких обстоятельствах общаться с иностранцами. Внутри предприятия существовало еще несколько барьеров, которые ограничивали доступ к секретной информации. Секретным считалось все новое, еще не летавшее, представлявшее интерес, а значит — соблазн для шпионов. Чтобы преодолеть это противоречие — сохранить тайну и избежать полной изоляции от бурно развивавшейся техники в США и в других странах, чтобы не отстать от научно-технического прогресса, была создана целая система защиты и фильтрации. Эту систему непосредственно курировал ЦК КПСС. Поездка каждого специалиста на конференцию требовала специального разрешения ЦК с подачи оборонного отдела, который курировал ВПК. Перед первым выездом все специалисты, партийные и беспартийные, посещали ЦК и давали дополнительную подписку, как у нас говорили, «расписывались кровью», почти как подпольщики и партизаны времен войны, что ни при каких обстоятельствах не выдадут „тайны“»[268].

В итоге, пожалуй, даже самый большой оптимист, проанализировав развитие советско-американского сотрудничества в космосе в 1962-1963 гг., не нашел бы иных слов для его описания, кроме как «дорога в никуда».

В поиске выхода из тупика

Наверное, если бы Кеннеди преследовал цель объединить усилия США и СССР за пределами земной атмосферы только в основном ради освоения космического пространства, вряд ли из Белого дома последовало еще хоть одно предложение Кремлю о космическом партнерстве. Но космос для президента был прежде всего средством решения политических задач, в число которых входило и улучшение отношений с Советским Союзом.

Из этого, впрочем, не следует, что Кеннеди как заведенный снова и снова приглашал СССР вместе с США «направиться к звездам». Отнюдь. Более того, молодого президента все сильнее охватывал азарт «лунной гонки». Когда он объявил о национальной цели доставить человека на Луну, его обуревали сомнения — а сможет ли нация сделать это. По словам его ближайшего советника Визнера, если бы Кеннеди «смог выйти из крупной космической программы без того, чтобы не нанести стране тот урон, который, по его мнению, мог последовать за этим шагом, он бы сделал это»[269]. Однако по мере того как космическая программа США набирала обороты, а американские достижения в космосе становились все более очевидными и весомыми, глава Белого дома «все больше отождествлял себя с космическими успехами своей страны и с астронавтами, их олицетворявшими»[270]. Причем подобные тенденции в отношении Кеннеди к космосу наметились еще до его июльской пресс-конференции в 1963 г., где он фактически признал тщетность своих усилий организовать космическое сотрудничество с СССР. Так, в речи, которую он произнес перед студентами университета им. Райса (Rice University) в г. Хьюстон, штат Техас, 12 сентября 1962 г., президент сказал прямо: «Те, кто были до нас, сделали все возможное, чтобы эта страна «оседлала» первые волны промышленной революции, первые волны современных открытий и первые волны ядерной энергетики. И это поколение не намерено плестись в хвосте наступающей космической эры...

...Мы решили лететь на Луну. Мы решили лететь на Луну в этом десятилетии, а также сделать другие вещи не потому, что они просты, но потому, что сложны. Потому, что цели, которые в этой связи мы ставим перед собой, помогут организовать и выявить наши лучшие силы и таланты. Потому, что этот тот вызов, который мы желаем безотлагательно принять и над которым одержать победу, равно, как и над другими [вызовами].

Именно в силу данных причин, я расцениваю прошлогоднее решение переключить «коробку» наших усилий в космосе на «повышенную передачу», как одно из наиболее важных решений, которые будут сделаны в ходе моего пребывания на посту президента...»[271]

По мнению исследователей политической истории советско-американского сотрудничества в космосе Додда Харви и Линды Сиккоритти, по мере того, как Кеннеди все больше узнавал о разных аспектах космической деятельности и все больше вовлекался в нее, он стал расценивать космическую программу США не только как средство демонстрации национальной мощи. Она стала для него средством дальнейшего наращивания и расширения этой мощи. Истинное значение экспедиции на Луну состояло не просто в победе над русскими в рамках конкретного космического проекта. Пилотируемый полет на естественный спутник Земли должен был стать осью, вокруг которой предстояло организовать и осуществить целый спектр мероприятий. Их цель — навсегда увести Соединенные Штаты «в отрыв» от Советского Союза в любой области освоения космического пространства[272].

Встреча в Белом доме, или для чего Кеннеди понадобился «Аполлон»?

К настоящему времени у читателя должно было сложиться довольно четкое мнение: экспедиция на Луну была для 35-го президента США «политическим рычагом», с помощью которого он намеревался изменить баланс внутриамериканского и мирового общественного мнения в пользу Америки. Однако, выступая на открытых форумах или давая интервью прессе, Кеннеди все-таки пытался маскировать довольно узкотщеславную цель «утереть нос» русским в космосе на фоне разговоров о том, как программа «Аполлон» поможет «организовать и выявить... лучшие силы и таланты» Соединенных Штатов.

Но в кругу ближайших советников и помощников Джон Фицджеральд мог позволить себе большую прямоту и открытость, чем на трибуне конгресса или же перед объективами телекамер. Он и продемонстрировал это 20 ноября 1962 г. во время встречи в Белом доме с администратором НАСА Джеймсом Уэббом, директором бюджетного отдела в

администрации президента Дэвидом Бэллом, ассоциированным администратором НАСА Робертом Симансом, заместителем администратора НАСА Хью Драйденом, советником по науке Джеромом Визнером, а также рядом других лиц, имевших непосредственное отношение к программе «Аполлон». Магнитофонная запись дискуссии была рассекречена лишь в августе 2001 г., т. е. почти через 40 лет после того, как она состоялась. Расшифровали ее сотрудники Института космической политики в г. Вашингтон. Несмотря на то, что качество звучания было весьма хорошим, особенно если сравнивать с другими подобными пленками, сохранившими для нас речь Кеннеди, принадлежность некоторых голосов все же определить не удалось. Поскольку разговор был очень откровенный, лучше дать его участникам возможность самим рассказать о целях, которых они намеревались достичь при помощи пилотируемой экспедиции на Селену, а также о тех вопросах и озабоченности, возникавших у них в этой связи. О том, что слова, прозвучавшие в тот день в Белом доме, не были предназначены для посторонних ушей, а уж тем более — для средств массовой информации, говорит и стиль общения их авторов. Он — угловатый, рубленый, который обычно бывает у людей, когда они озабочены лишь доведением мыслей до сведения друг друга, не слишком думая о том, в какой форме это произойдет. По причине большого объема стенограммы (почти 30 машинописных страниц), в книге будут приведены лишь выдержки из нее, сопровождаемые моими пояснительными комментариями.

Кеннеди: (спрашивает Джеймса Уэбба)... Считаете ли Вы, что данная программа («Аполлон». — *Ю. К.*) наиболее приоритетная программа агентства?

Уэбб: Нет, сэр, не считаю. Я думаю, это *одна* из самых приоритетных программ, но я также считаю, что здесь очень важно признать... понять, что можно делать с ракетой, как выйти за пределы земной атмосферы, в космос, и произвести необходимые исследования. В этой области пересекаются несколько очень серьезных научных дисциплин.

Кеннеди: Джим, я считаю, что эта (программа «Аполлон». — *Ю. К.*) — самая важная. Думаю, что нам очень четко нужно это осознавать. Реализация некоторых других программ может задержаться на шесть или девять месяцев, и нечего кардинального не произойдет... **Но это важно по политическим причинам, международным политическим причинам. Ведь это, хотим мы того или нет, по сути — гонка. Будет прекрасно, если мы доберемся до Луны вторыми, но это все равно, что быть вторыми всегда.** (выделено мною. — *Ю. К.*) Так что если мы будем на шесть месяцев позже (русских на Луне. — *Ю. К.*) из-за того, что мы не придали этому должного значения, это будет очень серьезно. Так что, я думаю, нам нужно согласиться с тем, что (эта программа. — *Ю. К.*) — самая приоритетная для нас.

Уэбб: Но там, где придется летать «Аполлонам» и совершать посадки — космос.

Кеннеди: Послушайте, я все это знаю. И спутники, и связь, и погода, и все такое прочее — все это желательно, но может подождать.

Уэбб: Я не ставлю их... Я имею в виду научную программу, чтобы лучше понять ту космическую среду, в которой «Аполлонам» предстоит летать и садиться на Луну.

Кеннеди: Подождите-ка... Хотите ли вы сказать, что программа полета человека на Луну является самой приоритетной для агентства, не так ли?

Неизвестный: (принадлежность голоса не удалось определить): Равно как и наука, которая с этим связана...

Симанс: Ну да, если вы это упоминаете, наука, которая нужна...

Кеннеди: Наука... Лететь на Луну является самым важным проектом. Конечно, его реализация будет связана с получением огромного количества научной информации и прочих важных вещей. Однако главные усилия агентства, с моей точки зрения, должны быть сконцентрированы на лунной программе. Все остальное может подождать шесть-девять месяцев.

Уэбб: Но проблема... в том, что как только нам удастся физически выйти в

космос и провести там необходимые исследования, их научный результат послужит развитию технологий, и в результате инженеры смогут построить лучший космический корабль. Это, в свою очередь, даст вам лучшие приборы и лучшие шансы на то, чтобы что-то узнать. В настоящее время некоторые из блестящих ученых в наших университетах понимают это. Данная идея начинает их завораживать, и вы (своей программой «Аполлон». — Ю. К.) способствуете развитию здесь и сейчас такого величайшего интеллектуального усилия, какое я когда-либо наблюдал в этой стране за все те годы, что «валяю дурака» с ее национальной политикой. Вот для них-то это вопрос вопросов. У людей, которым предстоит напрячь свои мозги, напрячь по-настоящему, чтобы решить, на какой основе будет зиждиться будущее космическое могущество этой нации через двадцать пять или через сто лет, есть некоторые сомнения насчет этого и...

Кеннеди: Сомнения в чем, в программе?

Уэбб: В том, что действительно ли посадка на Луну то, что вы называете главным приоритетом.

Кеннеди: А что, по их мнению, главный приоритет?

Уэбб: Они думают, что главный приоритет — понять среду и...законы природы, которые действуют в космосе. Можно так сказать...Ученые в области ядерной физики смогли проникнуть в самую сердцевину ядерного ядра и в его субчастицы. Теперь здесь, во Вселенной, мы обнаружили такую же общую структуру, но которую можно изучить в гигантском вселенском масштабе.

Кеннеди: Я согласен, что все это интересно, но мы можем подождать полгода.

Уэбб: Но вам потребуется эта информация для...

Кеннеди: Да, но лишь в том случае, если эта информация имеет непосредственное отношение к программе («Аполлон». — Ю. К.). Джим, я думаю, нам нужно это (неразборчиво)...

Визнер: ...Но мы ни черта не знаем о поверхности Луны. И мы делаем самые невероятные предположения о том, как сядем на Луну, и в итоге может произойти страшная катастрофа при попытке посадить что-либо на поверхность Луны, которая весьма отличается от наших представлений о ней... Оттого научные программы, благодаря которым мы получим данную информацию, должны быть самыми важными. Но они связаны с лунной программой. Те научные программы, которые не связаны с лунной программой, могут занимать любое место в иерархии приоритетов, которое мы захотим им дать.

Симанс: Да. Хотел бы сказать, что я согласен с тобой, Джерри (уменьшительное от Джером. — Ю. К.). Мы должны собрать самую разную научную информацию с тем, чтобы осуществить лунную экспедицию. Например, нам нужно узнать об условиях на лунной поверхности. Вот почему мы продолжаем строить «Кентавр» — с тем, чтобы беспилотный аппарат «Сервейер» успел добраться до Луны (и собрать там необходимую информацию. — Ю. К.), которая могла быть учтена при разработке «Аполлона»[273].

Кеннеди: Еще, на что я точно не хотел бы тратить шесть или семь миллиардов долларов — так это изучать космос, даже если мы и не выбиваемся из графика (осуществления программы «Аполлон». — Ю. К.). Я бы растянул эту сумму на пять-десять лет. Но мы можем потратить ее на... Зачем мы тратим семь миллионов долларов на добывание пресной воды из соленой, когда мы в то же время, тратим семь миллиардов долларов на исследование космоса? Очевидно, вы не стали бы так расставлять приоритеты, кроме как в военных целях. **А второе — это то, что Советский Союз сделал** (освоение космоса. — Ю. К.) **средством проверки своей** (социально-экономической и политической. — Ю. К.) **системы. Вот почему мы делаем это. Поэтому, думаю, нам нужно согласиться с тем, что это** («Аполлон». — Ю. К.) **— ключевая программа.** (выделено мною. — Ю. К.) А что касается остального... все это мы сможем исследовать, но есть также множество других вещей, которые мы сможем исследовать, как, например, рак и все остальное.

Уэбб: Но, видите ли, когда вы говорите об этом, очень трудно провести

грань между...

Кеннеди: Все, что мы делаем, должно быть подчинено тому, чтобы добраться до Луны раньше русских. (выделено мною. — Ю. К.)

Уэбб: Но почему это не может быть завязано на обеспечение превосходства в области освоения космоса, о котором вы сами...

Кеннеди: Да потому, Господи, что мы уже пять лет говорим всем о нашем превосходстве в космосе, и никто не верит в это, потому, что у них (русских. — Ю. К.) есть спутник и носитель. Мы знаем, сколько спутников мы запустили, в два или три раза больше, чем Советский Союз... мы впереди с научной точки зрения. Это все равно, что то устройство, которое у вас в Стэнфорде, которое обошлось нам в 125 миллионов долларов и теперь все говорят мне, что мы обогнали всех в мире. Кстати, что это? Не представляю, что это такое.

Несколько человек отвечают: Линейный ускоритель.

Кеннеди: Простите, это замечательно, но никто не знает, что это такое... Я думаю, нам нужно очень четко понимать, что... **это самая приоритетная программа агентства — одна из двух вещей, помимо обороны, которая является высшим приоритетом для правительства Соединенных Штатов.** (выделено мною. — Ю. К.) Думаю, это именно та позиция, которую мы должны занимать. И еще — это, может быть, никак не повлияет на график (работ по «Аполлону». — Ю. К.), но по крайней мере у нас будет ясность, иначе нам не следует тратить такие суммы, потому что **меня не так уж интересует космос** (выделено мною. — Ю. К.). Я думаю, это нужно, я думаю, нам нужно исследовать его и мы готовы потратить на это разумные деньги. **Но мы говорим о таких фантастических расходах, которые подкосят наш бюджет и все остальные внутренние программы, и единственное оправдание подобным тратам, с моей точки зрения, сделать это вовремя, то есть потому, что мы надеемся выиграть у них (русских — Ю. К.) и продемонстрировать, начав позже на два года, мы, с божьей помощью, обошли их.**

Уэбб: Я хотел бы побольше поговорить об этом, потому что общественность страны довольно сильно озабочена превосходством в космосе.

Кеннеди: Если вы хотите доказать превосходство, это будет отражаться в том, как вы должны это сделать.

Уэбб: Нет, если у вас будет усовершенствованный носитель «Сатурн»... [далее — неразборчиво].

Кеннеди: Нам это следует обсудить. Ибо я считаю, что если это хоть в какой-то степени затрагивает то, как мы будем распределять ресурсы и все такое прочее, то это — серьезный вопрос, и, думаю, нам нужно иметь полную ясность. Мне хотелось, чтобы вы мне вкратце рассказали... изложите в письменном виде ваши взгляды. Я не думаю, что они сильно разнятся с моими. Я думаю, что все те программы, которые способствуют реализации лунной программы... объединяются в рамках, или существенно способствуют, или по сути... скажем так, *необходимы*, да, так именно и скажем — *необходимы* для успеха лунной программы, являются обоснованными. Те же, которые не являются необходимыми для лунной программы, которые просто помогают нам достичь превосходства в космосе в широком смысле этого слова, являются второстепенными. Вот что я думаю.

Уэбб: Хорошо, тогда позвольте мне сказать следующее: если я прямо заявлю, что это — самый главный приоритет и что все остальное должно быть ему подчинено, я потеряю значительную часть поддержки, как для вашей программы, так и для вашей администрации...

Кеннеди (перебивая): Поддержку со стороны кого? Кого? Кого именно? Кого?

Уэбб: Большого числа людей.

Кеннеди: Каких? Каких?

Уэбб: Ну, в частности, тех мыслящих людей, работающих как в промышленности, так и в университетах, которым нужно солидное обоснование (для какой-либо программы. — Ю. К.).

Кеннеди: Но им не нужно платить такие деньги, чтобы достичь цели, на которую мы собираемся столько потратить. Я хочу сказать, что единственная причина, которая оправдывает расходы столь огромной... зачем тратить пять или шесть миллиардов долларов в год, когда все остальные программы на грани смерти от истощения?

Уэбб: Потому что в Берлине вы тратили шесть миллиардов в год в добавление к вашему военному бюджету из-за того, что русские вели себя, как им того хотелось. И у меня такое чувство, что ваш успех на Кубе (имеется в виду урегулирование «Карибского кризиса». — *Ю. К.*) не был бы столь очевидным, если бы не полет Джона Гленна, который продемонстрировал наши реальные технические возможности.

Кеннеди: Согласен. Оттого-то мы и хотим осуществить эту программу... Это будет несомненной демонстрацией нашего космического превосходства.

Уэбб: Но нам для этого не пришлось отправить его (Гленна. — *Ю. К.*) на Луну... (далее неразборчиво).

Драйден: Господин президент... Предположим, «Аполлону» потребуется на 500 миллионов долларов больше. Перераспределить 500 миллионов внутри космической программы (имеется в виду совокупность всех космических программ НАСА. — *Ю. К.*) означает просто выбросить ее...

Кеннеди: Слушайте, я думаю, что в письме (в котором Кеннеди попросил Уэбба изложить свое видение программы «Аполлон». — *Ю. К.*) вам следует упомянуть, как остальные программы агентства интегрируются в лунную программу, как связаны с ней и насколько важно их осуществление для того, чтобы мы уложились в график (реализации «Аполлона». — *Ю. К.*) о котором мы говорим. И если это лишь косвенная связь, то какой вклад они (эти программы. — *Ю. К.*) вносят в решение наших общих и конкретных задач в космосе... Большое спасибо[274].

[Встает и уходит].

Итак, какие выводы можно сделать на основании этого довольно «неотшлифованного» обмена мнениями по поводу «Аполлона»?

Первый — для Кеннеди космос важен постольку, поскольку это — «поле битвы». На нем он намерен одержать крупную победу в борьбе с Советским Союзом за «умы и сердца» людей, которые еще не решили, кому отдать симпатии — капитализму или социализму.

Второй: на общем «поле битвы» Кеннеди определил направление «главного удара». Это программа «Аполлон». Остальные космические программы носят второстепенный характер и должны быть подчинены основной цели — высадке американцев на Луну раньше русских.

Третий: не все с президентом согласны, даже среди ближайшего окружения. Уэбб полагает, что завоевание превосходства в космосе — задача более широкая, чем просто победа в «лунной гонке». Кроме того, по мнению главы НАСА, научное значение «Аполлона» для академического сообщества США отнюдь не очевидно, а это значит, что лунная программа, да и сама администрация Кеннеди, рискуют лишиться значительной поддержки среди интеллектуальной элиты Америки. Поэтому он предлагает разработать более универсальную машину, чем «Сатурн-5», которая смогла бы не только доставлять астронавтов на Селену, но и быть задействованной в реализации других космических проектов. Визнер же считает, что пилотируемой экспедиции на Луну должно предшествовать ее более тщательное и серьезное изучение с помощью автоматических аппаратов, иначе не избежать крупной неприятности или даже трагедии.

Но все эти предложения и сомнения Кеннеди не принимает. Создание более многоцелевого носителя, чем «Сатурн-5», более глубокая проработка научной стороны экспедиции на Луну, наконец более тщательное изучение Селены в преддверии высадки на нее людей — все это отнимет время и средства от достижения главной цели — победы в «лунной гонке». Очередного «космического» поражения с далеко идущими политическими последствиями, подобного тем, которые Америка потерпела в 1957 г. (спутник) и в 1961 г.

(Гагарин), президент допустить не может, а потому «Аполлон» становится своеобразным стержнем, вокруг которого вращается остальная космическая деятельность США.

Надо отдать должное Визнеру, который, несмотря на то что работал в администрации президента, не пошел на сделку с собственной профессиональной совестью и не изменил свою точку зрения на научную значимость «Аполлона», а точнее — на ее недостаточность. Но в то же время, он был членом команды Кеннеди и не мог выступить против проекта, который отстаивал его непосредственный начальник. Со своей стороны, президент тоже не хотел «выкручивать руки» советнику по науке. Данная казалась бы тупиковая ситуация была разрешена благодаря такту и дипломатичности как Кеннеди, так и Визнера. Первый пообещал, что не будет пытаться представить «Аполлон» как исследовательский проект, а второй — что не станет просить научно-консультационный комитет при президенте дать научную оценку лунной пилотируемой программе[275].

Слово сдержали оба. Кеннеди не говорил о «раздвижении горизонтов познания» с помощью «Аполлона», а вышеупомянутый совет, равно как и американская академия наук, не выступали против проекта, как недостаточно обоснованного с научной точки зрения.

Теперь, когда мы знаем, чего на самом деле пытался достичь Кеннеди при помощи программы «Аполлон», шокирующе непонятным выглядит следующий поступок президента. Обращаясь к сессии Генеральной ассамблеи ООН 20 сентября 1963 г., Кеннеди впервые официально и публично пригласил Советский Союз присоединиться к Соединенным Штатам для совместной реализации экспедиции на Луну. Кулуарное предложение Хрущеву в ходе венского саммита в июне 1961 г. и зондирование советской реакции на подобный проект во время переговоров Драйдена и Благоднава не идут ни в какое сравнение с приглашением, с которым Белый дом обратился к Кремлю перед лицом мирового сообщества. Вот что президент, в частности, сказал:

«...в области, где Соединенные Штаты и Советский Союз обладают особым потенциалом — в области космоса, есть поле для нового сотрудничества, для дальнейших общих усилий в сфере регулирования [космической деятельности] и освоения космического пространства. **Я включаю в число подобных возможностей и совместную экспедицию на Луну** (выделено мною. — Ю. К.). В космосе нет проблемы суверенитета. Через соответствующую резолюцию на данной ассамблее члены Организации Объединенных Наций отвергли какие-либо претензии на территориальные права на открытый космос или на небесные тела, заявив, что (к внеземному пространству. — Ю. К.) будут применяться международное право и устав ООН»[276].

Почему, следовательно, первый полет человека на Луну должен стать предметом национального соперничества? Почему Соединенные Штаты и Советский Союз при подготовке подобных экспедиций должны бесчисленное количество раз дублировать исследования, создание техники и расходы? Естественно, мы должны рассмотреть вариант, при котором ученые и астронавты наших стран, а фактически — всего мира, смогли бы работать вместе по освоению космоса, послав на Луну в один из дней в этом десятилетии представителей не только одной нации, но представителей обеих наших стран»[277].

Подобный шаг Кеннеди изумил не только Советский Союз и международное сообщество. Немало удивлены были и сотрудники правительственных органов США, таких, как НАСА и Госдепартамент, с которыми обычно обсуждались такого рода инициативы. На этот раз, в отличие от 1961 и 1962 гг., никто не просил их высказать свое мнение по вопросу о сотрудничестве с СССР в космосе. Проще говоря, приглашение Советскому Союзу лететь вместе на Луну было личной идеей Кеннеди и его ближайших советников, а более конкретно — помощника президента, позже ставшего известным историком, Артура Шлезингера, а также младшего сотрудника госдепартамента Ричарда Гарднера, готовивших выступление главы Белого дома в ООН[278].

По словам Шлезингера, они с Гарднером в принципе говорили с работниками органов

правительства, занимающимися научно-техническими вопросами, на тему о советско-американском сотрудничестве в космосе. В результате этих бесед обнаружили, что уже имеющиеся конкретные предложения по двустороннему партнерству «казались банальными по сравнению с колоссальными возможностями, которые предоставлял космический век». Далее помощник президента и сотрудник госдепа принялись искать более впечатляющие проекты, и вот тут-то, как вспоминает Шлезингер, «в наши головы и „вплыла“» идея о слиянии русской и американской экспедиций на Луну»[279]. Не обсуждая данную идею больше ни с кем, Шлезингер включил ее в черновик речи Кеннеди в ООН, просто чтобы «посмотреть, как она будет звучать»[280]. Интересно, что Шлезингер «забыл, как сам президент предложил это Хрущеву в Вене в 1961 г.», а потому не рассчитывал, что его и Гарднера план будет так быстро одобрен[281].

Отчего же Кеннеди согласился с рекомендациями своих советников? На этот счет есть немало объяснений, однако, в наиболее исчерпывающей и сжатой форме о них высказался Соренсон: «Думаю, у президента были в космосе три цели. Первая — обеспечить его демилитаризацию. Вторая — не допустить, чтобы в нем утвердилась Россия за счет вытеснения оттуда Соединенных Штатов. И, наконец, третья — добиться того, чтобы престиж и мощь американской науки были на недостижимой высоте. Все три цели могли бы быть достигнуты в рамках той космической программы, которая завершилась нашей победой над русскими в «лунной гонке». Каждая из них была бы под вопросом, если бы русские продолжали обгонять нас в космосе и были бы первыми на Луне. Но я считаю, что все три цели также могли бы быть достигнуты и с помощью совместной советско-американской экспедиции на Луну.

Проблема заключалась в том, что в 1961 г., несмотря на благожелательное отношение президента к совместной программе, мы мало что могли предложить. Очевидно, что в то время русские значительно опережали нас... Однако к 1963 г. наша программа резко ускорила свой темп. Появилась весьма реальная возможность наконец-то сравняться с Советами в космосе. Кроме того, наши отношения с Советами после завершения Кубинского кризиса и заключения договора о запрещении испытания ядерного оружия значительно улучшились[282].

Исходя из этого, президент полагал, что мы, не нанося ущерба ни одной из этих трех целей, были в состоянии предложить Советам присоединиться к нам и сделать [эту программу] эффективной и необременительной для обеих стран[283].

Прелюдия к предложению в ООН

И все же почему Кеннеди вновь пригласил Советский Союз присоединиться к Соединенным Штатам в осуществлении пилотируемого полета на Луну? Ответ на этот вопрос прольет свет как на советско-американские отношения в тот период, так и на некоторые особенности осуществления программы «Аполлон», и даже отчасти — на лунную программу СССР. Следовательно, он заслуживает, чтобы мы немного вернулись назад и посмотрели на события, предшествовавшие выступлению американского президента в ООН.

От Карибского кризиса — к «справедливому и настоящему миру»

Несмотря на то, что многие в Вашингтоне буквально смаковали победу США в противостоянии с СССР вокруг ракет на Кубе, у президента был иной взгляд на положение вещей. Администрация Кеннеди дала понять, что глава Белого дома «не желает видеть никаких попыток словом или делом эксплуатировать поражение Советского Союза». Известно высказывание Кеннеди: «Если кто-нибудь и выиграл в данном кризисе, то это будущие поколения». Вскоре после разрешения конфликтной ситуации вокруг Кубы президент в ходе встречи с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном весьма прозрачно намекнул, что США добровольно уберут свои ракеты из

Турции и Ирана и что США «искренне стремятся» к улучшению отношений с СССР, невзирая на события вокруг Кубы[284].

В последующие после этой встречи месяцы «главной заботой президента в области внешней политики было найти пути, которые могли бы привести к истинной разрядке в отношениях с СССР и создать для этого соответствующие предпосылки»[285].

Об этом Кеннеди прямо сказал в ходе выступления в Американском университете в Вашингтоне 10 июня 1963 г.: «...И Соединенные Штаты, и Советский Союз со своими соответствующими союзниками одинаково глубоко заинтересованы в справедливом и настоящем мире, а также в прекращении гонки вооружений. Соглашения по данным вопросам как в интересах Советского Союза, так и в наших. Даже от наиболее враждебно настроенных государств можно ожидать соблюдения обязательств по договорам, если эти договоры соответствуют их интересам.

Так что давайте не закрывать глаза на существующие между нами различия, но, в то же время, давайте обратим внимание на наши общие интересы и средства, посредством которых эти различия могут быть преодолены»[286].

Лунная программа подвергнута критике

Несмотря на то, что цель, поставленная Кеннеди — первыми высадиться на Луну, восстановив тем самым престиж и самоуважение нации, была в целом положительно воспринята в обществе и политических кругах США, ее достижение столкнулось с немалой долей критики и непонимания внутри страны. Первыми, кто проявил недостаток солидарности с политикой президента в космосе, были, как ни странно, руководители НАСА — организации, чье благосостояние напрямую зависело от мощной космической программы.

21 ноября 1962 г., в ходе одного из совещаний в Белом доме Кеннеди подчеркнул, что экспедиция на Луну была «наиболее важной целью США». Тем самым он дал понять, что основные средства, отведенные на национальную космическую деятельность, будут «влиты» именно в лунную программу. Глава НАСА Уэбб выразил несогласие с подобной постановкой вопроса, отметив, что цель — не просто полет на Луну, а достижение всеобъемлющего «превосходства в космосе». И добавил, что не возьмет на себя ответственность за недостаточно сбалансированную программу. Подобное высказывание неприятно удивило президента — он считал руководителя НАСА своим единомышленником. Видимо, стремясь не дать чувству огорчения и разочарования повлиять на профессиональные отношения с Уэббом, Кеннеди попросил его изложить свою позицию в письменном виде. Президент, по собственным словам, хотел на основе этой записки понять, действительно ли глава агентства работает вместе с ним или нет[287].

Уэбб такую записку предоставил. Среди важнейших элементов «превосходства в космосе» он отметил следующие:

- самый широкий спектр научных исследований как космоса, включая планеты Солнечной системы и само Солнце, так и Земли из космоса;
- разработка передовых технологий, позволяющих выводить большие грузы на околоземную орбиту, а также обеспечивать полеты к другим планетам;
- кардинальное развитие двигательных установок;
- создание новых приборов и систем жизнеобеспечения для длительных пилотируемых полетов;
- разработка методов передачи значительных объемов данных на большие расстояния;
- отработка маневрирования и стыковки в космосе, в том числе с «недружественными» космическими аппаратами, в военных целях;
- создание технологий, обеспечивающих посадки на Луну и другие планеты, а также входение в плотные слои атмосферы с высокими скоростями;
- отработка процесса изготовления, сборки и проверки качества космических аппаратов с целью увеличения продолжительности их эксплуатации в космосе от месяцев до лет;

- постоянное повышение уровня компетентности государственных исследовательских и испытательных центров, а также промышленности и высших учебных заведений в вопросах освоения космоса, с целью более эффективного выполнения ими поставленных задач[288].

Кеннеди согласился со многими доводами этой записки и впоследствии преподносил грядущие полеты американцев на Луну именно как способ комплексного развития «космических мускулов» США. Но ощущение того, что даже в глазах руководства НАСА лунная программа не обладает магнетизмом, способным оправдать притяжение к ней всех средств, отводимых в Соединенных Штатах на космос, у президента, безусловно, осталось.

Следующая волна критики накатила на программу «Аполлон» со стороны научного сообщества США. Фили Абельсон, редактор престижного журнала «Сайенс» [«Science»] (*русс. — наука*) заявил, что провел опрос среди «ученых, не связанных собственными интересами с НАСА». Согласно результатам опроса, 110 человек высказались против этой программы и лишь 3 — «за». Выступая на слушаниях в сенате, Абельсон отметил, что «пилотируемое исследование космоса имеет ограниченную научную ценность, и ему была предана весьма неадекватная значимость». Кроме того, по мнению редактора, «отвлечение талантов на космическую программу наносит или нанесет прямой и непрямо́й ущерб практически каждой области науки, техники и медицины»[289].

Досталось лунной программе и со стороны американского политического истеблишмента. Сенатор Уильям Фулбрайт, председатель комитета по международным отношениям, заявил, что «приоритет, отдаваемый [«Аполлону»], является рецептом несчастья». И даже бывший президент Дуайт Эйзенхауэр отметил в популярной американской газете «Сэтурдэй Ивнинг Пост» [«Saturday Evening Post»], что «гонка к Луне, которая неизбежно приведет к расходу больших денежных сумм и увеличит наш долг, является неверным шагом»[290]. Впрочем, возможно, экс-президент, критикуя энергичные действия Кеннеди в области космоса, пытался таким образом оправдать собственную пассивность в данном направлении, из-за чего Америка упустила шанс стать первооткрывателем космоса.

Отступление шестое: конец «медового месяца» лунной программы

По мнению американских исследователей программы «Аполлон», ее «медовый месяц», состоявший в беспрекословном выделении конгрессом требуемых сумм на лунную экспедицию, некоем эйфорическом порыве всей американской нации — «Вперед, на Луну!» и единодушии основных «кормчих» данной программы относительно путей и темпов ее осуществления, закончился уже в 1962 г. В первой половине этого года в НАСА начались дебаты о том, по какой схеме лучше реализовать пилотируемый полет на Луну. Рассматривались два варианта. Первый, отстаиваемый центром в Хьюстоне, предлагал разделение подлетевшего к Луне комплекса на командный и лунный модули, после чего все операции по доставке астронавтов на естественную спутницу Земли, а затем обратно на командный модуль, должен быть взят на себя лунный модуль. Этот вариант назывался «рандеву на лунной орбите». Однако существовал и другой, предлагаемый центром в Хантсвиле, который возглавлял сам фон Браун. От первого он отличался тем, что лунный пилотируемый комплекс собирался на земной орбите, оттуда летел на Луну, садился на ее поверхность, как единое целое, а после в таком же виде взлетал и возвращался на околоземную орбиту. Назывался этот вариант «рандеву на земной орбите».

Разногласие между двумя центрами могло стать губительным для всей программы «Аполлон», ведь Хьюстон разрабатывал корабль, а Хантсвилл — носитель для него. После долгого и трудного согласования позиций фон Браун принял точку зрения Хьюстона, как гарантирующую наибольшую вероятность осуществления [программы «Аполлон»] в течение десятилетия[291].

Другую проблему создали «Аполлону» в 1962-1963 гг. сами астронавты. Вознесенные прессой, общественным мнением и политиками на пьедестал «героев нации», приобретшие в

круг друзей самого Кеннеди, они в заметной степени утратили чувство меры. Все эти «звездоплаватели» подписали эксклюзивные контракты с одним из наиболее престижных американских журналов «Лайф» (произошло это, впрочем, еще до назначения Уэбба на пост главы НАСА). Согласно контрактам, все, что касалось их подготовки к космическим полетам, а также личной жизни, могло появляться только на страницах данного издания. За это им от «Лайфа» полагалось щедрое вознаграждение, а именно 500 000 долларов на три года (на такой срок была рассчитана программа «Меркурий»). Таким образом, каждый из семи астронавтов получал около 25 000 долларов в год. Большие это были деньги или маленькие? Для сравнения: в бытность свою просто военными летчиками, «герои нации» зарабатывали 5000-8000 годового жалования, плюс 2000 на квартплату и питание и чуть более полутора тысяч за дополнительные полеты. Следовательно, гонорары от «Лайфа» улучшали их благосостояние в два с лишним раза[292].

Однако в мае 1962 г. до Уэбба дошли слухи, что астронавты стали заходить слишком далеко. Так, некоторые из торговцев недвижимостью в Хьюстоне подарили им целые дома-коттеджи. Все бы ничего, но кое-кто из «звездоплавателей» собирались не жить в них, а продать, оставив себе вырученные деньги. Уэбб предвидел колоссальный урон «рыцарскому» имиджу агентства, который мог быть ему нанесен подобным «лавочничеством» астронавтов. Необходимо было срочно вмешаться в ситуацию, призвать «звездоплавателей» к порядку, а заодно напомнить, кто в НАСА «хозяин». Необходимость безотлагательных действий усиливалась и еще одним обстоятельством. Некоторые СМИ попытались увязать щедроты, обрушившиеся на астронавтов со стороны частных лиц, с Белым домом (мол, не прослеживается ли тут «рука Кеннеди», подталкивающая бизнесменов к благотворительности по отношению к «звездным» любимцам президента). Когда Кеннеди узнал о подобных предположениях, он позвонил Уэббу и спросил, мол, каким образом Белый дом стал одним из «героев» такого рода сплетен? Уэбб ответил, что и сам не знает. Однако дал президенту следующую рекомендацию: «Скажу вам, как покончить с этим. Скажите СМИ, что, администратор НАСА разбирается с этим вопросом»[293]. Уэбб вызвал всех семерых астронавтов и их руководителя Роберта Гилрута из Хьюстона в Вашингтон для беседы. О ее подробностях не сообщалось, но вскоре стало известно — «звездоплаватели» отказались от подаренных им домов[294].

Впрочем, на этом проблемы с первыми астронавтами Америки не прекратились. После того, как полет Гордона Купера в мае 1963 г. завершил программу «Меркурий» (кстати, Купер заодно стал последним американским «звездоплавателем», летавшим в космос в одиночку), астронавты стали добиваться осуществления еще одного полета по этой программе. Это нужно было, чтобы заполнить, по их мнению, слишком большой промежуток между окончанием «Меркурия» и началом «Джемини» — программы полетов двухместных космических кораблей (первый «Джемини» отправился на орбиту с экипажем лишь в марте 1965 г.). Уэбб попытался образумить излишне горячих сторонников «Меркурия», подчеркивая, что сейчас все силы следует сосредоточить на переходе к «Джемини». Слова администратора НАСА не возымели нужного эффекта, и «звездоплаватели» заявили, что обратятся с соответствующей просьбой к президенту. Уэбб не стал препятствовать этому порыву. Вскоре ему позвонил Кеннеди. «Вы ведь знаете, кто должен принять такое решение, не так ли?» — спросил глава Белого дома. «Похоже, что — да», — ответил Уэбб. «Вы должны его принять», — на всякий случай уточнил президент. После этого разговора Уэбб отправил в Хьюстон своего представителя, чтобы тот официально объявил астронавтам — программа «Меркурий» закончилась. Впереди — «Джемини»[295].

К СЛОВУ

Читатель наверняка задаст вопрос: а как советские космонавты? Ощущали они себя такими же «пупами Земли», имевшими право на всеобщее почитание, восхищение и

потакание желаниям и капризам, как их американские коллеги? Скорее «да», чем «нет». Вот один характерный пример. В январе 1970 г. умер космонавт Павел Беляев, совершивший в марте 1965 г. на корабле «Восход-2» полет с Алексеем Леоновым, в ходе которого Леонов впервые в мире вышел в открытый космос. Космонавты стали настаивать, чтобы Беляева похоронили на Красной площади у кремлевской стены, как одного из руководителей государства или человека, имеющего исключительные заслуги перед СССР. Генерал Каманин вспоминал:

«Особенно покорило всех заявление [космонавта] Шаталова о том, что Беляеву при жизни народ поставил памятник, а мы собираемся похоронить его «где-то на Новодевичьем кладбище». Никто из присутствовавших не поддержал космонавтов, а мне было страшно неудобно за них.

Космонавты слишком переоценивают значение своих подвигов и принимают за чистую монету все, что пишется, говорится и показывается по поводу каждого пилотируемого космического полета в наших средствах массовой информации (выделено мною. — Ю. К.). Все это делается с целью ознакомления нашего народа и народов зарубежных стран с достижениями в космосе советской науки и техники, но делается, по установившейся традиции, в основном так, что все эти достижения представляются заслугой одних лишь космонавтов. Такая традиция очень вредна, но, к сожалению, круг людей, связанных с космонавтикой (а их тысячи), крайне ограничен для показа широкой общественности.

Помимо подготовки космонавтов к полетам я и мои помощники много занимались их воспитанием, но надо признать, что наши успехи в этом деле весьма скромные. **Бремя большой славы и далеко не всегда педагогически выверенное отношение к героям космоса со стороны министров, секретарей ЦК и обкомов и других высокопоставленных лиц калечат характеры космонавтов гораздо быстрее, чем мы можем их воспитать.** (выделено мною. — Ю. К.) На Новодевичьем кладбище похоронены сотни героев войны, многие генералы, адмиралы и маршалы. Там покоится прах многих дважды Героев Советского Союза, трижды Героев Социалистического Труда. Выдающиеся писатели, художники, ученые и крупные государственные деятели удостоены чести покоиться на этом кладбище. А для наших космонавтов это не высокая честь, а всего лишь „где-то на Новодевичьем...“ [296]

Если одна сторона медали — «звездная болезнь» — была одинакова у первых «космоплателей», как американских, так и советских, то другая — свобода и независимость в вопросах, связанных с их профессиональной деятельностью — совершенно разной. Возможно, генерал Каманин был прав, когда говорил о чересчур завышенной самооценке собственных достижений, свойственной космонавтам. Но тот же Каманин, по свидетельству Голованова

«...держал их в кулаке строжайшей дисциплины, беспрекословного послушания и той унижающей всякого, тем более молодого и незаурядного, человека обезлички, которую он упорно насаждал в отряде первых космонавтов. Ему льстило, что эти всемирно известные люди слушаются его, как новобранцы ефрейтора. Еще легче было управлять теми, кто только готовился к полету. Ведь в первую очередь именно от Каманина зависело, кто полетит, с кем, когда и по какой программе [297]. Будущие космонавты часто вообще этого не знали или знали в общих чертах, понаслышке. Все это создавало атмосферу неопределенности, зыбкости, неуверенности в завтрашнем дне...» [298]

Сравним эти строки с другими, принадлежащими Тому Вулфу — автору документальной повести «Нужная вещь» о первых американских астронавтах. В одном из эпизодов он описывает ситуацию, когда вице-президент Джонсон хотел поговорить перед

телекамерами с супругой Джона Гленна, который в это время уже находился в корабле в ожидании старта. Это был первый орбитальный полет США, состоявшийся в 1962 г.

«Джонсон, как и многие другие, кто исполнял до него обязанности вице-президента, уже начал страдать от недостатка популярности. Он решил войти в дом Гленнов и утешить Энни в ее испытании — этом изматывающем давлении пятичасового ожидания и расстраивающей отмены полета. А чтобы сделать это визит сочувствия более запоминающимся, Джонсон решил прихватить с собою людей из Эн-Би-Си, Си-Би-Эс и Эй-Би-Си — пусть они по трем своим каналам донесут эту трогательную сцену до миллионов людей... Джонсон и не догадывался, что единственное испытание, через которое проходила Энни Гленн, — это пугающая перспектива выйти из дома и секунд шестьдесят заикаться над несколькими фразами (у супруги Гленна был дефект речи, от которого она с годами смогла избавиться. — Ю. К.). А теперь... различные чиновники же сотрудники секретных служб звонили по телефону и колотили в ее дверь, чтобы сообщить: вице-президент уже в Арлингтоне (пригород Вашингтона. — Ю. К.), в служебном лимузине. Он хочет войти в ее дом и минут десять излить на нее свою ужасную техасскую душу перед национальным телевидением. Для нее это было самым страшным во всей американской космической программе, за исключением того, что под Джоном взорвется ракета... Наконец... [помощники Джонсона]... поняли: им с нею не справиться. Они обратились к людям из НАСА, чтобы те заставили ее сыграть свою роль... Время поджимало, и делегация направилась в ангар С, чтобы встретиться с самим астронавтом.

И вот перед ними Джон, который еще не снял сетку от компенсирующего костюма и не отсоединил провода датчиков от грудной клетки... Джон, покрытый потом, измученный, очень уставший после пяти часов ожидания того, как сотни тонн жидкого кислорода и керосина взорвутся у него под спиной... А начальство из НАСА думает только об одном — как осчастливить Линдона Джонсона. Джон звонит Энни и говорит ей:

— Слушай, если ты не хочешь, чтобы вице-президент, телевизионщики или еще кто-нибудь вошли в дом, я поддерживаю тебя на все сто, передай им это. Я не хочу, чтобы Джонсон и все детальные переступали порог нашего дома!

Это было именно то, что требовалось Энни, и она просто превратилась в каменную стену. О том, чтобы пустить Джонсона в дом, теперь и речи не шло... Уэбб едва мог поверить в происходящее. **Астронавт и его жена захлопнули дверь перед носом вице-президента.** (выделено мною. — Ю. К.)

...Вскоре после этого Уэбба в его тайном офисе навестил старый друг, и Уэбб раскрыл перед ним душу.

— Посмотри на этот офис, — он обвел рукой комнату со всеми атрибутами министерского уровня. — **А я... не могу... заставить... выполнить... простой... приказ**». (выделено мною. — Ю. К.) [299]

К этому следует добавить, что американские астронавты сыграли самую активную роль в проектировании корабля типа «Меркурий». То, что первоначально требовалось от них в полетах, дало основание одному из них — Дику Слейтону, ехидно назвать себя и своих коллег «обученными в колледже шимпанзе». Вот как писал об этом Вулф:

«Семеро парней (астронавты первого набора. — Ю. К.) были на пределе. Их раздражала «капсула», и само слово, и заявления о том, что внутри ее будет сидеть не пилот, а подопытное животное. Постепенно в публикациях и отчетах НАСА начали употреблять термин «космический корабль». Затем подняли вопрос об окне кабины. В капсуле «Меркурия» окна не было — лишь маленький люк сбоку от головы астронавта. Окружающий мир можно было рассмотреть исключительно с помощью перископа. Считалось, что наличие окна может вызвать пробой обшивки из-за перепадов давления. **Теперь же астронавты настаивали на том, чтобы окно было** (выделено мною. — Ю. К.). И инженеры

начали проектировать его. Затем парни стали требовать люк, который они могли бы открывать самостоятельно (выделено мною. — Ю. К.). Люк в его нынешнем виде запирался на болты. Чтобы выбраться из капсулы после приводнения, астронавту нужно было либо протиснуться через горловину, словно вылезая из бутылки, либо ждать, пока болты открутят. Теперь инженеры стали проектировать люк с разрывными болтами: астронавт мог открыть его с помощью детонатора... Вот во что все упиралось — быть пилотом, а не подопытным кроликом. Но парни не остановились на окне и люке. Теперь они хотели... ручного управления ракетой... Они еще хотели полностью контролировать процесс взхождения в атмосферу. Они желали устанавливать угол атаки капсулы самостоятельно и запускать тормозные двигатели без всякой автоматики (выделено мною. — Ю. К.). Все они считались опытными военными летчиками... поэтому они собирались отправиться в космос как пилоты, а не в какой-либо другой роли» [300].

Справедливости ради отмечу: большинство космонавтов первого набора, в отличие от американских коллег, не могли назвать себя «опытными военными летчиками». Они были новоиспеченными пилотами ВВС, от которых требовалось не столько проявлять операторские навыки, полученные ими в авиационных училищах, сколько обладать «абсолютным» здоровьем. Это и неудивительно — ведь главная задача, стоявшая перед «первопроходцами Вселенной», состояла в том, чтобы благополучно перенести космические полеты. По этой причине, кстати, если возраст шестерки космонавтов, летавших по программе «Восток», лимитировался в диапазоне 25-34 года, то у шестерки астронавтов программы «Меркурий» — в 35-40 лет.

Требование «главное — выжить» было отчасти связано с тем огромным пропагандистским значением, которое придавалось первым советским космическим миссиям. Они должны были пройти абсолютно гладко, чтобы лишний раз подчеркнуть мощь науки и техники СССР. Всякое усложнение программ полетов на той, еще весьма несовершенной технике, увеличивало возможность отказов и даже аварий, а потому было крайне нежелательно. Как тут не вспомнить печальную шутку Гагарина: «Никак не могу понять, кто я: то ли первый человек в космосе, то ли — последняя собака».

Впрочем, была еще более глубокая причина, по которой из советских космонавтов, особенно на заре освоения космоса, делали «придатков» к кораблю. Об этом написала Валентина Пономарева — одна из дублеров первой женщины-космонавта Валентины Терешковой [301]. В 1960-е годы Пономарева, а также несколько других женщин (всего пять, включая Терешкову), были кандидатами на космический полет, однако, в силу ряда причин никому из них слетать не удалось. Как вспоминала Пономарева: «Мне казалось, что наша безоговорочная ориентация на автоматику — это просто чье-то заблуждение и неразумное упорство, и лишь значительно позже, «перелопатив» много книг и архивных документов и много «передумав», я поняла, что это вовсе не заблуждение и не концептуальная ошибка, а именно естественный ход событий: «ставка на автоматику» была следствием и составной частью свойственного нашей идеологии тотального недоверия человеку.

А корни этого недоверия, как я думаю, надо искать в периоде индустриализации страны, когда огромные массы людей ручным трудом, почти что «топором и долотом», как в гоголевские времена, строили фабрики и заводы и практически с нуля за короткий срок создали мощную промышленность. Это был вопрос выживания молодого советского государства, и пропаганда постаралась внедрить в сознание людей мысль, что техника решает все.

Отсюда непосредственно вытекало, что отдельный человек мал и ничего не значит, что он лишь «винтик» огромного механизма. Под мощным идеологическим прессом и сформировались два радикально различающихся типа сознания: стереотип «винтика» в массовом сознании и сугубо технократическое сознание у руководящей партийно-

хозяйственной верхушки. А при технократическом типе сознания предпочтение всегда отдается технике.

Вот потому-то «железке» доверяли, а человеку — нет.

Не доверяли изначально — при разработке корабля заложили приоритет автоматики; не доверяли при подготовке — за разрешение на ручное управление космонавтам приходилось бороться; не довериши в полете — при отказах техники космонавт если и получал разрешение на ручное управление, то тогда, когда было уже поздно. И по существу получалось так, что это не совсем его полет, что скорее он сам «при полете», а это принципиально. И это, как никто, остро чувствовали космонавты.

Преемник Королева на посту Главного конструктора Мишин в интервью «Независимой газете» от 12 апреля 2001 г. так объясняет причину, по которой советские космические корабли были в большей степени автоматизированы, чем американские: «Наша ракета-носитель „Восток“ была мощнее американской и позволяла выводить в космос корабль полностью в автоматическом режиме. Управлять им вручную не рекомендовалось. А американцы вынуждены были довольствоваться ручным управлением, что, конечно же, требовало и больших интеллектуальных потенций, и умения, и хладнокровия».

В своих действиях наши космонавты были жестко ограничены бортовой инструкцией и указаниями Земли. «Самодетельность исключается», — пишет [летчик-космонавт] В. А. Шаталов. И при этом вину за срыв программы сваливали на экипаж.

В полете Сарафанова и Демина на «Союзе-15» (август 1974 года) при сближении со станцией «Салют-3» автоматика вместо тормозного отработывала разгонный импульс, и они едва избежали столкновения. Земля не дала разрешения на сближение в ручном режиме. А после посадки космонавтов предупредили, чтобы они не очень усердствовали в «разоблачении» недостатков техники — это, мол, не понравится разработчикам... Потом их (космонавтов. — Ю. К.) обвинили в срыве программы, хотя ответственность на человека можно возлагать только когда он, во-первых, имеет возможность действовать и, во-вторых, имеет свободу действий.

Ведь аварийная ситуация, как правило, бывает чревата недостаточностью информации, дефицитом времени, другими негативными свойствами и требует принятия решений, не только выходящих за рамки инструкций, а иногда вопреки им. Человек в опасной ситуации должен иметь право на самостоятельное принятие решения, иметь право на риск. И должен думать о выходе из ситуации, а не об ожидающем его «разносе» за самостоятельно принятое решение.

И как тут не вспомнить, что уже на «Меркурии» астронавт мог принимать решение самостоятельно, сообразно обстановке!».

Следует помнить, что данные строки относятся к советской космонавтике 1960-1970-х годов, когда участие экипажа в пилотировании «Союза» действительно было сведено к минимуму. С началом осуществления программы многоразового корабля «Буран» во второй половине 1970-х годов (по существу — космического самолета) стало очевидно, что экипажу этого «челнока» придется брать на себе реальные пилотские функции в ходе полета. Это способствовало пересмотру роли космонавтов на борту корабля в направлении придания им более активной функции в управлении летательным аппаратом. Но тогда, в начале 1960-х годов, «Меркурий» был в большей степени зависим от действий человека в кабине, чем «Восток» или впоследствии «Союз».

Добавлю в заключение: значительное количество из требований астронавтов, в частности то, что касалось активной роли пилота в управлении кораблем, было учтено инженерами и отражено в конструкции «Меркуриев». Более того, при всех издержках практически прямого доступа американских «звездоплавателей» к высшим эшелонам власти США, они могли донести до сведения президента свои мысли и заботы о состоянии национальной космической программы, не опасаясь при этом за последствия, которые могло иметь для них такого рода обращение. Когда же советские космонавты собрались в

1970 г. отправить письмо в ЦК и правительство, в котором хотели обратить их внимание на серьезные проблемы космической отрасли, то их начальник Каманин оставил такую запись в своем дневнике: «...не надо забывать, что обнажение всех причин наших провалов в космосе не доставит удовольствия самым высоким руководителям партии и государства. Уверен, что все космонавты согласятся подписать письмо Брежневу, но имею ли я право на риск подвести их под мощный ответный удар? (выделено мною. — Ю. К.) [302].

Но вернемся к окончанию «медового месяца» программы «Аполлон». Пожалуй, одним из наиболее серьезных проявлений его завершения были разногласия между Уэббом и Брейнердом Холмсом — человеком, которого сам же Уэбб и назначил руководить данной программой. Поясню — несмотря на то, что глава НАСА возглавлял все четыре крупнейших подразделения агентства, подразделение Холмса, а именно отдел пилотируемых полетов, контролировал по меньшей мере три четверти бюджета агентства и большинство сотрудников этой организации. Это, впрочем, было вполне естественно, ведь под эгидой отдела осуществлялись важнейшие и крупнейшие программы НАСА — «Меркурий», «Джемини» и «Аполлон».

К лету 1962 г. реализация «Аполлона» стала отставать от графика — от четырех до шести месяцев. По мнению Холмса, ему нужно было дополнительно 400 млн долларов, чтобы ликвидировать отставание. Вначале он призвал Уэбба обратиться к конгрессу с соответствующей просьбой. Уэбб, понимая, что может уронить свой авторитет в глазах законодателей, как человек, неспособный выдерживать финансовую дисциплину, отказался сделать это. Если так, продолжал настаивать Холмс, то почему бы главе НАСА не перекинуть часть средств с других, менее важных, непилотируемых программ, на «Аполлон»? Подобное предложение вывело Уэбба из себя. Ведь под «менее важными» программами подразумевались космические исследования, как фундаментальные, так и прикладные, а также меры, направленные на вовлечение в науку, посредством пропаганды космических достижений, как можно большего числа молодых людей. Вспомним, что, несмотря на приверженность проекту высадки человека на Луну, Уэбб считал, что «Аполлон» станет трамплином для **комплексного** изучения и освоения космического пространства — процесса, в котором астронавты, может быть, и будут играть главную, но отнюдь не единственную роль.

Получив очередное «нет» от руководителя НАСА, Холмс, человек весьма амбициозный и не терпящий возражений даже со стороны непосредственного начальства, объявил открытую войну главе агентства. В интервью одному из крупнейших американских журналов «Тайм» он заявил: «Крупнейший камень преткновения на пути к Луне — Джеймс И. Уэбб. Он не станет бороться за нашу программу»[303].

Дальше так продолжаться не могло. С учетом исключительной важности для национальных интересов США программы «Аполлон», в конфликт между Уэббом и Холмсом вмешался сам президент. Оба были приглашены в Белый дом, где в присутствии Кеннеди отстаивали свои позиции. Словесный поединок между ними окончился скорее вничью или даже с определенным проигрышем главы НАСА. Кеннеди показалось, что у него и Уэбба разные взгляды на значимость «Аполлона». Президент подчеркнул, что пилотируемая лунная программа является самой важной целью США, на что глава агентства возразил, сказав, что главное — добиться превосходства в космосе. Превосходство же для Уэбба, как уже отмечалось выше, состояло в комплексном и многостороннем развитии космического потенциала Америки, а не только в скором и успешном осуществлении лунных экспедиций.

Уэббу не удалось до конца убедить Кеннеди. Президент все же полагал, что администратор НАСА в своих планах и намерениях слишком далеко заходит за цели и задачи «Аполлона». В глубине души Кеннеди был ближе к Холмсу, который любой ценой хотел как можно скорее достичь Луны[304]. Однако президент доверял руководителю агентства — человеку, которого сам назначил на этот пост. Он уверил Уэбба, что поддержит его позицию[305]. Исход противостояния Уэбб — Холмс был предрешен. В июне 1963 г.

руководитель отдела пилотируемых полетов НАСА подал в отставку.

Восприимчивость Кеннеди к тому, как оценивались лично он и его политика средствами массовой информации, общеизвестна. Неудивительно поэтому его реакция на статью, появившуюся в августе 1963 г. в журнале «Ридерз Дайджест» [Reader's Digest]. Статья называлась «Наша никчемная космическая гонка с Россией». По мнению ее авторов, лунная пилотируемая программа отвлекала ресурсы от других, с военной точки зрения более важных проектов.

22 июля Кеннеди направил записку Джеймсу Уэббу и Роберту МакНамаре с просьбой дать оценку утверждению статьи, будто «Советский Союз предпринимает огромные усилия, чтобы утвердить свою гегемонию в космосе, в то время как мы остаемся равнодушными к этой угрозе»[306]. Через неделю Кеннеди отправил аналогичный меморандум вице-президенту Джонсону, в котором отметил, что «атаки на лунную программу продолжаются и, похоже, усиливаются». После этого президент спросил: «В какой степени наша нынешняя мирная космическая программа может быть использована с военными целями? Сколько из того, что мы делаем для нашей лунной программы, также потребуется для установления военного господства в космосе?» Не желая произвести впечатление человека, одержимого идеей-фикс и навязывающего ее окружающим, Кеннеди добавил: «С интересом узнал бы о каких-либо иных Ваших соображениях относительно тех больших денежных сумм, которые мы тратим, и как они могут быть оправданы»[307].

В ответ на просьбу президента, Джонсон спешно собрал совещание в Национальном совете по аэронавтике и космосу. Оно состоялось 31 июля 1963 г. В нем участвовали глава НАСА Уэбб, заместитель министра обороны Розуэлл Гилпатрик, заместитель госсекретаря Алексис Джонсон и председатель Комиссии по атомной энергии Глен Сиборг. Перед началом совещания вице-президент сообщил присутствовавшим, что космическая программа входит в «очень непростой период» своего существования. Она, отметил Линдон Джонсон, подвергается критике с разных сторон, а на редакторов ряда изданий «оказывается политическое давление с тем, чтобы они выступали против программы». Что касается критики со стороны научного сообщества, Уэбб сказал, что пригласил в Вашингтон 18 скептически настроенных по отношению к программе ученых, чтобы они более детально ознакомились с ней. После этого «некоторые из приглашенных изменили свои позиции и выразили восхищение программой». Сиборг, сам будучи лауреатом Нобелевской премии, рассказал о своих попытках «изменить критичное отношение некоторых нобелевских лауреатов [к «Аполлону»]»[308].

Общий итог встречи явно благоволил грядущим пилотируемым полетам на Луну. В кратком ответе на меморандум президента участники заявили, что «оценить в количественном отношении военную отдачу от невоенной части космической программы невозможно. Однако весь научный и инженерный потенциал и опыт, накопленный в рамках космической деятельности, имеет прямое или косвенное [военное] значение». При этом они отметили, что космическая программа «дорога, но ее [высокая стоимость] может быть оправдана, поскольку программа эта является серьезной инвестицией в безопасность, престиж, знания и материальные блага и поможет принести крупные плоды в каждой из этих сфер»[309].

Но в любом случае, к 1963 г., по словам Соренсона, Кеннеди «по вполне понятным причинам, не желал дальнейшего увеличения стоимости программы. Он хотел найти способы сделать ее менее дорогостоящей». Правда, бывший советник президента признался, что не знает, в какой степени данное соображение мотивировало желание Кеннеди разделить вместе с СССР финансовое бремя полета на Луну[310].

СССР выходит из «лунной гонки»?

Именно такой вопрос возник у всех причастных к программе «Аполлон», когда 17 июля 1963 г. британский астроном сэр Бернард Ловелл, директор радиообсерватории

«Джодрел Бэнк», являющейся участью университета г. Манчестер, заявил следующее: «Еще месяц назад я думал, как и все на Западе, что советско-американская гонка к Луне была истинным состязанием. Теперь я всерьез сомневаюсь в этом»[311]. Вес словам Ловелла придали не только его громкий титул и высокая должность. Накануне заявления британский астроном вернулся из Советского Союза, где имел встречи с представителями научного сообщества СССР. Представитель НАСА охарактеризовал попытки Ловелла повлиять на ход освоения космического пространства в 1963 г., как «по всем статьям одну из наиболее странных глав в советско-американских космических отношениях»[312]. Впрочем, те, кто знал мэтра, в частности, его отношение к американской космической программе, отнеслись к заявлению с настороженностью — Ловелл был известным критиком политики США в области космоса. Причем критика его, видимо, досаждала Вашингтону. Не случайно за год до описываемых событий представитель госдепа Уолтер Уитман обратился с письмом к американскому атташе по науке в Лондоне. В нем были, в частности, следующие строки: «Появившиеся недавно в прессе комментарии профессора Ловелла из «Джодрел Бэнк» о космических достижениях [США] вызвали достаточно негативную реакцию в [Соединенных Штатах], и мы в настоящее время пытаемся решить, что можно сделать, чтобы его позиция приобрела более взвешенный характер»[313].

Заявление Ловелла вынудило Кеннеди еще раз обозначить свое отношение к «Аполлону», в том числе и к тому, насколько эта программа зависит от продолжающегося соревнования с русскими в космосе. На вопрос, заданный ему на пресс-конференции 17 июля: «Если [русские] выйдут из космической гонки, продолжим ли мы свою лунную программу?», Кеннеди ответил следующее: «...во-первых, мы не знаем, какие планы у русских... Несмотря на то, что я знаком с мнением господина Ловелла о действиях русских, информация, полученная от него, не является исчерпывающей. Их потенциал велик. Есть достаточно свидетельств того, что они осуществляют крупнейший проект и тратят столь необходимые [для решения других задач] ресурсы на свою космическую деятельность. Принимая это во внимание, я считаю, что мы должны продолжать. Наше предположение... что они не летят к Луне, может через год оказаться неверным. Что, если к тому времени мы откажемся от борьбы в области, где Советский Союз уже захватил лидерство и делает колоссальные усилия, чтобы это лидерство сохранить? В области, которая может не только иметь отношение к нашей национальной безопасности, но и придать сильнейший мирный импульс нашему национальному развитию? Я считаю, что мы должны двигать нашу программу вперед и отправиться к Луне до конца этого десятилетия».

Этот ответ, видимо, не до конца удовлетворил присутствовавших в зале представителей прессы, ибо президента попросили уточнить: что будет делать Америка, если русские выйдут из «лунной гонки»? Ответ Кеннеди свидетельствовал — программа «Аполлон» не лишится поддержки Белого дома ни при каких обстоятельствах: «...главное — не восторг или интерес, которые могут вызвать у нас полеты на Луну, но способность доминировать в космосе, которая появится у нас благодаря лунной программе. Я думаю, что это исключительно важно для Соединенных Штатов как ведущей державы свободного мира. Вот почему я заинтересован [в этой программе] и вот почему считаю, что нам нужно продолжать, и меня не сможет разубедить в этом газетная статья».

Не оставил в стороне президент и вопрос о возможном сотрудничестве США и СССР в подготовке и проведении экспедиции на Луну. Пожалуй, это был первый раз, когда Кеннеди публично сказал об этом. При этом, правда, он вольно или невольно разделил «реализм» Кремля, полагавшего, что без общего улучшения двусторонних отношений ни о каком взаимодействии в сфере технологий двойного использования быть не может. «...Мы уже говорили Советскому Союзу, что были бы очень заинтересованы в сотрудничестве... [Однако] подобное объединение усилий, которое потребуется для совместного полета на Луну, невозможно без разрушения слишком многих барьеров подозрительности, недоверия и враждебности, которые существуют между коммунистическим миром и нами.

Пока нет признаков того, что эти барьеры падут, хотя совершенно очевидно, мы хотели

бы, чтобы это произошло. Разумеется, если бы Советский Союз был таким же открытым обществом, как и мы, подобное сотрудничество могло бы иметь место, и я бы приветствовал его. Я бы приветствовал его, но пока у меня, к сожалению, для этого нет оснований[314].

Казалось бы, на этом в дебатах по поводу готовит СССР экспедицию на Луну или нет, спровоцированных заявлением Ловелла, можно было поставить точку. Но оказалось, что слова британского астронома произвели на общественное мнение США эффект камня, брошенного в воду, — круги от него продолжали расходиться, захватывая все новые личности, увидевших в информации Ловелла четкое намерение Советского Союза выйти из «лунной гонки». Попытка прояснить ситуацию была сделана с помощью официального письма, направленного астрономом заместителю администратора НАСА Драйдену 23 июля 1963 г. В нем Ловелл представил подробный отчет о своем пребывании в СССР, длившемся с 25 июня по 15 июля.

Действительно, директор обсерватории, приглашенный АН СССР, имел две встречи с Келдышем, в ходе которых в основном обсуждалось сотрудничество между «Джодрел Бэнк» и «крупнейшими советскими оптическими и радиообсерваториями». Что же касается предмета, возмущившего спокойствие, Ловелл сообщил буквально следующее: «Очевидно, что в стенах академии было немало дискуссий о направлении, в котором должна развиваться космическая программа, однако, по моему мнению, итогами данных дискуссий в настоящее время являются следующие:

...(с) Отказ от планов (по крайней мере на данный момент) от пилотируемой экспедиции на Луну. Президент [Келдыш] объяснил это тремя причинами:

I. На сегодняшний день у советских ученых нет способа защитить космонавтов от смертельно опасного воздействия интенсивных солнечных вспышек.

II. Нет экономически приемлемого способа, с одной стороны, отправить необходимую технику на Луну для проведения на ее поверхности значимых экспериментов с участием людей, а с другой — гарантировать их безопасное возвращение на Землю.

III. Академия убеждена, что научные проблемы, связанные с исследованиями Луны, могут быть решены быстрее и дешевле с использованием автоматических аппаратов.

...[Келдыш] также сказал, что пилотируемый проект может быть возрожден, если развитие науки в ближайшие несколько лет даст повод решить данные проблемы. Кроме того, он выразил надежду, что будут созданы необходимые механизмы для осуществления проекта на международной основе. [Келдыш] заявил, что, по мнению академии, настало время для ученых ряда стран совместно: а) сформулировать причины, по которым желательно осуществить пилотируемую экспедицию на Луну, б) определить список задач, которые мог бы решить человек на Луне, но которые были бы не под силу автоматам»[315].

НАСА оказалось в непрестом положении. Отказ СССР от соревнования с США в «лунной гонке», мог подорвать важнейшую политическую основу программы «Аполлон», а вместе с этим — и главный стержень деятельности агентства. Перед НАСА встала задача дезавуировать утверждения англичанина. Что и было сделано.

Поскольку Драйден был в отпуске, ответ на свое письмо Ловелл получил лично от Уэбба. В нем глава НАСА вновь отметил «сильное желание» своего агентства развивать сотрудничество в космосе между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Кроме того, он подчеркнул, что если новые возможности для двустороннего взаимодействия в космосе действительно появились, то они будут соответствующим образом рассмотрены доктором Драйденом и академиком Благодоровым[316].

НАСА подождало, пока Ловелл получит письмо Уэбба, а после опубликовало тексты обоих писем, снабдив их собственным комментарием следующего содержания: «Письмо сэра Бернарда Ловелла доктору Драйдену основано на личных впечатлениях частного лица о чрезвычайно скрытом предмете — советской космической программе. Соответственно, придавать данному письму излишнее значение было бы неразумно, хотя, естественно, мы были рады получить его». В комментарии агентства было специально отмечено, что в письме директора «Джодрел Бэнк» «не содержится никаких предложений советской академии

относительно сотрудничества США и СССР в осуществлении их лунных программ. В нем упоминается только о возможности обсуждения некоторых причин научного характера, по которым следовало бы реализовать пилотируемую лунную экспедицию»[317].

Впрочем, не стоит упрекать НАСА в тенденциозной трактовке сообщения Ловелла. В октябре 1963 г. на пресс-конференции Келдыш заявил, что никогда не говорил британскому астроному, будто Советский Союз отказался от лунной пилотируемой программы и что «профессор Ловелл очевидно сам пришел к такому выводу, ибо мы никогда не говорили ему ничего подобного»[318].

Итог дебатам, вызванным письмом Ловелла, подвел Хью Драйден в своем выступлении 19 августа на слушаниях в палате депутатов: «...В письме не содержится никаких предложений относительно двустороннего сотрудничества между Соединенными Штатами и СССР... Что же касается бесед с господином Келдышем о пилотируемых космических программах, то их подразумевалось провести на международных научных симпозиумах. Причем в центре дискуссий должно было быть то, что считают наши ученые, и только ученые, о ценности лунной программы. Другими словами, русские предложили организовать международный научный форум для обсуждения нашей программы, а не своей... Я вам рекомендую прочесть письмо профессора Ловелла, потому что в нем нет ничего из того, что напечатали газеты в своих заголовках»[319].

Однако настойчивое стремление Кеннеди начать с Советским Союзом широкомасштабное сотрудничество в космосе, в частности в рамках экспедиции на Луну, и соответствующие установки, данные Белым домом НАСА, все же сделали свое дело. Не случайно Арнольд Фруткин, ответственный за международную деятельность НАСА, в своем меморандуме Уэббу отметил следующее: «Можно предположить, что администрация [Кеннеди] пожелает расширить область оттепели, порожденной договором о запрещении испытаний ядерного оружия. Распространение оттепели на космос будет иметь как внутреннее, так и международное значение и, возможно, облегчит решение проблем безопасности, связанных с доступом к боевым ракетам для проведения их инспекций»[320].

Поэтому, несмотря на официальное дезавуирование информации, полученной от Ловелла, «в НАСА было ощущение, что намерения Советов должны быть тщательно проверены»[321] на предмет того, что «СССР, может, и в самом деле приветствовал бы замедление космической гонки или же ее приведение к взаимоприемлемому финалу». Что касается конкретных шагов в данном направлении, Фруткин рекомендовал не использовать Ловелла в качестве канала для связи с АН СССР, а обратиться Драйдену напрямую к Келдышу с целью: «...(1) Выяснить, что на самом деле русские хотят дать нам понять, и (2) укрепить русских во мнении, будто мы по-прежнему желаем обсуждать, без каких-либо обязательств, любые конструктивные предложения по совместному исследованию и освоению космического пространства»[322].

В соответствии с данной рекомендацией, 21 августа Драйден отправил письмо Келдышу, в котором подтвердил «постоянную готовность» США обсудить «без предварительных обязательств возможные формы сотрудничества в космосе так широко, как Вы этого пожелаете»[323]. Примерно такие же заверения содержались и в письме Драйдена Благоднравову[324].

Ни Келдыш, ни Благоднравов не ответили на письма Драйдена. Правда, Драйден и Благоднравов участвовали в работе сессии Комитета ООН по космосу, проходившей в сентябре в Нью-Йорке. 11 числа этого месяца они встретились за обедом, чтобы обсудить некоторые вопросы советско-американского взаимодействия в космосе. По словам Благоднравова, наблюдение Ловелла о том, что Советский Союз временно затормозил свою лунную программу, «могло на данный момент быть верным». Анатолий Аркадьевич не исключил «возможность совместной экспедиции на Луну после того, как на ее поверхности побывают автоматы». По мнению Драйдена, это свидетельствовало о серьезном изменении подхода СССР к вопросу о взаимодействии с США в области пилотируемых полетов на Луну, ибо раньше Благоднравов считал, что «нет смысла обсуждать сотрудничество в этой

области из-за политической ситуации». Возможно, подобному восприятию Драйденом слов Благоднравова косвенно способствовал и тот факт, что Советский Союз несколько смягчил требование, выдвигаемое в Комитете по космосу, признать незаконным использование спутников-шпионов. Это могло быть истолковано как желание СССР отойти от политики жесткого противостояния с США в космосе»[325].

В целом Драйден пришел к выводу, что русские, равно как и американцы, продолжают дебатировать вопрос о научной и практической ценности лунной экспедиции и что в оценке лунной программы Советского Союза было бы «опасно» полагаться только на мнение представителей АН СССР, поскольку программа «была разработана и осуществляется военными»[326]. Как в первом, так и во втором случае предположения Драйдена, как станет видно в дальнейшем, были не так уж далеки от истины.

Думаю, читателям будет интересно узнать, какие источники, из числа тех, что пользуются наибольшим доверием официального Вашингтона, сообщали в июле-сентябре 1963 г. руководителям США о состоянии космической программы СССР. Один из них, безусловно, Центральное разведывательное управление (ЦРУ). 1 октября 1963 г. оно подготовило записку под названием «Поверхностный взгляд на советскую космическую программу». По оценке экспертов этой организации, дальние цели пилотируемой деятельности Советского Союза в космосе, «...несомненно, включают высадки людей на Луну... однако, нет никаких свидетельств того, что данная программа продвигается вперед сверхбыстрыми темпами... Считается, что Советы намерены жестко соревноваться в области первоначального исследования Луны и что подобные попытки будут включать в себя пилотируемые полеты, хотя, вероятно, без посадок на поверхность на раннем этапе...

Пока невозможно с точностью утверждать, осуществляют ли Советы пилотируемую лунную программу, соизмеримую с американской. Бесспорные признаки того, что Советы вовлечены в подобную гонку, не обнаружены, однако они могут быть скрыты до такой степени, что могут оставаться незамеченными. В декабре 1962 г. предполагалось, что шансы на наличие у Советов конкурентоспособной лунной пилотируемой программы были лучше, чем 50х50, хотя однозначного вывода на этот счет сделать было невозможно. Последующая оценка соответствующей информации привела к аналогичному заключению. В настоящее время явное свидетельство существования подобной программы по-прежнему отсутствует. Однако с учетом прошедшего времени есть основания полагать, что конкурентоспособная программа, вероятнее всего, нацелена на осуществление [лунной экспедиции] в 1968-1970 гг. Несмотря на предсказанные летные испытания нового носителя и пилотируемого корабля, нет пока четких признаков того, что это вскоре произойдет...

...Все это приводит к выводу о том, что Советы к данному моменту не настолько далеко ушли вперед [в осуществлении своего лунного проекта], чтобы внести существенный вклад в совместную программу. На подобную мысль наводят и беседы Ловелла [с Келдышем], которые, впрочем, не могут быть расценены в качестве бесспорного показателя решения Советов отказаться от своей лунной программы»[327].

Таким образом, очевидно, что к осени 1963 г. у руководства НАСА, да и у всей администрации Кеннеди, включая самого президента, отсутствовало четкое представление о состоянии и целях космической программы СССР. Однако, как отметил сотрудник агентства Арнольд Фруткин, письмо Ловелла, равно как и переговоры Драйдена с Благоднравовым, «очевидно, способствовали формированию целостного впечатления о готовности Советского Союза или отказаться от своей лунной программы, или же придать ей международный характер». Это был «опасно дезориентирующий взгляд доверчивых и плохо информированных мечтателей, как среди официальных, так и среди частных лиц»[328]. Остается только гадать — занес ли Фруткин в категорию подобных «мечтателей» Кеннеди.

Таким образом, в основе предложения «отправиться вместе на Луну», с которым Кеннеди обратился к Советскому Союзу в ООН, лежали четыре фактора. Первый — стремление главы Белого дома улучшить отношения с СССР, второй — критические выступления американских политиков и даже представителей НАСА в адрес американской

лунной программы, третий — озабоченность ее высокой стоимостью и четвертый — пусть во многом иллюзорная надежда на согласие Советского Союза объединить усилия с США в реализации экспедиций на Луну.

Подготовка к выступлению в ООН

Разумеется, перед тем, как предпринять столь масштабное «космическо-дипломатическое» наступление, Кеннеди решил произвести «разведку» подхода Кремля к вопросу о сотрудничестве с Соединенными Штатами в космосе, а точнее — стала ли Москва смотреть более благосклонно на подобную перспективу. Роль «разведчика» исполнил госсекретарь Дин Раск, находившийся в Москве в августе 1963 г. по случаю подписания договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Однако все, что услышал Раск от Хрущева в ответ на предложение рассмотреть вопрос о советско-американском полете на Луну, была шутка вполне в духе Первого секретаря ЦК: «Разумеется. Я доставлю человека на Луну, а вы вернете его обратно»[329].

Вероятно, Кеннеди отнесся к словам Хрущева по принципу: «В каждой шутке есть доля шутки (остальное правда)». Иначе как объяснить, что 26 августа президент лично затронул тему советско-американской экспедиции на Луну в разговоре с послом СССР в США[330] А. Ф. Добрыниным[331].

Примечательно, что советский посол, вспоминая о своей, как потом оказалось — последней, встрече с 35-м главой Белого дома, отметил, что «в ходе длительной беседы с президентом были затронуты также вопросы... сотрудничества в мирном использовании космоса». Добрынин поставил их последними в списке тем, которые он в тот день обсудил с Кеннеди, не уточнив, какие именно «космические» вопросы были предметом разговора[332]. Это — одно из косвенных свидетельств того, что совместные пилотируемые полеты на Луну как фактор отношений между СССР и США не вызывали интереса у советского руководства.

Не только президент считал, что настало время для мирного «космического наступления» на СССР. Кеннеди обсудил вопрос о взаимодействии с Советским Союзом в деле проведения лунных экспедиций с конгрессменом-демократом Робертом Сайксом. 3 сентября в письменном ответе главе Белого дома Сайкс напомнил президенту, что тот уже говорил с ним на эту тему. Однако, продолжил Сайкс, «теперь, когда имеются явные признаки того, что Россия готова к конструктивному разговору с Соединенными Штатами, не настало ли время сделать подобное предложение?»[333].

НАСА — «за» или «против»?

Кеннеди не спешил обсуждать вопрос с НАСА о своей очередной космической инициативе в отношении СССР. Для этого у президента было две причины. Одна состояла в том, что НАСА формально не играло никакой самостоятельной политической роли в правительстве США, а следовательно, этой организации можно было просто поручить выполнить решение высшего руководства страны. Но вторая причина заключалась в том, что Кеннеди хотел заручиться максимальной поддержкой своего плана со стороны политических кругов, прежде чем довести его до сведения агентства. У главы Белого дома были для этого довольно веские основания.

Встреча с Уэббом была запланирована у президента на 18 сентября — за два дня до выступления в ООН. После глава агентства вспоминал, что Кеннеди действительно не спрашивал его совета, делать русским очередное «лунное» предложение или нет[334]. Однако Уэбб был в курсе «идущего от Благонравова шума о возможности сотрудничества...». «Шум» же этот был предан огласке не кем иным, как Драйденом. После уже упомянутого обеда с Благонравовым в сентябре в Нью-Йорке, в интервью прессе он сказал, что его советский коллега намекнул на «возможность обсуждения» сотрудничества в сфере пилотируемой лунной экспедиции «после того, как на поверхность Луны опустятся

автоматы». По мнению Драйдена, реакция академика на идею советско-американских полетов на Луну была в общем более благожелательной, чем раньше, когда СССР настаивал на разоружении в качестве неперемennого условия разговоров о подобном проекте[335].

Как видно из этой ситуации, в Вашингтоне действительно было немало, по меткому определению Фруткина, «доверчивых мечтателей», готовых услышать «шум» в еле слышном «шорохе» — термин, каким только и можно охарактеризовать намек Благоднравова лишь на «возможность обсуждения» сотрудничества с США в полетах на Луну. Тем не менее, видимо не столько вследствие искренней веры в возможность подобного взаимодействия, сколько стремясь подыграть политической конъюнктуре (ведь за сотрудничество — сам президент), Уэбб тоже поспешил предаться такого рода «мечтам». И это несмотря на то, что НАСА действительно было «в смятении», ибо с [агентством] никто «не проконсультировался по вопросу, имеющему непосредственное отношение к его целям и графику работ»[336]. Более того, американские исследователи политической истории освоения космического пространства полагают, что «...в действительности у Уэбба были серьезные возражения против подобного объединения [СССР и США], но он полагал, что если президент не спрашивает его, а говорит, что нужно сделать, то лучше всего просто выполнить его желание. Уэбб опасался того, что с русскими не удастся ничего достигнуть, но ущерб американской программе при этом все равно может быть нанесен. Он также считал, что вопрос этот недостаточно обсуждался, ни внутри администрации президента, ни с руководителями конгресса»[337].

Однако, будучи членом «команды Кеннеди», Уэбб заверил специального советника президента по национальной безопасности МакДжорджа Банди, что «...весьма открыт к рассмотрению идеи о возможном сотрудничестве с Советами и полагает, что они могут пожелать использовать нашу большую ракету в обмен на передовые технологии, которые у них, вероятно, появятся в ближайшем будущем (например... советские приборы, доставленные на Луну, могут в любой момент установить связь между Луной и Землей)»[338].

По словам Уэбба, 18 сентября Кеннеди, поделившись с ним планами предложить через ООН Советскому Союзу вместе с США осуществить экспедицию на Луну, спросил: «Достаточно ли Вы держите ситуацию в НАСА под контролем, чтобы избежать каких-либо выступлений против того, что я собираюсь сделать?». Руководитель агентства заверил президента, что вверенная ему организация находится под его полным контролем, и он обеспечит благосклонное отношение НАСА к инициативе Кеннеди. Президент горячо поблагодарил Уэбба за это[339].

Озабоченность главы Белого дома возможностью отрицательного отношения агентства к его идее вновь подчеркивает уже отмеченную относительную самостоятельность этой организации в формировании космической политики США — самостоятельность, которую порой было трудно ограничить даже руководителю агентства. Дело в том, что утром того дня, когда состоялся его разговор с Уэббом, президент узнал о выступлении в Национальном ракетном клубе в Вашингтоне Роберта Гилрута — директора Центра пилотируемых полетов НАСА в г. Хьюстон, штат Техас. Этот центр играл ключевую роль в разработке и осуществлении программы «Аполлон». Гилрут, в частности, говорил о перспективах советско-американского сотрудничества в полетах на Луну. Отметив, что объединение квалифицированных кадров, опыта и средств «может иметь некоторую ценность», он в то же время сказал: «Однако, я трепещу от одной мысли об интеграции советской ракеты с американским кораблем... ибо при этом думаю о проблемах, с которыми нам приходится сталкиваться, даже когда мы имеем дело с американскими подрядчиками, говорящими на том же языке, что и мы». Поделившись с аудиторией мыслями на этот счет, Гилрут суммировал их в виде следующего вывода: «Предложение [объединиться с Советским Союзом] было бы очень интересным и важным, но трудно выполнимым на практике... Оно вызывает у меня смешанные чувства, но я говорю, как инженер, а не как политик, занимающийся международными отношениями»[340]. Видимо, перспектива того, что

Гилрут, а также те в НАСА, кто наверняка разделял его скепсис по поводу возможного сотрудничества с СССР, дадут волю своим «смешанным чувствам», была достаточно серьезна, если Кеннеди поинтересовался у Уэбба, насколько тверда будет поддержка агентством планов Белого дома.

С намерениями Кеннеди создать советско-американский «лунный альянс» был солидарен и сам МакДжордж Банди. Правда, будучи ответственным за безопасность страны, а следовательно, призванным особо тщательно следить за соблюдением ее национальных интересов, он в первую очередь позаботился о беспроегривности любого варианта развития событий:

1) Если мы будем соревноваться, то должны сделать все возможное для объединения всех органов американского правительства в рамках единой космической программы с тем, чтобы она как можно полнее соответствовала обязательствам, которые мы взяли на себя;

2) Если мы будем сотрудничать, это снимет с нас напряжение, и мы сможем с легкостью заявить, что именно наши беспрецедентные усилия [предпринятые в области реализации лунной экспедиции] вынудили Советы начать сотрудничество с нами.

Лично я выступаю за сотрудничество, если таковое возможно, и думаю, что и в рамках правительства, и за его пределами нам следует действительно активно попытаться ответить на вопрос: можно ли его осуществить»[341].

19 сентября Банди позвонил Уэббу и сообщил, что Кеннеди после того, как проект его речи в ООН был рассмотрен в госдепартаменте, министерстве обороны, а также в недавно созданном Агентстве по контролю на вооружениями и разоружению, принял окончательное решение выступить в ООН с предложением к Советскому Союзу о «лунном» сотрудничестве. Уэбб тут же «дал по телефону инструкции всем центрам [НАСА] никак не комментировать и не развивать данный вопрос»[342].

Почему ООН?

И все же почему Кеннеди избрал именно крупнейший международный форум для того, чтобы огласить с его трибуны свое очередное приглашение СССР присоединиться к США в деле осуществления лунной экспедиции? Сделал он это по трем причинам.

Первая заключалась в том, что новая инициатива, в свете предшествующих отвергнутых Кремлем предложений Белого дома установить в космосе партнерство между Советским Союзом и Соединенными Штатами, могла невольно представить Америку в роли «побирушки», «выклянчивающей» у СССР согласие объединить с ней свои усилия за пределами Земли. Это, соответственно, могло иметь весьма негативные последствия для престижа США. С целью избежать подобного восприятия нового «космическо-дипломатического» шага, президент представил его в качестве неразрывной части своих глобальных миротворческих усилий, направленных на создание «конструктивной и примиряющей атмосферы, в которой Соединенные Штаты и Советский Союз смогли бы серьезно обсудить основные политические аспекты холодной войны»[343].

Вторая причина состояла в стремлении Кеннеди «обелить» программу «Аполлон», отведя от нее обвинения в том, что она — лишь средство удовлетворения эгоистических амбиций США. А подобная критика в ее адрес раздавалась в том числе и со стороны ближайших союзников Соединенных Штатов. Так, британский физик сэр Джон Кокрофт сказал американцам: «Мы улыбаемся, глядя на ваши полеты по телевизору. Усилия, которые Вы предпринимаете ради этого, представляют из себя извращение науки во имя соревнования с Советским Союзом»[344]. Приглашение к сотрудничеству, сделанное в рамках крупнейшей международной организации, призванной объединять народы Земли, было явным посланием всему человечеству — «Аполлон» осуществляется в интересах не только США, но и всей планеты.

Наконец, в открытую предложив СССР отбросить в сторону национальные амбиции и создать с США единую программу полета на естественный спутник Земли, Кеннеди желал

показать миру, кто хочет прекратить «лунную гонку», а кто способствует ее продолжению. Если Кремль отвергнет его инициативу, Белому дому будет легче оправдать эту «гонку» как перед избирателями, так и в глазах международного сообщества. Однако, поскольку президент не выдвинул Советскому Союзу никаких требований в качестве неперемных условий принятия американского предложения, можно с большой долей уверенности сказать — Кеннеди хотел, чтобы предложение было принято.

Реакция в США на предложение Кеннеди

Общество в целом «за»

«Здравая мысль» — это словосочетание, наверное, лучше всего характеризует отношение американской публики к идее Кеннеди осуществить экспедицию на Луну совместными усилиями с СССР. Ряд влиятельных американских газет довольно положительно оценили намерение президента. Вот что они напечатали на следующий день после речи главы Белого дома в ООН.

«Вашингтон Пост» назвала инициативу президента «весьма разумным предложением», отметив, что «...нация, первая достигнувшая Луны, получит огромные дивиденды в политическом и пропагандистском планах. Однако они будут меньше тех дивидендов, которые получило бы человечество от расширения человеческих познаний, которое станет продуктом усилий, направленных на достижение Луны». «Вашингтон Стар» посчитала, что выступление президента «взбудоражило воображение людей планеты... и направлено на открытие закрытого советского общества», а, по мнению «Нью-Йорк Таймс», «выгоды от подобных совместных действий говорят в пользу этого крупнейшего шага, направленного на улучшение международных отношений, которое уже намечилось после заключения договора об ограничении ядерных испытаний»[345].

Аналогичное мнение высказали и американские ученые, принимавшие участие в работе 11-й конференции Пагуошского движения. 25 сентября они выразили твердую поддержку инициативе Кеннеди.

Однако одобрение планов президента заключить с Советским Союзом «лунный пакт» довольно быстро стало «палкой о двух концах», другой конец которой довольно чувствительно ударил по «Аполлону». В США все больше стали говорить о том, что настало время положить Конец бессмысленной «лунной гонки», коль скоро из нее вышел СССР, и вернуться к «здоровому смыслу» в определении целей американской космической программы. Причем вскоре именно эти ноты в хоре, певшем хвалбу Кеннеди, стали доминирующими. В своей наиболее «мелодичной» форме они были выражены в уже упоминавшейся заметке Уолтера Липпмана:

«Президент сделал предложение о сотрудничестве в полете на Луну в то время, когда в отношениях между СССР и США наблюдается некоторое улучшение. Вместе с тем, как в среде американских ученых, так и среди обычных людей усиливается сомнение в целесообразности высадки американца на Луне к 1970 г.

Предложение, сделанное президентом в ООН, представляется мне замечательным, даже если совместные усилия как с политической, так и технической точек зрения, ни к чему не приведут. Оно замечательное хотя бы потому, что может указать нам достойный способ исправить ошибки, которые мы совершили, приняв на себя обязательство лететь на Луну.

Были сделаны две ошибки. Одна состояла в решении высадить человека — живое существо, а не приборы — на Луну. Вторая состояла в выборе срока — 1970 г., к которому человек должен был совершить посадку на Луну...»[346]

Примерно такое же мнение было высказано в статье «Уолл Стрит Журнал»:

«Первоначальным обоснованием [полета на Луну]... было стремление США опередить русских, поскольку считалось, что они нацелены на Луну так же, как и мы. В этом случае президент Кеннеди сам подорвал данное обоснование, предложив недавно сделать лунную экспедицию совместным американо-советским предприятием. Таким образом, если Хрущев действительно не собирается играть (имеется в виду — продолжать «лунное» соревнование с США), от первоначального аргумента в пользу престижа ничего не остается...

В любом случае, сейчас, как никогда ранее, необходимо провести переоценку [программы «Аполлон»]. Нация может получить большие выгоды от более медленного, но стабильного освоения космоса, более управляемой программы с точки зрения ее стоимости и масштабов»[347].

Политики недовольны...

В то время как общественное мнение США, выраженное в ряде американских газет, в целом положительно восприняло идею объединить усилия с Советским Союзом для совместной экспедиции на Луну, американский политический истеблишмент воспринял инициативу президента куда более критически. Исключением, пожалуй, стал лишь сенатор Фулбрайт. По его мнению, предложение Соединенных Штатов Советскому Союзу «...во-первых, значительно понизило бы стоимость освоения космического пространства, что высвободило бы средства для важных внутренних программ, таких, как образование, городское строительство, а также сохранение природных ресурсов. Во-вторых, оно послужило бы дальнейшему уменьшению международной напряженности, открыв новую значительную область советско-американского сотрудничества»[348].

Однако противников идеи Кеннеди на Капитолийском холме оказалось куда больше, чем сторонников. Главное, что вызвало критику — очевидный пересмотр президентом своего же обязательства обеспечить лидерство США в космосе, по причине якобы имевшего места намерения СССР отказаться от «битвы за Луну». Законодатели задавали следующие вопросы: почему Хрущеву позволено определять американскую космическую политику? Если в 1961 г. в интересах США было опередить русских в «лунной гонке», то почему Соединенные Штаты в настоящее время демонстрируют готовность реализовать это предприятие вместе с ними? Какие гарантии можно дать тому, что СССР выполнит взятые на себя обязательства в рамках подготовки и проведения экспедиции на Луну, если он нарушал соглашения, заключенные в других областях? Не попал ли Белый дом в ловушку, расставленную для них хитроумным Кремлем, как раз в то время, когда «лунный локомотив» космической программы США стал набирать ход?»[349]

Пожалуй, наиболее показательными образцами подобной критики стали письма конгрессменов Альберта Томаса и Олина Тига президенту Кеннеди. Напомнив главе государства о его же речи от 25 мая 1961 г., в которой тот провозгласил высадку человека на Луне национальной задачей, Тиг в своем письме отметил следующее:

«В свете Вашего выступления в ООН, в котором содержалось предложение объединить усилия вместе с русскими для полета на Луну, мне чрезвычайно хотелось бы узнать — отказались ли мы от этой национальной цели или пересмотрели ее?

Это предложение меня разочаровало. Я был очень горячим сторонником космической программы, полагая, что мы должны стать нацией, представитель которой первым ступит на Луну. Я также считал, что мы должны решить эту задачу, чтобы обеспечить использование космоса исключительно в мирных целях. Кроме того, я считаю, что наша национальная безопасность, а также безопасность всего свободного мира, чрезвычайно зависит от успеха нашей космической

программы»[350].

Письмо Томаса, написанное, кстати, на следующий день после выступления Кеннеди в ООН, отличалось не меньшей прямоотой, если не сказать резкостью. Отчасти это было связано и с тем, что сей конгрессмен от штата Техас использовал свой пост председателя подкомитета палаты представителей по закупкам — органа, контролировавшего бюджет НАСА, — для размещения Центра пилотируемых полетов в Хьюстоне, столице штата. Распределение работы по подготовке лунной экспедиции между США и СССР неизбежно привело бы к сокращению персонала данного центра (как и ряда других), занятого осуществлением программы «Аполлон».

Не слишком утруждая себя поиском дипломатических оборотов, Томас высказал мнение, что речь президента в ООН «очевидно подрывает» его авторитет «как мирового лидера в международных делах». Конгрессмен подчеркнул, что «пресса и многие частные лица восприняли Ваше предложение о сотрудничестве с русскими в полете на Луну, как ослабление Вашего призыва предпринять большие и целенаправленные усилия для осуществления посадки на Луну». Томас запросил от Кеннеди письмо, которое прояснило бы его позицию по ближайшим действиям США в области реализации программы «Аполлон»[351].

Член палаты представителей Томас Пелли обвинил Кеннеди на заседании палаты в том, что тот поменял ориентиры космической политики США на прямо противоположные. По мнению Пелли, президент превратил полет на Луну из международного соревнования за мировой престиж в средство для развития сотрудничества с русскими. Правда, выступив против инициативы президента, он все же нашел в ней и положительную сторону, а именно, возможность сократить пилотируемую программу и увеличить количество полетов более дешевых автоматических аппаратов[352].

Досталось Кеннеди и со стороны верхней палаты конгресса США. Сенатор Клинтон Андерсон, председатель комитета по космосу, выступил против предоставления «Хрущеву права определять космическую политику» США, отметив, что не видит «существенных причин» для изменения программы «Аполлон». «Соревнование в космосе между Соединенными Штатами и Советским Союзом продолжается, — подчеркнул Андерсен. — Переориентировать крупномасштабную космическую программу страны (США. — Ю. К.) всякий раз, когда Советский Союз делает заявление о своих целях [в космосе], было бы настоящей глупостью»[353].

Silencium videtur confessio (молчание означает признание — лат.). Кеннеди хорошо это понимал. Необходимо было дать ответ разноголосому хору критиков его инициативы, направленной на совместный полет с русскими к Луне, или же согласиться с тем, что критика справедлива. Отвечать всем — означало на несколько недель, а то и больше, отложить другие дела, чего Кеннеди позволить не мог. Поэтому президент выбрал одного из наиболее рьяных противников своего предложения — конгрессмена Альберта Томаса, чтобы в письме ему дать заодно ответ и всем, кому не понравилась затея главы Белого дома.

Прежде всего, президент подчеркнул, что «идея сотрудничества в космосе не нова» и что его «выступление в ООН является прямым развитием политики, которой Соединенные Штаты придерживаются уже в течение длительного времени». В подтверждение своих слов Кеннеди напомнил о прежних попытках, предпринятых им в этом направлении, в частности, во время встречи с Хрущевым в Вене в середине 1961 г., а затем и в письме руководителю СССР от 7 марта 1962 г. Далее он написал:

«Великое усилие нации и данное тщательно продуманное заявление о готовности сотрудничать с другими, не находясь в конфликте друг с другом. **Они являются взаимодополняющими элементами единой политики** (выделено мною. — Ю. К.). Мы не рвемся в космос лишь ради достижения узкой цели национального величия. Мы делаем это для того, чтобы Соединенные Штаты играли бы ведущую и почетную роль в освоении человечеством космического

пространства. Именно это великое усилие позволяет нам предложить углубленное сотрудничество без боязни, что данное предложение может быть расценено как проявление нашей слабости. Таким же образом наша готовность сотрудничать с другими оттеняет международное значение нашей собственной мирной американской космической программы.

Поэтому наша вновь сформулированная и углубленная цель сотрудничества, не имеющая ничего общего с поиском оправдания снижения интенсивности или слабости нашей космической деятельности, является, с моей точки зрения, причиной для движения вперед еще с большей скоростью ради великой программы, которую мы как нация начали осуществлять более двух лет назад.

Таким образом, позиция США ясна. Если сотрудничество возможно, мы будем сотрудничать и делать это с позиции, укрепленной и упроченной нашими национальными усилиями в области освоения космоса. Если сотрудничество невозможно, а как реалисты мы должны предусмотреть и такой вариант, тогда то же самое великое национальное усилие послужит интересам всех свободных людей в космосе, а также защитит нас от возможных угроз нашей национальной безопасности. Так что давайте не сбавлять темпа»[354].

Трудно сказать, насколько смог Кеннеди убедить скептиков в том, что программа «Аполлон» в любом случае достигнет цели подъема американского национального престижа — как в случае ее осуществления лишь Соединенными Штатами, так и в случае ее реализации в партнерстве с Советским Союзом. Однако определенные финансовые трудности новая инициатива президента в области космического сотрудничества программе «Аполлон» все же создала. В течение первых двух лет после принятия решения о полете на Селену конгресс проявлял необыкновенную щедрость в отношении этой программы. В 1961 г. бюджет НАСА был увеличен на 50%, а в следующем году превысил все предыдущие бюджеты агентства, вместе взятые[355]. Однако в 1963 г., когда президент вновь призвал к значительному увеличению бюджета НАСА, законодатели решили повнимательнее присмотреться к тому, как расходовались средства агентства. И вот в то время, как вокруг «кошелька» НАСА разгорелась настоящая схватка, глава Белого дома заявил о возможности советско-американской экспедиции на Луну.

Ко времени выступления Кеннеди в ООН нижняя палата уже единодушно решила урезать президентский запрос по бюджету НАСА на \$600 миллионов. Намерение главы государства объединить усилия Соединенных Штатов и Советского Союза в рамках программы «Аполлон» было воспринято конгрессменами как возможность разделить часть расходов на эту программу вместе с СССР. В итоге Клэрэнс Кэннон, председатель комитета по закупкам нижней палаты (данный комитет играл и продолжает играть одну из ключевых ролей в формировании бюджета НАСА), выдвинул идею вынуть еще \$900 миллионов из «кошелька» агентства. Подобная «усушка» бюджета НАСА могла нанести серьезный ущерб «Аполлону». Уэбб и законодатели, которые были последовательными сторонниками экспедиции на Селену, сделали все возможное, чтобы этого не произошло[356]. В итоге конгресс сократил бюджет НАСА на 1964 финансовый год с 5,7 млрд долларов, запрошенных президентом в начале 1963 г., до 5,1 млрд долларов, т. е. на 11%. И если около 400 млн долларов из этого сокращения уже были изъяты из бюджета агентства до сентябрьской речи президента в ООН, то дополнительные 250 млн — после, в период октября-декабря 1963 г. Остается лишь гадать — потерял «Аполлон» четверть миллиарда долларов из-за уменьшения интереса в нем политиков, как средства утверждения национального величия, или нет. Но у тех, кто допускает наличие подобной связи, есть довольно веский аргумент. Конгресс специально включил в законопроект, одобряющий выделение финансов для НАСА, следующую фразу: «Никакая часть из каких-либо средств, предоставленных данным актом в распоряжение Национального управления по авиации и исследованию космического пространства, не может быть использована для финансирования программы пилотируемой посадки на Луну, если эта программа будет осуществляться Соединенными Штатами совместно с какой-либо страной без согласия

конгресса»[357]. Подобная оговорка, фактически запрещавшая НАСА использовать свои финансы на какие-либо совместные проекты, сопровождала выделение средств агентству в течение трех последующих лет.

Советская реакция на инициативу Кеннеди

Официально ее не было. Впрочем, не совсем так. Подконтрольные властным структурам средства массовой информации обрисовали выступление Кеннеди как очередной пропагандистский шаг, нацеленный на то, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от борьбы за мир и разрядку международной напряженности. «Правда» перепечатала фельетон известного американского сатирика Уолтера Липпмана, с точки зрения которого единственная ценность предложения Белого дома состояла в том, что позволяла ему с честью отказаться от своих «лунных» обязательств[358].

Пока Кеннеди ждал ответа Кремля на свое выступление; в ООН, газета «Вашингтон Пост» от 8 октября сообщила, что «отец» первого спутника Л. И. Седов заявил, будто первая попытка Советов высадиться на Луне будет предпринята не раньше, чем через два-три года. «Пост» так и озаглавила свою статью: «Красные намерены отправиться на Луну через 3 года». Естественно, утверждение это привлекло к себе немалое внимание Вашингтона. Разобраться поручили советнику по науке Визнеру. Внимательно изучив заметку, тот доложил президенту, что в ней нет ничего такого, «что в действительности соответствовало бы ее заголовку»[359]. Сведения о скорой готовности СССР отправить своих посланцев на Луну оказались такой же непроверенной информацией, как и известия о намерении Москвы якобы вообще отказаться от планов лунной экспедиции.

Никак не отреагировали на слова Кеннеди и советские космонавты Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, посетившие ООН в октябре того же года.

Справедливости ради следует отметить, что Гагарин во время своей речи перед Генеральной ассамблеей ООН упомянул о возможности советско-американского сотрудничества в космосе, в частности, в области обмена научными данными, поиска и спасения экипажей космических кораблей, совершивших аварийную посадку, а также развертывания международной системы радиосвязи. Что касается взаимодействия в области пилотируемых полетов, первый космонавт Земли сказал, что «здесь следует кое-что уточнить», но при этом никак не коснулся предложения Кеннеди[360].

А 25 октября и сам Никита Сергеевич прокомментировал в прессе выступление Кеннеди в ООН. Он признал, что слетать на Луну действительно было бы «очень интересно», однако сказать, станет ли СССР заниматься этим, Первый секретарь не мог. Более того, Хрущев отметил, что хотя советские ученые и работают над проблемой экспедиции на Селену, проводя необходимые исследовательские работы, у его страны в настоящий момент таких планов нет. И вот почему (тут Никита Сергеевич через обоснование почему СССР не нужно на Луну, подверг «разгромной» критике программу «Аполлон»). Во-первых, Советский Союз (в отличие от «людоедской» Америки) не станет посылать людей на Луну без тщательной подготовки. Во-вторых, ясно, что никакого блага такое соревнование не принесет (так что, «глупые» янки, тратьте миллиарды долларов на гонку сами с собой). Более того, подобное соперничество может привести к гибели людей (еще один «камень в огород» «человеконенавистническому» заокеанскому обществу, готовому ради удовлетворения своего «мелочного» честолюбия жертвовать человеческими жизнями). Не отказал себе Хрущев и в удовольствии «уесть» американцев с помощью русского народного фольклора, который он так любил. «Есть у нас поговорка, — сказал Никита Сергеевич, — мол, кому не живется на Земле — может лететь на Луну (тут уж прямее некуда — чувствуете вы, господа империалисты, чувствуете, что ваше время на нашей планете вышло, вот и рветесь на Селену, наивно думая, что таким образом сможете избежать ждущей вас «свалки истории»). Но советские люди чувствуют себя на Земле прекрасно (еще бы — самый передовой строй, где царят внутренняя гармония и процветание и который пользуется

любовью всего «прогрессивного» человечества). Поэтому, если подходить к делу серьезно (а не так, как «дядя Сэм», для которого что тexasское родео, что полет на Луну — все одно), то над экспедицией на Селену нужно много и основательно работать и хорошо к ней подготовиться, чтобы она была успешной.

Не упустил Хрущев и шанс проявить осведомленность в той сфере, о которой шла речь. По его словам, ему сообщили, что к 1970-1980 годам американцы хотят высадить человека на Луне. (И откуда только Первый секретарь взял такие цифры? Ведь Кеннеди ясно сказал — до конца текущего десятилетия, то есть не позднее 1970 года. Не иначе, как в словах главы Советского Союза содержался скрытый намек американцам — все равно раньше, чем лет через 20, ничего у вас из этой затеи не выйдет). Верный принципу «мирного сосуществования» с «империалистами», пожелал Никита Сергеевич американцам удачи. Правда, сделал это так, что было ясно — в успех он не верит совершенно. «Посмотрим, — сказал «главный коммунист» СССР, — как они долетят дотуда, как сядут на Луну, а самое главное, как *взлетят* с нее и как *вернутся* домой. Мы же, — заметил Хрущев, — примем во внимание их опыт (это — в духе заветов Ленина, который призывал учиться хозяйствовать у капиталистов)»[361].

Очевидно, что, произнося такую пространную речь, Никита Сергеевич пытался, с одной стороны, замаскировать «лунные» планы СССР, а с другой — «размыть» поддержку «Аполлона», прежде всего внутри США. Во всяком случае, именно последнее углядели в словах главы Кремля сотрудники ЦРУ, о чем свидетельствует меморандум разведывательного ведомства, отправленный на имя советника по национальной безопасности МакДжорджа Банди. В документе этом, в частности, отмечалось, что «главной целью заявления Хрущева было поменять ориентиры в космической гонке». ЦРУ подчеркнуло, что слова руководителя СССР, с одной стороны, весьма напоминали высказывания, которые он уже делал перед представителями печати в 1961 и 1962 годах, а с другой — перекликались со взглядами, «сознательно доводимыми до сведения западных ученых официальными представителями советской науки в начале этого года». Таким образом, заключили американские разведчики, заявление Хрущева не должно расцениваться в качестве показателя того, что «советские руководители в течение последних нескольких недель приняли какие-либо серьезные решения, затрагивающие масштабы или темпы осуществления их лунной программы». Скорее утверждение главы Кремля было «сознательной попыткой девальвировать срочность высадки человека на Луне», повлияв таким образом «на мнение американского конгресса и общества по вопросу о затратах на лунную программу США и темпы ее реализации»[362].

Возможно, Хрущев отчасти и достиг целей, в преследовании которых его заподозрили в ЦРУ (вспомним, что немалое количество американских газет и некоторые из политиков действительно призвали к «здравомыслию» в определении целей и задач космической программы США). Однако при этом Никита Сергеевич невольно предстал в образе лисы из небыстрой басни И. А. Крылова «Лиса и виноград». Во всяком случае, американская газета «Нью-Йорк Таймс» посчитала, что глава СССР ополчился на экспедицию на Луну, потому что ее у него «хоть видит око, да зуб неймёт»: «Отсутствие какого-либо интереса в достижении Луны к 1970 г., неприкрыто продемонстрированное премьером Хрущевым, является продуктом нынешних экономических трудностей [СССР] — серьезных проблем, которые, как он дал понять, вынуждают Советский Союз урезать планы развития некоторых ключевых отраслей промышленности. О давлении на [Хрущева] можно судить по статье в «Комсомольской правде», опубликованной в начале этого месяца. В ней, в частности, спрашивалось:

«Зачем вообще нужны космические полеты? Разве на Земле нет более важных задач, которые имеют к людям более прямое отношение?» Аналогичные вопросы задаются в этой стране и применительно к программе «Аполлон». Но независимо от намеченных темпов освоения космоса, оно будет продолжено обеими странами. Господин Кеннеди был прав, призывая к тому, чтобы это

освоение было совместным»[363].

Осознав, что бумеранг, которым он хотел «пооббить перья» программе «Аполлон», вернулся и ударил по нему, Никита Сергеевич поспешил исправить положение. Предлог для этого ему, как обычно, предоставили советские конструкторы. 1 ноября королевской «семеркой» на орбиту Земли был выведен спутник «Полет-1», снабженный аппаратурой и системой двигательных установок, обеспечивающих изменение высоты в плоскости орбиты во время полета. Первый в мире маневренный ИСЗ был разработан в КБ В. Н. Челомея[364].

Сославшись на успех этого полета, продемонстрировавший новые возможности советской ракетно-космической техники, он заявил следующее:

«Что касается вопроса о том, закрыли мы лунный проект по экономическим или каким-либо другим причинам, мы никогда не говорили, будто закроем наш лунный проект. Вы это сказали. Когда мы говорим о технических возможностях осуществления этого, то подразумеваем наличие у нас полной уверенности в том, что кто бы ни отправился на Луну, сможет безопасно вернуться. Только тогда это будет вполне осуществимо и возможно. Когда — я не знаю. Однако вы продолжаете рассчитывать, что мы откажемся от нашей программы из-за экономических трудностей. Что ж, господа, скажу вам — откажитесь от таких надежд раз и навсегда и просто выбросьте их»[365].

Читая подобные высказывания Хрущева, невольно видишь его стучащим по трибуне ООН своим ботинком или грозящим американцам «ракету в форточку засунуть» (речь шла, естественно, не о ракете, предназначенной для советско-американского полета на Луну). А между тем, по воспоминаниям сына Хрущева, уже в конце лета 1963 г., еще до знаменитого выступления Кеннеди в ООН, Никита Сергеевич начал размышлять о предложении американского президента. Вот как описывает это Сергей Хрущев:

«В последние недели лета 1963 года отец несколько раз вспоминал о своем разговоре с Кеннеди в Вене о возможности объединения наших усилий в лунном проекте. Тогда он отверг предложение президента об установлении сотрудничества, опасаясь за военные секреты, и ограничился соглашением о совместной деятельности в области мирного космоса. Это была скорее декларация об обмене информацией, чем серьезная программа работ.

Постепенно взгляды отца трансформировались. Возможность раскрытия перед американскими учеными некоторых наших секретов переставала казаться ужасной. Раньше отца особенно беспокоило, что за океаном узнают, что межконтинентальных ракет у нас раз-два и обчелся. К тому же уровень их боеготовности не шел ни в какое сравнение с возможностями противной стороны. Такая информация, по мнению отца, могла толкнуть горячие головы на превентивные действия. Пока не поздно...

С 1963 г. положение начало изменяться. Ракетная программа приобрела законченный вид. Если там узнают, что Советский Союз обладает массовыми межконтинентальными ядерными носителями, вреда не будет. То, что ракеты только начали проектировать, отца не смущало: пройдет не так уж много времени — и они появятся на боевых стартах. Первый шаг сделали той же осенью. В сентябре успешно начались летные испытания янгелевской Р-36[366].

Встреча с Королевым и Глушко заставила отца еще раз задуматься о лунной программе. Уж больно дорого запросил Сергей Павлович за свою Н-1 (носитель, предназначенный для доставки советских космонавтов на Луну. — Ю. К.). **Впервые слова отца, точнее мысли вслух, о возможности заключения соглашения с США в осуществлении лунной программы я услышал где-то во второй половине сентября** (выделено мною. — Ю. К.). Он еще ни с кем не делился своими идеями, но я знал по опыту: раз они возникли, то пробьют себе дорогу. Постепенно отец созреет и тогда пойдет напролом.

Не могу сказать, чтобы его идея меня вдохновила. Мне казалось, наше разоблачение перед противником чрезвычайно опасно. Сегодня они к нам подходят со своими мерками и преувеличивают наши возможности, а тут легко поймут, кого кому следует догонять. Сегодня их гнетет миф о нашем превосходстве: мощные носители, таинственное горючее, фантастически точные приборы и кто знает, что еще. Но мы-то знаем, что ничего этого нет, наши ракеты, возможно, не хуже, но уж никак не лучше стартующих с мыса Канаверал.

В 1957 году, до какой-то степени в 1961-м, еще можно было говорить об исключительной грузоподъемности «семерки». Сегодня это все ушло в прошлое, а УР-500 (кодовое название ракеты-носителя «Протон», расшифровывающееся как «Универсальный ракета-носитель»-500. — Ю. К.) и Н-1 здорово уступают «Сатурну». Я не мог не высказать свои опасения отцу. Он согласился с моими доводами, но выводы у него оказались противоположными. **Отец повернул их в подтверждение своей точки зрения: если мы не в состоянии сохранить первенство, то тем более имеет смысл объединить усилия** (выделено мною. — Ю. К.).

Мои страхи насчет военных секретов он не отбрасывал, но считал их преувеличенными. Отец снова повторил признание Кеннеди о нашей способности уничтожить Соединенные Штаты. Он только чуть перефразировал свой ответ: «Используем ли мы более или менее совершенные ракеты, не имеет никакого значения. Если там убедятся, что подобное в принципе возможно, все остальные соображения отойдут на второй план»[367].

Сейчас уже трудно сказать — заговорил ли глава Кремля о возможности сотрудничества с США в полете на Луну после выступления Кеннеди в ООН или же пришел к подобному заключению под воздействием трех упомянутых факторов. Напомню, что к их числу относилось укрепление ракетной мощи СССР, связанное с этим уменьшение озабоченности сохранением секретности и осознание того, что «лунную гонку» Советский Союз скорее всего все равно проиграет.

Была, правда, и еще одна причина, по которой Хрущев стал задумываться о принятии «лунного» предложения Кеннеди. Никита Сергеевич все больше доверял американскому президенту. По воспоминаниям Сергея Хрущева

«...отец прилаживался к длительному сотрудничеству с Джоном Кеннеди. Он считал, что раз им удалось договориться, не пострадав и не уронив достоинства своих стран, выйти из столь серьезного испытания, как Карибский кризис, то окажутся по плечу и другие проблемы, требующие совместного решения»[368].

Естественно, советско-американский полет на Луну был с политической точки зрения проблемой менее масштабной, чем урегулирование ситуации, грозившей СССР, и США взаимным уничтожением. А уж коль скоро политические вопросы сотрудничества могут быть решены, то технические, как менее сложные, — и подавно. Видимо, так рассуждал руководитель Советского Союза, когда на приеме в Кремле 1 ноября сказал, что с ослаблением международной напряженности не только морально, но и практически, то есть когда это подкреплено практическими шагами по разоружению, можно говорить о реальном расширении сотрудничества между государствами в области освоения космоса. При таких условиях мы, то есть советское руководство, с должным вниманием относимся к предложению президента США о целесообразности объединения усилий СССР и Соединенных Штатов в деле освоения космического пространства с научными целями, особенно что касается совместного полета на Луну. Действительно разве не замечательно, если бы советский мужчина и американский, или советский космонавт и американская женщина вместе слетали на Луну? Разумеется, замечательно[369].

Однако буквально через несколько дней после столь сладкого для слуха Кеннеди и всех, кто поддерживал идею президента о советско-американском «лунном альянсе»,

заявления, Хрущев делает другое, прямо противоположное. Это произошло накануне очередной годовщины Октябрьской революции, когда Советский Союз впервые открыто показал свою противоракету (предназначенную для уничтожения ракет противника). Данный вид оружия, вероятно, еще больше укрепил веру Никиты Сергеевича в неминуемую победу коммунизма, ибо он заявил тогда: «До революции Россия была нишей. Теперь же она стала Советским Союзом и превратилась в хозяина земли. Из беднейших она стала второй страной в мире и, максимум через семь лет, мы будем первыми»[370]. Что же касается космоса, то он по-прежнему оставался для Первого секретаря «полем боя», на котором тот был намерен выиграть одну из генеральных битв между двумя мировыми системами. «Даже наши противники, — отметил Хрущев, — осознают, что мы лидируем в космосе. Им все еще не удалось нас обогнать, и мы не дадим им сделать это»[371].

Как объяснить подобные «шарахания» главы Кремля? Присущей ему непоследовательностью, которая проявлялась почти во всем, что он делал, шла ли речь о борьбе с пережитками сталинизма или об экономических реформах в стране? Или это был рецидив «дипломатии спутника», когда Советский Союз использовал свои успехи в сфере создания новых образцов ракетной техники для доказательства превосходства социалистической системы над капиталистической? А может, новая ракета усилила «влюбленность» Никиты Сергеевича в данный вид техники? Тогда чисто по-человечески его нежелание сотрудничать с американцами в этой области можно понять. Все влюбленные — эгоисты, не желающие делить предмет своего обожания ни с кем другим, а уж эмоциональность была Хрущеву свойственна, пожалуй, не в меньшей степени, чем холодный политический расчет.

Впрочем, возможно, была и еще одна причина. По замечанию сына Хрущева, для того, чтобы советско-американский полет на Луну стал реальностью, его отцу «нужно было набраться твердости для преодоления отношения военных к этому вопросу, весьма непростому, если учесть, какого рода секреты могли перестать быть таковыми при осуществлении подобного совместного проекта»[372]. А как «набраться твердости», если в тот период времени нарастало недовольство командного состава вооруженных сил реформами Хрущева в военной сфере, и Первый секретарь, он же — верховный главнокомандующий, не мог об этом не знать. Быть может, Никита Сергеевич воспользовался столь подходящим моментом, как презентацией нового типа оружия, чтобы «потрафить» своему генералитету, подчеркнув — ни о какой, пусть даже ограниченной, передаче секретов потенциальному противнику и речи не может быть?[373]

Как бы то ни было, слова, произнесенные на фоне противоракеты, подписали «смертный приговор» иллюзиям, которые политики на другой стороне океана могли иметь относительно сотрудничества с СССР в области космоса, в частности, в сфере осуществления экспедиции на Луну. Напомню, что иллюзии эти основывались вначале на сообщении Ловелла от 17 июля 1963 г. о том, что Советский Союз якобы выходит из «лунной гонки». Затем последовали обнадеживающе-дезориентирующие статьи в американской прессе, пытавшейся разглядеть в результатах переговоров Драйдена и Благонравова в сентябре того же года желание СССР поискать формы взаимодействия с США в рамках пилотируемого лунного проекта. Заключение договора о запрещении испытаний ядерного оружия и несколько смягчившееся отношение Советского Союза к статусу спутников-шпионов также питали надежды некоторых «мечтателей» на возможность будущего советско-американского «космического альянса». А кульминацией иллюзий стало выступление Кеннеди в ООН, где он прямо пригласил СССР лететь на Луну вместе с США.

Но был ли у сотрудничества шанс?

Итак, после ознакомления с событиями осени 1963 г., в частности с речью президента США в ООН и реакцией на нее советского руководства, может сложиться следующее впечатление: США горячо и беззаветно предлагали построить СССР «космический мост»

между двумя странами, а Советский Союз на это не соглашался. Не принимал же Кремль данную идею по тем причинам, что полагал — по данному «мосту» коварные янки будут проникать в СССР с целью «разнюхивания» его стратегических секретов или же данное «сооружение» замаскирует «пропасть», разделяющую обе страны в виде гонки вооружений и иностранных военных баз вдоль советских границ.

Но даже если все не так, насколько искренне было стремление НАСА образовать с СССР «лунный альянс»? Вспомним, что подобное сотрудничество могло привести к сокращению ассигнований, выделяемых на деятельность агентства, да и сложности взаимодействия с русскими, по словам Гилрута, могли вызвать «трепет» у работников НАСА.

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на отношение агентства к предложению Кеннеди, озвученному в ООН. В течение нескольких недель, прошедших после речи главы Белого дома и в условиях отсутствия на нее внятного советского ответа, НАСА ощущало себя на распутье. Через несколько дней после выступления Кеннеди глава агентства Уэбб набросал «общие руководства к действию для персонала НАСА». Копию документа он отправил в Белый дом, где ее в тот же день одобрил МакДжордж Банди. Уэбб провел настоящий лингвистический анализ речи Кеннеди, выделив в ней моменты, вольно или невольно соотносящиеся с намерениями агентства не спешить бросаться «в объятия» СССР. Глава НАСА особенно отметил следующее: президент сказал только, что «мы должны рассмотреть» возможность совместной лунной экспедиции, и что ключевым словом здесь является «рассмотреть», а что касается слова «совместной», это — цель, на которую мы должны ориентироваться в ходе «рассмотрения» и оценок [возможности советско-американского полета на Луну]». Уэбб специально подчеркнул в своей записке:

«В то время, как мы предоставляем русским шанс работать вместе и предстаем в глазах всего мира нацией, готовой взяться за решение любых проблем, связанных с сотрудничеством в этой чрезвычайно важной области, где пока еще не получили распространения системы вооружений, **мы должны продолжать двигаться вперед со своей собственной программой** (выделено мною. — Ю. К.)»[374].

Аналогичных с Уэббом взглядов придерживался и ответственный за международные связи НАСА Арнольд Фруткин. По его мнению, «ринуться от предложения рассмотреть вопрос к выводу, что президент открыто попросил установить американский космический корабль на советский носитель для полета на Луну, или наоборот, или же предполагать, что американские и советские астронавты должны составить совместный экипаж для лунной экспедиции...» были бы явно необоснованными умозаключениями. Как подчеркнул Фруткин, слова Кеннеди явились не более чем «пробным камнем» для оценки возможности осуществления подобного двустороннего проекта[375].

Что касается варианта, при котором Советский Союз дал бы положительный ответ на инициативу президента, НАСА предпочитало осторожный и неспешный образ действий. Первым шагом, по мнению Уэбба, могли бы стать совместная работа Советского Союза и США по выбору места посадки на Луне, да и вообще, обе страны, как считал глава НАСА, могли бы вместе сделать «массу вещей, близко подводящих к тому, чтобы представители [СССР и США] оказались на одном корабле»[376].

С точкой зрения работников НАСА солидаризовались и сотрудники администрации президента. Так, один из членов «команды» советника по науке Джерома Визнера отметил, что «переговоры о совместной программе, скорее всего, будут долгими и насыщенными обсуждением множества технических, административных и политических проблем... Таким образом, затормозить реализацию нашей программы лишь исходя из предположения о том, что Советский Союз сделает то же самое и что план [советско-американского полета на Луну] будет успешно реализован, противоречило бы нашим коренным интересам». Скорее Соединенным Штатам следует «разработать такой предварительный план для совместной

программы, который предусматривал бы не только эффективное использование объединенных потенциалов двух стран... но и пошел бы на пользу программе «Аполлон», укрепив нашу позицию в совместных переговорах, если НАСА или Белый дом поторопятся представить данный план конгрессу»[377].

Что касается Белого дома, то в конце октября он вновь напомнил о своем интересе к «лунному» сотрудничеству с СССР. 25 числа того же месяца МакДжордж Банди попросил у всех лиц и организаций, которым так или иначе пришлось бы «выковывать» формы и пути взаимодействия с Советским Союзом в космосе, подготовить конкретные предложения относительно переговоров с СССР по данной тематике. 29 октября Визнер передал Кеннеди меморандум с предложением стратегии подготовки к переговорам. Визнер специально подчеркнул, что «для НАСА нет ничего трудного в том, чтобы составить развернутый план совместной программы... и достаточно быстро представить его президенту для дальнейшего рассмотрения»[378].

А как же сам Кеннеди? Неужели после своей речи в ООН «ушел в тень», наблюдая оттуда за реакцией Кремля на предложение о «лунном альянсе», предоставив своим помощникам думать о том, как придать этому «альянсу» четкие очертания? Некоторые основания для подобного предположения были. Президент действительно не спешил предпринимать последующие шаги, не дождавись ответа Хрущева или какого-либо высокопоставленного представителя советского правительства на свою инициативу. Однако он отнюдь не потерял интереса к идее сотрудничества с СССР в полете на Луну. 23 октября он послал Уэббу копию заметки о встрече Драйдена и Благонравова в сентябре 1963 г. в Нью-Йорке, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» 18 сентября. Заметку президент сопроводил запиской следующего содержания: «Думаю, было бы полезно собирать вырезки, подобные этой, демонстрирующие интерес русских высадиться на Луне. Это предоставит нашим усилиям дополнительную поддержку»[379]. Кеннеди, правда, не уточнил, что он имеет в виду под «усилиями» — действия США, направленные на установление сотрудничества с СССР в космосе, или же попытки Белого дома договориться с Кремлем о взаимодействии между двумя странами в освоении внеземного пространства.

После того, как 25 октября Хрущев довольно скептически обрисовал советские «лунные» планы, президента спросили на пресс-конференции, состоявшейся 31 октября: «Считаете ли Вы, что премьер Хрущев вывел Советский Союз из «лунной гонки», и полагаете ли Вы, что Соединенные Штаты в любом случае должны продолжать [работать над своей лунной программой] так, как если бы «лунная гонка» продолжалась?» Кеннеди ответил так:

«Я не увидел этого в его заявлении... Я не получил никаких убедительных подтверждений того, что господин Хрущев или Советский Союз окончательно вышли из «космической гонки»...

Факт заключается в том, что Советы предпринимают чрезвычайно большие усилия в космосе, и все имеющиеся свидетельства говорят о том, что они будут их продолжать и что у них есть потенциал для этого. Я бы с большой осторожностью отнесся к словам господина Хрущева. Как я понял, он сказал, что экспедиции на Луну должна предшествовать соответствующая подготовка. Мы согласны с этим.

С моей точки зрения, та космическая программа, которая сейчас есть у нас, играет ключевую роль в обеспечении безопасности Соединенных Штатов, поскольку, как я уже неоднократно говорил ранее, дело не в полете на Луну. Дело в приобретении необходимой компетенции для контроля над окружающим миром...

Думаю, нам нужно продолжать нашу программу. Думаю, это лучший ответ господину Хрущеву».

На той же пресс-конференции Кеннеди признал, что его обращение к Советскому Союзу с предложением объединить усилия с Америкой для полета на Луну осталось без ответа[380].

Однако заявление Хрущева, сделанное им 1 ноября, на следующий день после пресс-конференции президента, в котором руководитель СССР неожиданно выразил готовность сотрудничать с Америкой в осуществлении пилотируемого полета на Луну, ускорило в США подготовку к началу сотрудничества с Советским Союзом в данном направлении. Сотрудник администрации главы Белого дома Артур Шлезингер, а также сотрудники Бюро по делам международных организаций госдепартамента[381] Харлан Кивленд и Ричард Гарднер посетили 5 ноября НАСА.

Цель визита — брифинг, который они дали в агентстве по вопросу планирования «этапов, через которые, вероятно, придется пройти в ходе рассмотрения возможности сотрудничества». Встреча в НАСА стала лишним свидетельством по меньшей мере скептического отношения агентства к идее советско-американского «лунного альянса». По завершении брифинга Шлезингер отметил, что планы НАСА «носили скорее процедурный, чем содержательный характер», предусматривая обмен информацией по уже существующим программам и планам. При этом у помощника президента сложилось общее впечатление, что «у НАСА сохраняется весьма негативный подход к идее» сотрудничества в деле осуществления экспедиции на Луну. По мнению агентства, «действительные и существенные шаги будут зависеть от доверия, установленного в ходе взаимодействия процедурного характера». Понимая, что единственный способ расшевелить НАСА — напомнить, что оно должно следовать в фарватере политики Белого дома, Шлезингер предлагает советнику по национальной безопасности МакДжорджу Банди еще раз «выразить интерес президента в прогрессе» в формировании партнерства с русскими для полета на Луну[382].

Впрочем, говорить о том, что все агентство выступало против сотрудничества с СССР, несправедливо. Был, по меньшей мере, один сотрудник НАСА, заинтересованный в том, чтобы участвовать в переговорах с Советским Союзом о сотрудничестве в области пилотируемых полетов. Звали его Джон Гленн. Напомню, это первый американский астронавт, совершивший в феврале 1962 г. орбитальный полет. По возвращении на Землю Гленн установил дружеские отношения с президентом Кеннеди и его братом Робертом — шаг, как показала дальнейшая карьера астронавта, объясняемый не только его тщеславием. Гленн всерьез увлекся политикой и в 1964 г. ушел из НАСА, чтобы целиком отдаться новоприобретенному занятию. В 1975 г. он был избран сенатором от штата Огайо и пребывал в этом качестве вплоть до 1999 г. Впрочем, уже под занавес политической карьеры, «первая любовь» взяла верх, и в 1998 г. Гленн совершил второй в своей жизни космический полет. Правда, на этот раз уже не в стесненной «консервной банке» корабля типа «Меркурий», а в просторной кабине «шаттла» «Дискавери»[383]. После этого он стал самым пожилым человеком, когда-либо летавшим по земной орбите — в возрасте 77 лет.

Но вернемся в 1963 г., когда Гленну был еще только 41 год и он был сотрудником НАСА. 4 ноября он отправил меморандум МакДжорджу Банди. Собственно, это был ответ на запрос советника по национальной безопасности от 25 октября 1963 г. относительно «переговоров с русскими [по обмену] информацией, полученной в ходе космических полетов». Гленн предложил «работать вместе с доктором Драйденом, а также сопровождать его на встречи, где присутствие [Гленна] будет желательно, с тем, чтобы исследовать возможность взаимного обмена информацией, в частности, в области пилотируемых полетов». По мнению астронавта, популярность, которую он приобрел после орбитального полета, привлечет необходимое внимание к такого рода встречам и переговорам с русскими. Если Советский Союз, рассуждал Гленн, пошлет на переговоры с американцами представителя своей пилотируемой программы, возможно — космонавта, «это продемонстрирует, что предложение президента и впрямь открыло новый канал связи в условиях холодной войны». Соответственно, «отказ русских... только продемонстрирует всему миру, что они не хотят сотрудничать... Президент перехватил инициативу у русских (в плане предложения партнерства. — Ю. К.), и один из способов удержать ее — принять данное предложение»[384].

Белый дом довольно быстро подхватил идею Шлезингера — напомнить НАСА об интересе президента в скорейшем составлении плана сотрудничества с Советским Союзом. 8 ноября Шлезингер и сотрудник Совета по национальной безопасности Чарльз Джонсон набросали черновик директивы президента, выдержанной в соответствующем духе. Затем они попросили «надежных людей в НАСА и госдепартаменте проверить ее содержание». Те доложили, что восприняли данный документ «с энтузиазмом». Понимая, что деваться больше некуда, глава НАСА Уэбб также «сердечно» приветствовал черновик директивы[385].

Директива была подписана Кеннеди и 12 ноября приобрела официальный статус меморандума № 271 по действиям в области национальной безопасности. Официальное название документа было «Сотрудничество с СССР в вопросах освоения космического пространства». Вспомним, что подобная официальная бумага уже выходила из стен Белого дома. Речь идет о меморандуме № 129, увидевшем свет в феврале 1962 г. Документ этот предписывал государственному департаменту вместе с НАСА, отделом науки Белого дома, а также Национальным советом по авиации и космосу подготовить предложения и рекомендации по переговорам с Советским Союзом по сотрудничеству в области космоса. Тогда главную роль в выполнении этого поручения играл госдеп, а НАСА — лишь вспомогательную.

Теперь ситуация изменилась. Главе агентства Уэббу был отдан прямой приказ «взять на себя личную инициативу и главную ответственность в рамках правительства за разработку программы существенного сотрудничества с Советским Союзом в области космического пространства, включая разработку конкретных технических предложений...

Эти предложения должны быть разработаны с учетом их возможного обсуждения в ходе переговоров с Советским Союзом, которые могут стать прямым результатом моего призыва от 20 сентября к более широкому сотрудничеству между Соединенными Штатами и СССР в космическом пространстве, включая сотрудничество в программе полета на Луну»[386].

Почему на этот раз Кеннеди сделал НАСА главным действующим лицом в подготовке переговоров с СССР по «существенному» взаимодействию в космосе? Видимо, здесь было две причины. Первая заключалась в том, что период политической подготовки такого рода обсуждений, как считал Кеннеди, закончился и настало время конкретных действий. А кто лучше аэрокосмического агентства знает, какие практические шаги нужно предпринять, чтобы советско-американское партнерство в космосе наконец-то наполнилось реальным содержанием? Вторая причина личная. Видимо, со временем у президента укрепилась уверенность в том, что «саботажа» его инициативы со стороны НАСА не будет, и Уэбб со своими сотрудниками, какие бы задние мысли они ни имели о сотрудничестве с русскими в космосе, неукоснительно выполнят волю Белого дома.

Кеннеди попросил Уэбба представить ему «промежуточный отчет о ходе планирования [переговоров с Советским Союзом] к 15 декабря 1963 г.»[387] Главе Белого дома не довелось узнать, выполнил ли руководитель НАСА его просьбу. 22 ноября, ровно через десять дней после того, как Кеннеди обратился с ней к Уэббу, выстрелы в Далласе оборвали жизнь самого молодого президента в истории США.

Вместо эпилога

Наверное, многие, прочитавшие о тех поистине титанических усилиях, которые прикладывал Кеннеди к тому, чтобы советско-американская экспедиция на Луну стала явью, невольно задают вопрос: а что было бы, останься «Джей Эф Кей» жив? Смог бы он убедить несговорчивый Кремль, никак не способный решить, что ему более выгодно — соперничать или сотрудничать с американцами в космосе, а также собственный конгресс, недопонимающий стремления президента к партнерству с русскими, и скептически смотрящее на взаимодействие с советскими специалистами НАСА в необходимости

подобного предприятия? Трудно сказать. История не признает сослагательного наклонения. Но есть несколько косвенных свидетельств того, что Кеннеди и дальше продолжал бы попытки в том же направлении. Вспомним, что совместный полет на Луну был для него не самоцелью, но средством оздоровления отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. А эту задачу в области внешней политики он считал одной из первостепенных. Дадим слово бывшему послу СССР в США Анатолию Добрынину, рассказавшему о своей встрече с вдовой президента Жаклин Кеннеди в день прощания с главой Белого дома.

«Иностранские делегации по очереди проходили мимо стоявшей в зале супруги покойного президента и выражали свое соболезнование. Она, как правило, молча, кивком головы выражала свою благодарность. Но когда подошли мы с Микояном и передали глубокие соболезнования от Хрущева и его супруги, Жаклин Кеннеди со слезами на глазах сказала: «Утром в тот день, когда убили мужа, он неожиданно сказал мне в гостинице до завтрака, что надо сделать все, чтобы наладить добрые отношения с Россией. Я не знаю, чем были вызваны эти слова именно в тот момент, но они прозвучали как результат какого-то глубокого раздумья. Я уверена, что премьер Хрущев и мой муж могли бы достичь успеха в поисках мира, а они к этому действительно стремились...»[388]

...На следующий день Томпсон[389] передал Добрынину конверт, «в котором было трогательное личное письмо Жаклин Кеннеди Хрущеву».

Письмо было написано от руки.

«...В одну из последних ночей, которую я проведу в Белом доме, в одном из последних писем, которые я напишу на бланках Белого дома, мне хотелось бы написать Вам это послание. Я посылаю его только потому, что я знаю, как сильно мой муж заботился о мире и какое место в этой заботе занимали в его мыслях отношения между Вами и им... Вы и он были противниками, но вы также были союзниками в решимости не допустить, чтобы мир был взорван. Вы уважали друг друга и вы могли иметь дело друг с другом...»[390].

Мнение бывшей первой леди о том, что Хрущев и Кеннеди могли бы достичь успеха в поисках мира и могли иметь друг с другом дело, перекликается с мнением Добрынина. Он полагает, что «...дело шло к известному улучшению отношений, особенно если бы состоялась новая встреча в верхах на высшем уровне в 1964 г. Хрущев, как и Кеннеди, надеялся на эту встречу, но он, как и президент, не хотел повторения неудачной встречи в Вене в 1961 году. Для его репутации как государственного деятеля такой исход был бы неприемлем. Он должен был продемонстрировать определенный успех на второй встрече, учитывая общественное мнение в СССР[391].

В чем мог бы заключаться этот «определенный успех» грядущего саммита между главой Кремля и главой Белого дома? Предположений на этот счет можно строить много. Но давайте вспомним, что одной из неудач переговоров в столице Австрии была провалившаяся попытка установить «лунное партнерство» между двумя странами. При этом и Хрущев, и Кеннеди, видимо, учли «венские уроки», были настроены на «отогрев» отношений между СССР и США, а Кеннеди был, ко всему прочему, преисполнен решимости сделать советско-американскую экспедицию на Луну реальностью. Сложив эти факторы вместе, мы увидим, что совместный полет космонавтов и астронавтов на естественный спутник Земли вполне мог стать одним из пунктов повестки дня грядущей встречи в верхах. А стремление глав Кремля и Белого дома к преодолению пропасти, разделявшей их страны, имело достаточно шансов сделать этот полет одним из факторов сближения между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Заключение

Итак, мы рассмотрели первый этап в истории советско-российско-американского взаимодействия в космосе. Период этот, начало которого совпало с началом космической эры, был временем активных попыток решить дилемму — сотрудничать или соперничать во внеземном пространстве?

Инициатива образования «космического альянса» между СССР и США принадлежала Эйзенхауэру и Кеннеди. У каждого из этих президентов были свои причины для установления партнерства с русскими в космосе, а также свои подходы к достижению этой цели.

Начнем с Эйзенхауэра. «Айк» вообще не считал освоение космоса особенно важным занятием. Когда он думал о сотрудничестве в космосе, то представлял его скорее в виде марафонского забега со множеством участников, чем в виде теннисного корта, партию на котором разыгрывали бы только представители Советского Союза и США. Отсюда и его выбор ООН в качестве главного инструмента развития международного партнерства в деле исследования и освоения космического пространства. При этом у Эйзенхауэра было три вполне конкретных причины добиваться того, чтобы космос стал ареной сотрудничества, а не соперничества.

Первая заключалась в его намерении легализовать на международном уровне использование спутников-шпионов. Взаимодействие ряда стран в запуске и эксплуатации ИСЗ с научными целями могло создать необходимый прецедент для полетов «космических разведчиков» над любыми районами земного шара.

Вторая вытекала из запоздалого согласия «Айка» с точкой зрения конгресса о важности космической деятельности, а уж тем более — лидерства в ней для имиджа государства. Но при этом Эйзенхауэр все равно постарался приобрести «пальму» космического первенства по максимально дешевой для США цене. Одним из способов добиться этого было сделать Соединенные Штаты координатором и организатором международных усилий в области освоения внеземного пространства.

Наконец, «Айк» всеми силами старался избежать «космической гонки» между СССР и США, максимально смягчив ее сотрудничеством. Для нелюбви к такого рода соревнованию в космосе у него, в свою очередь, было еще три причины.

1. «Космическая гонка», по мнению президента, могла придать дополнительный импульс «гонке» в области создания баллистических ракет.

2. Стремление выиграть «космическую гонку», полагал глава Белого дома, неизбежно потребует введения в экономике и политике США элементов центрального планирования и мобилизации — того, что противоречило взглядам Эйзенхауэра, как человека и как руководителя страны.

3. «Айк» был убежден, что одним из следствий победы в «космической гонке» будет чрезмерное усиление влияния военно-промышленного комплекса и научно-технической элиты на правящие круги государства, что, в свою очередь, наверняка приведет к милитаризации жизни страны и росту агрессивности ее внешней политики.

Советское руководство восприняло инициативу США сделать освоение космоса международным предприятием без энтузиазма. Столь прохладное отношение базировалось на трех «китах». Первый — тесная родственная связь между гражданской космической программой СССР и его ракетными силами. Это предопределяло плотную завесу секретности, окутывающую даже ту деятельность Советского Союза в космосе, которую формально нельзя было назвать военной.

Второй «кит» — корпоративная заинтересованность АН СССР и советской космической отрасли в продолжении «космической гонки», оправдывавшей отведение немалых сумм в бюджете СССР на работы, связанные с освоением космического пространства. Напомню, что, в отличие от американского научного сообщества, советское, объединенное в рамках мощной государственной организации — Академии наук, имело довольно большие возможности оказывать влияние на принятие государственных решений в

области научно-технической и промышленной политики.

Третий — Кремль стремился извлечь максимум политического капитала из советского «первопроходства» в космосе, не желая делить лавры первенства ни с кем другим, тем более с потенциальным противником. Таким образом, именно в основном из-за несговорчивости Москвы в силу указанных причин, советско-американское сотрудничество в космосе в период Эйзенхауэра — Хрущева так и не приобрело реальных очертаний.

Наконец, советское руководство намекало, что могло бы «обменять» свое согласие на космическое партнерство на ликвидацию американских военных баз вдоль советских границ, но подобный «обмен» был явно неприемлем для Вашингтона.

Избрание Кеннеди президентом привнесло некоторые серьезные изменения в подход США к сотрудничеству с СССР в космосе. Изменения эти отражали новый взгляд Белого дома как на саму космическую деятельность, так и на советско-американские отношения. Во-первых, в отличие от своего предшественника, «Джей Эф Кей» придавал исключительное значение политической стороне освоения космического пространства. Во-вторых, он активно стремился уменьшить напряженность в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В-третьих, Кеннеди полагал, что одним из способов понижения данной напряженности будет развитие «сфер совместных интересов» с СССР. Космос, по его мнению, был именно такой «сферой». В-четвертых, в начале своего правления «Джей Эф Кей» не был уверен ни в победе США в «космической гонке», ни в ценности пилотируемой космической программы. Сомневался он и в том, что Соединенные Штаты могут позволить себе столь дорогое удовольствие, как широкомасштабное освоение космоса. Наконец, подобно Эйзенхауэру, Кеннеди не хотел чрезмерного усиления военно-промышленного комплекса, а также ускорения гонки вооружений за счет «космической гонки». Все эти факторы и предопределили четкое намерение нового президента построить «космический мост» между США и СССР.

Для придания большей искренности и убедительности своим «космическо-дипломатическим» инициативам в отношении Советского Союза «Джей Эф Кей» стремился установить взаимодействие в космосе между СССР и США не в рамках неких глобальных и многосторонних проектов по исследованию внеземного пространства, а исключительно по линии двустороннего сотрудничества в области реализации конкретных проектов. Данный подход президента к взаимодействию с Советским Союзом отчетливо прослеживался даже в его знаменитом обращении к СССР через ООН, в котором содержалось приглашение объединить с США усилия для осуществления полета на Луну. В самом деле — почему нет? Ведь Советский Союз поставил перед собой такую же «лунную» цель, что и Соединенные Штаты, и так же, как и США, мобилизовал значительную часть интеллектуальных и экономических ресурсов для ее достижения. Президент полагал, что трудности, связанные с реализацией пилотируемой лунной программы, а также ее масштаб, убедят Кремль разделить бремя «лунопроходцев» с американцами.

В своем стремлении добраться до Луны совместно с Советским Союзом Кеннеди пришлось преодолевать сопротивление конгресса, «заболевшего» идеей «лунного первенства» больше, чем глава Белого дома, а также НАСА. Что касается аэрокосмического агентства, то помимо нежелания иметь головную боль, связанную с организацией общей работы советских и американских специалистов, была у него и еще одна причина, невольно породившая НАСА с советским «космическим лобби» в своем негативном взгляде на идею сотрудничества. Если не жизнь, то во всяком случае процветание «главного штаба» американской космической программы во многом зависело от продолжения «космической гонки» с СССР.

А как же советское руководство? Сменило ли оно скепсис на благожелательство в своем отношении к инициативам Вашингтона? Вначале казалось, что да. Хрущев приветствовал избрание Кеннеди президентом и явно был настроен на поиск с ним общего языка по ряду ключевых проблем, разделявших СССР и США. Так почему бы не удовлетворить небольшую «прихоть» нового главы Белого дома? И вот создана «рабочая

группа», состоявшая, правда, всего из двух членов — Благодравова и Драйдена. И даже каких-то конкретных соглашений им удалось достичь (в большинстве своем, увы, не реализованных). При этом, правда, лунная программа — «святая святых» и «секретная секретных» советской космонавтики, фактически осталась за бортом даже этих весьма ограниченных контактов. А еще по прошествии небольшого времени стало ясно — те же факторы с советской стороны, что препятствовали сотрудничеству во времена Хрущева-Эйзенхауэра, остались в силе и во времена Хрущева-Кеннеди. И хотя имеется ряд косвенных свидетельств того, что настрой Москвы и Вашингтона на сближение мог создать на грядущем саммите 1964 г. благоприятный политический фон для советско-американской экспедиции на Луну, убийство Кеннеди и отставка Хрущева через год после этого навсегда оставят подобную возможность в разряде предположений.

Глава 2 «ЗАСТОЙ»

Периоды Никиты Хрущева-Линдона Джонсона и Леонида Брежнева- Линдона Джонсона (середина — конец 1960-х гг.)

Как и Кеннеди, Джонсон также проявлял немалый интерес к освоению космического пространства. Космический «послужной список» нового президента был достаточно богат. Фактически с октября 1957 г. — времени запуска первого советского ИСЗ, Джонсон, в то время — руководитель демократов в сенате, постоянно занимался вопросами космической деятельности. Именно он сыграл ключевую роль, вначале — в принятии сенатом в 1958 г. закона, учреждающего НАСА, а после — в создании сенатского Комитета по авиации и космическим исследованиям. 19 ноября 1958 г... Джонсон представил перед политическим комитетом ООН предложения США по международному контролю над космическим пространством. Будучи вице-президентом в администрации Кеннеди, он также возглавлял Национальный совет по авиации и космосу. Пожалуй, наибольшим признанием заслуг Джонсона перед космической программой США стало присвоение его имени (правда, уже после того, как Джонсона не стало) Центру пилотируемых полетов в г. Хьюстоне, штат Техас. Это — одно из крупнейших и важнейших подразделений НАСА, играющих ключевую роль в подготовке и осуществлении полетов астронавтов, которое теперь называется «Космический центр им. Джонсона» (Johnson Space Center)[392].

Впрочем, интерес Джонсона к космосу был продиктован не только его заботами об интересах США, но и личными амбициями как вице-президента. По мнению Джона Логсдона — директора Института космической политики в Вашингтоне, Джонсон

«...был исключительно озабочен проблемами национальной безопасности и считал, что Эйзенхауэр в своей реакции на спутник очень сильно недооценил то политическое поражение, которое [вследствие запуска советского ИСЗ] потерпели Соединенные Штаты. Он полагал, что конгресс, находившийся под контролем демократов, обязан был выработать альтернативу политике республиканской администрации [в области космоса] и что советские космические рекорды давали основу для подобной оппозиции. А кроме того — он хотел стать президентом. Джонсон чувствовал отношение общества к космосу и понимал, что на этом он может заработать себе больше известности и уважения за пределами сената»[393].

Из этого, впрочем, не следует, что Джонсон сфокусировал все свои усилия как государственного деятеля на победе США в «космической гонке», одновременно игнорируя возможность международного сотрудничества в деле освоения внеземного пространства.

Отнюдь. Сам Кеннеди отмечал заслуги своего заместителя в выработке подхода Соединенных Штатов к вопросу о взаимодействии различных стран в космосе с самого начала космической эры[394]. По мнению Джонсона, «целью [освоения космического пространства] должен быть мир. А средством достижения цели должно стать международное сотрудничество», ибо «люди, которые вместе трудились над тем, чтобы дотянуться до звезд, вряд ли погрязнут в пучине войн и разрухи»[395]. В одном из первых программных заявлений по партнерству в космосе Джонсон сказал:

«До сей поры космическая эра была отмечена печатью соперничества. При этом, однако, важно не забывать, что соревнование идет между политическими системами, а не между научными сообществами различных стран. Логика мира, в котором правит наука, подвигает к сотрудничеству без учета политических границ. Мы должны сохранить этот импульс. Основная задача политика времен космической эры состоит в том, чтобы разрушить стены, возведенные между людьми его политическими предшественниками и современниками, а не возводить их еще выше, в свободные и мирные просторы космоса. Если потенциал космической эры будет полностью реализован, этот период будет однажды назван (и благословен всеми людьми на Земле), как «Золотой век» политической науки»[396].

Однако, несмотря на некоторую схожесть подходов Кеннеди и Джонсона к вопросу международного, в частности советско-американского, сотрудничества в космосе, между ними были и заметные различия. В отличие от своего предшественника, Джонсон никогда не проявлял настойчивости в попытках сформировать «космический альянс» с СССР. За все время своего пребывания в Белом доме он ни разу не обратился с прямым предложением к Кремлю о партнерстве в космосе. Это, впрочем, не означает, что он игнорировал саму возможность объединения усилий двух стран за пределами земной атмосферы. Всего Джонсон сделал семь не прямых «заходов» на советское руководство с намерением установить двустороннее взаимодействие в космосе: два — во время первого срока в качестве президента США и пять — во время второго.

Самый первый был озвучен от имени Джонсона постоянным представителем США при ООН Адлаем Стивенсоном 2 декабря 1963 г. Стивенсон сказал, что президент поручил ему подтвердить предложение Кеннеди советскому руководству сделать экспедицию на Луну совместным советско-американским проектом[397]. Второй «заход» был сделан в статье Джонсона «Политика космической эры», опубликованной в газете «Сэтурдей Ивнинг Пост» (Saturday Evening Post) 29 февраля 1964 г. В ней он воздал дань «недавним совместным усилиям Соединенных Штатов и Советского Союза в области космической связи». По мнению президента, это могло стать «хорошим началом установления понимания между Востоком и Западом с помощью развития знаний. Нам хотелось бы видеть расширение этого понимания посредством реализации совместных космических проектов в области метеорологии, астрономии, освоения Луны и прочих планет»[398].

Третий «заход» Джонсон предпринял уже после избрания на второй срок в качестве главы государства, во время пресс-конференции, состоявшейся 25 августа 1965 г. Он выразил уверенность, что Соединенные Штаты «продолжат протягивать руку сотрудничества всем странам, включая Советский Союз, в грядущие годы захватывающего освоения космоса»[399]. Четвертый «заход» обозначился в речи, которую он произнес по случаю визита канцлера Федеративной Республики Германии Людвиг Эрхарда на мыс Канаверал. В ней он подтвердил твердое намерение США искать пути взаимодействия в космосе с СССР[400]. Пятым «заходом» можно считать интервью президента, опубликованное в журнале «Америка Иллюстрэйтед» (America Illustrated) 27 сентября 1966 г. В этом интервью, рассчитанном специально на советских читателей, Джонсон выразил мнение, что Советский Союз и Соединенные Штаты «должны стремиться к прогрессу в области разоружения, а также к большим совместным усилиям наших стран в области

освоения космоса»[401]. Шестой «заход» представлял собой намек на возможность советско-американского сотрудничества в области эксплуатации спутников связи, который президент сделал 14 апреля 1967 г. в специальном послании конгрессу по вопросу политики в области связи. «Советский Союз является лидером в сфере спутниковых технологий, — в частности, подчеркнул Джонсон. — Как мне сказали, нет никаких непреодолимых технических препятствий на пути соединения советской системы типа „Молния“[402] с системой „Интелсат“»[403].

Наконец, выступая 10 октября 1967 г. на церемонии вступления в силу Договора по космосу[404], Джонсон выразил надежду, что наступающее десятилетие будет отмечено крепнувшим партнерством между Советским Союзом и США в области освоения космического пространства[405].

Новый президент не только не проявлял особой активности в попытках установить сотрудничество в космосе с Советским Союзом. Он вообще перестал отдавать предпочтение советско-американскому взаимодействию во внеземном пространстве, «растворив» его в разговорах о необходимости формирования некоего общего и равноправного партнерства в космосе, состоящего из всех мало-мальски «космических», держав. В начале своего президентства Джонсон подверг критике финансовые ограничения, наложенные конгрессом на программу «Аполлон». Напомню, что ограничения эти были введены законодателями из опасения, что средства, отведенные конгрессом на утверждение величия Америки в космосе, могли быть потрачены на демонстрацию советско-американской дружбы за пределами земной атмосферы.

Джонсон выразил озабоченность подобной позицией законодателей. По его мнению, она могла «вызвать определенные сомнения в нашем желании работать с другими странами по осуществлению самого важного космического проекта этого десятилетия» (президент явно намекал на возможность вовлечения прочих государств в программу «Аполлон»)[406]. В «Докладе Комитета по космосу», который был подготовлен в рамках Конференции по международному сотрудничеству, организованной Белым домом, особо подчеркивалось, что «Соединенные Штаты не стремятся к двухполюсным отношениям в космосе с Советским Союзом. Скорее США заинтересованы, чтобы эти первые совместные проекты с самого начала были открыты для участия других стран и служили общим интересам»[407].

Даже в непрямых предложениях о сотрудничестве к советскому руководству, сделанных «по случаю» и «по поводу», Джонсон не переставал отмечать, что для него советско-американское сотрудничество в космосе — лишь часть совместных общемировых усилий, направленных на освоение космического пространства. В специальном послании конгрессу, где он упомянул о возможности объединения «Молнии» и «Интелсата», он пригласил Советский Союз присоединиться к этой организации вместе со странами Восточной Европы[408]. А в речи, произнесенной в связи со вступлением в силу Договора по космосу, выразил надежду, что «следующее десятилетие будет отмечено крепнувшим партнерством не только между Советским Союзом и Америкой, но между всеми нациями под солнцем и звездами...»[409]

Меняются президенты, меняется мир...

Итак, разница в понимании Кеннеди и Джонсоном международного сотрудничества в космосе очевидна. Если первый был явным сторонником советско-американского партнерства и активно его добивался, отдавая ему предпочтение перед иными видами «космических альянсов» США с другими государствами, то второй приглашал Советский Союз как бы «между прочим» присоединиться к союзу стран, совместными усилиями осваивающих внеземное пространство. Чем можно объяснить подобную разницу?

В первую очередь, личными причинами. Джонсон отождествил себя в глазах публики и политиков с «космической гонкой» и со стремлением выиграть ее у СССР даже в большей степени, чем Кеннеди[410]. Вспомним, что именно «возглавляемый Джонсоном совет

подготовил исследование, которое вице-президент использовал для убеждения президента Кеннеди весной 1961 г. в том, что пилотируемая посадка на Луну должна быть осуществлена „до конца этого десятилетия“»[411]. Вот что сказал сам Джонсон о своих достижениях на космическом поприще, когда 9 января 1969 г. вручал медали НАСА «За заслуги» членам экипажа «Аполлона-8»: «...были люди в нашем правительстве, которые 10 лет тому назад боролись за то, чтобы обеспечить [ведущую] роль Америки в космосе. И я рад, что был одним из них»[412]. Очевидно, что для последователя Кеннеди космос был полем не столько для сотрудничества, сколько для соперничества.

Но были и другие, не связанные с личными взглядами Джонсона причины, которые обусловили изменившийся подход американской администрации к международному сотрудничеству в космосе. Одна из них — зарождение в середине 1960-х годов космических программ других стран. После того как Европа учредила Европейскую организацию космических исследований (European Space Research Organization — ESRO) и Европейскую организацию развития средств выведения (European Launcher Development Organization — ELDO), страны этого региона составили потенциальную конкуренцию американскому лидерству в космосе (с учетом того, конечно, что США выиграли бы «космическую гонку» у СССР)[413].

Президент понимал это, свидетельством чему могут быть его слова, которые он произнес во время смотра космической инфраструктуры США в 1964 г.: «До тех пор, пока мне позволено будет возглавлять эту страну, я никогда не соглашусь на второе место в [космосе] после **какой бы то ни было** (выделено мною. — Ю. К.) страны»[414].

Удержать лидерство за пределами атмосферы можно было, не только максимально укрепляя американскую космическую программу, но также стать главным организатором и руководителем международного сотрудничества в космосе. «Оперяющиеся» космические державы были в этом смысле более привлекательной целью для Соединенных Штатов, чем Советский Союз, ибо с большей охотой, чем последний, приняли бы американское руководство. Как подчеркнули авторы вышеупомянутого «Доклада Комитета по космосу», «быстрый рост космической деятельности за рубежом бросает вызов американскому лидерству в сфере сотрудничества. Иностранцы будут находить все больше возможностей [для приложения своих знаний] в рамках их собственных национальных и региональных программ космических исследований — [возможностей], которые раньше предоставлялись лишь в рамках наших совместных проектов. По этой причине нам следует обратить особое внимание на разработку более масштабных и передовых совместных проектов, которые обладали бы большей притягательностью, чем национальные программы, если мы намерены разделить с другими технические и политические преимущества сотрудничества»[415].

Третья причина, по которой администрация США сместила акцент в международном сотрудничестве в космосе с преимущественно советско-американского взаимодействия на установление партнерства с европейскими странами, крылась в изменившейся международной обстановке. Изменения эти затронули отношения между США и Европой. По мере того, как холодная война, в состоянии которой находились Советский Союз и Соединенные Штаты, стала после 1962 г. постепенно сменяться «оттепелью», внутри НАТО да и Варшавского договора[416] наметились определенные трения.

Что, впрочем, неудивительно — ведь «их внутренняя целостность во многом зависела от того, насколько они воспринимали друг друга в качестве угрозы»[417]. Положение внутри Варшавского договора никак не могло повлиять на международный аспект американской космической политики, а вот внутри НАТО — повлияло. Не будет большим преувеличением сказать, что принятое в 1966 г. решение президента Шарля де Голля вывести Францию из военной структуры НАТО (сохранив участие страны в политических структурах этой организации) отразило определенный кризис Североатлантического блока. Сотрудничество с Европой в космосе (уместно напомнить, что Франция — одна из наиболее быстрорастущих космических держав этого региона) должно было укрепить пошатнувшееся «натовское»

единство.

Что касается советско-американских отношений, то они оказались под отрицательным воздействием двух факторов:

1. Новое советское руководство во главе с Леонидом Ильичом Брежневым[418], пришедшее к власти в октябре 1964 г., посчитало, что Кеннеди слишком обогнал СССР в области строительства стратегических ракет, а потому ускорило производство этого вида оружия.

По признанию Роберта МакНамары, министра обороны в администрации Кеннеди, подобная политика Кремля не способствовала процессу разрядки напряженности в отношениях между двумя странами[419]. А разрядка эта, как мы уже неоднократно могли убедиться, — «брат-близнец» сотрудничества в космосе.

2. Рост военного вмешательства США во Вьетнаме фактически поставил Советский Союз и Соединенные Штаты по разные стороны линии фронта в этой стране. В то время как Вашингтон неприкрыто помогал Южному Вьетнаму, Москва почти так же открыто — Северному, что способствовало возвращению холодной войны в отношении между США и СССР.

Четвертая причина, по которой Джонсон не стал делать советско-американское партнерство в космосе центром своей международной космической политики, заключается в критике, которой подвергли его «космический курс» республиканцы. «Нью-Йорк Геральд Трибьюн», весьма влиятельная газета, отражающая взгляды правого крыла Республиканской партии, обычно ассоциируемого с глашатаем крупного бизнеса Нельсоном Рокфеллером и экс-президентом Эйзенхауэром, обвинила Джонсона в июне 1964 г. в том, что он утратил энтузиазм к победе в «космической гонке» с СССР. Подобные обвинения основывались на ряде фактов, в том числе на продолжающихся переговорах между НАСА и АН СССР (Драйден-Благонравов) о поиске путей объединения в космосе усилий двух стран, и на заявлении Драйдена, будто Соединенные Штаты желали бы «сотрудничать с Советами так широко, как это возможно в освоении космоса»[420]. Досталось «просоветской» политике демократов в области космического партнерства и со стороны кандидата в президенты от Республиканской партии на выборах 1964 г. Барри Голдуотера. Сей политический деятель (к тому времени — сенатор), зарекомендовавший себя как крайний консерватор, призывавший к жесткому противостоянию с СССР, в частности, заявил: «Великое дело освоения Луны и прочих планет — работа не только для Америки. Это скорее поле для международного сотрудничества... Однако в подобном сотрудничестве я бы отдал приоритет взаимодействию с нашими союзниками — передовыми свободными демократиями, а не коммунистическим государствам. Максимум пользы [от такого рода партнерства] может быть получен от свободного обмена идеями. (Увы, справедливость более чем прозрачного намека Голдуотера на данное преимущество сотрудничества с «передовыми демократиями» подтверждается переговорами Благонравова и Драйдена, в которых, как можно судить, «свободного обмена идеями» не было и в помине. — Ю. К.)

Начинать всякое международное сотрудничество, как мы это неоднократно делали, с выяснения, снизойдут ли люди в Кремле до взаимодействия с нами, является ошибкой. Они часто и недвусмысленно говорили, что подобное сотрудничество служит их дальней цели мирового господства и уничтожения свободных правительств. (К сожалению, приходится признать, что и здесь Голдуотер ничего не придумал, ибо идеологи СССР объявили «мирное сосуществование» одной из форм классовой борьбы. — Ю. К.)»[421]

Пятая причина, по которой новый президент, в отличие от своего предшественника, не делал «культу» из советско-американского партнерства за пределами атмосферы, состояла в отношениях, которые сформировались между Белым домом и Кремлем после того, как там сменились хозяева: вначале в США в ноябре 1963 г., а затем и в Советском Союзе — в октябре 1964 г. Перемены эти не способствовали сближению в космосе двух стран. Как отметил известный американский политолог Джон Льюис Гаддис, Хрущев и Кеннеди были лидерами, «способными увидеть общие интересы через искаженное стекло идеологических

различий, громоздких бюрократических машин, разного предшествующего опыта, а также столь привлекательных славы и престижа. Так было не всегда в истории русско-американских отношений, не было никакой гарантии, что так будет и в будущем»[422].

Гарантии действительно не было, и это стало очевидно, уже когда в проверенном и в целом работающем уравнении «Хрущев-Кеннеди» еще оставалась первая составляющая — «Хрущев». Как вспоминал об этом сын Никиты Сергеевича:

«А еще через несколько дней [после убийства Кеннеди] во время вечерней прогулки отец вдруг вспомнил о своих лунных идеях. С горечью он произнес, что вопрос отпал сам по себе. Он доверял Кеннеди, рассчитывал на взаимопонимание. Был готов к рискованным по тем временам контактам не с администрацией США, а с личностью. Теперь личности не стало...

Немного подумав, он добавил, что с Джонсоном все пойдет иначе»[423].

К перечисленным причинам, «девальвировавшим» в глазах Джонсона исключительность советско-американского сотрудничества в космосе, следует добавить еще одну, последнюю. Не исключено, что новый президент прислушался к рекомендациям НАСА, содержащимся в докладе под названием «Советско-американское сотрудничество в рамках программ космических исследований». Данный документ, подписанный главой агентства Уэббом, содержал, в частности, следующее предложение: «В качестве тактического хода, нацеленного на оказание давления на Советский Союз, демонстрацию серьезности наших намерений, а также на завоевание симпатий некоторых стран, необходимо продумать механизмы, посредством которых «другие государства», а не только Советский Союз, могли быть вовлечены в наши лунные программы»[424].

Доклад НАСА: подведение итогов и планы на будущее

Этот вышеупомянутый документ, представленный на рассмотрение Джонсону 31 января 1964 г., заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно. С одной стороны, в нем суммируется опыт советско-американского взаимодействия (а точнее — его попыток) в космосе, а с другой — содержатся рекомендации, как дальше строить «космический мост» между двумя странами. Кроме того, доклад является исполнением последнего распоряжения президента Кеннеди касательно сотрудничества в космосе с Советским Союзом. Напомним, что директива эта в виде меморандума № 271 по действиям в области национальной безопасности была отдана Уэббу 12 ноября — за 10 дней до убийства Кеннеди.

Авторы доклада уделили основное внимание возможному взаимодействию с СССР в области пилотируемой экспедиции на Луну, а также связанных с ней беспилотных программ. Сделано это было по двум причинам. Первая — явный приоритет, отданный как Кеннеди, так и Джонсоном партнерству именно в рамках «Аполлона». Вторая — «сотрудничество в прочих сферах космических исследований, о котором говорилось в переписке между Кеннеди и Хрущевым, как в общих чертах, так и в деталях, в феврале-марте 1962 г., уже материализовалось в четких соглашениях по трем проектам. Оно также, очевидно, продолжает оставаться предметом переговоров, относящихся к данной переписке и соглашениям».

Интересно, что в докладе американская сторона, пожалуй впервые за всю историю «космических отношений» между СССР и США, откровенно продемонстрировала обеспокоенность перспективой возможного усиления Советского Союза в результате сотрудничества с Америкой: «Доклад основан на предположении о том, что у Советского Союза имеется какая-то программа, цель которой — пилотируемая посадка на Луну... Если такой программы нет, то Советский Союз, вероятно, будет пытаться скрыть это в течение неопределенного промежутка времени. **(В таком случае, как считают некоторые, стремление США склонить [СССР] к сотрудничеству может даже побудить Советы**

предпринять незапланированные усилия для доставки человека на Луну. С положительной точки зрения это может отвлечь советские ресурсы от менее желательных сфер их приложения (читай — от создания новых видов оружия. — Ю. К.). С отрицательной — это может способствовать созданию в Советском Союзе новых технологий (выделено мною. — Ю. К.)»

Аналогичная озабоченность была продемонстрирована в документе по крайней мере еще в двух случаях. В первом речь шла о «полной» защите интересов США, связанных с национальной безопасностью и обороноспособностью:

«Никакие обмены [данными], имеющие отношение к безопасности, не могут даже рассматриваться при отсутствии определенной, соизмеримой и проверяемой информации от советской стороны». Во втором анализировался сценарий, при котором СССР разрабатывает тяжелый «лунный» носитель, а США — космический корабль. После эти два элемента соединялись, образуя, таким образом, «лошадь» с «повозкой» для путешествия на Луну. Идея была расценена как неприемлемая, ибо «отдать разработку [тяжелого] носителя Советскому Союзу не соответствует цели США достижения лидерства в космосе».

По мнению авторов доклада, сотрудничество с Советским Союзом должно быть в конечном итоге сконцентрировано на конкретных проектах. Таковые были объединены в три группы: А — «обмен данными», В — «взаимодействие в области эксплуатации» и С — «интегрированные проекты». Описание каждого проекта было выдержано в весьма многообещающих тонах, но при этом непременно звучала скептическая «нотка» (назовем условно — «минус»), объясняющая, что может воспрепятствовать осуществлению данного проекта.

Первая группа — «обмен данными» — была составлена из «наиболее реалистичных и конструктивных групп предложений», к которым были отнесены «совместные беспилотные программы, предназначенные для поддержки пилотируемой посадки на Луну». В их число вошли:

1. Обмен информацией по микрометеоритным потокам внутри лунной орбиты.

«Минус». В июне 1963 г. советские ученые в рамках аналогичного обмена, связанного с полетом советского аппарата к Венере, а американского — к Марсу, отказались предоставить американским коллегам сведения по приборам и программе полета «Венеры», которые позволили бы ученым США провести основательный анализ данных, полученных при помощи советского автомата.

2. Совместное изучение космической радиации и солнечной активности.

«Минус». Ожидается, что Советский Союз будет также неохотно относиться к существенному обмену данными, относящимися как к программе исследований, так и к задействованным в них приборам.

3. Совместное исследование характеристик лунной поверхности.

«Минус». Если советская лунная программа обгоняет американскую, то специалисты из СССР, возможно, больше знают об особенностях поверхности Луны, чем специалисты из США, а потому вряд ли будут заинтересованы в обмене знаниями. С другой стороны, если обе программы находятся в настоящее время примерно на одном уровне и обнаружится, что лунная поверхность имеет какие-либо совершенно неожиданные свойства, то подобная информация может стать жизненно необходимой для разработки соответствующего оборудования и даже для успеха экспедиции. В таком случае она может стать важным элементом «космической гонки», обладающим ценностью, как с точки зрения тактики, так и национальной безопасности. Каждая из сторон может захотеть удерживать данные знания в секрете от другой.

4. Взаимодействие в выборе мест для посадки на Луну.

«Минус». Как и в предыдущем случае, успех кооперации будет зависеть от того, насколько одинаково СССР и США продвинулись вперед в подготовке «лунных»

экспедиций. Если какая-либо из сторон обогнала другую, то вряд ли она будет заинтересована в «подтягивании» отстающей до своего уровня. Но и в том случае, если обе находятся примерно на одной и той же «отметке», сотрудничество представляется маловероятным, ибо данные о месте посадки играют важную роль в обеспечении победы в «лунном» соревновании.

5. Совместная подготовка астронавтов и обмен соответствующим опытом.

«Минус». К началу 1964 г. как СССР, так и США осуществили по шесть пилотируемых пусков, но Советский Союз опережал Соединенные Штаты по суммарной продолжительности орбитальных полетов космонавтов. Поэтому американцы не смогут предложить для адекватного обмена свой опыт в области космических полетов и космической медицины. Исходя из этого, всякие попытки получить доступ к такого рода информации, имеющейся у Советского Союза, будут расценены Советами как проявление слабости американской космической программы, не говоря уж о том, что СССР будет с крайней неохотой делиться своим передовым космическим опытом и технологиями.

Группа В — «взаимодействие в области эксплуатации» — включила в себя следующие направления для возможного партнерства:

1. Взаимное предоставление услуг, связанных со слежением за космическими объектами.

«Минус». Несмотря на то, что Хрущев сам предложил сотрудничество в отслеживании полетов аппаратов к другим планетам Солнечной системы, в дальнейшем он же и отказался от подобной идеи, сославшись на соображения безопасности.

2. Спасение экипажей космических кораблей, совершивших посадку в не запланированных для этого районах Земли.

«Минус» (правда, как признали сами американцы, небольшой). Обмен аварийно-спасательными частотами между СССР и США может привести к ситуации, когда одна сторона, более готовая к проведению операции по спасению экипажа, может невольно помешать другой стороне, включившейся в подобную операцию с некоторым опозданием.

3. Спасение экипажей, терпящих бедствие в космосе.

«Минус». Для подобной совместной деятельности потребуется совмещать траектории полетов и орбиты кораблей СССР и США, создавать совместимые системы обеспечения жизнедеятельности (СОЖ), радиосвязи, процедуры сближения и стыковки, а также не исключено, что и аэродинамические формы для обеспечения входа в плотные слои атмосферы. При этом следует помнить, что многие из технических сведений, которыми придется обменяться для реализации подобного проекта, не могут быть переданы за пределы страны по соображениям национальной безопасности.

4. Материально-техническое обеспечение (логистика) экспедиций на Луну.

«Минус». Подобная совместная деятельность сделает США зависимыми от верности Советского Союза взятым на себя обязательствам, в частности, от их своевременного и профессионального исполнения в течение ряда лет. Представляется разумным вначале «опробовать» партнерство на менее масштабных проектах.

5. Отдача. (Данный пункт доклада скорее относится к принципу построения отношений партнерства в космосе между СССР и США.)

Когда взаимные выгоды от сотрудничества не могут быть установлены в случае невозможности предоставить друг другу услуги однотипного характера, возможно предоставление других, аналогичных по своему значению, услуг. Например, США могли бы обеспечить СССР круглосуточным отслеживанием космических аппаратов, направляющихся к другим планетам (за исключением тех промежутков времени, когда Соединенные Штаты используют данную систему слежения в собственных интересах), а СССР мог бы поделиться с США образцами лунного грунта, если получит их раньше Соединенных Штатов.

Группа С — «интегрированные проекты» — предполагала максимально близкое сотрудничество по подготовке и осуществлению экспедиций на Луну, включая совместное создание космической техники и подготовку членов экипажей «лунных» кораблей. Общими

недостатками для всех предложений в рамках этой группы считались два:

I. Практически все крупнейшие контракты на разработку и изготовление техники для проекта «Аполлон» уже были размещены на американских предприятиях, которые взяли на себя весьма непростые и дорогостоящие обязательства по выполнению данных контрактов.

II. Возложение на Советский Союз ответственности за создание ключевых узлов техники для американской лунной программы позволит Советам, с одной стороны, «вставлять палки в колеса» «Аполлону», а с другой — продолжать скрытно работать над осуществлением собственной лунной экспедиции.

Непосредственные проекты в рамках группы С:

1. Советский носитель/американский космический корабль.

«Минус». Помимо нежелания американской стороны передать разработку носителя СССР и тем самым лишиться возможности самим разработать подобную технику, имелось еще три сдерживающих фактора. Первый: на момент написания доклада у США не было определенных сведений о том, разрабатывает Советский Союз тяжелый «лунный» носитель или нет. Второй (в случае «рокировки» разделения труда, когда носитель делали в США, а корабль — в СССР): американский носитель будет использован для доставки советского корабля первым на Луну, что также не соответствует национальным интересам Соединенных Штатов. Третий: Советский Союз получит доступ к американским космодромам и технике, обеспечивающей космические старты, в то время как США, при существующей советской политике секретности, аналогичного доступа к стартовой инфраструктуре СССР не получают.

2. Предложение Тернера.

Инженер компании «Рипаблик Эйвизйшн» Томас Тернер выдвинул следующий сценарий советско-американской экспедиции на Луну, опубликованный в журнале «Лайф» 11 октября 1963 г.: США разработают тяжелый носитель, а также «лунный» модуль (ЛМ), предназначенный для посадки на поверхность естественного спутника Земли. Далее в задачу Соединенных Штатов будет входить доставка модуля на околоземную орбиту. Одновременно Советский Союз выведет на ту же орбиту очень большой и мощный космический корабль (КК). Затем эти два элемента (КК и ЛМ) состыкуются и, используя двигательную установку советского корабля, отправятся к Луне. После того, как «связка» выйдет на лунную орбиту, модуль отстыкуется от корабля и с двумя членами экипажа на борту — советским и американским, совершит посадку на поверхность Луны. По завершении миссии на естественном спутнике Земли космонавт и астронавт вернутся на ЛМ на окололунную орбиту, пристыкуются к кораблю, перейдут в него, отстыкуются от модуля, а затем КК доставит их на Землю. По мнению Тернера, единственное, что пришлось бы сделать для реализации этого совместного проекта — разработать и построить единое стыковочное оборудование, а также установить единую систему связи.

«Минус». Предполагается, что ни одна из сторон не станет полностью осуществлять свою лунную программу, полагаясь лишь на собственные силы. Это означает, что США будут зависеть от верности СССР взятым на себя обязательствам в течение ряда лет. Подобная ситуация неприемлема для Соединенных Штатов, ибо в случае выхода Советов из совместного «лунного» проекта серьезно осложнит реализацию программы «Аполлон». Отсюда вывод — предложение Тернера не является ни практичным, ни желательным в нынешнем контексте советско-американских отношений.

3. Обмен космонавтами/астронавтами.

В идеале США выиграли бы от такого обмена куда больше, чем потеряли, ибо в то время, как их программа подготовки астронавтов была практически полностью открыта как для американской, так и для мировой общественности, советская программа была укутана плотной завесой тайны. Американские астронавты, тренирующиеся в «Звездном городке», могли бы помочь приподнять эту завесу.

«Минус». В настоящее время не видно причин, по которым Советский Союз пересмотрел бы свою традиционную политику секретности во всем, что касается космонавтики. Это означает, что открытость США в сфере подготовки экипажей

пилотируемых кораблей, скорее всего, не встретит взаимности со стороны СССР.

В целом авторы доклада рекомендовали продолжать проявлять интерес Соединенных Штатов, используя для этого установившийся канал связи НАСА — АН СССР, к положительному ответу Москвы на уже сделанные Вашингтоном предложения. Они советовали американскому правительству не выдвигать новой инициативы на высшем уровне до тех пор, пока Советский Союз не выполнит взятые на себя обязательства по договоренностям, ранее достигнутым между НАСА и АН СССР, или же не примет подтвержденное Джонсоном приглашение Кеннеди «отправиться вместе на Луну». «Исправительный срок», отведенный СССР для выполнения этих условий, составлял три месяца.

Что касается тактики дальнейших переговоров с Советским Союзом о полете на Луну, то здесь НАСА рекомендовало следующую схему:

«...выполнение предыдущих обязательств одновременно с учащением контактов по обмену информацией, подлежащей в начале [данных контактов] проверке. Таким образом будет достигнут необходимый уровень доверия, который может послужить основой для интенсификации сотрудничества.

...Поскольку переговоры по пилотируемым лунным программам непременно станут предвестником качественно новых отношений с Советским Союзом, требующих доказательств доброй воли, первые шаги [в рамках данных переговоров] должны быть нацелены на установление максимального доверия [между сторонами].

Наиболее предпочтительным первым шагом [в данном направлении] станет осязаемый прогресс в реализации обеими сторонами двустороннего (Драйден — Благонравов) космического соглашения, которое на момент написания [данного документа] не выполняется Советами (хотя они и продолжили соответствующие контакты).

Вторым шагом, более непосредственно связанным с действиями США в ООН, станет подробный обмен данными и информацией о *современном* состоянии космических программ двух стран. (Это должно включать в себя сведения, накопленные в ходе предшествующих полетов, подготовки к ним, а также полученные в результате медико-биологических исследований.) Преимущества этого шага в том, что для... его совершения от нас (т. е. от США. — Ю. К.) потребуется незначительное количество новой информации (видимо, потому, что космическая программа США была более открыта, чем советская. — Ю. К.), в то время как от СССР потребуется предоставить значительное количество закрытой до этого информации. Это станет действенной и полезной проверкой советских намерений в самом начале контактов [по вопросам сотрудничества], которая позволит установить первый уровень доверия, ибо все данные, предоставляемые Советским Союзом на данном этапе, будут подвергнуты проверке с использованием независимых источников.

Если данный шаг станет серьезным препятствием на пути дальнейшего прогресса [переговоров по установлению партнерства], то в интересах [тактической] гибкости его нужно включить в состав третьего шага...

Третий шаг будет состоять из взаимного предоставления комплексного описания лунных пилотируемых программ двух стран. Этот шаг опять же не отяготит нас вследствие открытости наших намерений, но от Советского Союза впервые потребуется осветить его концептуальный подход к решению проблемы высадки человека на Луну.

Четвертый шаг будет нацелен на то, чтобы путем более детального описания соответствующих лунных программ изолировать их дублирующие или конфликтующие элементы и таким образом определить возможности для компромиссов, дополнительных мер или совместных действий».

Итак, какие выводы можно сделать на основе анализа этого довольно пространного

документа? Первый и, пожалуй, главный — НАСА, в целом, не отвергает идею сотрудничества с СССР, подходит к данному вопросу весьма основательно и в перспективе готово рассмотреть даже возможность совместной реализации лунной экспедиции. Но при этом очевидно, что доклад агентства означал конец тактики Кеннеди под названием «удивить-победить», когда президент выдвигал ошеломляюще смелые как для советского руководства, так и для своих соратников, инициативы, нацеленные на вовлечение СССР в сотрудничество в космосе с Америкой. Причем делал это, невзирая на прохладную реакцию Кремля на предшествовавшие попытки со своей стороны.

Умеренность энтузиазма НАСА по поводу возможного партнерства с Советским Союзом в космосе, впрочем, вполне объяснима. Корпоративные интересы агентства требовали «гонки» куда в большей степени, чем сотрудничества, ибо под победу над СССР в «лунном соревновании» можно было в тот период времени получить от конгресса значительно больше средств, чем под партнерство с Советским Союзом.

Завершая разговор об этом, пожалуй, самом объемном документе НАСА по вопросам сотрудничества в космосе с СССР, подготовленном в первой половине 1960-х гг., следует остановиться на том, как эта организация представляла себе взаимодействие с другими странами, помимо Советского Союза, в области освоения внеземного пространства. По мнению агентства, подобная совместная деятельность могла бы осуществляться по пяти направлениям:

1. Отслеживание космических объектов и сбор данных.
2. Научные эксперименты.
3. Предоставление контрактов на разработку и изготовление элементов американской космической техники.
4. Общее ознакомление с профессией астронавта.
5. Подготовка астронавтов и их участие в космических полетах.

Правда, что касается последнего, то здесь НАСА насчитало немало факторов как «за», так и «против». В числе первых:

а) «Мало какие еще единичные действия могут столь драматично символизировать истинное стремление президента к сотрудничеству»;

б) Мало что может сравниться с «импульсом, который будет придан этим [видом взаимодействия] отношениям Соединенных Штатов с Латинской Америкой или Азией, если пилоты — представители этих регионов (многие из которых подготовлены здесь) будут отобраны [для обучения специальности астронавтов]»;

в) «Мало что может быть сделано большего в течение последующих нескольких лет, чтобы затмить советские пропагандистские достижения в данной сфере или же эффективнее обезопасить нас против аналогичного советского шага».

Негативных аспектов такого рода партнерства тоже оказалось немало, в том числе:

- а) соперничество среди заинтересованных иностранных государств;
- б) увеличение количества кандидатов на редкие космические полеты;
- в) неприятие иностранцев со стороны американских астронавтов;
- г) вопросы безопасности;
- д) борьба за очередь на полет;
- е) критика со стороны конгресса и феминистских организаций;
- ж) невозможность применить у себя на родине практические навыки, полученные в ходе обучения профессии астронавта в США.

Таким образом, по мнению НАСА, «итоговый анализ соображений как технического, так и политического плана, не позволяет принять идею [подготовки иностранных астронавтов в США] и отдает предпочтение сотрудничеству, описанному в пункте 4 (общее ознакомление с профессией астронавта. — Ю. К.)»[425].

Последствия доклада НАСА

Данный документ сыграл важную роль в формировании американского подхода к сотрудничеству с СССР в космосе (в годы президентства Джонсона). На то имелись две причины. Первая — стремление президента придать «второе дыхание» «избитому и погрязшему в проблемах правительственному космическому агентству»[426]. Одним из способов решить эту задачу было усиление роли НАСА в принятии решений, касающихся космической политики США. Агентство же, как уже отмечалось, не горело желанием образовать с СССР «космический альянс».

Вторая причина — «отношения между Кеннеди и администратором Джеймсом Уэббом не были ни длительными, ни особенно теплыми». Что же касается отношений между Джонсоном и Уэббом, то здесь другая история. Уэбб, чьи политические и деловые корни произрастали из американского юго-запада (т. е. оттуда же, откуда и у Джонсона), был назначен главой НАСА именно по рекомендации преемника Кеннеди. Да и вообще, знакомство этих двух незаурядных личностей состоялось еще во времена президентства Гарри Трумэна (1945-1953), когда Уэбб был сначала директором бюджетного бюро (Director of the Bureau of the Budget), отвечавшим за весь федеральный бюджет, а затем заместителем госсекретаря. Джонсон в то время был сенатором от штата Техас. Одним словом, Джонсон и Уэбб знали, как найти общий язык.

В целом, результатом «политики Джонсона стало возложение на НАСА всей полноты ответственности за осуществление прямого сотрудничества с СССР, предоставление агентству неограниченного права инициировать в рамках широких областей для партнерства, указанных в докладе Уэбба, любые совместные проекты, а также реагировать на соответствующие предложения противоположной стороны. Кроме того, агентству были даны заверения, что в случае значительного успеха или обещаний значительного успеха подобные инициативы будут пользоваться президентской поддержкой, как с момента их выдвижения, так и в процессе реализации»[427].

На практике это означало следующее: отныне НАСА станет «у руля» всей политики США, направленной на сотрудничество в космосе с Советским Союзом, и все контакты между двумя странами по данному вопросу будут осуществляться в рамках канала НАСА — АН СССР.

Прислушался Джонсон и к рекомендации Уэбба не выдвигать новой инициативы на высшем уровне до тех пор, пока Советский Союз не выполнит ранее взятые на себя обязательства по договоренностям, уже достигнутым между НАСА и АН СССР. В ходе предвыборной кампании 1964 г. Джонсон практически не затронул вопросы сотрудничества в космосе. Проигнорировал он их и 4 января 1965 г. во время своего «Обращения о положении страны», а также в инаугурационной речи, произнесенной им по случаю собственного избрания на пост президента уже в результате выборов, состоявшихся в 1964 г.

Впрочем, была у Джонсона мысль, по примеру своего предшественника, не дожидаясь ответа Москвы на американские инициативы, обратиться напрямую к Кремлю с очередным предложением о сотрудничестве в полете на Луну. Пришла она ему в голову, когда он готовился выступить с речью по случаю 20-й годовщины ООН, которая должна была отмечаться в июне 1965 г. Он даже попросил Драйдена, правда в условиях строгой конфиденциальности, сделать набросок соответствующей части своего выступления. Что Драйден и выполнил, причем, видимо следуя установке главы Белого дома соблюдать полную секретность, лично отпечатал свой ответ на машинке[428].

Итак, по мнению заместителя администратора НАСА, Джонсон должен был вновь напомнить всем членам Объединенных Наций о важности освоения и исследования космоса для будущего человечества, а также выразить пожелание, чтобы деятельность эта осуществлялась совместными усилиями всех стран планеты. После этого президенту следовало перейти к конкретным рекомендациям, а именно:

«...неотложно предпринять два действия:

Первое. Учредить в рамках ООН Комиссию по освоению Луны с целью формулирования дополнительных принципов для руководства работами

национальных исследовательских экспедиций на Луне...

Второе. Соединенным Штатам и СССР сформировать совместную американо-советскую Комиссию по освоению Луны для решения следующих задач:

1. Доклада Объединенным Нациям о статусе осуществляемых национальных проектов, как в сфере научного исследования Луны при помощи автоматов, так и в области первых пилотируемых посадок на нее с последующим возвращением.

2. Планирования совместной программы для дальнейшего освоения лунной поверхности в течение следующего десятилетия, включая совместные экспедиции и базы, обмен персоналом, а также участие других стран и представителей ООН.

3. Подготовки черновика двустороннего соглашения по выполнению достигнутых договоренностей. Данный документ должен быть рассмотрен, как США, так и СССР, и стать официальным договором»[429].

Неизвестно, что повлияло на окончательное решение Джонсона, но он отказался от выдвижения подобной инициативы. Выступая на праздновании годовщины ООН в Сан-Франциско 25 июня, он вообще не коснулся темы освоения космического пространства.

НАСА — АН СССР: надежды и разочарования

Неутомимый Драйден попытался вдохнуть «новую жизнь» в отношения между НАСА и советской Академией наук. 26 марта 1964 г. он отправил письмо Благодравову с предложением встретиться в мае того же года в ходе заседания в рамках Научно-технического подкомитета Комитета ООН по космосу. Заместитель главы агентства отметил в своем послании, что США были бы заинтересованы в более быстром наполнении советско-американского сотрудничества в космосе реальным содержанием. Особое внимание Драйден уделил возможности координированных запусков экспериментальных метеорологических спутников, а также окончательному согласованию технических деталей для обмена метеорологическими данными, полученными при помощи спутников[430].

Оценив результаты встречи в Женеве, американская сторона буквально «воспряла духом». И не без основания. Во-первых, за несколько месяцев до этого взаимодействие в космосе между двумя странами наконец-то принесло первые реальные плоды. Напомню, что согласно «Двустороннему соглашению о сотрудничестве в космосе от 8 июня 1962 г.» и последовавшему за ним «Первому меморандуму о взаимопонимании от 20 марта и 24 мая 1963 г.» СССР и США должны были проводить совместные наблюдения и эксперименты с использованием американского метеорологического и связного спутника «Эхо II». Советская сторона отказалась поделиться с американской результатами радиолокационных наблюдений за процессом надувки спутника (представлявшего из себя, по сути, огромный воздушный шар), а также согласилась только получать, но не посылать радиосигналы, связанные с проведением экспериментов и испытаний. Мало кто из американских специалистов, столкнувшись с подобной неуступчивостью, верил, что из совместной работы в рамках «Эхо II» может что-нибудь получиться. Однако после того, как спутник отправился на орбиту 25 января 1964 г., они были приятно удивлены. Советские ученые не только провели оптические наблюдения процесса надувки спутника и передали полученные данные коллегам из США, но также предоставили в их распоряжение записи радиосигналов, полученные из обсерватории «Джодрел Бэнк» через «Эхо II». Несмотря на то, что связь, как отметил Драйден после завершения эксперимента, «осуществлялась только в одном направлении вместо двух и на менее интересных частотах, чем мы бы хотели, а ее прием был ограничен техническими возможностями наземных принимающих станций», «это было полезное упражнение по организации совместной работы с Советским Союзом»[431].

Как видно, встреча в Женеве проходила на весьма обнадеживающем фоне, но и результаты также давали повод для оптимизма. Советские специалисты дали понять, что запустят свой первый метеорологический спутник до конца 1964 г. и вообще проявили

значительную заинтересованность в установлении так называемой холодной линии между Москвой и Вашингтоном. Эта линия представляла из себя канал связи передачи данных о погоде. Представители СССР и США договорились также о стоимости этого канала и о его управлении. Кроме того, советские эксперты намекнули на возможность по-новому взглянуть на проблемы, которые мешали выполнению советско-американских договоренностей о сотрудничестве в области геомагнитных исследований[432].

Однако наибольшим подарком американской стороне со стороны советской была инициатива последней включить в сферу двустороннего сотрудничества космические биологию и медицину. По мнению Драйдена, такого рода взаимодействие способствовало бы «достижению цели, поставленной президентом», а именно — двигаться к партнерству в области космических полетов[433]. Все договоренности, достигнутые в ходе женевской встречи, были отражены во «Втором меморандуме о взаимопонимании» от 5 ноября 1964 г., который был представлен на рассмотрение правительств двух стран.

Возвращаясь к новому предложению от советской делегации в столице Швейцарии, нельзя исключить, что оно было каким-то образом связано с образованием в 1963 г. в Москве Института медико-биологических проблем (ИМБП) — ведущего научно-исследовательского учреждения Советского Союза в данной сфере биологии и медицины. Создание подобной организации, безусловно, придало импульс развитию науки о воздействии факторов космического полета на живые организмы, что, в свою очередь, не могло не повысить интерес советских специалистов в этой области естествознания к сотрудничеству с американскими коллегами.

Подобная инициатива быстро привела к заключению предварительного соглашения о совместной подготовке публикации, освещающей эксперименты и накопленный опыт в рамках тем, которые еще предстояло установить. Однако разница в понимании исследователями СССР и США того, как этот проект должен быть осуществлен, не позволила ему увидеть свет. Заокеанские эксперты предложили, чтобы каждая тема освещалась одновременно советским и американским авторами. Они написали бы статьи, которые затем были бы напечатаны в сборнике «бок о бок». Далее сборник предполагалось опубликовать как на русском, так и на английском языках[434]. Это, по мнению американских исследователей, позволило бы провести сравнительный анализ работ каждой стороны в соответствующей сфере и таким образом взаимообогатить специалистов Советского Союза и Соединенных Штатов высшими достижениями друг друга. Драйден быстро проинформировал Благонравова, что с учетом очень незначительной редакторской правки «Второй меморандум» вполне удовлетворял США[435].

Ученые из СССР предложили иной подход, довольно сильно отличающийся от американского. По мнению Благонравова, освещение одной и той же темы как советскими, так и американскими исследователями привело бы к ненужному дублированию усилий. Он полагал, что специальная редколлегия, состоящая, из представителей Советского Союза и США, должна выбрать «наиболее выдающихся» исследователей в данной конкретной области космической биологии и медицины, либо из числа американских, либо советских экспертов, и поручить им написание соответствующих разделов. Интересно, что, по мнению Анатолия Аркадьевича, в исключительных случаях подготовка какого-либо раздела могла быть поручена представителю третьей страны. Но в любом случае, полагал Благонрадов, каждая из основных статей должна сопровождаться небольшими комментариями представителей третьих стран, в которых они высказывали бы как собственные взгляды по освещенной проблеме, так и критиковали бы главных авторов сборника[436].

Подобное видение совместной работы не нашло понимания у американцев. Они полагали, что построенное таким образом сотрудничество не даст истинной картины достижений в той или иной сфере медико-биологических исследований, ибо «каждый из авторов [освещающих данную сферу] будет в основном не осведомлен о работах [проводящихся в данной сфере] за пределами своей страны». Драйден предложил Благонравову обсудить этот вопрос в ходе заседания Комитета ООН по космосу в Нью-

Йорке в октябре 1964 г.[437] Анатолий Аркадьевич в принципе согласился, но при этом четко дал понять, что никаких изменений в позиции советской стороны в этом вопросе ждать не приходится[438]. Встреча в Нью-Йорке, как и следовало ожидать, не смогла разрешить возникшие противоречия, и в результате «Второй меморандум о взаимопонимании» был ратифицирован 5 ноября 1964 г. без упоминания о каком-либо взаимодействии в области космических биологии и медицины.

Впрочем, вопрос этот не заглох окончательно. 8 октября 1965 г. было достигнуто соглашение об учреждении совместной редколлегии, правда для того лишь, чтобы выработать базовые принципы для публикации сборника[439].

Что же касается «Второго меморандума», то его осуществление «забуксовало» так же, как и реализация предшествующих подобных договоренностей между двумя странами. Да и без медико-биологического компонента меморандум этот представлял собой, по большому счету, не более чем подтверждение благих намерений, отраженных в предыдущих соглашениях. Ни в рамках «Эхо II», ни «холодной линии», ни в области геомагнитных исследований, какого-либо прогресса в направлении объединения и координации совместных усилий достигнуто не было. Не проявила советская сторона интереса и к расширению сотрудничества на прочие сферы космической деятельности. А предложение американцев обменяться визитами специалистов на НИПы, отслеживающие полеты аппаратов к другим планетам Солнечной системы, равно как и предоставить друг другу на взаимной основе научные данные, полученные с автоматов СССР и США, отправленных к тому времени к Марсу, было встречено молчанием их коллег из Советского Союза[440].

Интересно, что Уэбб, видимо от «безысходности», рекомендовал даже Джонсону отступить от рекомендованной самим Уэббом политики в отношении СССР, а именно — не вмешиваться в «космические отношения» между двумя странами, предоставив их выстраивание НАСА и АН СССР. Глава агентства попросил президента в декабре 1964 г. обдумать вариант «о доведении через соответствующие каналы до высшего советского руководства нашего неудовлетворения медленным и ограниченным прогрессом [в области развития сотрудничества в космосе] к настоящему времени»[441]. Подводя итог почти трехлетнего советско-американского взаимодействия (а точнее — его попыток) в космосе, Драйден отметил:

«К сожалению, наши отношения с Советским Союзом не укладываются в привычную схему. Они скованы отсутствием стремления Советов вести содержательные переговоры по будущим направлениям космической деятельности, а также их нежеланием согласиться [о совместной работе] по конкретным проектам. Опыт учит нас, что Советы предпочитают дискуссии и соглашения общего характера, которые, с одной стороны, не накладывают на них обязательств вдаваться в детали, а с другой — позволяют получать дивиденды за международное сотрудничество, при этом не наполненное реальным содержанием»[442].

Примерно в таких же тонах обрисовал состояние советско-американских космических отношений и глава НАСА Уэбб в ходе слушаний в палате депутатов 6 апреля 1965 г.:

«Очевидным фактом является то, что Советы всегда предпочитали соперничать, а не сотрудничать в данной области. Мы стремились к сотрудничеству, а они — нет.

...Они ответили на некоторые наши инициативы в тех сферах, где сотрудничество носило бы взаимовыгодный характер. Однако, что касается более широкого фронта для взаимодействия в данной области, то в ней, как и во многих других, они выступали в качестве конкурентов, ищущих средства получить над нами власть, а также способствовать реализации своего стремления к мировому господству. Они отнюдь не намеревались объединить с нами усилия в совместном освоении этой новой среды...»

Далее Уэбб упомянул о «холодной линии», в частности о том, что Советскому Союзу еще предстояло выполнить свою часть соглашения, состоявшую в запуске метеоспутника и предоставлении США снимков, полученных с его помощью[443].

Обратим внимание на один интересный момент: Уэбб как бы делает противопоставление — советская сторона положительно восприняла те американские инициативы, в которых речь шла о *взаимовыгодном сотрудничестве*, но не согласна пойти на «более широкий фронт для взаимодействия». Что это — оговорка или невольное признание того, что данный фронт уже не предполагал равного получения выгод от совместной работы?

Несмотря на разочарование в Соединенных Штатах по поводу более чем прохладной реакции Советского Союза на предложения о сотрудничестве в космосе, в Вашингтоне решили не отступать. В письме к Благоднарову от 5 марта 1965 г. Драйден выразил удовлетворение по поводу открытия «холодной линии» и выразил надежду, что ему и его советскому коллеге «удастся ускорить процесс развития и расширения» двустороннего партнерства[444]. Так, американская сторона, в частности, предложила сотрудничество в области борьбы с загрязнением окружающей среды, использование советского спутника «Молния-1» для проведения совместных экспериментов, а также отправку исследовательских аппаратов к Марсу и другим планетам Солнечной системы. Однако из Москвы не последовало никакой реакции на эти инициативы. Более того, Благоднаров дал понять, что Советский Союз вообще намерен свести к минимуму контакты с США в области исследования и освоения космического пространства[445].

Политические перемены на Земле и в космосе

Что же произошло? Да, в общем, ничего необычного. Просто космическая политика в очередной раз стала заложницей земной — внутренней и внешней. Остановимся на первой.

В октябре 1964 г. Никита Сергеевич Хрущев, великий энтузиаст космонавтики и «космической гонки» с США, человек, сделавший освоение внеземного пространства одной из приоритетных государственных задач СССР — был отправлен в отставку. Новое руководство страны, возглавляемое Л. И. Брежневым, имело отличные от предшествующего правительства взгляды на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. По словам Георгия Аркадьевича Арбатова, в 1960-х годах главы консультантской группы в ЦК, а затем директора созданного по его инициативе и при поддержке Брежнева Института США и Канады (ИСКАН),

«...вскоре стало очевидно, что как противники Брежнева, так и некоторые из его ближайших сторонников, толкают страну «вправо»... Многие хотели, чтобы он превратился в лидера «правого» толка, что означало реабилитацию Сталина и сталинизма, а также возвращение к старым догмам во внутренней и внешней политике»[446].

В ходе первой значительной дискуссии по вопросам внешней политики, состоявшейся в Президиуме ЦК КПСС (напомню, что в 1952-1966 гг. так называлось Политбюро ЦК), группа прогрессивно мыслящих консультантов и некоторых высокопоставленных руководителей выдвинула ряд предложений и инициатив, направленных на улучшение отношений с США и западноевропейскими странами. Однако представители «правого» крыла партии подвергли их позицию яростной критике за недостаточно четкие «классовую позицию», «классовую сознательность», а также за излишнюю «мягкость» по отношению к «империализму». В результате дискуссии идея нового подхода к отношениям с Западом была отвергнута[447].

Что же касается линии, восторжествовавшей в «западном» направлении внешней политики СССР по крайней мере до конца 1960-х гг., ее характер был весьма образно

продемонстрирован в ходе одного из традиционных приемов в честь Октябрьской революции, состоявшегося через месяц после того, как брежневское руководство обосновалось в Кремле[448]. «Родион Малиновский[449] выпил лишнего и предложил вызывающий антиамериканский тост, оскорбивший американского посла Фоя Колера»[450].

Присутствовавший на приеме Юрий Владимирович Андропов, в то время «всего лишь» секретарь ЦК КПСС, а в будущем — председатель КГБ и Генеральный секретарь ЦК КПСС, расценил подобный поступок, как явный демарш новой власти в сторону США, призванный дать понять — «дружбы не будет»[451]. Понятно, что в подобном контексте двусторонних отношений вряд ли нашлось бы место даже для ограниченного сотрудничества в космосе.

Поворот советского руководства «вправо» оказал воздействие и на политику внутри АН СССР. Президент академии Келдыш, игравший одну из ключевых ролей в формировании советско-американского «космического альянса», присоединился к походу против инакомыслящих. Последние, или, как их называли — диссиденты, выступали против политического тоталитаризма внутри страны и, в частности, против железного занавеса, опущенного Кремлем между «социалистическим лагерем» и западными странами. Понятно, что подобная позиция одного из руководителей советской космической отрасли не могла способствовать сближению СССР и США в области исследования и освоения космоса.

Наконец, новые лидеры Советского Союза взяли четкий курс на укрепление «братского союза» с «естественными союзниками» и «классовыми братьями» Страны Советов. Таковыми в тот период времени были развивающиеся неприсоединившиеся ни к «Востоку», ни к «Западу» государства «третьего мира». Понятно, что в условиях раскола мира на две системы сближение с одной неизбежно приводило к охлаждению отношений с другой[452].

В начале 1960-х гг. стремление СССР упрочить позиции в «третьем мире» приобрело особо выраженный характер. Связано это было, в том числе, и с тем, что подобную цель также ставил перед собой Китай. Десталинизация, проведенная Хрущевым, была воспринята руководством «Поднебесной», как ревизия основных постулатов марксизма-ленинизма. Впрочем, дело здесь было не только и не столько в борьбе за чистоту идей классиков, сколько в личных амбициях китайского руководства. «Великий кормчий» Мао Цзэдун[453], установивший в Китае культ собственной личности, во многом копирующий сталинский, не мог принять даже посмертное свержение с пьедестала своего кремлевского «друга и учителя».

Между двумя партиями разгорелся ожесточенный спор, перешедший в почти неприкрытую вражду между Москвой и Пекином. Исход дискуссии во многом зависел от того, который из спорщиков сможет привлечь на свою сторону большее количество неприсоединившихся (а во многом и не определившихся) стран.

Одним из подобных рингов советско-китайского поединка стал Вьетнам. Брежневское руководство в большей степени и в более резкой форме, чем хрущевское, осудило вооруженное вмешательство США во Вьетнаме, особенно после того, как американцы начали бомбежки Северного Вьетнама в феврале 1965 г. Кстати, это случилось почти сразу после того, как эту страну покинул Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, находившийся там с официальным визитом. Естественно, подобное «совпадение» привело к еще большему обострению отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами[454].

Усиление роли ВПК

Еще один фактор, который отнюдь не способствовал советско-американскому сближению в космосе по крайней мере первые пять лет брежневского правления, — усилившееся влияние ВПК на политику СССР. Как отметил американский историк и политолог Роберт Такер, «Брежнев стремился обеспечить лучшие условия жизни населения при сохранении существовавшего уровня военных расходов и не внося при этом никаких фундаментальных изменений в советскую систему»[455].

Одним из примеров создания в угоду ВПК «пушек» вместо столь необходимого народу «масла» стало принятие на вооружение в середине 1970-х гг. двух МБР — РС-20А (SS-18) и РС-18 (SS-19). Обе машины стали ответом на аналогичные системы с разделяющимися боеголовками, созданными в США. РС-20А была ракетой ровно в два раза более мощной, чем РС-18 [стартовая масса первой — 210 тонн против 105,6 у второй]. Соответственно первая несла значительно больше головок, чем вторая, а следовательно — вполне успешно могла решить задачу сохранения военно-стратегического паритета с США. Хозяйственная логика подсказывала, что вполне можно было обойтись ракетами одного типа — РС-20А и, скорее всего, во времена Хрущева так и было бы сделано. Но времена Никиты Сергеевича прошли, а о том, как решило проблему выбора нового типа МБР брежневское руководство, рассказывает Сергей Хрущев:

«Объявили конкурс. Главными претендентами снова выступили Янгель и Челомей. Обе новые ракеты удались. Янгель и Челомей постарались на славу. Гречко, ставший к тому моменту министром обороны, никак не мог выбрать. Да и за спиной каждого из претендентов снова маячили «покровители» [456].

Он пошел советоваться к Брежневу. Тот принял соломоново решение: на вооружение приняли обе ракеты.

Правда, пришлось заплатить в два раза дороже: все пришлось делать в двух вариантах, не только системы, но и старты-шахты, обслуживающие системы, запасные части.

Когда я об этом рассказал отцу, он только крикнул и попросил переменить тему — о таком безобразии он просто не хотел слушать»[457].

Взросшее влияние ВПК на внутреннюю и внешнюю политику СССР имело двоякое негативное воздействие на советско-американское сотрудничество в космосе. С одной стороны, ВПК нуждался во внешнем враге для оправдания гигантских военных расходов. Поиск подобного врага (читай — США) неизбежно привел к общему охлаждению отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, а подобные «заморозки», как мы уже могли убедиться, смертельны для столь нежного «растения», как сотрудничество в космосе.

С другой стороны, расширившаяся и активизировавшаяся деятельность ВПК в области создания новых типов ракет и космических аппаратов неизбежно усиливала режим секретности, традиционно окутывавший данную сферу советской науки и техники. Секретность же явно не могла способствовать сотрудничеству между потенциальными противниками в сфере технологий двойного использования.

У этой секретности в брежневский период была, впрочем, и еще одна «мать». Речь идет о политике, позже выраженной жителями СССР в иронично-патриотичной формуле: «советское — значит отличное». Цель данной политики состояла в том, чтобы убедить советских людей, а вместе с ними и весь остальной мир, в социально-экономическом, культурном и технологическом превосходстве первой в мире социалистической державы. Космические достижения были призваны стать одним из наиболее весомых доказательств справедливости вышеупомянутой формулы.

Но при этом руководители СССР уже в 1962 г. осознали, что Советский Союз проигрывал «космическую гонку» Соединенным Штатам[458]. Впоследствии это признал и сам Хрущев на свадьбе двух космонавтов — Адриана Николаева и Валентины Терешковой в ноябре 1963 г.[459] Сотрудничество с американцами могло продемонстрировать миру факт, что космические достижения СССР не такие уж непревзойденные, как пыталась представить официальная советская пропаганда, и что США фактически захватили лидерство в космосе.

Новые руководители страны и космос

Не будет преувеличением подчеркнуть, что отношение брежневской команды к

взаимодействию с американцами в космосе во многом отражало ее общий подход к космонавтике. Если космическая программа была для Хрущева во многом тем же, что авиация — для Сталина, то есть символом укрепления технологического, экономического и оборонного могущества страны под его мудрым руководством, своего рода «любимое дитя» хозяина Кремля, то отношение Брежнева к космосу было в лучшем случае спокойно-нейтральное. Отчасти это объяснялось и личными причинами — ни Брежнев, ни Косыгин[460], ни Подгорный[461] не могли провозгласить себя творцами советских космических побед 1950-1960-х гг., хотя Брежнев, в бытность секретарем ЦК КПСС, курировал космическую отрасль СССР[462].

Не следует забывать и о том, что новые лидеры, в отличие от своего «взрывного» предшественника, предпочитали более плавный, эволюционный подход к развитию экономики, науки и техники Советского Союза. «Спринтерские рывки» в глобальном соревновании с США, в том числе и в космосе, были не в их стиле.

В итоге, как отметил Сергей Хрущев, «восторженность отца сменилась бюрократической строгостью его преемников». В качестве весьма показательной иллюстрации к своим словам сын Никиты Сергеевича привел следующий пример:

«Ракета [МБР] преодолела дистанцию успешно, попала, как говорится, точно в «кол». В таких случаях раньше всегда следовал звонок по ВЧ в Москву, победная реляция отцу и порция поздравлений от него.

...Владимир Николаевич [Челомей] Брежневу звонить не решился. Они были приятелями с Устиновым, и Челомей опасался «дурного влияния» (у Челомея не сложились отношения с Устиновым. — Ю. К.). Он решил доложить Косыгину. Челомей рассуждал просто: Председателю Совета Министров в первую голову интересно знать, как обстоят дела с обороноспособностью страны. Владимир Николаевич в душе лелеял надежду, если, конечно, разговор сложится, попросить премьера заступиться за «двухсотку».

УР-200, или на профессиональном жаргоне ракетчиков — «двухсотка», предназначалась для доставки к наземным целям ядерных зарядов большой мощности и выведения на орбиту различных средств противоракетной обороны. Базирование ракеты предполагалось как на открытых высокоавтоматизированных стартах, так и в шахтных пусковых установках (ШПУ).

4 ноября 1963 года с полигона Байконур был произведен первый пуск ракеты УР-200 с открытого старта. В период 1963-1964 годов было проведено девять пусков ракеты, подтвердивших заданные характеристики.

Дальнейшие работы над ракетой УР-200 были прекращены в связи с решением срочной задачи создания ракетных комплексов нового поколения в противовес американским МБР «Минитмен». В основу создаваемых ракет был положен принцип рассредоточения защищенных пусковых установок на местности в удалении друг от друга, что исключало поражение нескольких ПУ одним ядерным зарядом.

Соединили быстро, секретарь только осведомился: кто спрашивает? В ответ на приветствие Косыгин сухо осведомился: «В чем дело?» Владимир Николаевич стал докладывать: «Произведен пуск баллистической ракеты УР-200, отклонения от точки прицеливания минимальные». Он назвал цифры, которые я, конечно, не помню, они сохранились только в служебном формуляре машины, хранящемся вечно.

Косыгин слушал, не перебивая, но и никак не реагируя: ни вопроса, ни поздравлений.

Наконец Челомей замолк. Повисла пауза. Убедившись, что продолжения не будет, Косыгин переспросил:

– Чего же вы хотите? Владимир Николаевич растерялся.

– Докладать хотел, — начал он неуверенно. Продолжить ему не удалось.

- У вас что, министра нет? — добил его Косыгин.
- Есть... Дементьев, — совсем смутившись, ответил Челомей.
- В следующий раз звоните ему и докладывайте. Это его, а не моя обязанность заниматься ракетными запусками. Если возникнет необходимость, он меня проинформирует. Всего хорошего. — Косыгин положил трубку».

Подобный разговор был для Челомея, привыкшего к «отеческой заботе» о своей деятельности, проявляемой Кремлем, подобен шоку. Впоследствии он, правда, установил контакт с Брежневым и даже заручился поддержкой Гречко, но о «двухсотке» больше не заикался[463].

Фактическое окончание сотрудничества

События, произошедшие в области внутренней политики СССР, а также на международной арене, в первую очередь смена хрущевского руководства на брежневское, а также усилившаяся агрессивная экспансия США во Вьетнаме фактически подписали «смертный приговор» советско-американскому космическому сотрудничеству второй половины 1960-х гг. Впрочем, Соединенные Штаты предприняли несколько попыток реанимировать, пусть и ограниченное, взаимодействие двух стран за пределами атмосферы. Увы, их результаты были более чем скромны.

Так, Благодоров согласился встретиться с Драйденом в ходе работы сессии КОСПАРа в г. Мар-дель-Плата (Аргентина) в мае 1965 г., но лишь при том условии, если их переговоры будут носить неформальный и неконкретный характер. Он объяснил это тем, что не смог привезти в Аргентину экспертов для проведения двусторонних переговоров, а сам не имел полномочий для такого рода действий[464].

Благодоров объяснил отсутствие прогресса в установлении обмена метеорологическими данными, полученными при помощи спутников, тем фактом, что «качество советских спутниковых снимков не могло сравниться с качеством американских спутниковых снимков и к тому же они не соответствовали условиям, оговоренным в соглашении». Он намекнул на то, что метеорологическая служба СССР не подчиняется Академии наук. Впрочем, при этом Благодоров выразил уверенность, что необходимые снимки из космоса будут в СССР уже к концу 1965 г.

Драйден дал понять Анатолию Аркадьевичу, что «по его мнению, научное сообщество США не станет поднимать вопрос паритета», и попросил советского коллегу «четко довести до сведения [тех, от кого зависело решение данной проблемы], что мы не сможем бесконечно поддерживать [«холодную»] линию, если метеорологические данные, полученные со спутников, не будут в скором времени доступны».

По словам Драйдена, Благодоров «очень сожалел о том, что не смог обеспечить достаточного количества компетентных советских ученых в Аргентине» и что «рассчитывал на продолжение формальных переговоров в сентябре в Нью-Йорке». Драйден поинтересовался, «не оказала ли политическая ситуация воздействия на [их с Благодоровым] двусторонние отношения и не она ли причина, по которой в этот раз не проведено официальных переговоров». Анатолий Аркадьевич отверг данное предположение. Что же касается объяснения причин отсутствия на сессии КОСПАР значительного числа советских космических специалистов, то они, по словам Благодорова, просто не успели к ней подготовиться[465].

Последующая политика США в отношении космического взаимодействия с СССР не может не вызывать удивления. Казалось бы, советская сторона, пусть и в завуалированной форме, но четко дала понять — интереса в сотрудничестве с Америкой нет или, во всяком случае, не может быть, пока не будут решены более широкие вопросы безопасности. Об этом прямо сказала на пресс-конференции, организованной сразу после завершения сессии КОСПАР, заместитель председателя отделения космонавтики АН СССР Алла Масевич. Вот как она ответила на вопрос американского корреспондента, почему Советский Союз не

планирует осваивать космос совместно с другими государствами:

«...вообще-то, мы работаем в тесном сотрудничестве со многими странами, и было бы желательно расширить взаимодействие в данной сфере, однако, факторы военного характера не позволяют сделать это. **Чтобы такое стало возможно, необходимо, в первую очередь, достичь истинного разоружения**»[466].

Однако, несмотря на кажущуюся тупиковость ситуации, США по-прежнему продолжают бесплодные попытки образовать хоть какое-нибудь действенное партнерство с Советским Союзом в космосе. Так, в сентябре 1965 г. глава НАСА Уэбб по личному поручению президента Джонсона направил приглашение для какого-либо крупного советского ученого присутствовать на запуске очередного корабля по программе «Джемини» (речь шла о «Джемини-VI»)[467]. Приглашение не было принято Кремлем, хотя Келдыш подтвердил, что советские ученые по-прежнему «положительно относятся» к сотрудничеству с США в области космоса. По мнению газеты «Балтимор Сан» (и, надо сказать, небезосновательному), СССР отверг приглашение «не только из-за прохладных отношений между Москвой и Вашингтоном вследствие вьетнамской войны, но и из-за предположения Советского Союза, что в случае принятия приглашения, ему придется ответить взаимностью, пригласив американского ученого на один из сверхсекретных запусков»[468].

Предположение американской газеты было спустя месяц с лишним подтверждено Н. П. Каманиным. До тех пор, пока космические аппараты выводятся в космос ракетами, используемыми, в том числе, и в военных целях, СССР не сможет отплатить взаимностью американцам и показать им свои носители, отметил генерал-лейтенант. Тем более если принять во внимание, специально подчеркнул помощник главкома ВВС по космосу, что «наши ракеты были, есть и, мы уверены, будут самыми мощными в мире, с наибольшей дальностью полета и способностью нести полезную нагрузку»[469].

Пожалуй, единственный проблеск случился лишь в октябре 1965 г. Во время работы очередной сессии Комитета ООН по космосу советские специалисты встретились с американскими с тем, чтобы совместно разработать план нового проекта в этой области.

6 января 1966 г. Уэбб, ставший после смерти Драйдена представителем американской стороны в отношениях между НАСА и АН СССР, направил письмо Благонравову с просьбой предоставить агентству описание экспериментов, проведенных при помощи советских КА типа «Венера»[470]. Цель подобного обращения состояла в том, чтобы избежать ненужного дублирования исследований, которые планировалось осуществить при помощи аналогичной американской техники. В ответе Анатолий Аркадьевич дал понять, что не располагает полномочиями для предоставления такого рода информации[471]. В марте и мае того же года Уэбб отправил Благонравову очередное письмо с предложением советской стороне самой определить области космической деятельности, в рамках которых можно было бы расширить сотрудничество между двумя странами[472]. Благонравов ответил, что Советский Союз еще не готов к дальнейшему сотрудничеству[473].

Тут, наверное, можно было бы поставить точку в рассказе о попытках (в основном неудачных) образовать советско-американский космический «альянс» во второй половине 1960-х гг., если бы не три обстоятельства. Первое: в 1966-1967 гг. СССР неожиданно предоставил США метеорологическую информацию в рамках так называемой «холодной линии». Второе: 27 января 1967 г. США, СССР и Великобритания подписали «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела».

Наконец, третье — трагедии, потрясшие сначала американскую, а затем — советскую космические программы. Первая произошла 27 января 1967 г. на стартовой площадке, во время одного из занятий в рамках подготовки к первому полету по программе «Аполлон». Экипаж корабля «Аполлон-1» (по другому «насовскому» обозначению «Аполлон-204») в составе Гаса Гриссома, Эда Уайта и Роджера Чаффи погиб в результате случайного возгорания, случившегося в кабине их корабля[474].

Вторая — 24 апреля того же года, когда советский космонавт Владимир Комаров погиб при приземлении из-за отказа парашютной системы, после завершения первого испытательного полета по программе «Союз».

К сожалению, нет сведений о том, насколько подвигли трагедии руководителей советского государства и, в частности, космической программы СССР, к мысли о том, что, объединив усилия с другой космической державой — США, подобные инциденты можно было бы предотвращать в будущем. Но у руководства НАСА подобные мысли возникли. Свидетельство тому — слова Уэбба, которые он произнес на пресс-конференции через три дня после пожара на «Аполлоне-1»:

«Мы в Национальном управлении по авиации и исследованию космического пространства стремимся сделать каждое реальное усилие [чтобы обеспечить безопасность астронавтов]. Могли бы жизни, которые уже нельзя вернуть, быть спасены, если бы мы знали надежды, устремления и планы друг друга? Или могло бы их спасти полноценное [советско-американское] сотрудничество, будь оно в наличии на тот момент?»

...Я очень надеюсь, что драматические события, случившиеся в 1967 г., наполнят реальным содержанием многочисленные заявления руководителей обеих стран о необходимости установления взаимодействия [в космосе] между двумя государствами»[475].

Увы, предположение Уэбба о том, что знание «надежд, устремлений и планов друг друга» могло бы спасти жизни американских астронавтов, не лишено оснований. 23 марта 1961 г. первый отряд космонавтов, или как его еще называли — «гагаринский» (все его члены были набраны туда вместе с Гагариным) понес первую утрату. В ходе проведения сурдобарокамерных испытаний погиб старший лейтенант Валентин Бондаренко. Сурдобарокамера — это изолированное от окружающей среды, замкнутое и герметичное пространство, где созданы условия абсолютной тишины, а внутренняя атмосфера отличается от обычной земной. До начала космических полетов считалось, что в корабле на орбите космонавта будет окружать абсолютное беззвучие, а потому требовалось проверить, как он будет реагировать на окружающую его невольную немому.

Но вернемся к Бондаренко. Он погиб из-за нелепой случайности. В тот день Валентин работал при пониженном давлении, а это компенсировалось избытком кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Бондаренко протер места их установки на теле ваткой и не глядя, бросил ее в сторону. Она упала на спираль включенной электроплитки, которая использовалась для подогрева пищи. В перенасыщенной кислородом атмосфере мгновенно возникло пламя, охватившее практически все пространство камеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не сразу подал сигнал тревоги, пытаясь самостоятельно ликвидировать пламя. Дежурный врач сразу открыл герметичную дверь, не выровняв давления снаружи и внутри, не мог. На это требовались лишние секунды, которые, в конечном итоге, и решили судьбу Бондаренко. Когда его вытащили, он был еще в сознании, повторяя: «Я сам виноват, никого не вините...» Врачи сделали все, что могли, но через восемь часов Валентин умер от ожогового шока[476].

Разумеется, информация о гибели Бондаренко была скрыта властями. О трагедии широкая публика узнала только в 1986 г., когда об этом на страницах газеты «Известия», получив поддержку на уровне членов Политбюро и преодолев сопротивление всевозможных цензур, рассказал Ярослав Голованов. Но если бы о том, что произошло с одним из членов гагаринского отряда, а главное — о причинах произошедшего, стало известно тогда же, как знать — не спасло бы это жизни Гриссому, Уайту и Чаффи? Ведь пожар на «Аполлоне-1» случился почти при тех же обстоятельствах, что и в сурдобарокамере — в замкнутой среде, в атмосфере, насыщенной кислородом. Быть может, зная о трагедии Бондаренко, американские специалисты предприняли бы особые меры безопасности для астронавтов, находящихся в аналогичных условиях, и экипаж первого «Аполлона» остался бы жив?

Но история, как известно, не признает сослагательного наклонения, а тогда, в 1967 г., окрыленный надеждами на то, что пережитые потери «просветляют» советское руководство, Уэбб предложил Благодорову встретиться в ходе работы очередной сессии КОСПАР в Лондоне в июле того же года. Цель встречи, по замыслу главы НАСА, состояла в том, чтобы вместе оценить прогресс в развитии двустороннего партнерства «так, как это предусматривалось каждые шесть месяцев в рамках двустороннего соглашения о космическом сотрудничестве»[477]. Благодоров отказался от встречи на том основании, что ему не удастся собрать необходимое количество советских экспертов для участия в подобных беседах[478].

Американская сторона восприняла ответ Благодорова как окончательное свидетельство того, что отношения между НАСА и АН СССР практически сошли на «нет». Никаких совместных мероприятий, так или иначе связанных с двусторонним космическим соглашением, заключенным в июне 1962 г., больше не проводилось.

Правда, США сделали еще несколько попыток установить с Советским Союзом в космосе пусть хоть и ограниченное взаимодействие. Артур Голдберг, сменивший Стивенсона на посту постоянного представителя США при ООН, предложил СССР отслеживать с территории Соединенных Штатов полеты советских спутников и кораблей[479]. Предложение осталось без ответа. Фредерик Сейц, президент Национальной академии наук США, предложил Келдышу в ходе своего визита в Москву в марте 1967 г. обменяться данными экспериментов, проводимых на лунной поверхности как Советским Союзом, так и Соединенными Штатами. Ответ Келдыша, последовавший через четыре месяца, содержал сведения, которые АН СССР и без того регулярно предоставляла международному научному сообществу[480]. Проигнорировала советская сторона и прочие предложения Сейца, касающиеся сотрудничества в области прогнозов погоды, фундаментальных космических исследований, орбитальных телескопов, а также исследований Луны и других планет Солнечной системы.

Сейц решил не сдаваться. 18 октября 1967 г. он отправил Келдышу поздравительную телеграмму по случаю запуска очередной «Венеры», в которой также особо акцентировал необходимость обмена данными, полученными в результате планетных исследований. Президент АН СССР поблагодарил за поздравление, но не ответил на предложение о сотрудничестве. Несколько позже Сейц предложил созвать специальную «рабочую встречу» между советскими специалистами, участвовавшими в подготовке и проведении экспериментов с помощью космического аппарата «Венера-4», и их американскими коллегами, проводившими аналогичные работы с «Маринер-5»[481].

Цель встречи — сравнить результаты, полученные исследователями двух стран. В ответе Келдыша, данном в январе 1968 г., содержался вроде намек на то, что неплохо было бы такое мероприятие провести. Но после этого президент Академии наук к данному вопросу больше не возвращался[482].

Кульминацией усилий американской стороны по вовлечению СССР в двустороннее сотрудничество в космосе стало выступление президента Джонсона 10 октября 1967 г. по случаю вступления в силу Договора по космосу. Как уже отмечалось, это была последняя попытка главы государства убедить советское руководство в необходимости объединить усилия двух стран в космосе. Правда, сделано это было не в форме прямого приглашения. Вот что сказал президент:

«Первое десятилетие космической эры было свидетелем своего рода соревнования. Мы стремились обогнать друг друга в космосе. Нам многое удалось осуществить, но в то же время мы зря потратили много энергии и средств, дублируя или копируя усилия друг друга.

Следующее десятилетие должно быть все сильнее отмечено печатью партнерства, причем не только между Советским Союзом и Америкой, но между всеми нациями под солнцем и звездами...

...По этой причине я хочу сегодня вновь повторить предложение Америки о

полноразмерном сотрудничестве с любой нацией, которая пожелает объединить усилия в рамках величайшей и наивысшей исследовательской программы человечества. Космос — это горизонт, принадлежащий людям всей Земли, а потому должен в согласии изучаться и осваиваться ими»[483].

Но и этот слегка завуалированный призыв главы Белого дома к советско-американскому сотрудничеству в космосе остался без ответа. Советская сторона не прореагировала на попытку Джонсона использовать заключение Договора по космосу для того, чтобы вновь вернуться к теме о возможном объединении усилий в космосе двух стран. Позиция Москвы оставалась неизменной, мол, сначала решим политические проблемы на Земле, а уж потом будем говорить о совместном освоении заатмосферного пространства. Это и прозвучало в ответе, который посол в США Анатолий Добрынин дал президенту: «Мы надеемся, что [договор] поможет урегулировать важнейшие международные проблемы, с которыми человечеству еще приходится иметь дело на этой планете»[484]. Добрынин ни словом не упомянул возможность двустороннего сотрудничества в космосе, давая тем самым понять: взаимодействие с американцами на земной орбите и за ее пределами не входит в планы Кремля.

Соглашения в рамках ООН: свет в конце туннеля или тупика?

«Тоннель»

Не хотелось, чтобы у читателя складывалось впечатление, будто шестидесятые годы были для советско-американского сотрудничества в космосе временем бесплодных надежд, утраченных иллюзий и упущенных возможностей. Все же кое-каких результатов в области взаимодействия между двумя странами в деле освоения космического пространства достичь удалось. Речь идет о соглашениях, заключенных между Советским Союзом и США в рамках ООН. После долгих лет согласований, проволок и взаимных обвинений в стремлении добиться одностороннего преимущества оба государства наконец-то подписали три международных договора, заложивших правовые основы космической деятельности.

Первые проблески надежд на достижение подобных договоренностей появились еще в конце 1963 г., когда СССР и США намекнули на возможность смягчения своих дотоле весьма жестких позиций в вопросе о контроле над космическими вооружениями. Почин здесь принадлежал советской стороне. Выступая с речью перед Генеральной ассамблеей ООН 19 сентября 1963 г. (за день до того, как Кеннеди официально пригласил СССР осуществить вместе с США пилотируемую экспедицию на Луну), министр иностранных дел А. А. Громыко заявил, что СССР готов заключить с США договор о запрещении вывода в открытый космос оружия массового поражения.

Вот что он, в частности, сказал:

«Советский Союз и Соединенные Штаты Америки настойчиво работают над решением еще более сложных и заманчивых задач в... [области освоения космического пространства]. И народы вправе ожидать, что новая среда, в которую вступил человек, — безграничный космический океан — никогда не станет еще одним плацдармом войны, разрушения, смерти. Взоры людей, обращенные к звездным далям, полны надежды на то, что завоевание космоса будет служить только мирным целям.

Московский договор («Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». — Ю. К.) в июле 1963 г. запретил проведение ядерных испытаний в космическом пространстве. Теперь на повестке дня стоит другой вопрос.

Готовое уже сейчас предпринять шаги к предотвращению распространения гонки вооружений на космическое пространство и желая создать наилучшие

условия для использования и освоения космического пространства на благо всех народов, советское правительство считает необходимым договориться с правительством Соединенных Штатов Америки о запрещении вывода на орбиту объектов с ядерным оружием на борту.

Нам известно, что правительство США также положительно относится к решению этого вопроса. И мы исходим из того, что обмен мнениями относительно запрещения вывода на орбиту ядерного оружия будет продолжен между правительствами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в двустороннем порядке. Было бы очень хорошо, если бы по этому важному вопросу была достигнута договоренность и заключено соглашение. Советское правительство к этому готово»[485].

Заявление Громыко, таким образом, устранило препятствие, до того времени прочно стоявшее на пути любого соглашения, призванного запретить размещение оружия в открытом космосе. Речь идет о настойчивом стремлении советского руководства заключить подобный договор только в контексте общего «земного» разоружения.

Впрочем, идя на подобный компромисс, министр иностранных дел позаботился о том, чтобы подобный шаг Москвы не был расценен как проявление слабости. Громыко намекнул, что знает о намерении США пойти на еще более радикальный шаг, а именно отказаться от требования, чтобы любое соглашение о контроле над вооружениями сопровождалось созданием надежной системы контроля над его выполнением с соответствующим механизмом инспекций.

В ходе всех послевоенных переговоров о разоружении, начиная с «плана Баруха» и заканчивая подписанием летом 1963 года вышеупомянутого договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, США отказывались рассматривать так называемое «декларативное разоружение», то есть то, для контроля над которым не существовало эффективных механизмов[486].

Исключение было сделано лишь для тех случаев, когда нарушение договоренностей могло быть установлено с относительной легкостью и достоверностью. Вот почему Соединенные Штаты скептически относились к кампании Советского Союза, суть которой можно было выразить в общей формуле «запретить бомбу», не вдаваясь в подробности того, как это сделать, а главное — как проверять выполнение запрета. В этом и заключалась причина, по которой деятельность так называемого «Комитета по разоружению 18 держав» (первоначально «Комитета 10-ти»), учрежденного по предложению США, СССР, Великобритания и Франция в сентябре 1959 г., зашла в тупик.

Аналогичную позицию Соединенные Штаты занимали также по вопросу запрета размещения оружия в открытом космосе, да и по проблеме отмены ядерных испытаний. Вспомним, что договор, подписанный в 1963 г., запрещал ядерные взрывы лишь в атмосфере, в открытом космосе и под водой, т.е. там, где они не могли быть незаметно произведены. Что же касается подземных испытаний, они могли быть осуществлены достаточно незаметно, а потому в вышеупомянутый документ включены не были.

Кеннеди приложил максимум усилий для того, чтобы согласие США подписать договор о запрещении ядерных испытаний не было бы расценено советским руководством, как отход Вашингтона от требования обеспечить необходимый контроль путем соответствующих инспекций над выполнением данной договоренности. 26 июля 1963 г., за несколько недель до сентябрьской речи Громыко в ООН, президент, выступая по телевидению, в частности, заявил:

«Впервые достигнуто соглашение о том, чтобы поставить силы ядерного разрушения под международный контроль — цель, первоначально поставленная в 1946 г., когда Бернанд Барух представил в ООН комплексный план контроля.

[Осуществление] этого плана, как и многих других последующих планов по разоружению, больших и малых, было заблокировано теми, кто выступал против международных инспекций...

[Данный] договор... таким образом, является ограниченным договором, который позволяет проводить подземные испытания и запрещает лишь те испытания, которые мы сами сможем отслеживать. [Для его осуществления] не требуется ни контрольных пунктов, ни инспектирования мест проведения испытаний, ни международной организации»[487].

Подобные слова, казалось, не оставляли лазейки для тех, кто надеялся ограничиться лишь декларативными заявлениями о запрете на размещение оружия массового поражения в космосе, не подвергая выполнение данного запрета соответствующим инспекциям. Действительно, ведь в то время, когда околоземный космос еще не был насыщен спутниками-шпионами, отследить вывод на орбиту ракеты с ядерной боеголовкой можно было лишь в том случае, если воочию увидеть ее старт. Для этого же нужно было оказаться рядом с пусковой установкой, откуда она покинула или только собиралась покинуть Землю.

Очевидно, что США придерживались подобной позиции в вопросе о запрещении оружия массового поражения в космосе и ко времени речи Громыко в сентябре 1963 г. Об этом свидетельствует «Предварительный план основных положений по договору о всеобщем и полном разоружении», который был предложен Соединенными Штатами к рассмотрению вышеупомянутому «Комитету 18-ти». Произошло это 18 апреля 1962 г., и к осени следующего года «предварительный план» так и оставался на рассмотрении данного комитета. Документ этот не только призывал страны «не размещать на орбите оружие, способное нанести массовое поражение», но также предлагал им согласиться на проведение периодических инспекций и проверок. Вот как предлагалось осуществить это на практике: «...„Ответственные за международное разоружение" будут проводить предстартовые проверки космических кораблей и ракет, а также создадут и будут использовать систему для регистрации необъявленных запусков.

Производство, хранение и испытание носителей для космических аппаратов будет регулироваться принятыми ограничениями. Данная деятельность будет контролироваться «Международной организацией по разоружению» в соответствии с условиями, которые будут установлены в дальнейшем в контексте проверки»[488].

Однако, как следует из речи Громыко, советский министр иностранных дел не сомневался — США смягчили свою позицию в вопросе проверки выполнения обязательств по разоружению. Откуда такая уверенность? Видимо, она происходила из осознания того факта, что США поняли — полбуханки лучше, чем вообще ничего. Вашингтон неоднократно заявлял, что США не станут размещать в космосе оружие массового поражения. Однако Москва избегала давать аналогичные обязательства. А ведь именно озабоченность перспективой увидеть проносящиеся в звездном небе над американской территорией советские ядерные боеголовки и была одной из важнейших причин, по которой Соединенные Штаты стали активно развивать свою космическую программу. Но как, по мнению вашингтонских политиков, можно было связывать себе руки обязательствами не «засорять» околоземное пространство атомными бомбами без аналогичного, пусть хотя бы и устного, обязательства Москвы? К тому же время работало не на всемирную безопасность. Ни СССР, ни США пока не вывели в космос оружие массового поражения, но уже имели соответствующие возможности, которые могли реализовать в любой момент. Об этом прямо сказал 16 июня 1962 г. госсекретарь Дин Риск:

«...существует растущая опасность, что космос может стать новым полем битвы человечества. Необходимо предпринять шаги на этом раннем этапе, чтобы уберечь космическое пространство от «засевания» оружием массового поражения — от того, что еще больше подорвало бы безопасность жителей нашей планеты. Речь идет о предварительном разоружении применительно к ядерному оружию, пока не размещенному в космосе»[489].

Одновременно представители Пентагона стали утверждать: если США смогут убедить

Советский Союз в том, что у них нет намерения разместить оружие в космосе, Москва почти наверняка не выведет на орбиту собственные боеголовки. Министр обороны МакНамара и его ближайшие соратники к тому времени уже давно утверждали, что бомбы в космосе не имеют смысла. По их мнению (и с учетом уровня развития космической техники, вполне обоснованному), нанести удары с земли можно было куда дешевле и эффективнее, чем с околоземной орбиты. Это, как полагали МакНамара и К°, русские понимают ничуть не хуже американцев, а отсюда вывод: единственная причина, по которой Советы могут разместить за пределами атмосферы ядерное оружие, будет заключаться в их стремлении упредить аналогичный шаг со стороны Соединенных Штатов. Значит, лучший способ предотвратить подобные действия со стороны Москвы — уверить ее в том, что у Вашингтона нет такого рода замыслов.

Впервые мысль эта была озвучена 5 сентября 1962 г. заместителем министра обороны США Розуэллом Гилпатриком в ходе его выступления на встрече с представителями промышленности и университетов Среднего Запада. Он, в частности, сказал:

«Соединенные Штаты полагают, что в интересах их собственной безопасности, а также безопасности всего мира, представляется крайне желательным не допустить распространения гонки вооружений на открытый космос. Мы ищем любой приемлемый способ для достижения этой цели. Нет сомнения в том, что сегодня как Соединенные Штаты, так и Советский Союз могут разместить на орбите термоядерное оружие. Однако подобный шаг в обозримой перспективе не представляется разумным с точки зрения военной стратегии ни для какой из сторон.

У нас нет программы, предусматривающей выведение на орбиту оружия массового поражения. Гонка вооружений в космосе не укрепит нашу безопасность. Я не могу представить себе большой побудительный мотив для Советов разместить термоядерные вооружения в космосе, чем намерения США осуществить подобную программу. Мы не сделаем этого»[490].

При таком раскладе, рассуждали вашингтонские стратеги, Америка ничего не потеряет от обмена с Советским Союзом пацифистскими декларациями, относящимися к космическому пространству, а вот приобрести сможет не так и мало. Соответствующие намеки были сделаны представителями США и в «Комитете 18-ти». В ходе дискуссий, последовавших за предложением, выдвинутым ими в декабре 1962 г., суть которого состояла в «поэтапном» разоружении, они все чаще говорили о необходимости заключить договор о недопущении выведения оружия в космос. При этом американцы не акцентировали необходимость проверки выполнения подобной договоренности.

Как бы то ни было, но, похоже, ко времени своей речи в ООН 19 сентября 1962 г. Громько был убежден в том, что США согласятся на декларативное решение проблемы демилитаризации космического пространства. Именно так, во всяком случае, воспринял слова советского министра иностранных дел Кеннеди. На следующий день после выступления Андрея Андреевича в ООН президент сам обратился с посланием к Генеральной ассамблее этой организации. Вот что он, в частности, сказал:

«Мы должны продолжить попытки заключить договоренность о недопущении вывода оружия массового поражения в открытый космос. Вчера советский министр иностранных дел положительно откликнулся на подобное предложение. Пусть же наши представители вернуться за стол переговоров с тем, чтобы выработать практическое соглашение по этому вопросу»[491].

Буквально в течение нескольких дней после обмена столь многообещающими намеками-декларациями американские и советские дипломаты договорились о том, чтобы сделать совместные заверения касательно запрета на размещение в космосе ядерного оружия, а также разработать проект резолюции Генассамблеи, отражающей данные

заверения. Объясняя причину, по которой США поддержали подобную резолюцию, представитель США при ООН Стивенсон отметил:

«Проект предложенной резолюции отражает политику, которая уже проводится в США...

Говоря от имени моего правительства, хотел бы повторить то, что уже неоднократно было сказано раньше: у Соединенных Штатов нет намерения вывести на околоземную орбиту какое-либо оружие массового поражения, установить подобное оружие на небесных телах или же разместить его в космическом пространстве каким-нибудь иным способом...

...Нет сомнения в том, что проще не начинать оружием среду, в которой его никогда не было, чем договориться о разоружении тех сфер, в которых оно уже появилось»[492].

17 октября 1963 г. Генеральная ассамблея ООН единодушно приняла соответствующую резолюцию за номером 1884 под названием «Вопрос о всеобщем и полном разоружении». В ней приветствовалось намерение СССР и США не размещать в космосе ядерное или иное оружие массового поражения, а также призывались прочие государства последовать их примеру[493].

Согласие, которое удалось достичь Советскому Союзу и Соединенным Штатам по вопросу о недопущении милитаризации космоса, послужило основой и для следующего шага ООН в этом направлении. В ходе однодневного совещания 22 ноября 1963 г. Комитет по космосу принял решение соединить в одном «пакете» все вопросы, относящиеся к правовому регулированию космической деятельности, по которым было достигнуто соглашение. Данный «пакет» был затем представлен на рассмотрение Генассамблеи ООН в виде проекта резолюции под названием: «Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства».

Принятие данной резолюции не потребовало дополнительных шагов ни с советской, ни с американской стороны. Ведь к тому времени все спорные моменты были обойдены представителями обеих стран или же оставлены для обсуждения в ходе будущих дискуссий. Однако значение этого документа в том, что в ходе его согласования удалось достичь консенсуса по ряду важнейших вопросов освоения космического пространства. Так, представитель США при ООН Стивенсон подчеркнул, что новые принципы, как только получат одобрение Объединенных Наций и приобретут статус международного права, сразу встанут на службу интересов государств планеты[494]. А советский представитель Морозов отметил иной положительный аспект резолюции. По его словам, ее принятие «преследовало цель скорее объединения, чем разъединения». Никто, по мнению Морозова, не надеялся, что проект документа отразит все принципы, которыми следует руководствоваться при освоении космического пространства. «...Естественно, что в попытке достичь разумный компромисс, — подчеркнул представитель СССР, — некоторые предложения, выдвинутые одними, но неприемлемые для других, просто не могли быть включены в проект декларации»[495].

Основные элементы резолюции, одобренной Генассамблеей 13 декабря 1963 г. и получившей номер 1962, включали в себя следующие принципы:

«1. Исследование и использование космического пространства осуществляются на благо и в интересах всего человечества.

2. Космическое пространство и небесные тела открыты для исследования и использования всеми государствами на основе равенства и в соответствии с международным правом.

3. Космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами.

4. Деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства должна осуществляться в соответствии с международным правом,

включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания.

5. Государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с принципами настоящей Декларации. Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства. В случае деятельности в космическом пространстве международной организации ответственность за выполнение принципов настоящей Декларации несут, наряду с международной организацией, также и участвующие в ней государства.

6. При исследовании и использовании космического пространства государства должны руководствоваться принципом сотрудничества и взаимной помощи и должны осуществлять всю свою деятельность в космическом пространстве с должным учетом соответствующих интересов других государств. Если какое-либо государство имеет основания полагать, что деятельность в космосе или эксперимент, запланированные этим государством и гражданами этого государства, создадут потенциально вредные помехи деятельности других государств в деле мирного исследования и использования космического пространства, то оно должно провести соответствующие международные консультации, прежде чем приступить к такой деятельности или эксперименту. Государство, имеющее основание полагать, что деятельность в космосе или эксперимент, запланированные другим государством, создадут потенциально вредные помехи деятельности в деле мирного исследования и использования космического пространства, может запросить проведение консультаций относительно такой деятельности или эксперимента.

7. Государство, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом и над любым экипажем, находящимся на нем, во время их нахождения в космическом пространстве. Права собственности на космические объекты, запущенные в космическое пространство, и на их составные части остаются незатронутыми во время их нахождения в космосе и по возвращении на Землю. Такие объекты или их составные части, обнаруженные за пределами государства, в регистр которого они занесены, должны быть возвращены этому государству, при этом такое государство должно по требованию представить до возвращения опознавательные данные.

8. Каждое государство, которое осуществляет или организует запуск предмета в космическое пространство, а также каждое государство, с территории или установок которого производится запуск предмета, несет международную ответственность за ущерб, причиненный таким предметом или его составными частями на Земле, в воздушном пространстве или в космическом пространстве иностранному государству, его физическим и юридическим лицам.

9. Государства рассматривают космонавтов как посланцев человечества в космос и оказывают им всемерную помощь в случае аварии, бедствия или вынужденной посадки на территории иностранного государства или в открытом море. Космонавты, которые совершат такую вынужденную посадку, должны быть в безопасности и незамедлительно возвращены государству, в регистр которого занесен их космический корабль[496].

Резолюции эти — 1884 от 17 октября 1963 г., 1962 от 13 декабря того же года, а также их «предтеча» — 1721 от 20 декабря 1961 г., проложили дорогу к заключению официальных «космических» договоров между странами, в первую очередь между СССР и США. Теперь, казалось, ничто не помешает отдельным государствам придерживаться определенных правил и процедур, регулирующих их деятельность в космосе. К подобным правилам и процедурам

относились:

1. Базовые правовые принципы.
2. Запрет на вывод в космос оружия массового поражения.
3. Ответственность за ущерб, нанесенный рукотворными космическими объектами.
4. Помощь космонавтам/астронавтам, а также космическим кораблям.

Проекты основных положений подобных договоров длительное время рассматривались как Советским Союзом и Соединенными Штатами, так и другими государствами. А потому сложилось впечатление: с учетом сглаживания разногласий (что к тому моменту во многом уже произошло в ходе обсуждения и принятия вышеупомянутых резолюций), данные документы ООН могут послужить основой для заключения двусторонних взаимоприемлемых межправительственных договоров.

Этого, однако, не произошло. Спорные вопросы, которые второпях были отставлены в сторону, чтобы не мешать подписанию столь многообещающих «космических» соглашений, вновь вышли на первый план. Серия заседаний юридического подкомитета Комитета по космосу в 1964 и в 1965 гг. не завершилась ничем, кроме абстрактно-расплывчатых докладов данного комитета Генассамблее и ответных увещательных-уговаривающих резолюций Генассамблеи комитету. Типичным примером подобного ооновского документа стала резолюция 2130 от 21 декабря 1965 г., которая призвала Комитет по использованию космического пространства в мирных целях проявлять «настойчивость» в деле разработки космического законодательства, в частности, что касается помощи космическим кораблям и их экипажам, а также ответственности за ущерб, причиняемый космическими объектами[497].

В начале 1966 г. перспективы заключить конкретное соглашение по космосу стали столь призрачны, что в США решили придать импульс процессу путем прямого вмешательства президента Джонсона. Президент это и сделал 7 мая 1966 г. в ходе своего выступления в г. Сан-Антонио, штат Техас. Он, в частности, сказал:

«Так же, как Соединенные Штаты стремятся достичь мира на Земле, мы хотим сделать все возможное, чтобы освоение Луны и прочих небесных тел осуществлялось исключительно в мирных целях. Мы хотим быть уверены, что и наши, и иностранные астронавты смогут свободно проводить научные исследования Луны. Мы хотим, чтобы результаты этой деятельности были доступны всему человечеству.

Мы хотим уже сейчас предпринять шаги, чтобы достичь этих целей. По моему мнению, нам необходим договор, который установил бы правила и процедуры для освоения небесных тел. Основными элементами подобного договора могли бы стать следующие:

Луна и прочие небесные тела должны быть доступны для освоения и использования всеми странами. Никакая страна не может установить [над ними] свой суверенитет.

Должен быть установлен [принцип] свободы научного исследования, и все страны должны сотрудничать в области научной деятельности по небесным телам.

Должны проводиться исследования, направленные на предотвращение опасного загрязнения [окружающей среды].

Астронавты одной страны должны предоставить любую необходимую помощь астронавтам другой.

Никакой стране нельзя позволить разместить на небесном теле оружие массового поражения. Испытания оружия и военные маневры [на небесных телах] также должны быть запрещены.

Я убежден — мы должны сделать все, что можем, не только для нашего поколения, но и для последующих, чтобы не допустить возникновения серьезных политических конфликтов в результате космической деятельности. Думаю, время для этого пришло. Мы не должны его терять.

Я прошу посла Годдберга в Нью-Йорке начать предварительные переговоры по [заключению] подобного договора в соответствующем комитете ООН»[498].

Заявление Джонсона вызвало вихрь статей в Америке и западноевропейских странах. Их авторы говорили о необходимости срочного установления «правления закона» в сфере космической деятельности[499].

Действия американских дипломатов в ООН не заставили себя долго ждать. 9 мая постоянный представитель США при ООН Голдберг официально представил новый американский вариант договора председателю Комитета ООН по космосу Курту Вальдхайму[500].

В сопроводительном письме Вальдхайму Голдберг, помимо заявления Джонсона, упомянул длительную борьбу США за недопущение милитаризации космоса, а также прогресс, достигнутый в рамках данного направления в ООН. Что же касается особенностей нового американского предложения, оно, как подчеркнул постоянный представитель Соединенных Штатов, «...представляло из себя очередной крупный шаг, направленный на совместное превращение открытого космоса в [поле] для мирной деятельности. Поскольку вопрос этот представляется важным и требующим срочного решения, я был бы Вам очень признателен, если бы Вы предприняли необходимые шаги для скорейшего созыва юридического подкомитета Комитета по космосу»[501].

Голдберг также провел соответствующие консультации с представителями других стран — членов Комитета по космосу о новом американском проекте договора. Одним из первых, по его словам, был постоянный представитель СССР при ООН, с которым он связался 1 мая. Голдберг передал ему письменное изложение основных моментов, содержащихся в предложении Соединенных Штатов:

- «1. Луна и прочие небесные тела должны быть доступны для всеобщего освоения в соответствии с международным правом.
2. Никто не может распространить свой суверенитет на небесные тела.
3. Научные исследования должны осуществляться свободно, и все страны должны взаимодействовать в области научной деятельности, относящейся к небесным телам.
4. Государство, осуществляющее освоение небесного тела, должно сообщить о результатах своей работы.
5. Ко всем районам [поверхностей] небесных тел должен быть обеспечен свободный доступ.
6. Небесные тела должны использоваться исключительно в мирных целях. Никакой стране не должно быть позволено размещать на небесном теле оружие массового поражения. Военные укрепления, испытания оружия, а также военные маневры [на небесных телах] должны быть запрещены.
7. Страна, осуществившая космический запуск, должна иметь право распространить собственную юрисдикцию на свои сооружения на небесном теле, а также на людей, осуществляющих там от ее имени космическую деятельность.
8. Право собственности на объекты, совершившие посадку на небесное тело, а также на собранные или использованные там, должно быть сохранено за государством [осуществившим запуск данного объекта или его элементов на космическое тело].
9. Астронавты одной страны в случае необходимости должны предоставлять помощь астронавтам другой.
10. Государства должны проводить исследования и предпринимать соответствующие меры с целью избежать вредного загрязнения [окружающей среды]»[502].

Обратим внимание на один интересный момент: из 10 пунктов, содержащихся в американском проекте договора, 8 тем или иным образом относятся к регулированию деятельности государств на небесном теле. А самый первый говорит о необходимости обеспечения свободного доступа всех стран к небесным телам, и в первую очередь к Луне.

Подобная структура предложения США — не случайна. До первого запланированного пилотируемого полета по программе «Аполлон», с которого должен был начаться штурм американцами Луны, оставалось около девяти месяцев. Вашингтон явно предпринимал шаги, направленные на обеспечение международно-правовой основы появления на естественном спутнике Земли представителей Соединенных Штатов.

Вскоре СССР предпринял аналогичный шаг. Министр иностранных дел Громыко направил 30 мая письмо Генеральному секретарю ООН с просьбой включить в повестку дня 21-й сессии Генассамблеи вопрос о «заключении международного соглашения по правовым принципам, регулирующим деятельность государств в освоении и покорении Луны и других небесных тел». Не преминув напомнить о достижениях Советского Союза в области космонавтики, а также о предшествующих попытках Москвы способствовать разработке законодательства по мирному освоению и использованию космического пространства, Громыко особо подчеркнул:

«1. Советское правительство считает своевременным разработку международного законодательства, которое, с одной стороны, регулировало бы освоение Луны и прочих небесных тел, а с другой — запрещало бы использование Луны и небесных тел с военными целями.

2. Запрет на использование Луны и прочих небесных тел в военных целях отвечает политике СССР, направленной на всеобщее и полное разоружение, ограничение гонки вооружений, а также смягчение международной напряженности.

3. Вышеупомянутые действия, направленные на демилитаризацию космического пространства, будут способствовать развитию международного сотрудничества в космосе.

4. Всем государствам должен быть обеспечен равный доступ к Луне с целью ее скорейшего исследования и освоения. При этом страны, занимающиеся какой-либо деятельностью на Луне, должны учитывать интересы друг друга. Советский Союз постоянно выступал за такого рода сотрудничество и всегда рассматривал свои успехи в космосе, как достижения всего человечества, а не только советского народа»[503].

Через пару недель после письма Громыко СССР представил свой проект договора[504]. Как и американский, он также преследовал цель объединить различные элементы космического законодательства, оформленные в виде положений международных деклараций, резолюций и договоров, в рамках единого документа. Было, правда, одно существенное отличие. В то время, как советский проект включал в себя ответственность за ущерб, причиненный рукотворными космическими объектами, в американском данный аспект космической деятельности был обойден молчанием. Обусловлено это было тем, что представители США стремились по возможности исключить спорные моменты из будущего договора с целью максимально облегчить его подписание. Соединенные Штаты к тому времени уже внесли на рассмотрение юридического подкомитета Комитета ООН по космосу проект специального документа под названием «Конвенция относительно ответственности за ущерб, причиненный запуском объектов в открытый космос».

В ходе заседания, прошедшего с 12 июля по 4 августа 1966 г. в Женеве, юридический подкомитет Комитета по космосу рассмотрел в приоритетном порядке оба проекта договора. По ряду общих принципов, большинство из которых уже были отражены в единодушно одобренных резолюциях Генассамблеи, соглашения удалось достичь достаточно быстро. Однако, что касается некоторых специфических вопросов, так или иначе относящихся к данным принципам, здесь возникли определенные затруднения. Так, например: нужно ли в обязательном порядке информировать международное сообщество о космической деятельности, или же это должно быть делом сугубо добровольным; можно ли размещать военное оборудование на небесных телах, если это делается в мирных целях; должны ли международные организации в своих действиях за пределами атмосферы следовать в

политике тем же правилам и принципам, что и отдельные государства?[505]

Впрочем, вышеперечисленные вопросы были, пожалуй, не самыми сложными. Куда большими камнями преткновения оказались другие две проблемы. Одна из них была связана с компенсацией ущерба, причиненного космическими объектами. А другая — с оказанием помощи космическим экипажам и возвращением космических аппаратов, совершивших посадку на территориях стран, не имеющих к их запуску никакого отношения. Эти два спорных момента так и не удалось урегулировать, а потому их попросту решили обойти, ограничившись общим упоминанием о них в проекте договора. При этом подразумевалось, что решение данных проблем должно быть зафиксировано в отдельной конвенции, которая, в свою очередь, должна была стать предметом специальных переговоров[506].

19 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию 2222 (XXI), в основу которой лег проект «Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (далее для упрощения — «Договор по космосу»). Ключевыми положениями данного документа были следующие:

Статья I

Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества.

Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, открыто для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел.

Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, свободно для научных исследований, и государства содействуют и поощряют международное сотрудничество в таких исследованиях.

Статья II

Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами.

Статья III

Государства-участники Договора осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания.

Статья IV

Государства-участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.

Луна и другие небесные тела используются всеми государствами-участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается. Не запрещается также использование любого оборудования или средств, необходимых для мирного исследования Луны и других небесных тел.

Статья XII

Все станции, установки, оборудование и космические корабли на Луне и других небесных телах открыты для представителей других государств-участников настоящего Договора на основе взаимности. Эти представители заблаговременно

сообщают о проектируемом посещении, чтобы позволить провести соответствующие консультации и принять меры максимальной предосторожности для обеспечения безопасности и во избежание помех для нормальных операций на установке, подлежащей посещению[507].

Проект договора также содержал общие положения (статьи V, VI, VII и VIII) касательно ответственности государств за помощь космонавтам и их спасение, за возврат космических аппаратов, а также за ущерб, нанесенный рукотворными космическими объектами. Однако Генассамблея особо отметила неадекватность подобных размытых призывов и обратилась с просьбой к Комитету по космосу «Продолжить разработку соглашения по ответственности за ущерб, нанесенный рукотворными космическими объектами, а также соглашения по помощи космическим экипажам и аппаратам и их возвращению — [документов], которые уже включены в повестку дня работы Комитета»[508].

«Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» был подписан одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне 27 января 1967 г. в том виде, в каком он был представлен в резолюции ООН 2222. На церемонии подписания в Белом доме президент Джонсон сказал, что договор — «первый твердый шаг в сторону недопущения милитаризации космического пространства». По его словам, договор означал, что «однажды астронавты и космонавты встретятся на поверхности Луны как братья, а не как воины [бьющиеся за интересы] соперничающих наций, или идеологий»[509].

Что касается Москвы, то комментарии из нее поступили не от высшего руководителя советского государства — Л. И. Брежнева, а от министра иностранных дел Громыко. Впрочем, от этого оценка документа Кремлем не стала менее высокой, чем та, которую дал ему Белый дом. От имени правительства СССР Андрей Андреевич выразил глубокое удовлетворение фактом подписания подобного договора и подчеркнул важность правового регулирования космической деятельности. Он отметил импульс, который документ придаст равноправному международному сотрудничеству в деле освоения космоса в мирных целях. Министр также сделал особый акцент на роли, которую договор призван сыграть в недопущении милитаризации заатмосферного пространства. В заключение глава советского МИДа выразил уверенность, что подписанный документ станет шагом в направлении развития сотрудничества и взаимопонимания между странами и народами и будет способствовать урегулированию крупнейших международных проблем на Земле[510].

Как Верховный Совет СССР, так и Сенат США ратифицировали договор лишь через несколько месяцев после его подписания. Что касается американских законодателей, их несколько беспокоило отсутствие реальных механизмов, которые обеспечили бы выполнение запретов, содержащихся в документе. Однако к сентябрю-октябрю 1967 г. все возможные сомнения, связанные с подписанием договора, были так или иначе развеяны, как в Москве, так и в Вашингтоне, и 10 октября того же года он вступил в силу.

В то же время работа над решением вопросов, связанных с ответственностью за ущерб, нанесенный рукотворными космическими объектами, а также с помощью космическим экипажам и возвращением космических аппаратов, совершивших нештатную посадку за пределами запустившей их страны, была продолжена. Несмотря на то, что никаких серьезных спорных моментов тут не было, потребовался почти год переговоров, чтобы соответствующее соглашение увидело свет. 19 декабря 1967 г. Генассамблея ООН одобрила резолюцию 2345 (XXI) под названием «Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство». Основные требования, предъявленные к государствам, подписавшим этот документ, были следующие:

Статья 1

Каждая Договаривающаяся Сторона, которая получает сведения или обнаруживает, что экипаж космического корабля потерпел аварию, или находится

в состоянии бедствия, или совершил вынужденную или непреднамеренную посадку на территории, находящейся под ее юрисдикцией, или в открытом море, или в любом другом месте, не находящемся под юрисдикцией какого-либо государства, немедленно:

а) информирует власти, осуществившие запуск или, если она не может опознать и немедленно информировать об этом власти, осуществившие запуск, немедленно сообщает об этом для всеобщего сведения с помощью всех имеющихся в ее распоряжении соответствующих средств связи;

б) информирует Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, который должен немедленно распространить эту информацию с помощью всех имеющихся в его распоряжении соответствующих средств связи.

Статья 2

Если в результате аварии, бедствия, вынужденной или непреднамеренной посадки экипаж космического корабля приземлится на территории, находящейся под юрисдикцией Договаривающейся Стороны, она незамедлительно примет все возможные меры для его спасения и оказания ему всей необходимой помощи. Она будет информировать власти, осуществившие запуск, а также Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о принимаемых ею мерах и о достигаемых результатах. Если помощь властей, осуществивших запуск, помогла бы обеспечить быстрое спасение или в значительной мере способствовала бы эффективности операций по поискам и спасанию, власти, осуществившие запуск, будут сотрудничать с Договаривающейся Стороной в целях эффективного проведения операций по поискам и спасанию. Эти операции будут поставлены под руководство и контроль Договаривающейся Стороны, которая будет действовать в тесной и постоянной консультации с властями, осуществившими запуск.

Статья 3

Если получены сведения или обнаружено, что экипаж космического корабля опустился в открытом море или в другом месте, не находящемся под юрисдикцией какого-либо государства, то те Договаривающиеся Стороны, которые в состоянии сделать это, окажут в случае необходимости помощь в осуществлении операций по поискам и спасанию такого экипажа в целях обеспечения его быстрого спасания. Они будут информировать власти, осуществившие запуск, а также Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о принимаемых ими мерах и о достигаемых результатах.

Статья 4

Если в результате аварии, бедствия, вынужденной или непреднамеренной посадки экипаж космического корабля приземлится на территории, находящейся под юрисдикцией Договаривающейся Стороны, или будет обнаружен в открытом море или в любом другом месте, не находящемся под юрисдикцией какого-либо государства, он должен быть в безопасности и незамедлительно возвращен представителям властей, осуществивших запуск.

Статья 5

1. Каждая Договаривающаяся Сторона, которая получает сведения или обнаруживает, что космический объект или его составные части возвратились на Землю на территории, находящейся под ее юрисдикцией, или в открытом море, или в любом другом месте, не находящемся под юрисдикцией какого-либо государства, информирует власти, осуществившие запуск, и Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

2. Каждая Договаривающаяся Сторона, которая осуществляет юрисдикцию над территорией, на которой обнаружен космический объект или его составные части, по просьбе властей, осуществивших запуск, и с помощью этих властей, если их попросят, принимает такие меры, которые она сочтет практически осуществимыми для спасания этого объекта или его составных частей.

3. По просьбе властей, осуществивших запуск, объекты, запущенные в космическое пространство, или их составные части, обнаруженные за пределами территории властей, осуществивших запуск, возвращаются представителям этих властей, осуществивших запуск, которые по требованию должны представить до

их возвращения опознавательные данные, или предоставляются в распоряжение таких представителей.

4. Независимо от пунктов 2 и 3 настоящей статьи, Договаривающаяся Сторона, имеющая основания полагать, что космический объект или его составные части, обнаруженные на территории, находящейся под ее юрисдикцией, или спасенные ею в каком-либо другом месте, являются опасными или вредными по своему характеру, может уведомить об этом власти, осуществившие запуск, которые незамедлительно принимают эффективные меры под руководством и контролем упомянутой Договаривающейся Стороны для устранения возможной опасности причинения вреда.

5. Расходы, понесенные при выполнении обязательств по обнаружению и возвращению космического объекта или его составных частей, в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящей статьи, покрываются властями, осуществившими запуск[511].

Четыре месяца спустя, а точнее 22 апреля 1968 г., данное соглашение было подписано в Вашингтоне, Лондоне и Москве. Ратификация же его произошла лишь к концу 1968 г. с последующим вступлением договора в силу 3 декабря 1968 г.

Не так легко дело обстояло с соглашением об ответственности за ущерб, нанесенный космическими объектами. Несмотря на многочисленные предложения путей урегулирования этой проблемы, максимум, о чем смогли договориться заинтересованные стороны за месяцы, прошедшие после заключения «Договора по космосу», — это согласиться о природе и масштабе вопроса. Согласие было отражено в ряде докладов, подготовленных Комитетом по космосу в 1967, 1968, 1969 и 1970 гг. Доклады эти отразили: связь между международными организациями и соглашением об ответственности за ущерб; законы, применимые к измерению степени ущерба; обязательное посредничество третьей стороны при разрешении споров; ограничение объема компенсации ущерба, а также вопрос о том — должен ли ущерб, нанесенный ядерными материалами, также быть оговорен будущей конвенцией[512].

В конце 1970 г. Генассамблея ООН единодушно выразила глубокое сожаление по поводу того, что Комитету по космосу так и не удалось к тому времени завершить разработку конвенции об ответственности за нанесение ущерба. Генассамблея также призвала данный комитет сделать решающее усилие, чтобы представить проект конвенции на рассмотрение 26-й сессии[513]. Следствием подобного призыва стали неформальные консультации между членами Комитета, в первую очередь между русскими и американцами. В результате дискуссий контуры соответствующего соглашения впервые за семь лет стали приобретать более или менее четкие очертания. Процесс этот не остановился, а пошел дальше, приведя в конечном итоге к консенсусу по проекту искомой договоренности, достигнутому в ходе работы Комитета по космосу в Женеве с 29 июня по 2 июля 1970 г. Документ этот, позже названный «Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами», был единодушно представлен Комитетом по космосу 21-й сессии Генассамблеи ООН, открывшейся в сентябре 1971 г. Он содержал 28 статей, в том числе ключевые:

Статья II

Запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете.

Статья IV

1. Если в любом месте, помимо поверхности Земли, космическому объекту одного запускающего государства либо лицам или имуществу на борту такого объекта причинен ущерб космическим объектом другого запускающего государства и тем самым причиняется ущерб третьему государству либо его физическим или юридическим лицам, то два первых государства несут солидарную ответственность перед этим третьим государством в нижеследующих пределах:

а) если ущерб причинен третьему государству на поверхности Земли или воздушному судну в полете, то их ответственность перед третьим государством является абсолютной;

б) если ущерб причинен космическому объекту третьего государства либо лицам или имуществу на борту такого космического объекта в любом месте, помимо поверхности Земли, то их ответственность перед третьим государством определяется на основании вины любого из первых двух государств или на основании вины лиц, за которых отвечает любое из этих двух государств.

2. Во всех случаях солидарной ответственности, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи, бремя компенсации за ущерб распределяется между двумя первыми государствами соразмерно степени их вины; если степень вины каждого из этих государств установить невозможно, то бремя компенсации за ущерб распределяется между ними поровну. Такое распределение не затрагивает права третьего государства требовать всей компенсации за ущерб на основании настоящей Конвенции от любого из запускающих государств или всех запускающих государств, которые несут солидарную ответственность.

Статья XII

Компенсация, которую запускающее государство обязано выплатить на основании настоящей Конвенции за причиненный ущерб, определяется в соответствии с международным правом и принципами справедливости, с тем, чтобы обеспечить возмещение ущерба, восстанавливающее физическому или юридическому лицу, государству или международной организации, от имени которых предъявляется претензия, положение, которое существовало бы, если бы ущерб не был причинен.

Статья XVIII

Комиссия по рассмотрению претензий устанавливает обоснованность претензии о компенсации и определяет сумму компенсации, если она подлежит выплате.

Статья XXII

1. В настоящей Конвенции, за исключением Статей XXIV-XXVII, ссылки на государства рассматриваются как относящиеся к любой международной межправительственной организации, которая осуществляет космическую деятельность, если эта организация заявляет, что она принимает на себя права и обязанности, предусмотренные настоящей Конвенцией, и если большинство государств-членов этой организации являются государствами-участниками настоящей Конвенции и Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

2. Государства-члены любой такой организации, являющиеся участниками настоящей Конвенции, принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы эта организация сделала заявление в соответствии с предыдущим пунктом.

3. Если какая-либо международная межправительственная организация ответственна за ущерб в соответствии с положениями настоящей Конвенции, то эта организация и те из ее государств-членов, которые являются участниками настоящей Конвенции, несут солидарную ответственность, при соблюдении, однако, следующих условий:

а) любая претензия о компенсации за такой ущерб предъявляется в первую очередь этой организации;

б) если организация в течение шести месяцев не выплатила суммы, согласованной или установленной в качестве компенсации за такой ущерб, то только в этом случае государство-истец может поставить вопрос об ответственности государств-членов этой организации, являющихся участниками настоящей Конвенции, за уплату этой суммы.

4. В соответствии с положениями настоящей Конвенции любая претензия о выплате компенсации за ущерб, причиненный какой-либо организации, которая сделала заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей Статьи, представляется государством-членом этой организации, являющимся участником настоящей

Данная конвенция была подписана 29 марта в США, СССР и Великобритании и вступила в силу 1 сентября 1972 г.

«Тупик»

Тот факт, что Советский Союз и Соединенные Штаты после стольких лет серьезных разногласий по проблеме компенсации ущерба, нанесенного космическими объектами, смогли наконец договориться по данному вопросу, показался многим обнадеживающим знаком. Оптимисты полагали, что теперь процесс разработки космического права в рамках ООН пойдет значительно быстрее. На деле все оказалось значительно труднее. Это, впрочем, и не удивительно. Ведь проблемы, которые теперь предстояло урегулировать, были связаны с принципиальными идеологическими и политическими различиями между СССР и США. Так, в начале 1970-х гг. Генассамблея ООН призвала Комитет по космосу срочно дать определение «космическому пространству» применительно к космической связи, а также исследованию земных ресурсов с орбиты — задача, которую невозможно было решить, пока обе супердержавы не перестали бы рассматривать космос как поле для соперничества, а не сотрудничества.

Сказывался и традиционный подход СССР к максимальному засекречиванию своей космической деятельности. Именно по этой причине Москва противилась превращению ООН в своего рода координатора и организатора международных космических проектов, главными участниками которых, естественно, были бы Советский Союз и Соединенные Штаты. Подобное объединение усилий, да еще в рамках глобальной организации, предполагало бы доступ к космическим программам двух сверхдержав. Но США, которые довольно четко отделили гражданский «космос» от военного, в принципе, довольно безболезненно могли перенести ознакомление посторонних со своей «мирной» космонавтикой. Что же касается СССР, где невоенные космические проекты были только «сучками» на «стволе» оборонной космической программы, то он подобной беспечности себе позволить не мог.

Во многом в силу данного обстоятельства Советский Союз неоднократно давал понять, что не намерен участвовать в какой-либо международной космической деятельности под эгидой ООН, за исключением совместного исследования погоды.

Впервые разные подходы СССР и США к роли ООН в координации и регулировании проектов, связанных с изучением и освоением внеземного пространства, проявились в 1958 г. 13 декабря того года США смогли добиться от Генассамблеи ООН принятия резолюции, которая, по сути, сделала эту организацию одним из важнейших игроков на космическом «поле». Одобренный документ учреждал Специальный (Ad Hoc) комитет по использованию космического пространства в мирных целях. В задачи нового органа входило определить:

«1. Направления деятельности и возможности ООН, а также ее специализированных агентств и прочих международных организаций, относящихся к мирному использованию космоса.

2. Области международного сотрудничества и программ в сфере мирного использования космоса, которые могли бы быть адекватно осуществлены под эгидой ООН на благо государств, независимо от уровня их экономического или научного развития...

3. Будущие организационные формы, которые смогли бы облегчить международное сотрудничество в этой области в рамках ООН.

4. Проблемы юридического характера, которые могут возникнуть в процессе осуществления программ по исследованию космического пространства»[515].

Специальный комитет также должен был информировать ООН о ходе выполнения

данных задач.

Однако в силу вышеуказанных причин СССР препятствовал работе нового «космического» органа ООН в течение двух лет. Выход из тупика наметился лишь после 20 декабря 1961 г., когда была принята резолюция ООН 1721. Именно в ее рамках Советский Союз и США впервые пришли к согласию по базовым принципам исследования и освоения космического пространства. На волне подобного сближения позиций удалось договориться и о деятельности Комитета по космосу. Впрочем, для этого пришлось ее ограничить куда более жесткими рамками, чем те, в которых она была первоначально. В сферу деятельности комитета теперь входило лишь:

А) Поддерживать тесные контакты с правительственными и неправительственными организациями относительно вопросов [исследования и освоения] космического пространства;

Б) Обеспечить обмен такой информацией, относящейся к космической деятельности и добровольно предоставляемой правительствами разных стран, которая дополняла бы, но не дублировала уже существующие обмены научно-техническими данными;

В) Помогать в изучении способов развития международного сотрудничества в области космической деятельности...[516]

На практике же оказалось, комитет этот, как и ООН в целом, смогли выполнить только первых два пункта. Что касается третьего, а именно развития международного сотрудничества в космосе, то здесь прогресс практически отсутствовал по причинам, связанным, в первую очередь, с нежеланием Советского Союза приподнять занавес тайны над собственной космической программой[517].

Вся деятельность комитета (а вместе с ним и ООН в данном направлении) свелась, в основном, к помощи в установлении контактов между лицами и организациями, так или иначе связанными с космической деятельностью, а также в распространении информации о ходе исследования и освоения космического пространства.

Справедливости ради следует отметить, что ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не стали делать основную ставку на ООН в качестве локомотива развития заатмосферной кооперации. Данную задачу они решали в рамках отношений с другими странами без посредников в лице международных организаций. Подобная форма сотрудничества в космосе преследовала вполне определенные цели, мало связанные с исследованием и освоением космического пространства. О них достаточно однозначно сказал МакДугал, когда отметил, что запуск спутника «полностью изменил суть холодной войны. То, что раньше было военным и политическим сражением, в котором США (и СССР) достаточно было предоставлять помощь и спокойствие союзникам на переднем крае, стало тотальной борьбой за преданность и доверие всех народов (Советскому Союзу или Соединенным Штатам)»[518].

Разумеется, одной из форм борьбы за подобную «преданность» и стало приобщение как уже имеющих, так и потенциальных союзников к передовым достижениям науки и техники, воплотившимся в форме ракет и аппаратов, предназначенных для проникновения в космическое пространство. Так, к началу 1970-х годов Соединенные Штаты уже напрямую взаимодействовали в области исследования космоса с 74 странами. Что касается Советского Союза, он также развивал соответствующее сотрудничество с другими государствами. Правда, в силу уже неоднократно отмеченной тесной связи советской гражданской и военной космических программ, Кремль предпочитал взаимодействовать в космосе только с «проверенными» партнерами, к категории которых относились страны социалистического содружества. Были, впрочем, и исключения, как, например, Франция и Индия.

Пожалуй, наиболее ярким примером неспособности ООН сыграть сколько-нибудь значительную роль в организации международной космической деятельности стала печальная сага о долго планировавшейся и постоянно откладывавшейся Конференции ООН

по мирному использованию космического пространства, которая в конце концов была проведена в Вене во второй половине августа 1968 г. Идею осуществления подобного мероприятия выдвинул Советский Союз еще в октябре 1959 г. Предложение это было с энтузиазмом поддержано США и прочими некоммунистическими странами. Следующим шагом в данном направлении стало принятие 14 декабря 1959 г. резолюции Генассамблеи ООН 1472, в которой конференцию эту планировалось провести либо в 1960, либо в 1961г.[519]

Однако, когда дело дошло до конкретной реализации намеченного плана, советские представители выступили против намерения США придать ООН более активную роль в данном форуме. По их мнению, работа конференции должна быть в основном сведена к обмену информацией между ее участниками, причем в формате, который бы на ней обеспечил доминирующее положение СССР, как ведущей космической державы[520]. Понятно, что подобный расклад вещей не устроил ни Соединенные Штаты, ни их союзников, а потому мероприятие это было отложено до 1966 г., пока Комитет по космосу не учредил специальную рабочую группу для решения данной проблемы. Группа решила начать подготовку конференции «с чистого листа» и предложила провести ее в Вене в 1967 г. Главные вопросы, на решении которых должны были сконцентрироваться участники форума, были следующие: а) практическая отдача от освоения космического пространства с учетом потребностей развивающихся стран; б) возможности для международного сотрудничества в рамках национальных космических программ. Рекомендации группы были одобрены 19 декабря 1966 г. в виде резолюции Генассамблеи ООН 2221 (XXII)[521].

Однако, как показали дальнейшие события, повестка дня форума, который, кстати, был в очередной раз перенесен на год — с 1967 на 1968 г. — дала мало что нового с точки зрения развития сотрудничества. В центре внимания были последние космические достижения, а также то, как они помогут улучшить жизнь на Земле. При этом почти ничего не говорилось о механизмах, с помощью которых эти достижения можно было бы поставить на пользу всему человечеству. Разговор, в основном, вращался вокруг того, что уже сделано в рамках национальных программ (в первую очередь СССР и США), в частности, по установлению сотрудничества с другими странами. Вместе с тем, дальнейшие направления космической деятельности остались практически незатронутыми[522]. Не случайно поэтому многие участники конференции, а также сторонние наблюдатели, расценили данное мероприятие как во многом бесполезное[523].

Что же касается вопроса, ради которого форум был созван, а именно — роль ООН в развитии международного сотрудничества в космосе, здесь единственным результатом стало признание недостаточной вовлеченности этой организации в космическую деятельность. Участники также согласились, что если бы ведущие космические державы более активно использовали возможности, предоставляемые им ООН, то смогли бы достичь на «космической ниве» куда более впечатляющих результатов. Вот и все.

«Бесхребетность» итогов проведенного мероприятия была косвенно отмечена и Генеральным секретарем ООН У. Таном, который, подводя ей итог, смог только сказать: «Предложения и идеи, высказанные на конференции относительно будущей роли ООН, затронули широкий круг [вопросов]. Это призывает всех заинтересованных лиц со всей внимательностью рассмотреть направления и диапазон новых идей, отобрать [лучшие] и дать конкретные рекомендации относительно будущей роли ООН. Данные рекомендации должны обеспечить наиболее эффективное использование ресурсов и возможностей ООН в этой сфере деятельности с тем, чтобы люди как можно скорее получили практическую пользу от освоения космического пространства»[524].

Пожалуй, главным (и вполне предсказуемым) результатом работы форума стало подчеркивание важности советско-американского сотрудничества в космосе в качестве прелюдии и основы истинной интернационализации освоения космического пространства.

Международное сотрудничество в космосе или поиск союзников в

космическом «противоборстве»?

Интернационализация космоса, *истинное* международное сотрудничество в космосе, сотрудничество между странами или группами стран в исследовании и освоении космического пространства... На первый взгляд, за этими по сути своей весьма схожими терминами стоит одно и то же явление — взаимодействие между государствами за пределами атмосферы. Но только на первый взгляд.

На самом деле интернационализация космоса — это в настоящее время нечто идеалистическое и довольно абстрактное, ситуация, при которой «народы, распри позабыв, в единую семью объединятся» и при этом каждому государству, пусть даже самому бедному и незначительному, будет обеспечен такой же доступ в космос, что и мегадержаве. В общем, некое подобие ООН за пределами атмосферы.

Что касается *истинного* международного сотрудничества в космосе (на выделенном курсивом слове сделали акцент участники венской конференции), то это несколько более конкретное явление. Речь идет о равноправном взаимодействии стран в деле освоения космического пространства без учета их политических или экономических систем. И, наконец, есть (а точнее — было) сотрудничество, которое каждая из супердержав — СССР и США — во многом в пику друг другу развивали с отдельными странами или группами стран. Подобное взаимодействие, подчеркнули выступавшие на конференции, осуществляется в рамках американской и советской космических программ, служит, в первую очередь, национальным интересам Советского Союза и Соединенных Штатов и по сути своей является одной из форм соперничества в космосе между двумя сверхдержавами.

По мнению американских исследователей Харви и Сиккоритти, как США, так и СССР могли использовать механизмы ООН или же сопряженных с ней организаций для распространения в мировом сообществе сведений, полученных ими в результате исследования космоса. «Плюс» такой формы обогащения интеллектуальной копилки человечества новыми знаниями состоял в том, что при этом не требовалось ни формального соглашения, ни фактического взаимодействия между Советским Союзом и Соединенными Штатами за пределами атмосферы. Так, США, например, к тому времени уже довольно давно использовали Комитет по космосу, да и прочие органы ООН, для распространения «космической» информации.

Не упускали американцы случай и организовать небольшую международную кооперацию в рамках небольших проектов. К числу таких относились программа запуска геофизических ракет под эгидой ООН (с ограниченным участием СССР), ряд шагов по регулированию деятельности, относящейся к компетенции Международного телекоммуникационного союза (также с некоторым участием СССР)[525].

Довольно бурную деятельность Соединенные Штаты развили и в рамках Всемирной метеорологической организации, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации продуктов питания и т. д.[526]

В деятельности некоторых из этих организаций принимал участие и Советский Союз. Что же касается будущего, то как СССР, так и США вполне могли предоставить в распоряжение ООН, а также ассоциированных с ней организаций, большой объем данных, полученных в результате исследования космического пространства. Однако ирония в том, что степень, в которой ООН могла распорядиться во благо человечества полученными от Советского Союза и Соединенных Штатов фактами, также зависела по меньшей мере от неформального соглашения между двумя космическими супердержавами или от их молчаливого согласия с подобной деятельностью ООН. Тем не менее, как свидетельствовала история да и развитие событий на конференции в Вене, СССР по-прежнему не приветствовал активизации и расширения роли ООН в области освоения космического пространства. На форуме в австрийской столице представители Советского Союза традиционно доложили об обширных двусторонних программах сотрудничества страны в области космоса с отдельными государствами, в первую очередь с восточноевропейскими сателлитами СССР, а

также — с Францией. Кроме того, они упомянули о многосторонних программах, реализуемых Советским Союзом с участием стран «социалистического содружества», а также о намерении развивать и в будущем этот тип космического партнерства.

Что же касается Америки, она отработала о своем взаимодействии как с отдельными странами, так и с группами государств, в основном в рамках уже упоминавшихся Европейской организации космических исследований — ESRO, а также Европейской организации по разработке ракет-носителей — ELDO. Проявляли США активность и в рамках тех международных космических консорциумов, в которых СССР не участвовал, как, например, «Интелсат». Более того, постепенно Вашингтону становилось все более очевидно — объединить вокруг себя страны, желающие участвовать в исследовании и освоении космического пространства, можно и без участия Советского Союза и более того — даже в пику последнему. Да и вообще советский «космический фактор» постепенно снижал свое влияние на формирование политики США в области космоса. Как отметили в 1969 г. члены Оперативной группы по космосу при Белом доме, «американское общество советские свершения в космосе... более не расстраивают. В настоящее время советские достижения уже не будут иметь того воздействия [на сознание людей], как в прошлом»[527]. Было, правда, одно «но». СССР и США продолжали ревностно отслеживать степень доступности космических программ друг друга, чтобы, не дай Бог, не дать потенциальному противнику информации о «двойных технологиях» больше, чем получил от него. По этой причине традиционная секретность, какой Советский Союз окутывал свою космическую деятельность, была одним из главных факторов, сдерживающих темпы открытия американской космической программы перед «третьими» странами.

Разумеется, при такой ситуации США были вынуждены выстраивать вокруг собственной космической деятельности барьеры, заглянуть за которые не всегда удавалось даже их ближайшим союзникам. Этот фактор, а также необходимость продолжать единоличную борьбу с СССР за космическое лидерство, ставили национальное в космической политике США над международным. Подобное распределение приоритетов неизбежно определяло особенность подхода Соединенных Штатов к сотрудничеству в космосе, при котором сотрудничество это также становилось одной из форм борьбы за ведущие позиции во внеземном пространстве. Победа определялась тем, кто больше сможет объединить вокруг себя стран, желающих и способных участвовать в освоении космического пространства.

Заключение

Политические перемены как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе (связанные, в первую очередь, со сменой высшего руководства этих стран) в 1963-1964 гг. привнесли свои новшества в советско-американские космические отношения. Подход Линдона Джонсона к партнерству в космосе между СССР и США отличался от того, что был у Джона Кеннеди. Подобно Кеннеди, Джонсон также был не прочь объединить усилия двух сверхдержав за пределами атмосферы, но не в пример своему предшественнику, отнюдь не предлагал Советскому Союзу принять участие в главном и наиболее престижном космическом проекте США — программе «Аполлон». Его приглашения СССР к сотрудничеству не шли дальше взаимодействия в рамках второстепенных проектов.

Подобные изменения были обусловлены рядом причин:

1. Джонсон в большей степени, чем Кеннеди, отождествил себя с достижением цели американского космического лидерства.

2. Он был озабочен той возможной конкуренцией, которую могли составить ведущим позициям США в космосе нарождающиеся космические программы других стран Запада. Одним из главных способов уменьшить эту конкуренцию было объединить усилия этих стран за пределами атмосферы под руководством Соединенных Штатов.

3. Для Джонсона космическое сотрудничество было, в первую очередь, средством

укрепления связей с Европой, а не с СССР.

4. Не хотел новый президент навлечь на себя и критику со стороны республиканцев за преувеличенный интерес к взаимодействию с Советским Союзом в космосе при недостатке внимания к «заатмосферному» партнерству с другими странами.

5. Для Джонсона развитие космических отношений Америки с другими государствами было ходом, рассчитанным на оказание давления на СССР.

Что касается отношения Советского Союза к сотрудничеству с Соединенными Штатами в космосе, отношение это не претерпело каких-либо существенных изменений в первые пять лет правления Брежнева. К факторам, которые оказывали негативное воздействие на советско-американское космическое взаимодействие в прошлом, прибавились еще три. Один из них — усилившийся консерватизм во внутренней и внешней политике СССР, другой — возросшее воздействие на жизнь государства военно-промышленного комплекса и третий — война во Вьетнаме, еще более обострившая отношения между СССР и США. Сочетание всех этих явлений практически полностью стерло из повестки дня советско-американского диалога какие-либо разговоры о серьезном двустороннем сотрудничестве в космосе.

Глава 3

ОТ «ЛУННОЙ ГОНКИ» К «РУКОПОЖАТИЮ В КОСМОСЕ»

(конец 1960-х — начало 1970-х гг.)

Разрядка

В начале книги я упомянул о первом наиболее известном и значительном эпизоде в советско-американском сотрудничестве в космосе — полете «Союз — Аполлон». Рассмотрение этого проекта не входит в число задач книги, однако, поскольку он последовал прямо за «лунной гонкой», было бы неправильно хотя бы вкратце не рассказать о том, как из величайшего соперничества в космосе смогло вырасти, пусть и не сравнимое по масштабам с «битвой за Луну», но все же сотрудничество.

Период в истории советско/российско-американского сотрудничества в космосе, который начался вскоре после окончания «лунной гонки» и привел к «рукопожатию в космосе» в 1975 г., и по сей день вызывает немало вопросов. Ни у Брежнева, ни у Никсона, бывших главами государств, когда родилась идея ЭПАС (напомню, что это официальное название программы — «экспериментальный проект Аполлон — Союз»), отнюдь не было того «космического» энтузиазма, который наблюдался у их предшественников — Хрущева, Кеннеди и Джонсона. Более того, ни Брежнев, ни Никсон отнюдь не собирались превращать космос в «сферу совместных интересов» Советского Союза и Соединенных Штатов или же активно способствовать двустороннему сотрудничеству в космосе. Несмотря на то, что, по мысли американского президента, одной из «опор» для «моста» между США и СССР могло бы стать, в том числе, научно-техническое сотрудничество, космическое партнерство рассматривалось лишь в качестве одного из элементов подобной «опоры». Как же получилось, что именно во времена Брежнева — Никсона, а после — Брежнева — Форда советско-американское сотрудничество в космосе перешло из области надежд и планов в практическую плоскость и достигло своего пика в виде ЭПАС? Ответ на этот вопрос станет важным подспорьем в понимании механизмов советско/российско-американского взаимодействия за пределами атмосферы.

Факторы, которые оказали воздействие на сотрудничество двух стран в космосе в конце 1960-х — начале 1970-х гг., можно условно разделить на две категории. Первая — комплекс внутренних и внешних факторов, повлиявших на общие двусторонние отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вторая — факторы, порожденные

изменениями в космической промышленности и космической политике обоих государств.

Как показал анализ истории попыток советско-американского взаимодействия в космосе, одной из важнейших преград на пути двустороннего сотрудничества в этой сфере был весьма холодный политический климат в отношениях между двумя странами. Напрашивается вывод: чтобы у этого сотрудничества появился шанс, необходимо было «отогреть» советско-американские отношения.

По мнению многих экспертов, 1969 год стал своего рода переломным моментом в ходе холодной войны, после которого началась «разрядка». Подобные изменения на международной арене были продуктом, в первую очередь, внутренних перемен в СССР и США. В конце 1960-х гг. Советский Союз в целом достиг военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами, если не по качеству (способности ракеты нести несколько боеголовок), то — по количеству баллистических ракет. Предложив Москве провести переговоры по ограничению стратегических вооружений, Вашингтон тем самым признал появившуюся у СССР и США возможность гарантированно уничтожить друг друга[528].

Для Кремля подобное признание *de facto* означало, что по меньшей мере одна из целей, провозглашенных руководством страны, а именно — создание сверхдержавы, не уступающей другой сверхдержаве — США, как минимум в военной мощи достигнута. Теперь можно было сосредоточить больше сил и средств на решении внутренних экономических проблем СССР. А их к тому времени накопилось немало. В 1964-1965 гг. началась хозяйственная реформа в СССР, главным вдохновителем которой стал А. Н. Косыгин. Суть ее заключалась в том, чтобы обеспечить существенный сдвиг экономической системы в переходе к рыночному механизму хозяйствования за счет расширения хозяйственной самостоятельности и ответственности, ориентации производственных единиц на получение прибыли и создание экономической заинтересованности в улучшении производственных результатов. Однако к концу 1960-х гг., вследствие дальнейшего укрепления административно-командной системы в СССР, робкие попытки либерализации советской экономики постепенно сошли на нет[529]. Режим Брежнева нуждался в иностранных инвестициях с тем, чтобы обеспечить экономический рост страны или по крайней мере предотвратить ее хозяйственную стагнацию. Разрядка, благоприятствовавшая развитию торговли между Советским Союзом и западными государствами, способствовала привлечению «капиталистических» денег в «крепость социализма».

Впрочем, потепление отношений с Западом использовалось руководством Кремля для решения не только экономических, но и внутривнутриполитических проблем. Так, в начале 1970-х гг. Брежнев вывел из состава Политбюро бывшего Первого секретаря компартии Украины Петра Шелеста[530].

Одним из формальных предлогов для подобного решения стало выступление Шелеста против политики разрядки[531].

Международная обстановка также способствовала разрядке. В конце 1960-х годов в Европе наметилась тенденция на «оттаивание» отношений с Советским Союзом. Тенденция эта была всячески поддержана Кремлем, который давно стремился восстановить миролюбивый имидж СССР, изрядно подпорченный советским вторжением в Чехословакию в 1968 г.[532]

Немалое беспокойство доставляли Москве и процессы, происходящие на восточных рубежах страны. Речь идет об обострении китайско-советских отношений, пик которого пришелся на пограничный конфликт между двумя странами вокруг острова Даманский в марте 1969 г., а также о сближении Китая и США. Окончание холодной войны с Соединенными Штатами могло предотвратить если не дальнейший рост напряженности в отношениях между СССР и КНР, то по крайней мере формирование мощного антисоветского альянса двух крупнейших держав[533].

Символическое совпадение — именно в тот день, когда Советский Союз начал с Китаем переговоры по урегулированию пограничных проблем, а именно 20 октября 1969 г., посол СССР в США Анатолий Добрынин встретился с президентом Никсоном, чтобы

уведомить последнего о готовности Москвы начать предварительные переговоры с Вашингтоном по ограничению стратегических вооружений.

Надо сказать, что и администрация Никсона была не прочь подсократить военный бюджет США. Начало 1970-х годов было отмечено нарастанием экономических проблем в Америке, которые требовали немалых средств для их решения. Окончание гонки вооружений с СССР и постепенное свертывание прямого американского участия в войне во Вьетнаме позволяло уменьшить военные расходы. Как мудрый политик Никсон понимал, что Советский Союз и США входят в новую эру стратегического паритета. По его мнению, США уже не могли восстановить над СССР то военное превосходство, которое имели предыдущие двадцать лет, однако при этом сохраняли достаточно силы, чтобы убедить Москву пойти на переговоры с Вашингтоном. Пожалуй, из всех своих предшественников на посту главы Белого дома (за исключением, может быть, Эйзенхауэра, который взаимодействовал с советским руководством не только в бытность свою президентом, но и во время Второй мировой войны в роли командующего войсками союзников в Европе) Никсон знал Советский Союз лучше всех. Отчасти благодаря непосредственному знакомству со Страной Советов в ходе визитов: в 1959 г. в должности вице-президента, а в 1965-1967 гг. — как частного лица. Понимал он и то, что приобретенная им репутация консерватора, республиканца, а также последовательного антикоммуниста защитит его от любых обвинений в излишнем либерализме по отношению к Советскому Союзу. У президентов-демократов подобного «щита» не было[534].

Кое-что в отношении к разрядке роднило глав Белого дома и Кремля. Никсон, как и Брежнев, использовал идею окончания холодной войны для достижения собственных политических целей. В обращении к нации в январе 1969 г. по случаю вступления в должность президента он сказал: «впервые, потому что народы планеты хотят мира, а главы государств боятся войны, время работает на мир»[535]. Более того, он выразил уверенность, что:

«...наибольшую честь, которую может оказать история — это наградить титулом миротворца. Данная честь может выпасть на долю Америки — помочь планете выйти из низины хаоса и взойти на возвышенность мира — то, о чем мечтал человек с момента зарождения цивилизации... После периода раздоров мы входим в эру переговоров»[536].

Подобное обращение было весьма неожиданным шагом со стороны Никсона, который никогда не проявлял дружеских чувств по отношению к «социалистическому лагерю». Однако это был продуманный ход, ибо порой, отказавшись от стереотипов, политик может укрепить свою репутацию как государственного деятеля. Так и произошло в случае с Никсоном, ибо разрядка явно помогла ему переизбраться на следующий срок в ноябре 1972 г.[537] Более того, если пересмотр традиционных идеологических ценностей мог оттолкнуть прежних сторонников, то «приток новых и приятно удивленных (подобным пересмотром. — Ю. К.) союзников более чем компенсировал (потерю «старой гвардии». — Ю. К.)»[538]. Одним из таких новых союзников стал Генри Киссинджер, который, подобно Никсону, «уловил момент» и был готов использовать его для окончания холодной войны. Включение Киссинджера в команду Никсона придало импульс не только процессу разрядки. Киссинджер стал еще и одним из главных сторонников ЭПАС.

Окончание «лунной гонки»

Завершение великого соревнования в космосе, успехи и неудачи в космосе, вместе с изменениями в советской и американской космической политике, также способствовали ренессансу идеи о сотрудничестве двух стран за пределами атмосферы. Но прежде чем говорить о том, как эти факторы благоприятствовали «космическому» сближению двух стран, равно как и о том, почему Советский Союз не только не пришел в «лунной гонке»

вторым, но даже выбыл из борьбы, остановимся на тех нескольких годах, которые предшествовали докладу командира «Аполлона-11» Нила Армстронга с поверхности Селены: «Орёл (название лунного модуля «Аполлона-11». — Ю. К.) приземлился».

Итак, 20 июля 1969 г. в 16.10 по атлантическому времени США «Аполлон-11» совершил посадку на Луну. Но еще в конце 1960-х гг. оснований для вывода: русские отстают, а американцы вырываются вперед — не было. Так, к 1968 г. СССР запустил 74 космических объекта, как автоматических аппаратов, так и пилотируемых кораблей. У США аналогичный показатель равнялся 64. Но в то же время вот как к 1969 г. выглядела сравнительная статистика пилотируемых полетов Советского Союза и Соединенных Штатов:

Показатель	США	СССР
Общее количество полётов	18	10
Суммарный налёт членов экипажей в часах	3215	629
Число выходов в открытый космос	9	1
Число встреч, осуществлённых пилотируемыми кораблями на орбите	12	2
Количество стыковок пилотируемых кораблей	7	0
Число летавших пилотируемых маневрирующих кораблей	12	1

Таблица взята из книги: Каманин Н. П. Скрытый космос (1969-1978). — С. 7.

Однако в число кораблей, отправившихся с Байконура на космическую орбиту, входили те, полетные задания которых, по мнению западных наблюдателей, довольно прозрачно указывали на стратегическое направление, избранное советской космонавтикой в пику американской лунной программе, а именно — создание долговременных обитаемых станций (ДОС). Так, в октябре 1968 г. КК «Союз-3» под командованием Берегового сблизился на орбите с беспилотным КК «Союз-2». Подобный маневр мог рассматриваться как начало отработки сборки конструкций на орбите.

Впрочем, к тому времени Советский Союз действительно стал всерьез рассматривать перспективу создания обитаемых орбитальных комплексов. Вот как вспоминает об этом периоде в жизни советской пилотируемой космонавтики Б. Е. Черток:

«Мысли о том, что надо обязательно придумать нечто, компенсирующее наши неудачи по Н-1 («лунный» носитель. — Ю. К.), терзали не только высших

руководителей. Они буквально «висели в воздухе». Для нас, работников королевской фирмы, появился еще один фактор, стимулировавший поиски новых приоритетных достижений.

В 1967 году ОКБ-52, переименованное в ЦКБЭМ (Центральное конструкторское бюро энергетического машиностроения. — Ю. К.), приступило к разработке своего варианта орбитальной станции»[539].

Подозрения западных наблюдателей, будто Советский Союз вот-вот совершит «рывок» к Луне, были еще больше усилены довольно категоричным заявлением академика Л. И. Седова 1 ноября 1968 г., что СССР проторит дорогу к естественному спутнику Земли с помощью орбитальной станции[540]. Не исключено, что слова советского представителя должны были дать понять — СССР более не ставит перед собой цель оказаться на Луне раньше американцев любой ценой. Как отметил Седов, лунная программа отнюдь не является стратегическим направлением советской космонавтики. «Другие планеты не менее важны», — подчеркнул он[541]. Однако подобное утверждение скорее насторожило, чем успокоило западных экспертов, привыкших к тому, что по ту сторону железного занавеса свято соблюдают принцип наполеоновского министра иностранных дел Талейрана: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Поэтому, когда Седов в ответ на прямой вопрос о «лунных» планах СССР ответил, что его страна не предпримет посадки на Луну в течение «последующих шести месяцев»[542], это было понято так, что Москва, как и Вашингтон, осуществит штурм естественного спутника Земли через месяцы, а не годы. Вот как по этому поводу высказалась газета «Вашингтон Ивнинг Стар»:

«Русские приближаются к Луне с той скоростью, с какой это им позволяет их техника... Конечно, невозможно предсказать, что ждет впереди каждую из стран (СССР и США по дороге к Луне. — Ю. К.), или же предположить, с какими проблемами им придется столкнуться на пути к лунной посадке. Однако, если все пойдет, как надо, похоже, обе нации будут готовы к этому через год. Мы совершенно не будем возражать против того, чтобы гонку можно было «подправить» и достичь соглашения о практически одновременных посадках. Это было бы одним из способов добиться того, чтобы ни одна из стран не стремилась бы утвердить свой национальный престиж ценой трагедии»[543].

К тому времени Советский Союз дал уже достаточно пищи для версий и догадок о своих «лунных» намерениях. Так, 22 сентября 1968 г. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) сообщило о полете космического аппарата «Зонд-5». В период 15-21 сентября он облетел Луну, исследовав окололунное пространство, а после совершил мягкую посадку в Индийском океане и был подобран советским кораблем. Это очередное достижение советской космонавтики, подтвержденное наблюдениями американских, британских и западногерманских специалистов, стало первым облетом Луны рукотворным объектом с его последующим возвращением на Землю в те же «руки», которые его и запустили. По некоторым признакам западные наблюдатели поняли, что речь идет о прототипе лунного пилотируемого корабля. Внешне «Зонд-5» напоминал «Союз», только без переднего бытового отсека. На борту «Зонда» был «экипаж» в составе небольших животных, насекомых, а также растений. Аппарат был также оснащен прибором для измерения радиационного фона в ходе полета и магнитофоном, который транслировал с борта голос космонавта для проверки качества дальней радиосвязи.

Отзыв, который получил «Зонд-5» от главного соперника СССР по космической гонке, пожалуй, украсил бы даже первую страницу главного идеологического рупора СССР — газеты «Правда». Глава НАСА Уэбб охарактеризовал этот полет как «наиболее важную демонстрацию общего уровня развития космонавтики, достигнутого к настоящему времени какой-либо страной»[544]. Не остались в стороне и англичане. Британский астроном Бернард Ловелл расценил полет «Зонда-5» как «очень значительное достижение» и выразил мнение, что «через несколько месяцев на борту подобного корабля полетит человек»[545]. А один из

ведущих западногерманских ученых Гейнц Камински пошел еще дальше, предсказав: «Еще в этом году, или же, самое позднее — в первой четверти 1969 г., «Союз» с экипажем из трех человек облетит Луну, а после — они (т. е. русские. — Ю. К.) высадятся на Луну»[546].

Не отставали от ученых и специалистов в своих «возвышенных» оценках полета «Зонда-5» и американские политики. Конгрессмен от штата Техас Олин Теге подчеркнул, что «русские опять сделали то, чего не сделали мы», и с горечью заметил, что, похоже, чрезмерная самоуспокоенность является национальной чертой американцев. «Мы проспали спутник и, кажется, вновь делаем нечто подобное сейчас»[547], — посетовал он.

Похожие настроения отразились в американской прессе. По мнению газеты «Вашингтон Пост»:

«„Зонд-5" должен помочь нации сбросить с себя оцепенение самоуспокоенности... Наши национальные цели в области освоения космоса расплывчаты, наши надежды не соответствуют средствам их осуществления. Из сияющих космических перспектив, нарисованных перед американцами президентом Кеннеди, мы скатились в программу, отмеченную рывками и ухабами... По этой причине не стоит фиксироваться на «Зонде-5» и надрываться, чтобы любой ценой обогнать русских в «лунной гонке». Наша программа... должна двигаться вперед с собственной скоростью. Если эта скорость достаточна для того, чтобы доставить первыми на Луну американских астронавтов — прекрасно. Если нет — так тому и быть. Честь и хвала русским, если их представители первыми ступят на Луну. При освоении космоса правильные шаги делать важнее, чем — первые»[548].

Впрочем, не все американские издания пребывали в подобном самобичующе-пораженческом состоянии духа. Как отметила «Нью-Йорк Таймс», «не стоит спешить с выводом, будто русские в космосе вырвались далеко вперед, и советские граждане непременно водрузят на лунной поверхности свой флаг до американских астронавтов»[549].

Как показал дальнейший ход событий, «Таймс» оказалась ближе к истине, чем «Стар» или «Пост». Еще в период с мая 1964 г. по январь 1968 г. стартовали пять ракет-носителей типа «Сатурн-1» и три — типа «Сатурн-1Б» (и те и другие — «младшие братья» лунного носителя «Сатурн-5»). На них в автоматическом режиме отрабатывались различные элементы техники, предназначенной для доставки астронавтов на Луну. А к тому времени, когда последние две газеты публиковали минорные статьи, в НАСА уже планировали лунную посадку где-то на 1969 г. В январе 1968 г. ракета-носитель «Сатурн-5» доставил беспилотный «Аполлон-5» на орбиту. В задачу полета входило испытание лунного посадочного модуля. За «Аполлоном-5» последовал такой же автоматический «Аполлон-6». Теперь задача полета усложнилась. Требовалось опробовать полный «комплект» — служебный, командный и лунный модули. Носитель, как и в предшествующем полете, вел себя безупречно, а с «комплектом» возникли некоторые проблемы. Однако в целом испытания признали успешными и по их результатам было решено дать «зеленый свет» первому пилотируемому старту по программе «Аполлон».

11 октября 1968 г., примерно через три месяца после переполошившего всю Америку полета «Зонда», на орбиту отправился «Аполлон-7». В состав его экипажа вошли ветеран двух космических миссий Уолтер Ширра (командир), а также новички — Дон Изел и Уолтер Канингем. Поскольку речь шла только о проверке пилотируемого корабля (т. е. служебного и командного модулей без их лунного «собрата»), на орбиту астронавтов вывел укороченный близнец «Сатурна-5» — «Сатурн-1Б». Поясню: соединенные вместе служебный и командный модули — это то, что, собственно, и называется космическим кораблем (некоторые ревнителю точности в космической терминологии именуют его командно-служебным модулем). У «Аполлона» они выглядят как цилиндр, один конец которого заканчивается конусом, а другой — плоский, с юбочкой в центре. Конус — это и есть командный модуль, где размещается экипаж. Все остальное — служебный модуль, где

находятся двигатель (юбочка — это его сопло), а также системы жизнеобеспечения астронавтов. Перед сходом с орбиты конус отделяется от остальной части цилиндра, приобретает название «спускаемый аппарат» и в таком виде возвращается на Землю.

Но вернемся к «Аполлону-7». Полет длился 11 дней. Уже на вторые сутки пребывания в космосе астронавты здорово простудились и промучались с «заложенными» носами до конца миссии. Чтобы избежать возможного повреждения барабанных перепонок вследствие перепада давления при спуске с орбиты, обитатели «Аполлона-7» даже не стали надевать шлемы на этом участке полета. Поступок довольно парадоксальный с точки зрения безопасности — ведь именно скафандр, неотъемлемой частью которого является шлем, и призван защитить члена космического экипажа от возможной разгерметизации спускаемого аппарата в период его вхождения в плотные слои атмосферы. Но астронавтам пришлось пойти на это, чтобы иметь возможности зажимать носы в момент глотания, выравнивая таким образом давление снаружи и внутри перепонок. О том, насколько серьезно воспринималась эта проблема как обитателями «Аполлона-7», так и теми, кто ожидал их на Земле, говорит следующий факт. При приводнении спускаемый аппарат перевернулся и какое-то время болтался на волнах вверх дном. Из-за того, что его антенны оказались под водой, астронавты не смогли связаться с поисково-спасательными службами в течение 20 минут. Одна из версий, объяснявшая их молчание — экипаж потерял сознание из-за сильной боли в ушах, возникшей в результате перепада давления в кабине в ходе возвращения из космоса[550].

Интересно, что похожая история произошла с экипажем «Союза-23» (В. Д. Зудов, В. И. Рождественский) в октябре 1976 года. Из-за отклонений в параметрах посадки их корабль приводнился ночью на озеро Тенгиз в двух километрах от берега. Сразу после приводнения произошел нештатный выпуск запасного парашюта (сработали выпускающие пиропатроны по причине короткого замыкания, вызванного попаданием на их контакты соленой воды). В результате нарушилась балансировка спускаемого аппарата и он перевернулся, после чего его антенны, как и в случае с «Аполлоном-7», оказались под водой, лишив, таким образом, экипаж возможности связаться со спасателями. Проболтавшись на волнах почти десять часов, космонавты ступили на твердую землю лишь после того, как вертолет Ми-8 практически «волоком» притащил их спускаемый аппарат по воде к берегу.

Но все это «мелочи жизни», не заметные на фоне триумфа, который имел полет «Аполлона-7» в США, да и во всем «свободном мире». И дело здесь не только в том, что это была первая успешная миссия американского трехместного корабля. Первый пилотируемый «Аполлон» ознаменовал собой возвращение к «жизни» лунной программы США, в течение двух лет приходившей в себя после удара — гибели экипажа «Аполлона-1» в январе 1967 г. Не зря «Аполлон-7» ушел в космос именно с той стартовой площадки, на которой оборвались жизни астронавтов Гаса Гриссома, Эдмунда Уайта и Роджера Чаффи.

Но отгремели фанфары, и Америка приготовилась к тому, чтобы сделать очередной шаг на пути к цели, поставленной перед нацией еще президентом Кеннеди. Следующий экипаж — «Аполлона-8», должен был испытать все основные элементы лунного «ковчега», т. е. служебного, командного и лунного модулей. По мере подготовки миссии выяснилось, что лунный модуль не будет готов к моменту старта[551]. Однако вера в то, что русские, как в случае со спутником и Гагариным, могут неожиданно вырваться вперед, заставляла НАСА торопиться. К тому же и без лунного модуля еще было что опробовать. Носителю «Сатурн-5» впервые предстояло совершить полет с кораблем, внутри которого находился экипаж. Как и «Аполлон-7», «восьмерка» состояла только из служебного и командного модулей.

Составление программы полета «Аполлона-8» шло не без труда. Вначале решили ограничиться испытанием «Сатурна-5» «под седлом» у астронавтов. Рассматривался вариант облета Луны, но руководители НАСА решили, что сначала нужно посмотреть, как «рабочая лошадь» — «Сатурн» выведет свою «повозку» с ездоками на орбиту вокруг Земли, прежде чем поручить этому носителю «толкнуть» их к Луне. Не забыли в агентстве, что в ходе испытания полного лунного комплекта на автоматическом «Аполлоне-6» были кое-какие

осечки. Да и очередная гибель астронавтов если не подписала бы «смертный приговор» всей пилотируемой лунной программе, то по крайней мере задержала бы ее реализацию на многие годы. Наличие лунного модуля увеличивало шансы на выживание экипажа в полете в случае, если что-нибудь произошло бы с космическим кораблем[552]. Забегая вперед, скажу, что возможности лунного модуля как «спасательной шлюпки» были с блеском продемонстрированы во время аварии «Аполлона-13» на пути к Луне в апреле 1970 г.

Подобные размеренные планы спутал «Зонд-5». Не желая оказаться перед перспективой поздравить советский народ с очередным «великим подвигом», каким мог стать облет Луны или даже посадка на нее, руководители НАСА всерьез призадумались о том, чтобы вывести «Аполлон-8» на лунную орбиту. Подобные намерения озвучил 28 октября 1968 г. новый руководитель агентства Томас Пейн, который немного ранее сменил на этом посту главного «рулевого» программы «Аполлон» Джеймса Уэбба: «Окончательное решение о том, отправить ли «Аполлон-8» на орбиту вокруг Луны, будет сделано после тщательного анализа связанного с этим риска и тех выгод, которые будут получены в результате очередного шага на пути к пилотируемой лунной посадке. Мы осуществим самый передовой полет, к которому сможем подготовиться и который не создаст неоправданного риска для безопасности экипажа»[553].

Через две недели Пейн объявил о результатах этого «анализа»: «...мы пришли к выводу, что готовы отправить в декабре «Аполлон-8» по наиболее передовой программе, т. е. на орбиту вокруг Луны»[554].

Несмотря на то, что данное решение НАСА подверглось критике за «испытание судьбы», «игру в рулетку со ставкой на то, что все сработает, как надо», а также за бег «наперегонки с русскими к Луне», в целом Америка приветствовала этот шаг агентства[555]. 21 декабря «Аполлон-8», пилотируемый экипажем в составе Фрэнка Бормана (командир), Джима Ловелла (пилот командного модуля) и Билла Андерса (пилот лунного модуля, несмотря на то, что модуля этого в составе «Аполлона-8» не было), ушел в космос. 24 декабря «восьмерка» вышла на орбиту вокруг Луны. Несмотря на то, что кораблю еще предстояло вернуться на Землю, вся мировая пресса, за исключением советской и китайской, взорвалась победными реляциями, общий смысл которых выразила газета «Нью-Йорк Таймс»: американские астронавты «обеспечили себе бессмертие, как первые люди, стряхнувшие с себя земные оковы и успешно достигнувшие другой планеты во внезапно уменьшившейся Солнечной системе»[556]. «Аполлон-8» облетел десять раз естественный спутник Земли и 27 декабря благополучно вернулся домой. В целом полет прошел безупречно, что дало основание Борману назвать Луну «американским сыром»[557].

Экипаж следующего «Аполлона», шедшего под порядковым номером 9, должен был сделать то, что первоначально отводилось на долю «восьмерки», а именно опробовать на околоземной орбите все составные части лунного «ковчега» — командно-служебный и лунный модули (ЛМ). Первый был назван экипажем «Конфеткой», а второй — «Пауком». Аппарат, предназначенный для доставки астронавтов на поверхность естественного спутника Земли, а после — обратно на корабль, имел еще прозвище «пятнадцатитонное такси» и стоил \$41 миллион (с учетом покупательной способности доллара начала XXI века — порядка \$200 миллионов). Вес топлива на его борту в три раза превышал вес самого модуля. Внешне ЛМ действительно напоминал паука — довольно неуклюжее угловатобочковатое «туловище» с растопыренными «ногами» — посадочными опорами. Впрочем, в аэродинамической элегантности форм у него просто не было нужды — лунный модуль предназначался только для эксплуатации в условиях вакуума на трассе Земля — Луна, а также для посадки на поверхность Луны. Сразу уточню: с Луны стартовала только его верхняя часть — так называемая «взлетная ступень» с экипажем, которая и доставляла астронавтов на корабль, поджидавший их на окололунной орбите.

«Аполлон-9», пилотируемый экипажем в составе Джеймса МакДивитта (командир), Дэвида Скотта (пилот командного модуля) и Рассела Швейкарта (пилот лунного модуля), ушел в космос 3 марта. «Пиком» полета было, конечно, испытание ЛМ. Для этого

МакДивитт и Швейкарт перешли в лунный модуль. В процессе перехода Швейкарт испытал скафандр для работы на Луне, выйдя в нем на «лестничную площадку» ЛМ (небольшую горизонтальную поверхность, от которой шла лестница для спуска на поверхность Луны). После этого астронавты отстыковались от командного модуля (КМ), в котором остался Скотт, и отошли от него на 100 миль (примерно 160 километров). Затем они опробовали двигательную установку ЛМ, которая, хоть и «покашляла», но, в общем, сработала нормально. Наконец, наступил кульминационный момент. МакДивитт и Швейкарт отделили взлетную ступень от посадочной ступени ЛМ и пошли назад, к командному модулю. Никто не знал, как пройдет операция разделения двух частей ЛМ в вакууме, а потому Скотт был готов к тому, чтобы подлететь в КМ к товарищам, случись непредвиденное. Тревогу вызывала и предстоящая стыковка взлетной ступени и командного модуля — а вдруг первая не достаточно «нежно» коснется второго, повредив и себя и его? Но соединение двух элементов после шестичасовой «разлуки» прошло штатно, и 13 марта «Аполлон-9» приводнился в заданном районе Атлантического океана.

После того, как «ковчег» для полета к Луне, а также «шлюпка» для спуска на ее поверхность и последующего возвращения на корабль «сдали зачет», настало время для генеральной репетиции полета на Селену. Задача эта была возложена на экипаж «Аполлона-10», который стартовал в космос 18 мая 1969 г. Командовал экспедицией Томас Стаффорд, пилотом командного модуля был назначен Джон Янг, а лунного — Юджин Сернан. Об ответственности данной миссии говорил и такой факт: впервые с начала полетов по программе «Аполлон» все три члена экипажа имели уже опыт «космоплавания», а у Стаффорда и Янга к тому времени было по два полета. Лунный и командный модули получили имена комиксовых героев: первый — смешной собачонки «Снупи» (намек на то, что экипажу предстояло «обнюхать» поверхность Селены), а второй — «Чарли Браун».

Перед экипажем была поставлена задача — выйти на орбиту Луны, после чего Стаффорду и Сернану перейти в ЛМ, отстыковаться от КМ и подойти к поверхности Селены, не садясь на нее. 22 мая «Снупи», после прибытия в окрестности искусственного спутника Земли, отделился от «Чарли Брауна» и отправился в свой 8-часовой самостоятельный полет. Как и в случае с «девяткой» все, в общем, прошло штатно, если не считать, что во время полета с включенным тормозным двигателем ЛМ вдруг стал «выделять коленца», чем доставил немало неприятных минут Стаффорду и Сернану. Подобная «пляска» продолжалась три минуты и прекратилась лишь после того, как экипаж отстрелил посадочную ступень лунного модуля. Позже выяснилось, что произошло это из-за выключателя, поставленного в неправильное положение. Но это все были «мелочи жизни». Главное — астронавты почти «сели» на поверхность Луны, от которой их в момент максимального приближения к ней отделяли всего 17 км, а через четыре дня после этого, 26 мая, благополучно приводнились в Атлантике. Впрочем, этого «почти» могло и не быть. Если бы полет «Аполлона-10» стал последней возможностью достичь поставленной Кеннеди цели в установленные сроки, а именно — высадиться на Луну и благополучно вернуться обратно до конца десятилетия, члены экипажа «Снупи» стали бы первыми людьми на Селене[558].

Итак, полету людей на Луну был дан «зеленый свет». Это и произошло 16-24 июля 1969 г. во время полета «Аполлона-11» под командованием Нила Армстронга. В состав его экипажа вошли также Баз Олдрин (пилот лунного модуля, названного «Орел») и Майкл Коллинз (пилот командного модуля, получившего имя «Колумбия»)[559].

20 июля 1969 г. Армстронг ступил на поверхность Луны со словами: «Маленький шаг для одного человека, но огромный скачок для всего человечества». Таким образом завершилось великое соревнование в космосе между СССР и США, выигранное американцами. А 24 июля астронавты «Аполлона-11» благополучно вернулись на Землю.

Отступление седьмое: почему СССР проиграл «лунную гонку»?

На тему советско-американской «битвы за Луну», равно как и почему победа в ней осталась за Соединенными Штатами, написано немало книг и статей, как в СССР/России, так и в США[560]. Что касается отечественных авторов, наиболее авторитетны два — академик АН СССР и РАН Василий Павлович Мишин (преемник С. П. Королева на посту главного конструктора пилотируемой ракетно-космической техники, а после смерти Сергея Павловича — «главный архитектор» советской программы полета человека на Луну (Н1-Л3)), и член-корреспондент АН СССР и РАН Борис Евсеевич Черток (конструктор систем управления космических кораблей, который также принимал участие в великом «лунном соревновании»).

Мишин полагает, что «не надо искать персонально виноватых» в провале программы Н1-Л3. Дело в том, что «экономика страны не была готова к выполнению такой дорогостоящей программы». Против подобной точки зрения выступает один из ведущих конструкторов КБ Королева Сергей Крюков: «Нельзя списывать трагедию Н1-Л3 на слабость нашей экономики. У нас нашлись средства для реализации программы «Энергия» — «Буран». Их вполне хватило бы для модернизации Н1-Л3 и успешных экспедиций на Луну»[561].

Понять Мишина, объясняющего проигрыш СССР в «лунной гонке» экономическими причинами, несложно. В борьбе за первенство Советского Союза в достижении Селены участвовали тысячи людей, десятки независимых организаций. Но при этом Василий Павлович был главным ответственным за постановку реально достижимых целей как перед отдельными специалистами, так и целыми коллективами, за их слаженную работу, четкое понимание и своевременное выполнение задач. Однако за национальную экономику главный конструктор, естественно, отвечать не мог, и если ей не хватило мощи обеспечить реализацию его замыслов, то вина, понятное дело, не «космического архитектора», а руководства страны.

Впрочем, даже Мишин не всегда однозначно оправдывает поражение СССР в «битве за Селену» слабостью советской экономики. В своей большой статье «Почему мы не слетали на Луну?» он пишет:

«Нашей стране затраты, подобные затратам США на программу «Сатурн-Аполлон», были не под силу... Самое крупное финансовое «вливание» произошло только в 1970 г. (около 600 млн руб.). **Но и эти средства, выделяемые непосредственно министерствам, тратились бесконтрольно, по их усмотрению... Имелись серьезные недостатки как в организации, так и в координации работ по этой программе** (выделено мною. — Ю. К.)»[562].

Итак, «недостатки как в организации, так и в координации» работ... Не здесь ли скрывается главная причина? Попробуем повнимательнее взглянуть на эту проблему.

Первое. Важнейшим фактором победы США в «лунной гонке» стало вовлечение в это соревнование практически всего научно-технического и значительной части экономического потенциала США. Как отметил Черток, «...в лунной программе США опередили нас уже тем, что сразу объявили ее общенациональной: «Каждый американец должен внести свой вклад в успешное осуществление этого полета». «Космические доллары» (т. е. деньги, выделенные на программу «Аполлон». — Ю. К.) начали проникать почти в каждую область американской экономики. Таким образом, подготовка высадки на Луну оказалась под контролем всего американского общества»[563].

Как же обстояло дело у нас? Режим секретности, окутывавший советскую космонавтику с момента ее возникновения, стал серьезным препятствием на пути ускоренного развития программы Н1-Л3. Чересчур рьяное стремление «секретчиков» скрыть технологии двойного использования от потенциального противника привело к изоляции значительной части инженерно-конструкторских кадров, не имевших «секретных» допусков, от участия в создании новых космических технологий[564].

Второе. Как известно, Кеннеди провозгласил начало осуществления программы

«Аполлон» 25 мая 1961 г. Именно с этого момента все силы Америки были брошены на победу в «лунной гонке». А в 1962 г. была окончательно выбрана и утверждена схема экспедиции на Селену. А в СССР «до конца 1963 года структурная схема лунной экспедиции еще не была выбрана»[565]. И только 3 августа 1964 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О работах по исследованию Луны и космического пространства». В нем впервые было отмечено, что важнейшей задачей в исследовании космического пространства при помощи ракеты Н-1 является освоение Луны с высадкой экспедиции на ее поверхность и последующим возвращением космонавтов на Землю. Лишь после этого и началось значительное финансирование отечественной лунной программы[566]. Таким образом, простой подсчет показывает, что Соединенные Штаты на три с лишним года раньше Советского Союза «взяли старт» в «лунной гонке». С учетом чрезвычайно жестких временных рамок, установленных для победы в данном соревновании, это была весьма большая фора в пользу США.

Третье. И в США, и в СССР военные, как уже отмечалось, пытались прибрать к рукам практически всю национальную космическую деятельность, включая и гражданскую, заставить ее работать в интересах своего ведомства. И в той и в другой стране подобные попытки тормозили осуществление лунных пилотируемых программ. Однако в Соединенных Штатах НАСА и лично Уэббу удалось договориться с Пентагоном о разграничении полномочий в вопросах исследования и освоения космоса и в конечном итоге фактически полностью освободить «Аполлон» от влияния военных. Другое дело — СССР, где вся космическая деятельность находилась под контролем Министерства обороны, и средства на ее финансирование брались во многом из оборонного бюджета. О том, какую реакцию вызывало это со стороны высшего генералитета в 1960-е годы, пишет Черток:

«[Министр обороны] Гречко вообще категорически против. Он и сейчас считает, что вообще зря связались с Луной, и возмущается, что за счет бюджета Министерства обороны оплачиваются расходы на морские телеметрические корабли, крымские пункты, вся подготовка на Байконуре и тренировка всех космонавтов. Гречко полагает... что за космос должна платить Академия наук и заинтересованные министерства. Ему, Гречко, Луна не нужна»[567].

К этому следует добавить, что Брежнев, сменивший на посту руководителя партии и государства Хрущева, заигрывал с военными, поддержавшими его восхождение на политический Олимп СССР в 1964 году. Он пытался им в угоду исправить «ошибки» своего предшественника, которые состояли в сокращении расходов на обычные вооружения, строительство больших надводных кораблей, создание тяжелых бомбардировщиков и армию в целом. В этих условиях выходить с предложениями об увеличении финансирования проекта лунной экспедиции, «необходимость которой маршалам была вовсе непонятна», кураторам гражданского «космоса» было просто опасно[568].

В качестве примера тормозящего воздействия, которое оказывали на советскую лунную программу военные, можно привести несколько фактов. Правительственным постановлением от 13 мая 1961 года конструкторам предписывалось создать ракету Н-1 к 1965 году. Однако 16 апреля 1962 года то же правительство и ЦК и тот же Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев предлагают ограничиться только эскизным проектом. Появление этого промежуточного постановления объяснялось, в первую очередь, весьма прохладным отношением к проекту Н-1 Минобороны[569]. А в марте 1969 г. генерал Каманин оставил в дневнике следующую запись:

«Сегодня получил письмо начальника Генерального штаба маршала Захарова. Он пишет... что заказывать дополнительно 10 кораблей «Союз» нецелесообразно из-за недостаточной их ценности в военном отношении (напомню, что «Союз» создавался и отрабатывался в первую очередь под лунную программу. — Ю. К.). Маршал Малиновский на аналогичные наши просьбы о

заказах «Востоков» и «Восходов» отвечал лаконично и предельно выразительно: «Военного значения эти корабли не имеют, заказывать не будем». Таков же по существу ответ и маршала Захарова, который до сих пор не понял, что готовые военные космические корабли с неба не падают, что их надо готовить многими полетами «кораблей, не имеющих военного значения». В прошлом (1966-1968 годы) мы уже имели длительный перерыв в пилотируемых полетах из-за близорукой политики Малиновского и Захарова. Сегодня продолжается та же политика, способствующая увеличению преимущества США в использовании космоса...»[570]

Третий фактор, позволивший США вырваться вперед, тесно связан со вторым. Руководство НАСА и тысячи его ученых и инженеров не несли никакой ответственности за ракетно-ядерное вооружение Америки. Их время, знания и энтузиазм целиком отдавались экспедиции на Луну. Что же касается Советского Союза, то Министерство общего машиностроения (МОМ), отвечавшее за реализацию каждой космической программы, несло еще большую ответственность за создание боевых ракет. «Головные организации, их главные конструкторы и ведущие специалисты, создававшие ракетно-ядерный щит, были солдатами холодной войны и одновременно трудились на втором — космическом фронте»[571].

Четвертое важнейшее организационное преимущество США перед СССР, по мнению Чертока, заключалось в следующем: «США имели единую государственную организацию [НАСА], наделенную монопольным правом разработки невоенных космических программ и получающую для их финансирования средства из государственного бюджета. У нас же каждый головной, главный или генеральный конструктор выступал со своей концепцией развития космонавтики, исходя из своих возможностей и личных субъективных воззрений. Попытками разработки единого перспективного плана на десятилетия вперед занимались редкие энтузиасты. Предлагаемые государственными головными организациями планы рассматривались в головном министерстве — МОМе, в Генштабе и Центральном управлении космическими средствами (ЦУКОС), подчиненном Главкому РВСН, в ЦК КПСС, в аппарате Совмина — ВПК (Комиссия по военно-промышленным вопросам. — Ю. К.), согласовывались с десятками министерств и, если удавалось их протолкнуть, утверждались решением Политбюро и Совета Министров. Финансирование по этим планам из госбюджета получал каждый участник работы отдельно. Даже в аппарате ВПК, в Кремле нашу систему руководства космонавтикой иногда называли «государственным феодализмом»[572].

Развивая эту мысль, Д. Ф. Устинов, в то время занимавший пост секретаря ЦК КПСС по оборонным вопросам, считал, что каждое министерство представляло из себя «феодальное княжество». В такой ситуации, сетовал Дмитрий Федорович, «главные конструкторы вместо дружной работы занимают агрессивную позицию в отношении друг с другом, даже перестают слушать своих министров»[573].

Начало подобной агрессивности главных конструкторов в отношении друг друга, имевшей разрушительный эффект для советской лунной программы, было положено уже упоминавшимся ранее конфликтом между Королевым и Глушко. Однако со временем в спор между этими двумя столпами ракетной техники включились новые главные — Янгель и Челомей. Дело в том, что монополия Королева на тяжелые ракеты-носители угрожала их активному участию в перспективных космических программах. Началась серьезная атака на правительственный аппарат с разных сторон с критикой ранее принятых решений. У одного из «нападавших» — Челомея, было к тому же мощное «ударное оружие» в лице сына Н. С. Хрущева — Сергея, работавшего на его КБ. О значении, которое имел для Челомея отпрыск первого лица в государстве, писал Голованов:

«Молодой Хрущев, даже не прикладывая каких-либо титанических усилий, одним фактом своего присутствия помог Челомею встать на ноги, развернуть

строительство в Реутове под Москвой прекрасно оснащенного КБ, «съесть» могучую фирму Владимира Михайловича Мясищева[574] и сделать своей основной производственной базой завод имени М. В. Хруничева в Филях — едва ли не лучший авиационный завод в стране: с богатыми традициями, стойкими кадрами, культурой и чистотой самолетного производства»[575].

В числе результатов подобной атаки было постановление от 16 апреля 1962 г. «О создании образцов межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей тяжелых космических объектов». Данный документ, как и тот, что последовал за ним 29 апреля того же года, поручали создание тяжелых и сверхтяжелых ракет сразу трем конструкторским бюро — Королева, Янгеля и Челомея. **Об организации целенаправленной работы по пилотируемым полетам к Луне в постановлении не говорилось** [576]. Более того, в отличие от США, в СССР было фактически две лунных программы. В соответствии с постановлением от 3 августа 1964 г. пилотируемый облет Селены должен был совершить экипаж на корабле с помощью ракеты УР-500К в первом полугодии 1967 г. Главным исполнителем плана было ОКБ-52, руководимое Челомеем. Этим же документом предусматривалась высадка космонавтов корабля, выводимого тяжелой ракетой-носителем Н-1, на поверхность Луны с возвращением и посадкой на Землю в 1967-1968 гг. За эту фазу покорения Селены, включая создание ракеты-носителя, космического корабля и проведение экспедиции в целом, отвечало уже королевское ОКБ-1, а после смерти Сергея Павловича — то же бюро (переименованное, правда, в ЦКБЭМ — Центральное конструкторское бюро энергетического машиностроения), возглавляемое Мишиным[577]. Генерал Каманин так охарактеризовал ситуацию: «Денег тратим много, но действуем растопыренными пальцами, не сосредоточивая усилия на главном направлении»[578].

Правда, стремление объединить все финансовые и интеллектуальные ресурсы космонавтики вокруг одного проекта лунной экспедиции, что было так свойственно Королеву (разумеется, вокруг своего проекта Н-1 — Л-3), сыграло сомнительную службу всей лунной пилотируемой программе СССР. Вот как об этом рассказывает Черток:

«К тому времени, когда наша программа Н-1 — Л-3 была закрыта и [челомеевский] проект УР-700 (универсальный ракета-носитель. — Ю. К.) с кораблем ЛК-700 (лунный корабль. — Ю. К.) был положен в архив, у нас с Челомеем установились вполне нормальные отношения. На одном из очередных собраний нашего академического отделения, пригласив меня в буфет «на стакан чая с печеньем», Челомей задал неожиданный вопрос:

— Признайтесь, если б лет десять-двенадцать назад приняли бы мое предложение по УР-700, мы бы сейчас имели и лунный, и марсианский носитель, который никто не смог бы закрыть. Три ступени УР-700 отработаны и теперь всем нужны.

Я должен был признать, что идея предложенного в 1965 году носителя УР-700 имела свои преимущества. За основу новой ракеты принималась уже находившаяся в эксплуатации трехступенчатая УР-500К (всем известный носитель типа «Протон» — основная «грузовая лошадка» советской и российской космонавтики. — Ю. К.). УР-500 в качестве второй ступени устанавливалась на разрабатываемую первую ступень, которая состояла из девяти блоков с одним двигателем РД-270 в каждом. Общая тяга двигателей первой ступени у Земли составляла 5760 тс. Это позволяло вывести на орбиту ИСЗ полезный груз массой до 140 тонн.

— **Мы бы имели носитель, не уступающий «Сатурну-5», но с тем преимуществом, что три верхние ступени всегда находятся в серийном производстве, независимо от лунной программы,** — говорил Челомей.

В этом смысле он был прав (выделено мною. — Ю. К.)».

Видимо, поэтому у Челомея были определенные основания сказать в 1975 г., уже после закрытия советской лунной пилотируемой программы, про Королева: «Отобрал у меня облет

Луны — сам не сделал и мне не дал»[579]. Военный Каманин был более прямолинеен: «Королеву удалось «протолкнуть» в правительстве и ЦК КПСС свое детище и охаять ракету Челомея УР-700. Ракета Н-1 оказалась „сырой“...»[580] С Челомеем и Каманиным в общем солидарен Черток: «Преждевременный уход из жизни не дал возможности Королеву исправить ошибки, которые были совершены, в том числе им лично»[581]. Признался в своих ошибках, допущенных при работе по лунной программе, и преемник Королева — Мишин[582].

При всей трагичности гибели Сергея Павловича в январе 1966 г. и при всех тех негативных последствиях, которое имело это событие для космической отрасли СССР, уход со сцены такого, одержимого идеей быть всегда впереди американцев, лидера, невольно способствовал созданию предпосылок для сближения с американцами в космосе. Представим себе, что Королев смог бы «исправить ошибки». Означает ли это, что Советский Союз победил бы в «лунной гонке»? Трудно сказать. Но одно можно утверждать почти наверняка — даже если бы американцы первыми пересекли «финишную ленточку» на Селене, Королев бы не сдался. Используя свой огромный дар убеждения, он с большой долей вероятности смог бы уговорить руководство СССР перевести «лунную гонку» из плоскости «кто первый на Луне» в плоскость — «кто больше пробудет на ее поверхности», или — «кто доставит туда больше людей». Вспомним, что бросать вызов в космосе Америке был один из главных способов, с помощью которого Королев поддерживал интерес руководства страны к освоению внеземного пространства, а соответственно обеспечивал выделение крупных сумм из государственного бюджета на деятельность своего КБ и предприятия. Таким образом, соревнование в космосе между Советским Союзом и Соединенными Штатами в той или иной форме было бы продолжено, что отодвинуло бы момент начала сотрудничества двух стран во внеземном пространстве.

Это, впрочем, не означает, что если бы советское правительство решило сделать сотрудничество с американцами одной из генеральных линий развития космонавтики, а, следовательно, финансово поддержало данную сферу деятельности, Сергей Павлович остался бы в стороне от такого партнерства. По мнению Сыромятникова, «Королев внес бы в совместный проект всю мощь его энергии, фантазии и реализма. Известно высказывание Королева о том, что он сработался бы с фон Брауном, а немец в те годы всюду трудился над ракетами-носителями «Сатурн» для полета американцев на Луну»[583].

Следует отметить, что торможение советской лунной программы было результатом противоречий не только в стане главных конструкторов, но и — между конструкторами, с одной стороны, и Академией наук — с другой. Разные люди по-разному объясняют причины этих противоречий. Некоторые полагают, что произошло это из-за неуверенности руководства АН СССР в инженерной продуманности экспедиции на Селену. Так, по свидетельству Голованова, в 1964 г. Королева оставляет

«...в недавнем прошлом столь верный союзник — Мстислав Всеволодович Келдыш. Келдыш был убежденным противником программы Л-3.

— Какие же нервы нужно иметь, чтобы одному высаживаться на Луну?! (что предусматривалось по схеме советской лунной экспедиции. — Ю. К.) — горячился обычно невозмутимый Келдыш. — Представьте себе на минуту, что вы один на Луне! Это же прямая дорога в психиатрическую больницу!

Впрочем, тревожили Мстислава Всеволодовича не только проблемы прочности человеческой психики. Прекрасно разбираясь не только в теоретических, но и чисто инженерных вопросах лунной программы, Келдыш видел, что все здесь находится на пределе, резервов нет, запасы прочности практически отсутствуют. Келдыш говорил Королеву:

— Поймите, если все это сработает, — придется верить в чудеса!»[584]

Однако была и другая точка зрения на причины, по которым АН СССР не способствовала ускоренному осуществлению полета на Селену. По мнению Каманина,

высказанному им в 1969 году,

«...Мстислав Всеволодович, как руководитель Академии наук... безнадежно слаб. Сделав очень много для запуска первого искусственного спутника и для первого полета человека в космос, Келдыш в роли председателя Межведомственного совета по космическим исследованиям допустил немало ошибок. Своей пассивностью и склонностью к перестраховкам он тормозил и продолжает тормозить развитие нашей космонавтики... И это не только мое мнение: многие друзья Келдыша — академики Глушко, Бармин, Миллиончиков и другие — отзываются о нем еще более резко. Приходится констатировать, что с такими руководителями, как Келдыш и Мишин, мы вряд ли доберемся до Луны»[585].

Пятый фактор, обусловивший поражение Советского Союза в «битве за Селену», заключался в чисто конструкторских просчетах, допущенных Королевым, Келдышем и всем Советом главных. Лихорадочная поспешность, с какой СССР бросился догонять американский «лунный поезд», привела к парадоксальной ситуации: конструкторы стали ориентироваться на ракету-носитель с теми характеристиками, которые они в директивные сроки могли ему придать, а не на те, что требовались для высадки на Луну и возвращения на Землю. Как заметил Черток, «начинать считать тонны надо было с поверхности Луны, а не с поверхности Земли». Впрочем, помимо цейтнота, тому было еще одно оправдание: Королев рассматривал возможность осуществления многопусковой схемы полета к Луне[586]. В этом случае с помощью нескольких носителей можно было вывести на земную орбиту элементы лунного комплекса, собрать их там и уже в виде единого целого отправить к Луне. При таком раскладе ракете Н-1 можно было «простить» ее меньшую, чем у американского «Сатурна-5», мощность.

Впрочем, помимо большей «грузоподъемности», носитель фон Брауна обладал еще одним преимуществом перед Н-1: он был проще. Если первая ступень «Сатурна» имела всего пять двигателей, то аналогичная ступень Н-1 — целых 30 (каждый из которых обладал, разумеется, меньшей тягой, чем любой из пяти американских двигателей). Синхронизация работы такого большого числа источников хаотичных высокочастотных колебаний — дело весьма сложное и трудоемкое. Кроме того, оно предполагает наличие устройства, своевременно отключающего аварийные двигатели, чтобы попытаться спасти остальные, а вместе с ними — и всю ракету (так называемая система КОРД — контроль работы двигателей). Отсутствие такой системы и обрекло, по словам Мишина, всю лунную программу на неудачу. «Следует прямо сказать, — утверждал он в интервью «Независимой газете» от 12 апреля 2001 г., — что мы не сумели тогда создать нашу сверхмощную лунную ракету «Н-1», поскольку успех работ поставили в зависимость от разработки устройства, предназначенного для отключения аварийных двигателей. А оно их отключало только тогда, когда уже горели соседние. Такое устройство было разработано, но поздно». Остается лишь добавить, что для отработки всех вопросов, связанных с эксплуатацией связи из большого числа двигателей, необходимо наличие мощной наземной стендовой базы и времени. Ни того, ни другого у СССР не было: первого — из-за нехватки финансовых ресурсов, а второго Стране Советов просто не оставили Соединенные Штаты.

Наконец, была еще одна существенная причина проигрыша Советским Союзом «лунной гонки». Как известно, первоначальными успехами в космосе СССР во многом обязан Хрущеву, его энтузиазму, энергичности, готовности идти непроторенными дорогами, а также решимости обогнать США в сфере экономики уже через десять лет после полета Гагарина. Космонавтика, отражавшая уровень развития советской науки и техники, должна была, по мнению Никиты Сергеевича, лишний раз подтвердить как в глазах граждан Страны Советов, так и всего мира, правильность пути, по которому шел СССР. Отсюда — та горячая поддержка, которую оказывал Хрущев ракетно-космической отрасли. Однако в 1964 г. Никита Сергеевич был отправлен в отставку, а новому, брежневскому руководству в

космической политике «не хватало хрущевской смелости»[587]. Отсутствие данного качества не позволило новым лидерам страны проявить необходимые твердость и последовательность в концентрации сил и средств советской космонавтики на «лунном» направлении. Смерть Королева в 1966 г. и утверждение Мишина на пост Главного конструктора — человека технически, безусловно, компетентного, но не такого волевого и деятельного, как его предшественник, также предопределили печальный для Советского Союза исход «лунного» соревнования с Америкой. «Назначение Мишина Главным конструктором ракетно-космических систем было большой ошибкой, — писал Каманин. — Мишин не справлялся... с обязанностями технического руководителя всей нашей космической программы»[588].

Интересно, что как представитель СССР — генерал Каманин, так и представитель США — Джон Пайк, директор отдела космической политики в Федерации американских ученых, анализируя причины поражения Советского Союза и победы Соединенных Штатов в «лунной гонке», сделали одинаковые главные выводы. По мнению Каманина, высказанному в 1970 г., «У нас не было и нет квалифицированного государственного руководства космическими исследованиями (то, что делают для освоения космоса Устинов и Смирнов — пародия на руководство). Нас слишком заедают ведомственность и отсутствие четких планов, целеустремленных решений, строгой государственной и производственной дисциплины. Мы не приказываем и не требуем исполнения, а просим и уговариваем»[589].

В унисон точке зрения Каманина, Пайк считает, что «причина, по которой мы достигли Луны раньше них [советских], в том, что у них не было того, кто бы смог свести все вместе. Главная разница в том, что мы лучше них справились с управлением [лунной программой]»[590].

Финал лунной пилотируемой программы СССР известен. Несмотря на проигрыш «лунной гонки», конструкторы уже в 1971 г. сделали предложения по совершенствованию характеристик лунной экспедиции. В начале 1972 года был разработан детальный проект более совершенной лунной программы Н-1 — Л-3М. Он был одобрен всеми главными конструкторами и учеными, которые участвовали в его разработке. В данном проекте была предусмотрена однокорабельная оригинальная двухпусковая схема высадки трех советских космонавтов в любой район лунной поверхности. Расчетное время их пребывания на Селене — до 14, а в дальнейшем — до 30 суток. Проектом также предусматривалось прямое возвращение на Землю космонавтов в любой момент времени. По мнению Мишина, осуществить подобную экспедицию можно было уже в 1978-1980 гг. Однако, по словам преемника Королева, «руководствуясь сиюминутными престижными соображениями, тогдашнее руководство ракетно-космической промышленности сумело доказать вышестоящему руководству необходимость прекращения работ по программе Н-1 — Л-3 и развертывания работ по созданию многоцветной транспортной системы [«Энергия — Буран»]». Все работы по лунной пилотируемой программе были свернуты в СССР в 1976 г.

Для чего нужно было так подробно останавливаться на причинах неудачи Советского Союза в «лунном» соревновании с Соединенными Штатами? Ведь Россия (по крайней мере в настоящее время) не собирается брать реванш у Соединенных Штатов в космосе, стремясь быстрее них достигнуть, допустим, Марса или какого-либо другого небесного тела. Однако сейчас, в начале третьего тысячелетия, все активнее начинают обсуждаться планы полета на «Красную планету». У России, как у страны, имеющей уникальный опыт подготовки и проведения долговременных космических полетов, а также строительства «долгоживущих» пилотируемых станций, — несомненный карт-бланш. Подобно тому, как строила и строит околоземные комплексы, Россия вполне могла бы создать корабль-станцию для путешествия к Марсу, работе на орбите планеты, а после — возвращения домой (Марсианскую пилотируемую орбитальную станцию, или МАРПОСТ). Прототип МАРПОСТА уже создан в РКК «Энергия». Пусть в данном случае речь бы не шла о высадке космонавтов на Марсе, но полет по такой схеме сам по себе стал бы исключительно важной прелюдией к спуску десанта на поверхность «Красной планеты» и в будущем обеспечил бы ключевую роль

России в любой международной программе освоения Марса.

Однако для того, чтобы проект стал реальностью, необходимо преодолеть «комплекс неудачника», оставленный в памяти страны ее поражением в «лунной гонке». Данный же комплекс основывается на другом и, к тому же, как мы увидели, ложном — «комплексе бедности». Нужно понять, что СССР, хоть и будучи заметно беднее США, проиграл это соревнование отнюдь не из-за нехватки средств, а **из-за грубых просчетов организационного характера, исправить которые у Советского Союза действительно не хватило ни денег, ни времени**. Вот — главный урок, который должна извлечь Россия из своей неудавшейся лунной пилотируемой программы. Если она сделает это, то у нее, даже в нынешнем, не самом благоприятном экономическом положении, есть все шансы одержать такую же убедительную, исключительно важную для национальных интересов победу на Марсе, какую в свое время американцы одержали на Луне.

Постлунные «синдромы» СССР и США

«Лунная гонка» завершилась. США выиграли ее, а Советский Союз проиграл. После этого космическое партнерство с американцами могло служить пропагандистскому лозунгу «советское — значит отличное» так же, как раньше отсутствие какого-либо взаимодействия в космосе. В самом деле — если до того, как Армстронг ступил на поверхность Луны, Москва отказывалась сотрудничать с Вашингтоном в космосе, в том числе и по причине якобы «отсталой» космической отрасли США, то теперь объединение усилий с явным космическим лидером невольно «подтягивало» в глазах своей и мировой общественности уровень советской космической техники до американского. Подобное мнение выразила, в частности, издаваемая в Массачусетсе газета «Патриот Леджер»:

«Русские не выказывали никакого интереса в совместных космических проектах, пока они были впереди, но сейчас пришло время обновить идею президента Кеннеди... о совместных пилотируемых полетах с Советским Союзом». Как отметила газета, «Интернационализация космических программ, включая советско-американские совместные проекты, может не только сократить расходы тех стран, которые самостоятельно осуществляют, по сути, одинаковые программы, но также способна послужить важным стимулом развития сотрудничества в других областях»[591].

Официально же конец «космической гонке» провозгласил космонавт Константин Феоктистов во время визита в США с другим космонавтом Георгием Береговым[592] в октябре 1969 г.

Феоктистов заявил, что, по его мнению, данное соревнование между СССР и США завершилось. «Это была первая фаза космических полетов. Думаю, что программы исследования космоса перешли во вторую фазу, и я полагаю, можно сказать, что в рамках этой фазы советские и американские ученые активно помогают друг другу»[593]. Если принять во внимание тот факт, что космонавты в советские времена были «сверхпроверенными» людьми, которым поручалось оглашать официальные доктрины и установки[594], то вполне можно предположить, что слова Феоктистова отразили перемену отношения Кремля к сотрудничеству с Америкой в космосе[595].

Предпосылки к так называемым «постлунным» синдромам, приведшим руководства СССР и США к мысли о партнерстве на околоземной орбите, возникли в обоих государствах еще за несколько лет до посадки «Орла» на поверхность Селены. Одна из них, технического характера, была общей как для Советского Союза, так и для Соединенных Штатов. Вот как отозвался о ней Сыромятников:

«Надо сказать, что тогда (в первой половине 1960-х годов. — Ю. К.) время для сотрудничества в космосе еще не пришло. Первые космические корабли

«Восток» и «Восход», «Меркурий» и «Джемини» были малопригодны для совместных полетов. Дальнейшее развитие астронавтики и космонавтики показало, что сначала нужно было полетать по своим «национальным» орбитам, в одиночку постичь маневрирование и научиться стыковаться. Во второй половине 60-х специалисты обеих стран освоили космическое рандеву и средства стыковки кораблей на орбите с переходным тоннелем. Таким образом, ученые и инженеры заложили хорошие основы для сотрудничества в космосе»[596].

Но при этом и у СССР, и у США были собственные дороги, которыми они пришли в конечном итоге к полету «Союз — Аполлон».

«Свой путь» Советского Союза в космосе

22 октября 1969 г. генсек ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая с речью на приеме в Кремле, в частности, сказал, что у СССР имеется собственная обширная космическая программа, рассчитанная на многие годы, и что Советский Союз будет «последовательно и целенаправленно» идти в космосе своим путем[597]. Именно такую установку: «Нельзя допускать у народа мыслей о каких-либо наших неудачах в космосе... Если американцы тоже добиваются успехов, то это где-то в стороне от нашей генеральной линии получали, — вспоминал Черток, — из ЦК КПСС не только все средства массовой информации, но даже сам президент Академии наук, все космонавты и открытые ученые, имеющие отношение к космосу»[598].

И, надо сказать, говоря о «своем пути» СССР в космосе, Брежнев не блефовал. По словам Чертока: «Еще при Королеве в ОКБ-1 начала разрабатываться идея многоцелевой космической базы-станции (МКБС). Мишин, став главным конструктором, поручил руководство этой работой проектанту-баллистику Виталию Безвербову. МКБС должна была служить космическим портом, в который заходили бы другие космические аппараты, главным образом разведчики, для сдачи своих фотоматериалов, перезарядки, заправки топливом, профилактики и ремонта. Такое сервисное обслуживание должно было проводиться на МКБС хорошо подготовленным экипажем. Наличие на околоземной орбите подобной базы-станции позволило бы продлить работоспособность космических аппаратов, которые в настоящее время после израсходования своих запасов или при отказах вынуждены спускаться на Землю или топиться в океане.

Многоцелевую космическую базу-станцию предполагалось оснастить различными видами противоракетного и противокосмического оружия, в том числе и лучевого. По этому поводу академик Герш Будкер из Новосибирска прочел нам лекцию на тему о возможности создания ускорителей для лучевого оружия из нейтральных частиц. Нашлись энтузиасты, которые незамедлительно начали изучать эту проблему. Кроме, этих экзотических по тем временам идей, предполагалось и установка на МКБС всякого рода разведывательных фото- и радиосистем»[599].

Занимались разработкой ДОС и в ОКБ-52 Владимира Челомея. Правда, работы этого конструкторского коллектива в данном направлении носили более ярко выраженный военный характер, чем в КБ Королева. Так, еще в 1964 г. в опытном конструкторском бюро Челомея были начаты работы по созданию посещаемой пилотируемой орбитальной станции «Алмаз» со сменяемым экипажем из 2-3 человек и сроком существования 1-2 года. Эта станция, выводимая на орбиту ракетой-носителем типа «Протон», должна была использоваться как космический наблюдательный пункт, оснащенный аппаратурой наблюдения и точной системой наведения, позволяющими решать научные, народнохозяйственные и оборонные задачи, в частности, слежения за загрязнениями морей и рек, лесными пожарами и перемещениями вооруженных сил. С целью защиты комплекса «Алмаз» от разрабатываемых в то время в США различных космических аппаратов, предназначенных для инспекции и перехвата спутников, станция должна была оснащаться скорострельной авиационной пушкой конструкции А. Э. Нудельмана. Впрочем, ни один из

трех летавших в 1973-1974 гг. «Алмазов» под «псевдонимами» «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5» пушками не вооружался[600].

А прообразом первой ДОС, хотя и с большой натяжкой, можно считать полет «Союза-4» и «Союза-5» в январе 1969 г. Экипаж первого состоял из одного космонавта — Владимира Шаталова, а экипаж второго — из трех: Бориса Волинова, Алексея Елисеева и Евгения Хрунова. Корабли произвели автоматическую стыковку, образовав единый комплекс, после чего Елисеев и Хрунов через открытый космос перебрались в «Союз» Шаталова. По оценкам специалистов, «первая пилотируемая стыковка, да еще с переходом из корабля в корабль через открытый космос, прошла очень гладко», а официальные средства массовой информации поспешили объявить, что «первая в мире орбитальная станция — советская»[601].

Кстати, и прием в Кремле, на котором Брежнев сказал о «собственном пути» СССР в космосе, был организован в честь группового полета экипажей «Союзов» -6, -7 и -8. Одной из задач космонавтов была отработка систем сближения и стыковки, столь необходимых для создания долговременных орбитальных станций (ДОС). Вот как описал это событие Черток:

«В августе [1969 г.] наконец была сверстана программа группового полета трех «Союзов». Два «Союза» должны были стыковаться, образуя новую орбитальную станцию массой 13 т. Третий «Союз», маневрируя вокруг такой станции, должен был телевизионным репортажем подтвердить ее реальное существование.

...11 октября 1969 г. благополучно вышел на орбиту «Союз-6» с Георгием Шониным и Валерием Кубасовым на борту. 12 октября был запущен в космос «Союз-7» с Анатолием Филипченко, Владиславом Волковым и Виктором Горбатко. 13 октября на орбиту был выведен «Союз-8», на борту которого находились командир космической группировки полковник Владимир Шаталов и бортинженер Алексей Елисеев.

...По программе полета 14 октября должна была состояться стыковка «Союза-8» с «Союзом-7». После проведения коррекций орбиты «Союза-7» с расстояния 250 км началось сближение. Корабли сблизались до одного километра, но аппаратура «Иглы» так и не установила взаимной связи «активного» с «пассивным»: команда «захват» не проходила. («Игла» — радиотехническая система первого поколения поиска, сближения и стыковки космических кораблей, находившаяся в эксплуатации с 30 октября 1967 г. по 18 марта 1989 г. — Ю. К.). Соответственно, на «активном» «Союзе-8» не было необходимых для дальнейшего управления сближением параметров относительного движения. Экипажи доложили, что видят друг друга, и Шаталов попросил разрешения на ручное управление сближением. Посоветовавшись с нами, Мишин дал согласие. Но пока мы спорили и соображали, космические корабли разошлись больше, чем на три километра. Никаких средств для надежной взаимной ориентации у «активного» Шаталова не было, и он не рискнул тратить драгоценные запасы рабочего топлива...

Для нас, разработчиков системы управления, невыполнение программы сближения и стыковки было жестоким и обидным уроком. За два года мы не сообразили, как обеспечить космические корабли приборами взаимного измерения для ручного сближения... 16 октября 1969 года экипаж «Союза-6» благополучно вернулся на Землю. 18 октября закончился полет всей космической группировки»[602].

Надо сказать, что на Западе догадались — не все в групповом полете прошло так гладко и триумфально, как об этом традиционно объявили советские газеты. По мнению британского журнала «Экономист», русские попробовали предпринять «чрезвычайно амбициозную [попытку] сборки элементов постоянно обитаемой орбитальной космической станции — то, что американцы не будут в состоянии сделать еще лет пять». Русские потерпели «унизительную для себя и радостную для американцев» неудачу, но при этом, по

мнению «Экономиста», осечка эта «...вряд ли станет более, чем временной задержкой на пути реализации программы, которая с заметным успехом осуществляется уже более десяти лет с того момента, как русские запустили в космос первый в мире спутник. Медленный прогресс [в этой области] отражает состояние советской промышленности, однако, это постоянный прогресс лишь с несколькими неизвестными. У американской [космической] программы, «причесываемой» и сдавливаемой, с одной стороны, политиками, а с другой — общественным мнением, куда больше неизвестных. Несмотря на победу в «лунной гонке», НАСА придется их решать, и здесь русские могут оказаться теми, которые „смеются последними"»[603].

Несмотря на столь оптимистичную оценку журналом перспектив «медленного прогресса» СССР в области пилотируемой космонавтики, оставался факт: со стыковкой, одним из важнейших ключей к успеху «своего пути» Советского Союза за пределами атмосферы, у отечественной космической отрасли было еще не все ладно. Сотрудничество с американцами, накопившими к тому времени весьма солидный и успешный опыт в сфере стыковок пилотируемых объектов по программе «Джемини» и «Аполлон», могло бы способствовать передаче заокеанского стыковочного опыта советским специалистам.

Немного более подробную информацию о «своем» пути СССР в космосе предоставил читателям «Правды» академик Борис Николаевич Петров[604].

В статье, опубликованной в газете 30 декабря 1969 г., он отметил, что вначале Советский Союз и Соединенные Штаты направляли свои усилия на решение во многом сходных задач. Однако, накопив необходимый опыт в сфере освоения космоса и создав для этого соответствующую мощную технику, ведущие космические державы пошли своими дорогами. По мнению Петрова, процесс этот совершенно «естественен и понятен». Академик дал понять, что основные усилия СССР в космосе будут сконцентрированы на создании ДОСов. При этом Петров поспешил успокоить тех, кто мог посчитать, что Советский Союз отказался от пилотируемой лунной программы. Такого не случится, уверил академик. Просто пока исследование Луны и окололунного пространства будет возложено «на плечи» автоматических аппаратов, которые и подготовят «плацдарм» для прибытия туда людей[605]. Президент АН СССР Келдыш, высказывая сходную точку зрения, обосновывал ее гуманистическими соображениями. На осторожные вопросы иностранных журналистов о советских планах по Луне он «давал туманные объяснения: вроде мы и в мыслях и в планах не имели намерений первыми отправить человека на Луну, мы стоим на позициях, что очень многое можно узнать автоматами, прежде чем возникнет необходимость риска высадки человека»[606].

Политическое значение полетов «автоматов» было, разумеется, не меньшим, чем научное, о чем свидетельствует Черток:

«В 1969 году утешение приносили... успешными запусками «Молнии-1», разведывательных «Космосов» и автоматических межпланетных станций «Венера». За первое полугодие 1969 г. было запущено два десятка различных «Космосов».

Нашим газетам, соблюдавшим запрет на информацию об американских лунных успехах, наконец представилась возможность заполнить первые полосы восторгами по поводу успешного достижения планеты Венера советскими автоматическими межпланетными станциями «Венера-5» 16 мая и «Венера-6» 17 мая. Вымпел с барельефом Ленина и гербом Советского Союза был доставлен на поверхность Венеры.

19 мая 1969 г. первые полосы всех наших газет были заполнены приветствием ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям по поводу того, что «наша Советская Родина одержала еще одну выдающуюся победу в освоении космоса»[607].

Соответственно в том же порядке «ученые, конструкторы, инженеры, техники и рабочие», принимавшие участие в создании, запуске, осуществлении полета межпланетных

станций, а также в получении и обработке научной информации, докладывали ЦК, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров об успешном выполнении программы:

«Это достижение советской науки и техники мы посвящаем 100-летию со дня рождения организатора Коммунистической партии, основателя Советского государства, вождя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина». («Правда» от 19 мая 1969 г.)»[608].

Политическое значение полетов отечественных «автоматов» заключалось не только в том, чтобы подтвердить в глазах советской и мировой общественности мощь науки и техники СССР. Им предстояло решить и не менее важную задачу — успешным выполнением своих программ приглушить звуки фанфар, раздающиеся по всей планете в адрес американских «Аполлонов». Черток вспоминает:

«Накануне вечером, 18 мая, мы смотрели в НИИ-88 телевизионный репортаж о старте и полете к Луне «Аполлона-10», а утром, 19 мая, пробежав взаимные приветствия, пытались найти в газетах сообщение о пилотируемом полете «Аполлона-10». Отыскать более чем скромное сообщение по этому поводу вдали от первой полосы оказалось непросто.

...Посадки на Венеру мы специально подгадали так, чтобы приглушить старт «Аполлона», — отшутился Бабакин»[609].

Вероятно, подобную же цель — хотя бы отчасти «приглушить старт» «Аполлона-11» преследовала и «Луна-15», запущенная за два дня до того, как экипаж Армстронга отправился к Селене. В программу полета этой «Луны» входила доставка лунного грунта на Землю. Увы, «автомат» разбился при посадке на поверхность Селены. Событие это привело руководителей советской космической программы в довольно минорное состояние духа, ибо им «такого сочетания собственных поражений с чужими победами не приходилось переживать со времен войны»[610]. Приближалось 22 апреля 1970 г., когда все «прогрессивное человечество» должно было отметить очередную ритуальную дату, а именно 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Естественно, те, кто стоял во главе отечественной космической отрасли, ожидали не самых приятных для них вопросов на Политбюро:

«Что же происходит с нашей лунной программой? Обещали к 100-летию высадку на Луну одного космонавта, который водрузит советский флаг и рядом оставит бюст Ленина. Потом решили доказать, что мы не желаем рисковать и пошлем вначале автомат, который проведет бурение, забор лунного грунта и хотя бы 100 граммов доставит на Землю. Но и это пока не получается!»[611]

Исправить положение была призвана «Луна-16», или «луночерпалка», как ее называли. Она ушла в космос 12 сентября 1970 г. Вот как описывает в своем дневнике ее полет, а также те волнения и переживания, которые были с ним связаны, генерал Каманин:

«18 сентября.»

Полет автоматической станции «Луна-16», стартовавшей 12 сентября, успешно продолжается. В ходе полета со станцией были проведены 26 сеансов связи. 13 сентября была выполнена коррекция траектории «Луны-16» для обеспечения выхода ее в расчетную точку окололунного пространства. При подлете к Луне 17 сентября станцию сориентировали по Солнцу и Земле. Затем в расчетной точке была включена ТДУ, сообщившая «Луне-16» тормозной импульс, необходимый для перехода ее на круговую орбиту искусственного спутника Луны (высота орбиты 110 километров). Центр управления полетом продолжает поддерживать устойчивую связь со станцией.

«Луна-16» — это шестая по счету АМС из серии Е-8-5 (станция для забора лунного грунта и доставки его на Землю). Первая такая станция должна была

доставить на Землю лунный грунт раньше, чем это сделали американские астронавты. Но нам крепко не повезло: из пяти предыдущих пусков Е-8-5 четыре закончились авариями ракеты УР-500К в районе космодрома, а станция «Луна-15» разбилась при спуске на лунную поверхность. «Луна-16» тоже получит команду на мягкое прилунение, после посадки на Луну она должна будет осуществить забор лунного грунта и вернуться с ним на Землю. У меня нет уверенности, что этот полет будет полностью успешным, — впереди еще слишком много трудностей, но если он завершится удачно, то это будет большой нашей победой: впервые автоматическая станция вернется с поверхности Луны на Землю.

21 сентября.

Вчера, 20 сентября 1970 г., в 8 часов 18 минут станция «Луна-16» произвела мягкую посадку на лунную поверхность. Прилунение станции осуществлено в районе Моря изобилия в точке с координатами: 0 градусов 41 минута южной широты, 56 градусов 18 минут восточной долготы.

...За 9 дней полета со станцией были проведены 68 сеансов связи. «Луна-16» забрала образец лунного грунта, закрылась и изготовилась к подъему с Луны. Сегодня в 10 часов она должна стартовать в обратный полет к Земле.

23 сентября.

...21 сентября в 10:43 станция «Луна-16» поднялась с лунной поверхности и сейчас находится на пути к Земле. После старта с Луны со станцией проведено два сеанса связи, выполняются траекторные и телеметрические измерения с целью уточнения района ее посадки, которая произойдет 24 сентября.

В нашей и зарубежной прессе о «Луна-16» пишется много хорошего. Справедливости ради следует признать, что мои прогнозы относительно возможностей станции серии Е-8-5 оказались излишне пессимистичными. Я считал, что для достижения полного успеха нашей «луночерпалки» потребуются не менее 10-15 пусков, а успех пришел раньше — на шестой попытке. Правда, завтра ей предстоит выполнить один из самых трудных этапов всего полета — посадку на Землю. Но и то, что уже достигнуто в этом полете — это, бесспорно, большой успех.

Завтра служба поиска ВВС будет держать труднейший экзамен. Обратный полет «Луны-16» не корректируется: малый вес возвращаемого аппарата (шар радиусом 25 сантиметров) не позволил установить на нем аппаратуру, которая могла бы обеспечить высокую точность посадки. Разброс точек приземления от расчетной возможен в радиусе свыше 1500 километров. Парашют возвращаемого аппарата имеет площадь всего 10 квадратных метров — визуально обнаружить «Луну-16» (в случае отказа ее радиомаяка и плохой погоды) будет не проще, чем найти иголку в стоге сена.

24 сентября.

Великолепный успех советской космонавтики: «Луна-16» благополучно приземлилась в 80 километрах юго-восточнее Джекказгана — всего в 30 километрах от расчетной точки посадки! Все системы возвращаемого аппарата, и в том числе радиомаяк, сработали отлично, погода в районе посадки выдалась идеальной. Уже через несколько минут после приземления станции рядом с ней сел поисковый вертолет с эвакуационной командой.

Итак, теперь уже два наших беспилотных корабля («Зонд-6» и «Зонд-7») и одна автоматическая станция вернулись из района Луны со второй космической скоростью и с большой точностью приземлились на территории СССР»[612].

«Луна-16» стала первым в истории космонавтики автоматическим аппаратом, вернувшимся на Землю с образцами грунта другой планеты. Успех этот был развит «Луной-17», доставившей на поверхность естественного спутника Земли в ноябре 1970 г. первый автоматический «луномобиль», или, как его называли в СССР, — «Луноход-1». Путешествие этого автоматического самоходного аппарата по Селене продолжалось десять с половиной месяцев. За это время он прошел свыше 10 км. По всему маршруту его следования проводились систематические исследования покрова Луны. На Землю было передано около

25 000 снимков и свыше 200 000 панорам ее поверхности. Сфотографированными оказались 500 000 км лунной поверхности, а 80 000 детально обследовано[613].

Своеобразным подведением итогов негласного соревнования в космосе между СССР и США за право считать свою программу «наиболее комплексной, сбалансированной и в наибольшей степени отвечающей интересам науки», стала статья в «Правде», написанная А. Дмитриевым. Тон статьи, напечатанной в самой «главной» газете СССР, не оставлял сомнений: советское руководство полностью уверовало в то, что подход страны к исследованию и освоению космоса не только полностью правилен, но и существенно лучше американского. Вывод этот, в частности, базировался на оценке, данной полету «Луны-16» профессором Бернардом Ловеллом, уже упоминавшимся ранее директором радиообсерватории «Джодрел Бэнк». По мнению Ловелла, «задача, решенная «Луной-16», стала настоящей революцией в истории покорения космоса... Я уверен, что «Луна-16» станет предвестником того, чтобы уже в этом десятилетии автоматический аппарат доставил на Землю образцы камней, в частности, с Марса». Не упустил Дмитриев возможности отметить снижение активности США в космосе.

Автор статьи подчеркнул, что отныне ведущая роль в изучении космоса в советской космической программе будет отводиться автоматическим аппаратам. Для этого, по его мнению, было три причины. Первая — они в десятки раз дешевле пилотируемых кораблей. Вторая — они достаточно надежны. Третья — они могут «забраться» туда, где человеку появляться просто опасно. При этом Дмитриев предостерег против выводов о том, что СССР теперь будет исследовать космос, в основном, с помощью «автоматов». Он обозначил три главных направления в советской космической программе.

Первое — систематическое исследование околоземного пространства с помощью автоматических аппаратов и пилотируемых кораблей.

Второе — Луна. Именно она, по мнению автора статьи, станет уникальным научно-техническим «полигоном» для советской космонавтики.

Наконец, третье — исследование отдаленных планет, в основном Венеры, с помощью беспилотных аппаратов.

Осью космической деятельности СССР, как утверждал Дмитриев, по крайней мере на большую часть начинавшихся 1970-х годов, станет создание обитаемых космических станций с экипажем из нескольких человек. О том, как должны были развиваться эти станции, рассказал академик Петров в «Вестнике Академии наук СССР» в октябре 1970 г. По его словам, вначале это должны были быть небольшие комплексы, предназначенные для решения относительно узкого круга задач. Экипаж варьируется от трех до двенадцати человек. Срок службы подобных станций — от одного месяца до года или немногим более, их разработка — на основе технологий, использованных при строительстве кораблей для околоземных и окололунных полетов. Отработанные и проверенные блоки таких кораблей планировалось использовать в качестве основных элементов этих комплексов. Разумеется, подчеркнул Петров, такой подход не исключает разработки технологий специально для космических станций. Подобные комплексы могли бы выводиться на орбиту в собранном виде или по частям мощными ракетами-носителями. Экипаж доставлялся бы на такую станцию с помощью транспортного корабля. В числе главных задач, решаемых на борту данных комплексов, — проведение медико-биологических экспериментов, по результатам которых и должны были уточняться требования к техническим характеристикам будущих ДОСов.

Следующей ступенью, по мнению Петрова, должно было стать создание многомодульных ДОСов со сроком эксплуатации до 10 лет и численностью от 12 до 20 человек. И, наконец, на завершающей стадии разработки и строительства околоземных ДОСов на орбите должны были появиться станции с экипажем в 50-70, а затем в 100-120 человек.

Замечу, что только в начале 1986 года орбитальные станции стали выходить на второй уровень, обозначенный Петровым в 1970 году, и то лишь по двум параметрам —

многомодульности и сроку эксплуатации[614].

Это произошло, когда на орбиту был выведен базовый блок станции «Мир». Комплекс пролетал в космосе 15 лет. Правда, его сборка была закончена лишь в 1996 г., когда к нему пристыковался его последний, шестой модуль. Что же касается экипажа «Мира», то он достигал количества 10 человек лишь в те дни, когда ДОС совершала полет с пристыкованным к ней «шаттлом». Численность постоянных обитателей станции не превышала трех.

Интересно, что в качестве отправной точки для разговора даже о таком сугубо национальном пути СССР в космосе, каким должны были стать постоянно «населенные» орбитальные комплексы, Петров использовал американский пример. Он упомянул очень крупную многоцелевую станцию, разрабатываемую компаниями «Грумман» и «МакДональд-Дуглас». По мнению Харви и Сиккоритти, многое из того, что было сказано в статье, так или иначе перекликалось с американскими публикациями на эту тему. Однако, как полагают эти два исследователя, данный факт отнюдь не означал, что Советский Союз отставал от Соединенных Штатов в области создания ДОСов или же работал в этом направлении параллельно с ними. Петров поступил так скорее для того, чтобы обойти бдительных цензоров, способных усмотреть в рассказе академика о будущих орбитальных станциях СССР разглашение «государственной тайны». А так получалось — вроде разговор об общемировых тенденциях в развитии околоземной космонавтики, в которых специалисты могли увидеть и планы Советского Союза в этой сфере освоения космоса[615].

Идея ДОСов получала все более широкую поддержку со стороны высшего руководства СССР. Брежнев, выступая 22 октября 1969 г. в Кремле, говорил о станциях как о «космодромах в космосе», стартовых площадках для полетов к другим планетам, магистральной дороге человечества в космическом пространстве и т. д...[616] Ему вторил президент АН СССР М. В. Келдыш, который утверждал, что ДОСы помогут решить кардинальные вопросы физики, геофизики, астрофизики, будут способствовать наиболее рациональному использованию земных богатств, а также подъему на «новые высоты» геологии, метеорологии, сельского хозяйства, рыболовства и океанографии[617].

А Борис Петров, отмечая все вышеперечисленные достоинства изучения космоса с помощью ДОСов, подчеркнул, что не менее важное направление развития отечественной космонавтики — полеты автоматических аппаратов к Луне и вокруг нее. Именно эти полеты должны помочь советским ученым накопить необходимый опыт в области создания «автоматов», которым предстоит отправиться к Венере, Марсу, Сатурну, Юпитеру, а также другим планетам Солнечной системы, включая самую отдаленную из них — Плутон. Что же касается лунной пилотируемой программы, то слова Петрова о том, что давняя мечта ученых об астрономической обсерватории и научной базе на Луне станет реальностью в недалеком будущем, даже у скептиков не должны были оставить и тени сомнения: СССР продолжает работать над планами долгосрочного освоения Селены (в отличие, разумеется, от американцев, которым нужно было всего лишь «отметиться» на Луне с политическими целями)[618].

При этом, однако, представители советской космической программы не переставали подчеркивать: подход СССР к исследованию Селены с помощью автоматических аппаратов, таких, как луноход (названный «многоцелевой мобильной научной лабораторией») или «луночерпалка» «Луна-16», не подвергает людей ненужному риску[619]. Отсюда вывод (который, правда, не делался в открытую, но напрашивался сам собой) — подход этот, безусловно, лучше американского.

Интересно, что подобную точку зрения разделяли и на Западе. Вот, например, мнение журнала «Экономист» от 21 ноября 1970 г.:

«Если русские продолжают сажать роботов [на поверхность Луны] с интенсивностью раз в два месяца, в то время как американцы будут высаживать человека на Луну, вероятно, раз в год, разница быстро перестанет выглядеть столь впечатляющей просто потому, что очень скоро русские будут знать о Луне больше,

чем американцы, да и исследуют больше мест на ней. Черепаха выиграет следующую гонку... Если американцы не уделят ситуации должного внимания, то через несколько лет убедятся, что место, где люди станут узнавать о Луне, будет расположено не в Хьюстоне, а в Москве»[620].

Не оставались, впрочем, забытыми и прочие планеты Солнечной системы, в первую очередь Венера. В марте 1970 г. академик Петров напомнил читателям журнала «Советский воин», что изучение «Утренней звезды» будет продолжаться при помощи автоматических аппаратов, а цель данных исследований — атмосфера, структура и естественный рельеф планеты. Стало реально, утверждал академик, отправить «автоматы» к Меркурию, Юпитеру, Сатурну и Нептуну[621].

Особое внимание Петров уделил Марсу. Отметив, что многие важные научные данные о «Красной планете» могут быть получены с помощью автоматических аппаратов, он, тем не менее, высказал уверенность, что «рано или поздно» человек непременно пройдет по поверхности Марса.

Оптимизм академика в данном случае зиждился не просто на вере в «безграничные возможности» человеческого разума. За год до статьи в «Советском воине», в 1969 г., состоялось совещание руководящих работников советской ракетно-космической отрасли. На этом совещании президент АН СССР Келдыш выступил в поддержку начатых в Советском Союзе еще при Королеве проработок марсианской экспедиции. Он попросил Мишина коротко сообщить о состоянии проекта. Проект экспедиции на Марс предусматривал предварительную сборку межпланетного экспедиционного комплекса на околоземной орбите. Основными модулями комплекса были межпланетный орбитальный корабль, марсианский посадочный корабль, возвращаемый на Землю аппарат и энергетическая установка, основой которой был ядерный реактор. Энергетическая установка обеспечивала работу электрореактивных двигателей на межпланетной орбите по дороге к Марсу и возвращение экспедиции на околоземную орбиту. Длительность экспедиции составляла два-три года. Имелось в виду использование по дороге искусственной силы тяжести[622].

Несмотря на то, что многие из присутствовавших на этом совещании руководителей отнеслись к подобным планам без особого энтузиазма, председатель Госкомиссии Афанасьев[623] не пропустил «марсианские» разговоры мимо ушей.

«30 июня он выпустил приказ, обязывающий Челомея разработать в течение года проект марсианского комплекса в составе ракеты-носителя УР-700М (или УР-900) и марсианского корабля МК-700М»[624]. Увы, «марсианские» планы СССР того периода времени по разным причинам не осуществились.

Космическая программа США «теряет обороты»

Между 1964 и 1966 годами НАСА перестало расти как в количественном, так и в финансовом отношении. В то время, как отношения Уэбба с Кеннеди были достаточно откровенными и доброжелательными, отношения главы НАСА и нового президента Линдона Джонсона складывались куда более сложно. Оба были примерно одного и того же возраста (в 1963 году Уэббу исполнилось 57 лет, а Джонсону — 55). Уэбб имел к Джонсону такой же прямой доступ, как к Кеннеди. Более того, у руководителя агентства порой было больше взаимопонимания с новым президентом, чем с его предшественником. Объяснялось это просто — ведь Джонсон нес персональную ответственность за успех программы «Аполлон». Но в личном плане ни тот, ни другой не стали близкими людьми. Причина также довольно проста. Оба понимали — «медовый месяц» «Аполлона», когда программа пользовалась безоговорочной поддержкой законодателей и избирателей, закончился. И если в задачу Уэбба входило сохранить максимально возможный уровень финансирования как данной программы, так и прочих проектов НАСА, то Джонсону приходилось балансировать между освоением космоса и прочими приоритетами внутренней и внешней политики США. А таких приоритетов, отражающих потребности американской нации в тот период времени, было

немало. Чего стоила хотя бы программа так называемого «Великого общества», построение которого Джонсон, теперь уже президент без приставки вице, сделал одной из целей своего правления. Она включала в себя радикальное расширение гражданских прав и свобод, сокращение налогов с целью стимуляции экономики, многомиллиардную программу борьбы с бедностью, федеральную помощь всем аспектам системы образования, а также увеличение льгот по системе социального страхования, включая предоставление медицинских услуг людям пожилого возраста[625]. Все это означало, что агентство Уэбба из любимого «дитя» Джонсона формально стало для нового президента таким же претендентом на бюджетный «пирог», как, например, министерство энергетики или сельского хозяйства. И теперь ему, Джонсону, одному из главных распределителей этого «пирога», придется уравнивать аппетиты НАСА заботой о «пропитании» прочих ведомств. Таким образом, новый глава Белого дома, хоть и сохранил симпатии к НАСА, тем не менее из безоговорочного «опекуна» агентства стал определенным сдерживателем амбиций Уэбба и его организации.

Однако в самом начале своего президентского срока Джонсон, обязавшись выполнить то, что наметил его погибший предшественник, особо подчеркнул свое намерение привести программу «Аполлон» к успеху. Вдохновленный подобным порывом нового президента, Уэбб во время одного из своих первых разговоров с ним выразил свою озабоченность сокращением бюджета НАСА в 1963 году. Это могло поставить под вопрос высадку американцев на Луну в намеченные Кеннеди сроки. Глава НАСА и президент решили попросить конгресс «подкинуть» средств агентству в текущем году, а в будущем — увеличить «кошелек» ведомства Уэбба. В итоге Джонсон одобрил выделение средств в бюджет НАСА в 1965 г. в размере 5,25 млрд. долларов. Что же касается текущего, 1964 года, то НАСА получило дополнительно 72,5 млн долларов, на 150 млн больше, чем в предыдущем[626].

Ободренный столь предупредительным отношением Джонсона к нуждам и заботам агентства, Уэбб стал помогать новому президенту в нетипичных для главы НАСА сферах деятельности. Так он, в частности, стал горячим сторонником предложенного Джонсоном акта о гражданских правах и более того, стал использовать свои связи и влияние для скорейшего принятия этого документа конгрессом. Будучи сам политиком с Юга, Уэбб неоднократно говорил с сенаторами от южных штатов — противниками инициативы президента, убеждая их поддерживать законопроект. Данный акт о гражданских правах был нацелен на борьбу с сегрегацией черного населения США. Он запрещал проявление любых форм дискриминации при голосовании, обучении, а также в общественных местах. Впервые после 1954 г., когда Верховный суд США отменил сегрегацию в общественных школах, у центрального правительства появился реальный инструмент претворения этого постановления в жизнь. Параграф VI документа запрещал использование федеральных средств для финансирования школ, где практиковалась сегрегация.

Одним из наиболее проблемных штатов в плане сохранения неравенства между белым и черным населением считалась Алабама. Здесь Уэбб мог разыграть, пожалуй, свою главную «козырную карту», ведь на территории штата располагался Центр космических полетов имени Маршалла — вотчина самого фон Брауна. Нужно ли говорить, что наличие подобной организации в Алабаме было большой гордостью штата. Так вот, Уэбб прибыл в Алабаму и заявил, что политика властей штата, если не способствующая, то по крайней мере не препятствующая наличию дискриминации на его территории, не дает НАСА возможности набирать там в свои ряды «лучших из лучших». В итоге руководству агентства придется подыскать другое, более «человеколюбивое» место для центра. А тут еще представитель Луизианы публично подтвердил интерес властей этого штата к размещению на его территории вотчины фон Брауна, если ее все же придется «эвакуировать» из Алабамы[627]. Трудно сказать, в какой степени подобный прессинг смог заставить правительство Алабамы пересмотреть свое «поведение» в отношении черного меньшинства, но проигнорировать такого рода сигналы недовольства их политикой «отцы» штата вряд ли смогли.

Когда в 1964 г. Джонсон довольно легко победил республиканского кандидата на пост

президента Барри Голдуотера, Уэбб предположил, что глава Белого дома с неизменным энтузиазмом продолжит поддерживать НАСА и программу «Аполлон», в частности. Подобная поддержка нужна была главе агентства и по причине тех «сюрпризов», которые с завидной регулярностью преподносили ему «Рейнджеры» — беспилотные аппараты, предназначенные для исследования лунной поверхности с целью определения подходящих мест для будущих посадок «Аполлонов». В январе 1964 г. шестая подряд авария «Рейнджера» вынудила конгресс удивленно «поднять брови» — в чем проблема? В инженерно-конструкторских ошибках, в недостаточно высоком качестве работы промышленности или, может быть, в руководстве НАСА? К счастью для Уэбба, на этот раз ему не пришлось использовать «тяжелую артиллерию» в виде Джонсона для того, чтобы защититься от конгресса. В июле 1964 г. «Рейнджер-7» «отработал» за всех своих неудачных предшественников, безупречно выполнив программу полета и доставив на Землю отличные снимки поверхности Селены.

В целом 1964 год был довольно благоприятным для НАСА и Уэбба. В Америке всю разворачивалась пилотируемая программа «Джемини» — непосредственный предшественник и предвестник «Аполлона». Успехи «Джемини» безусловно играли на руку Джонсону. Это было время, когда его «вьетнамская» политика стала подвергаться все более серьезной критике как внутри страны, так и за ее пределами. Президенту нужно было нечто, что могло бы сделать его имидж в глазах мировой общественности более миролюбивым и прогрессивным. Астронавты «Джемини», осуществлявшие беспрецедентные стыковки и «прогулки» в космосе, пришли тут как нельзя кстати. Джонсон пожелал видеть их в качестве своих посланцев «доброй воли» на различных международных форумах и мероприятиях. Уэбба подобное намерение президента в восторг не привело. Он ничего не имел против того, чтобы глава Белого дома неустанно повторял об освоении Соединенными Штатами космоса «в мирных целях», однако не одобрял план Джонсона использовать своих подчиненных в качестве политических деятелей. Видимо, воспоминания о том, как ему пришлось «ставить на место» астронавтов, возомнивших себя фигурами национального масштаба, были еще слишком свежи в памяти Уэбба, чтобы он невольно способствовал обострению «звездной» болезни подопечных, придавая им статус «послов мира и дружбы».

Спор на эту тему между руководителем НАСА и президентом разгорелся на ранчо Джонсона в Техасе. Русские, как стало известно главе Белого дома, собирались отправить Юрия Гагарина на предстоящий авиасалон в Париж. Джонсон стал настаивать, чтобы астронавты, которые должны были полететь в космос на ближайшем «Джемини», направились туда же. Никаких возражений со стороны Уэбба он слышать не хотел. Стремясь продемонстрировать руководителю НАСА, что это — вопрос решенный, президент достал уже заготовленный пресс-релиз, посвященный данному событию, и стал его зачитывать. Уэбб прервал Джонсона, отметив, что нельзя говорить о предстоящем полете так, будто он уже благополучно завершился. Никто не может гарантировать его стопроцентный успех. Нисколько не смутившись, Джонсон изменил начало пресс-релиза, которое теперь звучало так: «После самого неудачного в истории космического старта...» и продолжил читать заранее написанный текст. Главе НАСА ничего не оставалось, как сдаться. Правда, он не рискнул оставить в Париже «без присмотра» благополучно вернувшийся из космоса экипаж «Джемини-4», а потому сам отправился в столицу Франции вместе с двумя астронавтами[628]. А вообще Уэбб прекрасно понимал политическую важность для президента американских космических достижений. Так, например, он позаботился о том, чтобы объявление о предстоящей стыковке в космосе двух «Джемини» было сделано из резиденции губернатора Техаса — родного штата Джонсона и «стартовой площадки» его политической карьеры[629].

К середине ноября 1966 г., к тому времени, когда последний «Джемини» с порядковым номером 12 вернулся из космоса, президент уже всю купался в славе организатора американских космических «побед», заявляя, что Соединенные Штаты наконец-то догнали русских и более того — вырываются вперед[630]. Программа «Джемини» была не только

блестяще выполнена, но более того — завершена раньше срока. Впрочем, «по традиции», астронавты в лице Гордона Купера попросили Уэбба добавить ещё один полет. Ответ администратора НАСА был однозначным: «Мы концентрируем [все усилия] на «Аполлоне». «Джемини» нам больше не нужны»[631].

В общем, на поверхности все выглядело довольно хорошо: космическая программа движется вперед «на полном газу», управляемая умелым руководителем, который пользуется полным покровительством главы государства. Однако если тем, кто узнавал о космических достижениях США из газет, казалось, что восхождение Америки к звездам будет и дальше продолжаться неизменными темпами, то люди, имеющие к процессу непосредственное отношение, знали, что это далеко не так. Будущее Соединенных Штатов в космосе, по крайней мере такое, каким его видел Уэбб, зиждилось на двух «столпах»: один — «Программа поддержки университетского образования» (далее для краткости — ППУ), а другой — то, что придет на смену «Аполлону». Где-то до 1965 г. главе НАСА казалось, что «столпы» эти стоят на «скале»: первый — понимания со стороны академической общественности, а второй — президентской поддержки космической деятельности и благожелательного отношения к ней конгресса. Время показало, однако, что этот «скальный грунт» оказался зыбучим песком.

ППУ была задумана Уэббом еще в 1961 г. Будучи последовательным приверженцем освоения космического пространства, администратор НАСА, тем не менее, жил по принципу «космос для Земли», а не «Земля для космоса». В меморандуме президенту Джонсону в ноябре 1964 года глава агентства писал, что не знает «...никакой другой сферы, где бы вдохновленное стремление сделать все так, как должно быть в великом обществе, опиралось бы на столь доказанную компетенцию и сулило столь практические выгоды, как в рамках космической программы... Космическая программа лежит в той сфере, с которой вы начнете строить великое общество, поскольку это — поистине творческая программа, основанная на новых идеях и новых возможностях»[632].

В этом, немного пафосном, обращении к президенту Уэбб четко дал ему понять: освоение космоса — ключ к осуществлению земных планов Белого дома. Более того, руководитель НАСА попробовал продемонстрировать правильность данной идеи с помощью вышеупомянутой ППУ. Ее суть заключалась в следующем: сделать университеты главным инструментом использования всех достижений НАСА для решения повседневных задач страны или, как называли это намерение Уэбба некоторые исследователи, построить «Америку космического века». О том, какое значение придавал глава агентства ППУ говорит тот факт, что до середины 1960-х годов Уэбб уделял этой небольшой сфере деятельности своего ведомства больше личного времени, чем чему-либо еще в рамках НАСА, за исключением, конечно, пилотируемых полетов[633]. Разумеется, дело не ограничивалось призывами Уэбба к университетам, используя опыт и знания НАСА, разрабатывать передовые технологии, в которых американское общество и государство испытывали в тот момент наибольшую необходимость. Агентство щедро спонсировало путем выделения грантов те учебные заведения, которые согласились принять участие в ППУ. Уэбб не стеснялся объяснять, что нужно делать. Соответствующие договоренности между НАСА и университетами оформлялись в виде меморандумов о взаимопонимании.

Однако к 1966 г. Уэббу стало ясно, что его программа не работает. Как выяснилось, руководители университетов с охотой брали деньги агентства, однако при этом, несмотря на вышеупомянутые меморандумы, отнюдь не считали себя обязанными следовать рекомендациям НАСА, на какие исследования тратить полученные средства. Попытка Уэбба запрячь «коня» государственной административной системы и «трепетную лань» традиционного университетского свободомыслия в одну «повозку» окончилась неудачей[634]. «Лань» явно перетянула «коня».

К этой проблеме ППУ прибавилась и еще одна — ее перестал поддерживать Джонсон, ранее называвший эту программу не иначе, как «моделью» отношений между правительством и университетами. Мотивы президента вполне понятны. Ведь к середине

1960-х годов американские высшие учебные заведения превратились в главные источники протестов против продолжающейся войны США во Вьетнаме, а следовательно, во многом против самого Джонсона. В частных беседах глава Белого дома нередко называл участников студенческих антивоенных демонстраций «маленькими ублюдками». Давать государственные деньги на содержание этих «ублюдков» было, конечно, крайне нелогично. Джонсон хотел, чтобы правительственные службы, в том числе НАСА, покинули этот «образовательный бизнес». Уэбб в целом согласился с президентом, однако, попросил, чтобы ППУ отменяли не сразу, а в течение нескольких лет, постепенно сокращая ее объем. «Лебединой песней» программы стала помощь в ее рамках колледжам, где обучалось преимущественно чернокожее население, — а также содействие в становлении государственного администрирования как учебной дисциплины. Официально ППУ была закрыта в 1970 г.[635]

Неудача «Программы помощи университетскому образованию» была «плохой новостью» для НАСА, но куда более тревожащим стало другое. Как уже отмечалось, поначалу у руководства агентства не было причин волноваться за будущее США в космосе. Вскоре после формального вступления в должность президента Джонсон поручил Уэббу разработать план космической деятельности после завершения «Аполлона». Однако к 1965 году Джонсон уже не хотел слышать ни о каком подобном плане и более того — не желал доводить его до сведения конгресса. Всякие решения о программе-преемнике «Аполлона» были отложены Белым домом в «долгий ящик». Единственное, что одобрил президент для продолжения пилотируемых полетов в космос после завершения лунных экспедиций, — проект так называемой «Пилотируемой орбитальной лаборатории», или ПОЛ. Лаборатория эта должна была создаваться под личным контролем министра обороны МакНамары и представляла из себя военный вариант «Джемини»[636]. Теперь Уэббу прибавилась еще одна головная боль — нужно было сделать так, чтобы ПОЛ не подменила большую околоземную многоцелевую станцию, которую намеревалось разработать НАСА.

Понимая, что Джонсон не поддержит никакую новую цель агентства в космосе, по масштабам соизмеримую с «Аполлоном», Уэбб сфокусировал усилия на так называемой «Программе прикладной отдачи „Аполлона“» (ППО). Суть ее заключалась в том, чтобы в максимальной степени использовать технологии, разработанные в рамках проекта «Аполлон» для создания новых, «промежуточных» образцов пилотируемой техники. Конструирование и производство данных образцов должно было поддерживать в «форме» американскую космическую отрасль до тех пор, пока правительство США не приняло бы очередное решение о реализации глобальной космической программы, какой могла стать экспедиция на Марс или строительство на околоземной орбите крупного обитаемого комплекса. Забегая вперед, скажу, что ППО, правда в весьма урезанном виде, и стала станцией «Скайлэб», выведенной в космос 14 мая 1973 г. «Скайлэб» эксплуатировалась в пилотируемом режиме с 25 мая 1973 г. по 8 февраля 1974 г. За это время на ней поработали три экипажа, каждый из которых состоял из трех человек. После того, как станцию покинул последний астронавт, она была переведена в автоматический режим полета и 11 июля 1979 г. сошла с орбиты, просыпавшись в виде искусственного метеоритного дождя на юго-западную Австралию.

Обеспечить преемственность «Аполлону» — именно эту задачу решал Уэбб с 1964 по 1966 г. Собственно, во многом это было решение судьбы НАСА. В 1965 году бюджет агентства достиг своего пика — 5,25 млрд долларов (почти 4% национального бюджета), после чего начал постепенно снижаться. А никакой определенности в вопросе, куда и на чем лететь после «Аполлона», не было. Джонсон продолжал хранить молчание. Подобная ситуация стала создавать для Уэбба проблемы в отношениях с конгрессом. Законодатели требовали от него ясного ответа: что Америка будет делать в космосе после «Аполлона». «Решения должны принимать президент и конгресс, а НАСА — лишь исполнять их», — слабо пытался отбиться от подобных нападков глава агентства. «Да, но идеи, на основе которых данные решения будут приняты, все равно должны исходить от вас», —

напоминали ему на Капитолийском холме. Такого рода упреки в фактическом бездействии были несправедливы. Уэбб неоднократно в ходе личных встреч с Джонсоном предлагал различные варианты космической политики США после завершения лунной эпопеи. Увы, лишь для того, чтобы президент их отверг.

Уэбб стал терять терпение. В мае 1966 года он даже рискнул пойти на некоторое обострение отношений с Белым домом. В интервью газете «Нью-Йорк Таймс» он предупредил о надвигающемся «кризисе в планировании космической деятельности». Решение о преемнике программы «Аполлон», подчеркнул Уэбб, должно быть принято в течение года, задолго до первой посадки на Луну. «Очень важно выбросить из головы мысль, что данное решение вновь может быть отложено. Думаю, крайне необходимо организовать серьезные национальные дебаты, чтобы решить — хотим ли мы пройти точку возврата», — убеждал руководитель агентства избирателей и политиков. Под «точкой возврата», пояснял Уэбб, имеется в виду следующее: в США запланировано произвести лишь определенное количество ракет-носителей типа «Сатурн» и кораблей типа «Аполлон». Как только заказы на их изготовление будут выполнены, конструкторские бюро и заводские линии встанут и будут стоять в ожидании новых заказов. Вот когда будет пройдена данная «точка». Это означает, что некоторым подрядчикам, работавшим на «Аполлон», придется увольнять своих сотрудников. «Маховик» связки НАСА — промышленность, раскрученный благодаря «Аполлону», уже начинает тормозить, предупреждал Уэбб. В июле, т. е. через пару месяцев после этого интервью, аэрокосмическая индустрия будет вынуждена лишиться работы от 40 000 до 60 000 специалистов[637].

Не ограничившись высказываниями на страницах печати, руководитель агентства выступал по всей стране перед разного рода влиятельными людьми. В ходе этих выступлений он пытался донести до аудитории главную мысль — не стоит думать, будто «лунная гонка» уже выиграна, пока Советский Союз демонстрирует способность выводить на орбиту грузы большего веса, чем Соединенные Штаты. По мнению Уэбба, до того момента, как США догонят СССР по грузоподъемности и надежности носителей, пройдет как минимум год-два. А пока Советы «безусловно впереди нас не только в сфере пилотируемого облета Луны, но, вполне возможно, и в сфере посадки на Луну»[638].

Однако далеко не всегда призывы и предупреждения Уэбба находили отклик у его слушателей. Настоящим «холодным душем» для администратора НАСА стала реакция, которую он получил на свое выступление со стороны мэров в ходе встречи с ними на заседании Национальной лиги городов США. Главы муниципалитетов не испытывали энтузиазма по поводу достижений агентства, равно как не желали ничего слышать о «послеаполлоновских» планах Америки. Единственное, чего они добивались — это принятия резолюцией выделения дополнительных средств в городские бюджеты. Уэбб был буквально шокирован тем, в какой степени «отцы городов» сделали НАСА «козлом отпущения» проблем, в первую очередь финансовых, вставших на пути построения «великого общества». «Аполлон» на фоне городских трудностей — такую картину для иллюстрации своей мысли о нарушении принципа очередности национальных приоритетов рисовали разгневанные мэры. На этой встрече, как на поле битвы, столкнулись два разных типа ценностей: с одной стороны — идеологический, связанный с использованием космической программы для утверждения статуса Америки в качестве мировой сверхдержавы, а с другой — «утилитарно-бытовой», вызванный необходимостью поднять уровень жизни простых американцев. Для руководителя НАСА, у которого первое было неразрывно связано со вторым, подобное противопоставление стало неожиданным и довольно жестким ударом[639].

Не облегчал жизнь Уэбба в 1965-1966 гг. и директор бюджетного отдела Чарльз Шульце. Война во Вьетнаме становилась все более тяжким бременем для национального бюджета США, и Джонсон наделил Шульце еще большими полномочиями по охране государственного «кошелька» Америки от «посягательства» ведомств, не связанных непосредственно с кампанией в юго-восточной Азии. К числу последних относилось и НАСА. Шульце остался равнодушен к переживаниям Уэбба по поводу возможных

увольнений из космической промышленности, напомнив ему, что космическая программа — не бюро по трудоустройству. Впрочем, к середине декабря 1966 г. главный «бюджетник» Белого дома согласился с руководителем агентства в том, что откладывать дальше решение по программе — преемнице «Аполлона» означает неизбежно вызвать перерыв в заатмосферной пилотируемой деятельности США. Хотя они по-прежнему называли разные суммы, призванные обеспечить данную преемственность, и Уэбб догадывался, что Джонсон предпочтет минимальную цифру, указанную Шульце[640].

Заканчивался 1966 год. Администратор НАСА видел — то национальное согласие, которое было когда-то прочной опорой для НАСА и программы «Аполлон», постепенно исчезает. Успехи «Джемини», вопреки ожиданию, не зарядили Америку еще большим «космическим» энтузиазмом, не заставили ее устремиться от «пыльных тропинок» Луны к красным равнинам Марса или, на худой конец, построить на земной орбите большой обитаемый комплекс. Напротив, по мере того, как США вырывались вперед в космической «гонке», общество и политиков этой страны все больше охватывали благодущие и самоуспокоенность. Их все чаще посещала мысль: а нужно ли надрывать федеральный бюджет, тратя миллиарды на лунную экспедицию, когда Америка и так, в общем-то, уже доказала свое превосходство в космосе? Опасаясь, что и президент разделяет подобные чувства, руководитель агентства напомнил ему, как в 1961 году он практически вынудил его, Уэбба, рекомендовать Кеннеди программу «Аполлон»[641]. Впрочем, Джонсон и не отказывался от «Аполлона». Он просто не поддерживал планы администратора НАСА по развитию заатмосферной деятельности США после завершения экспедиций на Луну, но это «просто» было губительно для будущего американской космической программы. Таким образом, подвести итог трем годам (с начала 1964 по конец 1966), прошедшим после гибели Кеннеди и вступления Джонсона в должность президента, Уэбб, подобно Фемиде, мог с помощью весов. На одну чашу он положил бы сохраненные в целом темпы реализации «Аполлона», взятые на старте «лунной гонки». Добавил бы туда же успех программы «Джемини», ставший важнейшим шагом на пути к главной цели — посадке на Селену. Однако на другой чаше весов оказались бы сокращение бюджета НАСА, постепенное свертывание «Программы поддержки университетского образования», а также задержка в принятии решений по «послеаполлоновскому» будущему Америки в космосе. Глава НАСА, наверное, и сам не смог бы сказать — какая из двух чаш оказалась бы тяжелее[642].

1967 год начался для программы «Аполлон», НАСА и Уэбба достаточно хорошо. Подготовка к первому пилотируемому пуску «Аполлона» шла по графику. Кроме того, руководителю агентства наконец-то удалось убедить президента, что если Белый дом тотчас не примет решение по будущему американской космической программы, то программа эта переключается в учебники истории сразу после завершения экспедиций на Луну. Джонсон внял предостережениям Уэбба и поручил ему включить в бюджетный запрос НАСА на 1968 год 454,7 млн долларов для «Программы прикладной отдачи „Аполлона“». По сообщению газеты «Нью-Йорк Таймс», планы НАСА по освоению космоса после окончания «Аполлона» включали в себя экспедиции на Селену продолжительностью до двух недель, а также полеты на околоземную орбиту длительностью до года. Запрашиваемые средства должны были пойти на разработку и постройку новых ракет-носителей и кораблей, а также на модификацию уже имеющейся техники[643]. У всех работающих в космической отрасли США появилось чувство: по крайней мере за ближайшее будущее НАСА можно не волноваться. 27 января по этому впечатлению был нанесен ощутимый удар.

В тот день астронавты Гриссом, Уайт и Чаффи заняли в 13:00 свои места в командном модуле корабля «Аполлон», расположенном на вершине ракеты-носителя «Сатурн-1Б». Шла обычная подготовка к предстоящему через три с небольшим недели старту. По плану они должны были отправиться 21 февраля в двухнедельный полет по земной орбите. В 18:31, за десять минут до имитации пуска носителя в конце тренировки, в кабине «Аполлона» возник пожар. Члены экипажа погибли буквально в течение нескольких секунд от удушья ядовитыми газами, образовавшимися в результате горения материалов внутренней отделки

капсулы «Аполлона». Несмотря на то, что президент Джонсон, вице-президент Хамфри, сенатор Андерсон и Джордж Миллер — председатель комитета палаты депутатов по космосу, выступили с заявлением, что, несмотря на эту трагедию, программа «Аполлон» должна продолжаться[644], было очевидно — критики «Аполлона» не заставят себя долго ждать. И действительно, сначала СМИ, а после некоторые инженеры НАСА стали говорить, что спешка с осуществлением лунной программы вынудила агентство «срезать углы» в вопросах обеспечения безопасности экипажей. Был создан специальный комитет по рассмотрению причин происшествия. В него вошли 15 человек, в том числе представители НАСА, ВВС, а также научных кругов, не связанных напрямую с лунной программой.

Комитет работал десять недель. Конечным продуктом его деятельности, стоившей 4 миллиона долларов, стал доклад на 3000 страниц. Члены комитета не пощадили ни НАСА, ни одного из главных подрядчиков этого ведомства — компанию «Норт Америкэн». Именно она осуществляла разработку и постройку космического корабля «Аполлон», в том числе его командного модуля, где и произошел пожар. В докладе прямо говорилось об ответственности, которую несли агентство и «Норт Америкэн» за «многочисленные упущения» при проектировании и производстве корабля. Справедливости ради нужно отметить, что авторы документа не смогли точно указать главную причину трагедии и ограничились лишь перечислением условий, которые могли к ней привести:

- герметичная кабина, надутая чистым кислородом;
- большое количество огнеопасного материала, распределенного по всей кабине;
- уязвимая электропроводка корабля;
- уязвимая система трубопроводов, по которым подается огнеопасный и агрессивный охладитель;
- неэффективная система экстренного покидания экипажем корабля;
- неэффективная система спасения экипажа или оказания ему медицинской помощи[645].

Документ также содержал ряд рекомендаций по повышению уровня безопасности «Аполлона».

Доклад этот подлил «масла в огонь» критики, которую обрушили американские СМИ на «голову» космической программе США. Характерной в этом плане была редакционная статья, опубликованная в «Нью-Йорк Таймс». Истинной причиной гибели экипажа, по мнению газеты, стал «совершенно иррациональный имидж космической программы в глазах общества, с ее технически необоснованной и, как показала трагедия «Аполлона», исключительно опасной приверженностью бессмысленному сроку высадки человека на Луну к 1970 году». «Во имя политически обусловленного графика, — утверждала «Таймс», — шли на огромный риск, который стоил жизни астронавтам Гриссому, Уайту и Чаффи». Газета потребовала, чтобы «будущая политика НАСА при новом руководстве определялась бы... безопасностью, а не связями с общественностью». Намек на «новое руководство» был весьма прозрачным — Уэбб должен уйти[646].

Вполне возможно, что и администратору НАСА пришлось бы это сделать, если бы он не предпринял ряд решительных мер, направленных на исправление ситуации. Уэбб признал: «Пожар показал, что ряд позиций, относящихся к конструкции и функционированию окружающей среды [корабля], потребуют самого тщательного рассмотрения и, возможно, переделки»[647]. Однако глава агентства начал «с себя», а точнее с собственного ведомства. Проведенная им внутренняя реорганизация НАСА была нацелена на усиление контроля руководящего звена агентства над деятельностью подрядчиков, а также на повышение эффективности общения между нижними и верхними эшелонами иерархической структуры НАСА. Второй важнейший шаг состоял в привлечении «Боинга» к дополнительному контролю за работой «Норт Америкэн». Дело в том, что «Боинг» уже выступал в роли подрядчика НАСА, разрабатывая по заказу этого ведомства одну из трех ступеней «Сатурна», а также отвечая за связку этих ступеней в одно целое. Так почему бы не расширить полномочия «Боинга», поручив ему интеграцию ракеты-носителя и корабля? Этот

шаг фактически превратил бы «Боинг» в еще одного «смотрителя» за качеством продукции «Норт Америкэн», а заодно и других подрядчиков. Так и было сделано[648].

Еще два события способствовали выходу американской космической программы из состояния «стопора», в котором она оказалась после пожара на «Аполлоне-1». Одно из них, печальное, произошло в Советском Союзе. 23 апреля 1967 года при посадке корабля «Союз-1» погиб космонавт Владимир Комаров. Известие об этом трагическом инциденте не только подтвердило, что СССР продолжал участвовать в «лунной гонке», но и напомнило: освоение космоса — опасное дело, платить за которое человеческими жизнями удел не только Америки[649]. Второе событие носило позитивный характер. 29 ноября 1967 г. в космос ушел беспилотный «Аполлон-4». Первое испытание носителя «Сатурн-5» закончилось полным успехом. Но еще за неделю до этого события НАСА опубликовало план полетов «Аполлонов», согласно которому американские астронавты должны были ступить на Луну не позднее конца 1969 г. План удивил многих: его осуществление в намеченные сроки было возможно лишь при условии, что все без исключения полеты «Аполлонов» в течение последующих двух лет будут успешными. Трудно сказать, чего было больше в документе — истинной веры Уэбба в надежность техники или же его стремления «заразить» подобной верой простых американцев и политиков, восстановив тем самым их поддержку лунной программе. Если верно второе предположение, то глава агентства достиг своей цели. 30 января 1968 г. — немногим менее чем через три месяца после обнародования данного плана, комитет по космосу сената США опубликовал доклад, содержащий основные итоги парламентского расследования пожара на «Аполлоне-1». Авторы документа, хотя и высказали определенную критику в адрес НАСА, но не усмотрели связи между случившейся трагедией и спешкой, с какой осуществлялась программа «Аполлон». Более того, первой из рекомендаций комитета был призыв к НАСА продолжить реализацию данной программы для достижения поставленных перед ней целей[650].

Несмотря на столь обещающее начало, 1968 год принес администратору НАСА, пожалуй, не меньше головной боли, чем предыдущий. Правда, никто, слава Богу, не погиб и не пострадал, но то, что стало происходить как внутри, так и за пределами США, все больше отодвигало пилотируемую экспедицию на Селену в конец списка национальных приоритетов Америки. К числу неблагоприятных для «Аполлона» событий внутривнутриполитического характера относились убийства борца за гражданские права чернокожего меньшинства Мартина Лютера Кинга и брата Джона Кеннеди — Роберта, одного из вероятных кандидатов на пост президента США. К этому следует добавить и волну негритянских протестов, захлестнувших американские города после убийства Кинга. Наконец, Джонсон — один из наиболее последовательных и активных сторонников деятельности Соединенных Штатов за пределами атмосферы, решил не переизбираться на очередной срок. Что же касается происходящего за пределами страны, то это было ухудшающееся военное положение США во Вьетнаме, а также советское вторжение в Чехословакию. Все эти события отвлекали внимание общества и политиков, а следовательно и средства из федерального бюджета, от космической программы. Это стало очевидно при бюджетном запросе НАСА на 1969 год. Если проект «Аполлон» получал требуемое «питание», то «Программа практической отдачи „Аполлона“» переводилась на «голодный паек». На нее было запрошено 439 млн долларов — примерно половина того, сколько собирались потратить в 1968 году[651]. Отчасти подобная ситуация объяснялась тем, что конгресс сделал сокращение расходов из федерального бюджета главным приоритетом своей финансовой деятельности в 1968 году. В отличие от начала 1960-х годов, когда многие из членов верхней и нижней палат наживали политический капитал на поддержке великого лунного «броска» Америки, законодатели конца данного десятилетия узрели для себе политическую выгоду в свертывании космической программы США. «Разве мы можем позволить себе столь большие траты на нечто, не связанное напрямую с разрешением острейших внутренних и внешних проблем нашей страны?» — таков был вопрос, лежащий в основе их нового, «реалистичного» отношения к деятельности Соединенных Штатов в космосе. Подобный «реализм» вполне

соответствовал настроению избирателей. Уже к лету 1965 года треть опрошенных американцев выступали за сокращение расходов на космос, в то время как только 16% — за их рост. За последующие три с половиной года количество желающих уменьшить бюджет НАСА выросло до 40%, а число предлагающих его увеличить упало до 14%. Опрос, проведенный летом 1969 г., показал, что 53% американцев против пилотируемого полета на Марс[652].

ППО была одной из наиболее «легкопоражаемых» целей. В самом деле — зачем расходовать деньги на то, что, в общем, дублирует «Пилотируемую орбитальную лабораторию», создаваемую военными? Уэбб назвал весну 1968 года временем, когда «НАСА в массивном порядке теряла поддержку в конгрессе». В июне этого года бюджет НАСА был урезан до 4 миллиардов долларов, из которых на ППО выделялось лишь 253 млн. При этом Джонсон предупредил Уэбба о грядущих новых изъятиях средств из «кошелька» агентства. Это означало, что конвейер, с которого сходили «Сатурны», будет остановлен. Фон Браун и ряд других высокопоставленных сотрудников НАСА убеждали главу агентства зарезервировать для ППО хотя бы один «Сатурн-5», способный вывести на орбиту тяжелую станцию, «начиненную» всем необходимым на Земле. В противном случае пришлось бы использовать меньший носитель для запуска этой станции на околоземную орбиту, а затем уже дооснастить комплекс в полете. Уэбб выступил против такого предложения. Ему с трудом удалось убедить конгресс и бюджетный отдел Белого дома в том, что программе «Аполлон» потребуется как минимум 15 носителей типа «Сатурн-5», и он не собирается ставить под сомнение эту цифру путем передачи хотя бы одного носителя для «послеаполлоновской» космической станции. Потом его неоднократно критиковали за якобы недостаточную последовательность в отстаивании ППО. Но руководитель агентства понимал: в 1968 году у него не было уже ни средств, ни политической поддержки, чтобы оправдать в глазах налогоплательщиков, законодателей и Белого дома необходимость как лунной программы, так и ее преемницы. Любые попытки обеспечить будущее Америки в космосе могли привести к политической девальвации ее текущей космической деятельности, а это уже могло поставить под угрозу «Аполлон»[653].

7 октября 1968 г., за два с половиной месяца до первого облета Селены экипажем «Аполлона-8», Джеймс Уэбб ушел в отставку. Он прожил долгую жизнь. Бывшего администратора НАСА не стало в возрасте 85 лет — 27 марта 1992 года, ровно в 34-ю годовщину гибели Гагарина. Похоронен он был на Арлингтонском национальном кладбище — одна из высших почестей, которой удостоиваются те, кто имеет исключительные заслуги перед американской нацией. Вот что написал о нем президент Джордж Буш-старший его вдове:

«Он навсегда останется в памяти, как человек, который привел только что сформированное космическое агентство к его величайшему успеху в 1960-е годы, кульминацией которого стали исторические шаги американского астронавта по Луне. Это единичное событие входит в число тех моментов [в истории] страны, которыми она гордится более всего. Оно стало одним из величайших научных, инженерных, а также управленческих достижений 20-го века. Успех этот является великой данью руководству Джима в НАСА. Народ Америки всегда будет благодарен ему за неиссякаемый вклад, который он внес в нашу нацию, а в целом — в [развитие] всего человечества»[654].

Формально Уэбб перестал быть ответственным за гражданскую космическую деятельность США в конце 1968 г. Все последующие метаморфозы стали происходить с ней уже при его преемниках. Но нетрудно представить, что творилось в душе одного из главных творцов американских космических триумфов, когда он увидел, как в начале 1970-х годов Соединенные Штаты отменили вначале пять экспедиций на Луну, а после — и вторую станцию типа «Скайлэб»[655].

США: а нужно ли было соперничать?

Несмотря на то, что редко когда вся американская нация была одержима таким духом соперничества и страстным желанием одержать победу, как во время «лунной гонки», общество переключило свои симпатии с конкуренции на сотрудничество еще до окончания полета Армстронга, Олдрина и Коллинза. Так, газета «Сант-Луис Пост Диспетч» в тот же день, когда «Орел» коснулся поверхности Селены, опубликовала статью. В ней она призвала США продолжить осуществление широкомасштабной космической программы. При этом, однако, отметила, что «будущие полеты в космос должны осуществляться совместными усилиями... Соревнование типа того, в какое вовлечены Россия и США, — неоправданная трата средств». Обе страны, подчеркнуло издание, «совершили гигантский прыжок в космосе, а теперь им следует сотрудничать»[656]. По мнению газеты «Бостон Глоб», освоение космоса должно продолжиться «объединенным, а не разделенным человечеством». Как считала «Глоб», «Государствам просто смешно бороться за [единоличный доступ] к маленьким кусочкам [космического пространства], устраивать гонки ради того, чтобы быстрее добраться до одного из его уголков во имя национального престижа, рискуя при этом обанкротиться, углубляя соперничество [между странами] и провоцируя расколы и расхождения [в обществе] внутри своих границ»[657].

А издаваемая в штате Массачусетс газета «Пэтриот Леджер» пошла еще дальше, призвав США «повторить Советскому Союзу предложение Джона Кеннеди... о совместных пилотируемых космических полетах». По мнению «Леджер», время, «когда русские не были заинтересованы в совместной деятельности в космосе из-за того, что были впереди», ушло. И теперь «Интернационализация космической программы, включая совместные советско-американские проекты, может не только сократить ненужные дорогостоящие траты государств, осуществляющих, в основном, такие же программы, но и стать важным стимулом развития сотрудничества в других сферах»[658].

Некоторые обозреватели пошли еще дальше, обрушив свой гнев на всю американскую космическую программу, в особенности на ее лунный компонент. По их мнению, что бы там ни доказал «Аполлон», ему не удалось свести вместе Восток и Запад, а также способствовать достижению мира во всем мире. Классическим образцом подобной критики стала статья в «Сатурдей Ревью», опубликованная 25 октября 1969 г. под характерным заголовком «Истинная трагедия космического младенчества человека». По мнению ее автора, Харри Шварца, проект «Аполлон» представлял из себя «колоссальную растрату ресурсов». Он не «внушил ужас» странам или группам стран, с которыми у США имелись проблемы, не заставил «замолчать урчащие желудки тех, кто живет в гетто» и не убедил богатую американскую молодежь отказаться от анаши. Единственными «некоторыми полезными результатами» проекта стали, по словам Шварца, «два с половиной часа» беспрецедентно захватывающего телешоу, что, однако, явилось «весьма неадекватной окупаемостью 24 млрд долларов (в исчислении на начало XXI века стоимость этого проекта достигла бы 125 млрд долларов). Предприятие это, однако, стоило бы «многих миллиардов долларов... затраченных на него, если бы [послужило цели] сближения государств планеты, уменьшения напряженности и опасности, охвативших большую часть Земли и ее обитателей... Можно только предположить, насколько больше была бы отдача, если бы на борту «Аполлона-11» были американец, русский и китаец, а не три американца»[659].

«Брожение умов», вызванное оценками и переоценками последствий высадки астронавтов на Луне, вышло за пределы средств массовой информации и затронуло конгресс. Обитатели Капитолийского холма вновь заговорили о возможности новых совместных космических проектов с СССР. Отражая подобные настроения, представитель Западной Вирджинии в палате депутатов Кен Хеклер выступил с речью. Он сначала отметил «серьезный конкурентный вызов, брошенный Советским Союзом [Соединенным Штатам]» на предыдущих этапах освоения космоса. Однако далее он сказал: «Возможно, теперь представится шанс превратить это соревнование в такое космическое взаимодействие,

которое заложит важный камень в фундамент взаимопонимания между народами»[660]. А через три дня после этого выступления группа законодателей из нижней палаты конгресса поддержала проект резолюции № 305, внесенной представителем от штата Массачусетс Хастингсом Кейтом. Она была официально названа «отражающей отношение конгресса к будущему покорению космических границ совместными усилиями, предпринимаемыми Соединенными Штатами и прочими технологически развитыми государствами планеты». В ней подчеркивалась необходимость большего международного сотрудничества в космосе после полета «Аполлона-11». Кроме того, документ этот призывал к новым усилиям в данном направлении. Сделать это было нужно, как считали авторы резолюции, по трем главным причинам.

Первая — политико-идеологическая. Полет «Аполлона-11» помог разным странам осознать, «как много у них общего в освоении космических границ». Вторая (более прагматичная) состояла в том, что «технологически развитые страны мира, объединив усилия, наверняка смогут создать более масштабную космическую программу, чем та, которую смогли позволить себе Соединенные Штаты», полагаясь лишь на свои силы и средства. И, наконец, третья (прагматично-благотворительная): «разделив тяготы освоения космоса с другими странами, Соединенные Штаты смогут больше уделить внимания улучшению жизни на Земле, как внутри собственных границ, так и за их пределами». Поэтому данный документ призвал президента предпринять необходимые шаги с тем, чтобы «официально пригласить прочие технологически развитые страны мира присоединиться к Соединенным Штатам в будущих усилиях, направленных на покорение космоса в интересах всего человечества»[661].

Обратим внимание на одну деталь: несмотря на то, что данный документ пропитан, казалось бы, духом равноправия и сотрудничества, США отнюдь не намерены отказываться от космического лидерства. Только теперь оно предстает не в виде единоличного первенства, а в несколько завуалированной форме игры «главной скрипки» в космическом «оркестре» стран, пожелавших «присоединиться к Соединенным Штатам» в деле освоения внеземного пространства. Именно тогда закрепились основы так называемого «лидерства через сотрудничество», которое стало главным средством укрепления главенствующих позиций США в космосе с середины 1980-х годов.

Представляя вышеупомянутую резолюцию на рассмотрение коллег, конгрессмен Кейт подчеркнул, что успех «Аполлона» предоставил уникальную возможность развернуть «всеобъемлющее сотрудничество» в космосе. При этом, впрочем, он остался на позициях реализма, отметив:

«...Мы можем не получить не только всеобъемлющего, но и вообще никакого ответа. Но это будет жест в лучших американских традициях — в традициях плана Маршалла, плана мирного использования атома президента Трумэна, а также предложения президента Эйзенхауэра об «открытом небе».

Я не испытываю иллюзий относительно того, возвестит или нет эта резолюция наступление новой эры. Советы относятся к контактам с Западом с традиционной настороженностью. Они всегда опасаются, не без некоторого на то основания, что сравнение столь различных социальных систем, со столь различными идеалами свободы мысли и слова, будет не в их пользу».

Впрочем, как полагал Кейт, «если мы вновь протянем в космосе руку сотрудничества, а они [Советы] откажутся, то мы ничего не потеряем. Однако, если они согласятся, то дело международного сотрудничества окажется в огромном выигрыше»[662].

Не осталась в стороне и верхняя палата конгресса. Сенатор от штата Аляска Майк Грейвел через два дня после посадки «Аполлона-11» на Луну внес проект резолюции №221. В нем были перечислены достижения США как в области исследования космоса, так и в деле организации международного сотрудничества в нем. В документе подчеркивалось «желание сената Соединенных Штатов в полной мере разделить наши достижения в сфере

космических технологий, а также гордость за их создание со всеми нациями». Поделиться с другими в период холодной войны передовыми технологиями, которые могли использоваться в том числе и для производства новейших вооружений, — шаг довольно смелый. Видимо, поэтому Грейвел пригласил принять участие в космической программе США в качестве астронавтов и наземных специалистов представителей Канады и Мексики. С одной стороны, государства эти не давали повода Вашингтону сомневаться в своей лояльности Америке, а с другой — Соединенным Штатам легче было контролировать использование космических технологий на территориях, которые США традиционно привыкли рассматривать в качестве собственных «задворок». Отдадим, впрочем, должное дипломатичности Грейвела — он упомянул, что после канадцев и мексиканцев приглашение будет распространено на представителей «всех наций», и вообще «интернационализация нашей [американской] космической программы продемонстрирует ее истинную суть, как программу науки и мира, доступ к которой получают люди всей планеты»[663].

Не стоит, однако, думать, будто Грейвела охватил приступ идеализма, в котором национальные интересы США заменились на общечеловеческие. Отнюдь. Выступая в поддержку собственного проекта резолюции, сенатор между делом заметил: «американцам, чтобы быть лидерами в космосе, совсем не обязательно провозглашать собственную монополию на стремление к открытиям и творческому труду»[664]. Достаточно возглавить это стремление. Как видим, — опять «лидерство через сотрудничество».

А несколько недель спустя, 18 ноября 1969 г., группа сенаторов внесла на рассмотрение верхней палаты конгресса еще более смелый проект резолюции, призывающий сенатский комитет по внешним связям «провести всеобъемлющее рассмотрение всех возможностей международного сотрудничества в космосе»[665]. Вот как сенатор Проксмайер, один из авторов, объяснил причины, по которым он и его коллеги выступили с подобной инициативой:

«В прошлом НАСА неоднократно задавало Советскому Союзу вопрос: согласится ли он сотрудничать [в космосе] и разделить траты на некоторые аспекты космической программы». Далее Проксмайер зачитал список предложений, которые делались СССР от имени НАСА вплоть до конца 1967 г., а после продолжил: «...нигде в этом списке я не нахожу попыток сделать одностороннее приглашение Советскому Союзу принять участие [в американском космическом проекте] без того, чтобы не настаивать на *quid pro quo* (симметрично выгодном шаге со стороны СССР. — Ю. К.). Предложили ли мы, к примеру, взять с собой русского космонавта на Луну? Отправили ли мы образцы лунных пород в СССР, чтобы российские ученые могли их исследовать? Или же наоборот — мы сделали подобные обмены жестко зависимыми от получения со стороны России закрытой космической информации? Ознакомление со списком наводит на мысль о подобных ограничениях, которые и могли привести к отказам [СССР сотрудничать], на что НАСА теперь и жалуется...

Вот почему я думаю, что требуются новые подходы — подходы, не ограниченные рамками старых идей и концепций. Вот почему я прошу комитет по внешним связям [рассмотреть все возможности для сотрудничества в космосе с СССР]. Разумеется, в случае использования подобного одностороннего подхода Америке не удастся вначале заметно сократить собственные финансовые, трудовые и тому подобные затраты [на космос]. Однако я убежден, что с течением времени освоение космоса может и должно осуществляться совместными усилиями, и что у СССР появится стимул внести посильный вклад с помощью денег, специалистов, оборудования и технологий с тем, чтобы получить доступ к благам [от проникновения во внеземное пространство], которые граждане России ценят так же высоко, как и мы»[666].

Увы, результат подобных инициатив был более чем скромный, а точнее никакой. Ни в верхней, ни в нижней палатах американского конгресса не нашлось достаточно сторонников

столь решительных мер по установлению и развитию сотрудничества в космосе с Советским Союзом. И дело отнюдь не в отсутствии интереса в подобном взаимодействии с СССР со стороны американских законодателей. Интерес-то как раз был, особенно в тех комитетах палаты депутатов и сената, которые так или иначе связаны с космической деятельностью. Об этом свидетельствуют документы конгресса США[667]. Как полагают Харви и Сиккоритти, главная причина, по которой обитатели Капитолийского холма не бросились к СССР с новыми предложениями о сотрудничестве, состояла в том, что они не видели сколько-нибудь заметных изменений в подходе советского руководства к вопросу о взаимодействии с Соединенными Штатами за пределами атмосферы.

Позиция Никсона

Ричард Никсон, 37-й президент США, принес присягу в качестве главы государства в январе 1969 г. В вопросах освоения космоса он не был ни профаном, ни новичком. В бытность вице-президентом во времена правления Эйзенхауэра, Никсон стал одним из первых в американской администрации, кто указал на тот вызов, который бросил Соединенным Штатам Советский Союз запуском спутника. Было бы ошибкой, отмечал он, «отмахнуться от этого события, как от научного трюка». По его мнению, следовало принять данный факт как «мрачное и временное напоминание» о том, что СССР «развил мощный научный и промышленный потенциал». В качестве председателя сената, вице-президент подписал Национальный акт по аэронавтике и космосу еще до того, как он был подписан президентом Эйзенхауэром 29 июля 1958 г. А когда Никсон баллотировался в президенты в 1960 году, то считал, что американцы должны высадиться на Луну не позднее 1970-1971 гг.[668]

Как подметил один из американских исследователей космической политики США,

«Никсон, хоть ничего и не имел против бокала вина и ужина с астронавтами — героями Америки, тем не менее никогда не демонстрировал личный энтузиазм или же особую приверженность космической программе, которые можно было наблюдать у Джонсона или Дж. Ф. Кеннеди. Отчасти это, видимо, объяснялось тем, что ему не приходилось использовать космическую программу в качестве доказательства своего умения иметь дело с Советами — значение, которое ей, вероятно, придавали Кеннеди и Джонсон. Более того, Никсон унаследовал слишком много экономических проблем, порожденных чрезмерно затратными программами, которые осуществлялись во имя холодной войны во Вьетнаме и Великого общества... Короче говоря, вести холодную войну и проводить внутренние реформы стало так дорого, что у администрации Никсона не оставалось другого выхода, кроме как начать экономить»[669].

С учетом упомянутой тенденции к заметному уменьшению поддержки космической программы внутри страны, бюджет НАСА можно было довольно безболезненно для общества подвергнуть дальнейшему урезанию. Как отметил другой исследователь из США, если раньше «американцев охватывал энтузиазм при мысли о перспективах освоения космоса, то теперь — только апатия и скука. Картины технологических чудес в космосе сменились картинами технологических провалов на земле»[670]. По этой причине космос занимал относительно небольшое место в предвыборной кампании Никсона, в то время, как «закон и порядок», а также Вьетнам — были, несомненно, в центре внимания[671]. Новый президент также понимал, что окончание «космической гонки» может оказать негативное воздействие на космическую программу США. По его мнению, одна из основных проблем этой программы состояла в том, что Советский Союз давно уже не осуществлял полетов в космос, которые могли бы захватить воображение обывателей, а без этого американская публика вряд ли вновь станет проявлять интерес к активизации деятельности Соединенных Штатов за пределами атмосферы[672]. Похожую точку зрения выражала и газета «Лос

Анжелес Таймс»:

«...некоторые из аргументов, выдвигаемых в поддержку космической программы, заслуживают пристального рассмотрения. Один из них — просто старое утверждение, будто если США не будут быстро двигаться вперед, то они отдадут свое «космическое превосходство» России. В то время, как это может быть действительно стоящей национальной целью, есть признаки того, что Россия сама поняла несколько лет назад: подобный «кавалерийский» натиск не оправдывает себя ни с научной, ни с финансовой точек зрения»[673].

Обусловленная «гонкой» с Советским Союзом или без нее, но космическая программа США не должна была оставлять равнодушными американских налогоплательщиков. Это хорошо понимали представители космического лобби Соединенных Штатов, что и было отражено в докладе Оперативной группы по космосу, которую возглавлял не кто иной, как вице-президент США Спиро Агню (напомню, что с 1961 г. должность вице-президента предполагала автоматическое руководство Национальным советом по аэронавтике и космосу). В данном документе, представленном Никсону в сентябре 1969 г., были очерчены основные предлагаемые направления космической политики США при новом хозяине Белого дома. По мнению авторов доклада, «...постановка долгосрочной цели в пилотируемом освоении планет является важной частью будущей «повестки дня» [американской] нации в космосе». Для этого был предложен проект, масштаб и сроки реализации которого способны поразить воображение даже в начале XXI века при качественно более высоком уровне развития технологий. Итак, к началу 1970-х годов НАСА подготовило предварительные планы, которые включают в себя пилотируемую миссию на Марс в 1981 г. Если США возьмутся за решение этой задачи, то в 1974 финансовом году следует принять решение о разработке марсианского посадочного модуля. Подобная программа окажет максимально стимулирующее воздействие на наш технологический потенциал и приведет к расширению наших возможностей [в области науки и техники]... В то время, как запуск экспедиции на Марс может быть осуществлен уже в 1981 г., возможность для (подобного полета), начиная с этой даты, будет предоставляться примерно один раз в два года (когда наступает наиболее выгодная для полета на «Красную планету» диспозиция Земля — Марс. — Ю. К.). Таким образом, понимание факта, что мы в итоге перейдем к изучению планет с помощью людей, оказывает ключевое воздействие на формирование космической программы США после завершения проекта «Аполлон». Однако... в рамках сбалансированной программы, имеющей также другие цели и задачи, эта миссия не должна пользоваться беспрекословным приоритетом, в жертву которому в условиях бюджетного «голода» будут принесены прочие важные виды космической деятельности. Гибкость в определении содержания программы, а также возможность выбора различных сроков для полета на Марс являются органичными частями данного понимания... Время для принятия решений о создании техники для пилотируемой миссии на [«Красную планету»] будет зависеть от уровня бюджетной поддержки космической программы».

Забегая вперед, отмечу, что время для решения о полете астронавтов на Марс, именно из-за недостаточного «Уровня бюджетной поддержки космической программы», так при Никсоне и не наступило. Кроме того, новый президент США Никсон всегда отдавал предпочтение военным перед гражданскими аспектам космонавтики. МБР, разведывательные спутники и противоракеты были для него всегда важнее, чем «Меркурии», «Джемини» или «Аполлоны»[674]. К тому моменту, как он занял кабинет в Белом доме в январе 1969 г., бюджет НАСА уже скатился со своего пика в 5,25 млрд долларов в 1965 г. до примерно 4 миллиардов[675]. Лауреат Нобелевской премии Чарльз Таунс, возглавлявший группу советников Никсона по космосу, сказал президенту, что 4 млрд. долларов — «адекватная» сумма. В задачу группы Таунса входило обеспечить переход от космической политики предыдущей администрации к новой, и в этом смысле она в определенной степени была предтечей Оперативной группы по космосу. Кстати, одной из рекомендаций команды

нобелевского лауреата было выработать курс США в космосе после завершения программы «Аполлон». Никсон принял к сведению этот совет и с целью его выполнения образовал 13 февраля 1969 г. вышеупомянутую Оперативную группу. Так вот, по мнению Таунса, при одобренном его командой уровне расходов на космос США вполне могли сохранить «конкурентоспособную космическую программу»[676].

В дальнейшем Никсон, видимо, посчитал, что сохранить конкурентоспособность можно и меньшей ценой. Когда он ушел с поста главы государства, «кошелек» НАСА «усох» до 3,04 млрд долларов[677]. В то же время военные космические программы не подверглись такому «обескровливанию» и более того, даже слегка поправили свое финансовое благополучие под занавес президентства Никсона[678].

Однако в борьбе за пост президента в 1968 году Никсон однозначно представлял себя в виде сторонника «лучшей в мире» космической программы США. Вот выдержка из одного из его выступлений того периода:

«Америка должна быть впереди всех в космосе... Космос — это нечто большее, чем сфера исследований. Это — новое измерение, открытое для всех захватывающее предприятие, обещание благ для человечества. Проиграв космическую гонку, мы проиграем нечто большее, чем просто гонку. Мы потеряем наше стремление к величию, которое является движущей силой великих наций...»[679].

Окончание «лунной гонки», планы Никсона перейти «от раздоров к переговорам», а также его стремление сэкономить на гражданском «космосе» также усилили его интерес к международному сотрудничеству за пределами атмосферы. 22 июля 1969 г., когда «Аполлон-11» еще возвращался с Луны на Землю, он выразил надежду, что «следующий великий шаг в освоении космоса будет предпринят американцами вместе с представителями других стран так, чтобы мы вместе смогли достичь другого мира»[680]. Однако в начале своего первого срока пребывания на посту президента, у Никсона не имелось конкретных идей ни о том, как строить международное космическое партнерство вообще, ни о том, как с Советским Союзом — в частности. Его президентские заявления о сотрудничестве различных стран в космосе были в лучшем случае неопределенными и отражали скорее его миротворческие амбиции, чем конкретное знание того, как на практике сделать освоение космоса интернациональным предприятием. По мнению нового президента, космос был призван иметь морально-оздоровительное воздействие на международные отношения. 20 января 1969 г., в обращении к нации по случаю избрания на пост главы государства, Никсон, говоря об освоении космоса, подчеркнул, что «судьба людей на Земле неразделима... и как бы далеко мы ни проникли в космос, наши судьбы находятся не на звездах, но на Земле, в наших руках, в наших сердцах...»[681]. В заявлении по случаю запуска «Аполлона-9» 3 марта 1969 года Никсон выразил надежду, что завоевание космического пространства «сблизит человечество, ибо наглядно продемонстрирует, что могут сделать люди, когда используют для решения задач лучшее, что у них есть в умах и сердцах»[682]. А сообщение, переданное экипажем «Аполлона-11» после посадки «в Море Спокойствия... вдохновляет нас на удвоение наших усилий по установлению мира и спокойствия на Земле»[683]. Приблизительно такие же заявления были сделаны Никсоном с июля по август 1969 г. в ходе его визитов на Филиппины, в Индонезию, Таиланд, Вьетнам, Индию, Пакистан, Румынию, Англию и Германию[684]. Впрочем, глава Белого дома, говоря о единстве человечества в масштабах Вселенной, отнюдь не впадал в идеализм. Он сознавал, что идеологические различия могут помешать подобному единению. Говоря о телевизионной трансляции посадки «Аполлона-11», Никсон выразил сожаление, что «примерно половина мира не смогла ее посмотреть, а именно — Китай и Советский Союз»[685]. При этом, однако, дал понять, что полеты в космос сопряжены с риском для жизни и что это сможет помочь преодолеть данные различия. В заявлении, сделанном по поводу взятия экипажем «Аполлона-11» с собой на Луну символов, посвященных памяти павших советских и

американских героев космоса, президент подчеркнул, что «...у мужества нет национальных границ. Имена Гагарина и Комарова, Гриссома, Уайта и Чаффи покрыты такой же славой, как та, которая с нашими молитвами придет к Армстронгу, Олдрину и Коллинзу.

Отдавая должное последовательности и самоотверженности храбрым представителям различных наций, мы особо хотели бы подать пример следующего: если люди могут достичь Луны, то также — и согласия»[686].

Говоря об экипаже «Аполлона-13», оказавшемся в аварийной ситуации после того, как в служебном модуле их корабля взорвался кислородный баллон, Никсон отметил, что «не только американцы, но люди всего мира, не только свободного, но и коммунистического... были вместе с этими людьми в ходе полета»[687]. Причем Советский Союз не ограничился лишь выражением сочувствия и солидарности, но предложил вполне конкретное содействие. Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин направил президенту Никсону телеграмму, где заявил, что советское правительство сделает все возможное для оказания помощи в поиске и спасении экипажа «Аполлона-13» после его возвращения на Землю, если, конечно, такая помощь потребует[688]. В благодарственном письме на имя космонавта Феоктистова, отправленном через три недели после приземления (а точнее — приводнения), командир «Аполлона-13» Джеймс Ловелл, пилот командного модуля Джек Свайгерт и пилот лунного модуля Фред Хейз написали следующее:

«Благодарим вас за вашу обеспокоенность [судьбой экипажа] «Аполлона-13». В ходе полета были моменты, когда наше безопасное возвращение было под вопросом. Несмотря на то, что нам не довелось исследовать Луну, мы многое узнали о возвращении назад в аварийных условиях.

От имени экипажа «Аполлона-13», пожалуйста, поблагодарите тех, кто обеспечил радиомолчание в ходе спасательной операции (имеется в виду, что СССР воздержался от радиопередач на частотах, которые могли невольно «забить» частоты, использовавшиеся для связи с «тринадцатым». — Ю. К.). Астронавты ценят предложенную Советским Союзом помощь и надеются, что в будущем между нашими странами будет больше сотрудничества в области космической деятельности»[689].

Очевидно, первое более или менее четкое представление о том, для чего нужно международное партнерство за пределами атмосферы, Никсон получил в сентябре 1969 г., когда ему был представлен вышеупомянутый доклад Оперативной группы по космосу. В нем в числе прочих были сформулированы цели и задачи сотрудничества США с другими странами в области исследования и освоения внеземного пространства. Из них главными, по мнению авторов документа, являлись: углубление в людях планеты единства; оптимизация международной научной, технической и экономической кооперации [в космосе]; использование космических технологий для решения насущных проблем человечества; разделение как затрат на исследование и освоение космоса, так и результатов [полученных благодаря этой деятельности].

«Исходя из этого, соблюдение наших международных интересов будет лучше всего обеспечено: 1) проектами, которые предоставляют максимум возможности для прямого иностранного участия; 2) проектами, которые принесут экономические и социальные блага другим странам, включая нашу; и 3) видами [космической] деятельности, в рамках которых можно будет и дальше развивать международную кооперацию и координацию [действий].

...Мы должны приложить особые усилия к тому, чтобы сократить увеличивающийся разрыв в технологическом развитии между космическими державами и прочими [не имеющими космических программ] странами. Мы также должны помочь [последним] понять новые возможности, которые предоставляет космический век, и осознать связанную с этим ответственность.

Если мы говорим о том, чтобы значительно расширить международное

участие и взаимодействие [в рамках космических проектов], то это должно предполагать: 1) создание базы для максимального использования вкладов других стран в космическую деятельность, для чего необходимо существенно улучшить возможности для учета взглядов и интересов этих государств...

Наиболее ярко выраженной формой иностранного участия в нашей программе станут полеты [на американских кораблях] иностранных астронавтов. Разумеется, такое возможно лишь при условии значительного иностранного вклада в соответствующие программы.

Форма партнерства, наиболее предпочитаемая развитыми странами, состоит в предоставлении им технической помощи для развития их собственных возможностей [для исследования и освоения космоса]. Мы должны двигаться в направлении либерализации нашей политики в сфере космического сотрудничества, быть готовыми по мере возможности предоставлять услуги [по запуску полезных нагрузок] и технологии, а также привлекать зарубежных экспертов в детальное составление будущих планов американской космической программы, включая участие в разработке проектов и конструкций [космической техники].

Создание механизма международного участия в космической деятельности, благодаря которому страны получают возможность запуска своих полезных нагрузок не только благодаря непосредственной помощи Соединенных Штатов.

Разделение труда между нами и другими странами или региональными космическими организациями, которое позволило бы взять на себя единоличную или коллективную ответственность за решение научных или прикладных задач в космическом пространстве.

Международная финансовая и организационная поддержка исследования планет типа той, что была во время Международного геофизического года»[690].

Впервые с момента начала своего президентства Никсон упомянул о том, чего конкретно он ожидает от международного сотрудничества в космосе, через полгода после выхода в свет доклада Оперативной группы, а именно 7 марта 1970 года в «Заявлении о будущем космической программы Соединенных Штатов». В нем четко прослеживаются некоторые рекомендации данной группы. Никсон, в частности, сказал: «Другие страны уже используют наши носители для запуска в космос своих беспилотных научных нагрузок на основе разделения затрат [на подобные запуски]. Мы ждем, что наступит день, когда подобные соглашения смогут быть распространены на более широкие сферы [космической деятельности], включая спутники и [полеты] астронавтов». Президент назвал государства, которые, по его мнению, могли стать партнерами США в космосе. Это страны Западной Европы, Канада, Япония и Австралия. Советского Союза в списке «приглашенных» не было[691].

Но при этом в подходе Никсона к межгосударственному взаимодействию за пределами атмосферы было нечто, что выгодно отличало главу Белого дома от его предшественников и создавало более благоприятные условия для принятия Советским Союзом американского предложения об объединении усилий в космосе. В своей международной космической политике президент стал делать акцент не столько на обязательствах для США сохранять «лидерство через сотрудничество» (позиция, закрепляющая главенствующее положение США в любом совместном космическом проекте), сколько на необходимости быть «партнером, а не патроном»[692]. Равноправное партнерство с Соединенными Штатами, даже носящее во многом декларативный характер, было в принципе приемлемо для Советского Союза, который не считал свою космическую мощь уступающей американской.

Несмотря на отсутствие формального интереса к сотрудничеству в космосе с СССР в начале первого президентского срока, Никсон не был чужд этой идее. По воспоминаниям бывшего посла Соединенных Штатов в Советском Союзе Фоя Колера, именно Никсон, а не Кеннеди впервые выдвинул идею объединить в космосе усилия США и СССР. Выступая в 1959 году по телевидению и радио перед советскими людьми, Никсон, в частности, сказал:

«Давайте будем сотрудничать в области освоения космического пространства. Как сказал мне один рабочий в Новосибирске: „Давайте вместе отправимся на Луну"»[693]. А в марте 1968 г., уже во время предвыборной кампании, Никсон отметил: «Космическое пространство из области бесконечных все более дорогих престижных гонок должно переместиться в фокус усиливающегося американо-советского сотрудничества. Из-за открытости нашего общества о нашей космической программе известно так много, что, пригласив Советский Союз принять участие в невоенных [космических] проектах, мы вряд ли создадим угрозу собственной национальной безопасности»[694].

Более того, как показали дальнейшие слова Никсона, именно забота о «мире и спокойствии» для собственной страны была одной из главных причин, по которой он стал рассматривать возможность космического альянса двух сверхдержав: «Настаивая на ответных привилегиях (быть допущенными на взаимной основе к информации о космической программе СССР. — Ю. К.), мы узнаем намного больше об их космической деятельности, тем самым, безусловно, укрепив безопасность Соединенных Штатов»[695]. Здесь уместно заметить, что стремление Никсона «узнать намного больше» о том, что делает Советский Союз за пределами атмосферы, проявилось у него еще в 1959 году, когда он посетил СССР в статусе вице-президента. По воспоминаниям сына Хрущева — Сергея,

«Никсон вцепился, как клещ, проявлял недипломатическую настойчивость в желании глянуть на ракеты.

Отец даже вспыхнул: «Не вице-президент, а шпион какой-то».

Никсону так и не удалось увидеть наше «ракетное чудо». Его только поддразнили сообщением в газетах о запуске накануне его приезда высотных геофизических ракет с собачками на борту»[696].

Существовала, правда, и еще одна причина, по которой новый президент хотел представить на «суд» общественности США информацию о советском ракетно-космическом потенциале. Дело в том, что американцы, как отмечалось выше, к тому времени стали тяготиться большими расходами на космос. Поэтому они, по замечанию одного американского обозревателя, уже не принимали безоглядно «аргументы в пользу престижа и международного соревнования с русскими так, как они это когда-то делали, вне зависимости от того, насколько данные аргументы могли показаться весомыми в долгосрочной перспективе»[697]. Простые налогоплательщики хотели знать: «действительно ли есть космическая «гонка» или же это иллюзорное соревнование, которое Америка уже выиграла из-за отсутствия соперника»[698]. По этой причине, говоря об оздоровительном воздействии советско-американского космического партнерства на отношения между двумя сверхдержавами, Никсону приходилось проявлять немалую осторожность, чтобы не уменьшить еще больше поддержку космической программы США внутри страны. Согласно опросу общественного мнения Трендекс, проведенному в конце 1968 г., только 18% респондентов полагали, что смягчение международной напряженности может оказать благотворное воздействие на космическую программу[699].

Космическая отрасль США: из кризиса «под руку» с СССР?

Разумеется, стремление Никсона узнать больше о советской заатмосферной деятельности не может само по себе объяснить усилившийся интерес космического сообщества США к сотрудничеству с СССР. Более того, интерес этот отнюдь не был стимулирован президентской инициативой, хотя в упомянутом докладе Оперативной группы по космосу, работавшей под руководством первого заместителя главы государства, были отражены отношение к космической программе СССР, а также видение возможного

советско-американского взаимодействия во внеземном пространстве. Как отметили авторы доклада,

«...В настоящее время, благодаря успеху «Аполлона», полетам «Маринер-6» и «Маринер-7», эффективному использованию связанных и метеорологических спутников, США находятся на пике своего престижа и космических достижений[700].

На короткий промежуток времени (выделено мною. — Ю. К.) гонка с русскими выиграна... В настоящий момент маловероятно, чтобы советские космические достижения имели бы такой же эффект, как в прошлом. Однако Советы продолжают развивать свой потенциал для [«взятия» очередных «барьеров» в космосе], а потому **есть все основания ожидать от [СССР] осуществления грандиозных космических программ с громким политическим резонансом. Нет никаких признаков того, что Советы собираются сократить или вообще прекратить свою доступную для всеобщего обозрения космическую деятельность** (выделено мною. — Ю. К.), несмотря на проблемы, которые у них были с ракетами-носителями и космическими кораблями (видимо, имеются в виду неудачи с «лунной лошадкой» Н-2 и гибель «Союза-1». — Ю. К.), а также несмотря на затмевающий [любые другие космические достижения] полет «Аполлона-11».

...Опыт [попыток взаимодействия] с СССР в космосе за прошедшие десять лет показал, что главная проблема развития космического сотрудничества [с этой страной] носит политический, а не инженерный или экономический характер. Были определены многочисленные технически вполне жизнеспособные проекты для партнерства с Советским Союзом [в данной сфере]. Более того, многие из них были в той или иной форме предложены Советскому Союзу, но, как правило, безрезультатно. Например, мы могли разработать серию последовательных шагов, которые привели бы к крупномасштабному сотрудничеству. [Шаги эти] охватывали бы диапазон от прямого и полнообъемного обмена результатами осуществления различных космических проектов до согласованных взаимодополняющих действий (как, например, обоюдная поддержка слежения за космическими объектами или координированные запуски спутников для решения специальных задач в космосе). Следующей ступенью стали бы полностью интегрированные, состоящие из советских и американских элементов проекты, предназначенные для достижения общих целей [СССР и США] в космосе. Особого внимания заслуживают следующие направления:

В области космических исследований: изучение с околоземной орбиты, атмосферной динамики и магнитного поля Земли; астрономические наблюдения с использованием спутников или лунных баз; наблюдения за солнечной активностью с помощью спутников, а также исследование Луны и прочих планет.

В области прикладного использования космической деятельности: координирование работы с метеорологическими спутниками с целью глобального предсказания погоды и раннего предвидения природных катастроф; создание спутниковой системы для поиска полезных ископаемых и контроля над ними.

В области пилотируемых полетов: медико-биологические исследования, аварийно-спасательные работы в космосе, координация экспериментов и параметров полетов для околоземных орбитальных станций, освоение Луны и обмен астронавтами.

В области отслеживания космических объектов: взаимодополнение возможностей друг друга.

С учетом исключительно большого внимания, которое Советы уделяют исследованию планет, взаимодействие в данной области представляется особенно интересным»[701].

Несмотря на то, что вышеупомянутые рекомендации по объединению усилий двух стран в космосе были сделаны осенью 1969 г., Никсон официально включил космическое

сотрудничество с Советским Союзом в число задач государственной политики Соединенных Штатов только 25 февраля 1971 года в своем послании к конгрессу под названием «Внешняя политика США на 1970-е годы: строить мир»:

«Я также поручил НАСА предпринять все усилия для расширения нашего сотрудничества в космосе с Советским Союзом. Здесь уже наметился прогресс. Вместе с советскими учеными и инженерами мы определили пути проектирования совместимых стыковочных систем.

В январе мы достигли предварительного соглашения с Советским Союзом, которое может стать основой для установления куда более широкого сотрудничества между нами в области космоса. Я предписал НАСА и Государственному департаменту отнестись к решению этой перспективной задачи со всей серьезностью»[702].

Предыдущий период в истории советско-американского космического сотрудничества показал, что заявления президента о необходимости взаимодействовать с Советским Союзом обычно предшествуют любым видам каких-либо совместных действий двух стран за пределами атмосферы. Согласно вышеупомянутому посланию к конгрессу, советско-американское сотрудничество в космосе официально возродилось при Никсоне в январе 1971 г. Однако к тому времени полномочные представители советской и американской космических программ уже почти два года проводили встречи, на которых обсуждали возможные совместные проекты в космосе. Подобное беспрецедентное явление в истории космических отношений между двумя странами стало возможным благодаря ряду тенденций в американской космической политике и программе.

Одна из них заключалась в том, что действия государственного руководства в СССР и в США были в разной степени зависимы от общественного мнения своих стран. В Советском Союзе все решения, независимо от сложности и масштаба, принимались «наверху», считались априори грамотными, верными и предполагали беспрекословное их выполнение «низами». В Соединенных Штатах была иная ситуация. Любой дорогостоящий проект должен был в первую очередь соответствовать чаяниям и потребностям избирателей, а потому подвергался постоянному рассмотрению и контролю со стороны законодателей. Большинство же электората, как показывали опросы общественного мнения в США, рассматривало мощную космическую программу как поглотителя неоправданно больших средств из федерального бюджета. Поэтому, несмотря на мнение американских экспертов, полагавших, что «как США, так и СССР находились под давлением внутренних проблем, а потому благосклонно отнеслись бы к объединению усилий в космосе ради сокращения расходов» на этот вид деятельности[703], советская космическая программа не столкнулась с такими политическими и финансовыми проблемами, как американская. Руководство СССР считало, что Советский Союз, может, и проиграл «лунную», но отнюдь не «космическую» гонку. Последняя же выходила за рамки просто борьбы за первенство в водружении национального флага на Луне и предполагала соревнование в сфере более широкого освоения космоса. Победителем здесь будет тот, чьи представители смогут дольше, более продуктивно и комфортно жить и работать за пределами атмосферы. Именно на этом направлении собирался СССР бросить вызов США, когда провозгласил «свой путь» в космосе, заключавшийся, как известно, в создании долговременных пилотируемых орбитальных станций. Это был идеологически достаточно обоснованный и дальновидный ход. Граждане «самого справедливого» государства на свете уже одним фактом длительного проживания в космосе были призваны постоянно притягивать к себе внимание мировых СМИ. Народам планеты, таким образом, непрерывно напоминали о том «небывалом расцвете», который обеспечил науке и технике социалистический строй. Поэтому, когда в начале 1972 года сенатский комитет по исследованиям в области аэронавтики и космоса подготовил доклад о состоянии советской космической программы, у него были все основания назвать данную программу «сильным и растущим предприятием», которое, в

отличие от американской космической отрасли, практически не знало бюджетных ограничений[704]. Подобная ситуация объясняет разницу в причинах, по которым руководители советской и американской космических отраслей искали взаимодействия между своими отраслями. Интерес первых к сотрудничеству с коллегами из США был во многом продиктован их желанием, с одной стороны, получить доступ к заокеанским космическим, в частности, стыковочным, технологиям и опыту, а с другой — подчеркнуть равновеликость советской космической программы американской[705].

Что же касается вторых, то их интерес к партнерству с Советским Союзом был вызван факторами, жизненно важными для будущего пилотируемой деятельности Соединенных Штатов за пределами атмосферы. Это объясняет, почему стремление к двустороннему сотрудничеству было ярче выражено с американской стороны, чем с советской, и почему США предпринимали более активные шаги в данном направлении. В основе поиска Соединенными Штатами космического сближения с Советским Союзом было несколько составляющих.

Во-первых, отмена нескольких экспедиций на Луну привела к тому, что ряд командных модулей «Аполлона» оказались невостребованными. Совместный космический полет позволил бы НАСА использовать хотя бы один из них.

Во-вторых, по составленным к тому времени планам агентства, проект «Аполлон» должен был закончиться в 1972 г., а следующая пилотируемая программа начаться не раньше 1978 г. Это означало, что в полетах американских кораблей с экипажами на борту наступит шестилетний перерыв. Такая пауза могла оказать губительное воздействие на космическую инфраструктуру США, созданную для обеспечения пилотируемых миссий. Чтобы этого не произошло, НАСА намеревалось потратить большую часть из 300 млн. долларов, а именно в такую сумму была оценена в Соединенных Штатах первая стыковка кораблей двух стран, на поддержание «в форме» данной инфраструктуры в Хьюстоне, Хантсвилле, Алабаме и на мысе имени Кеннеди[706]. Рассматривались и другие варианты сохранения в рабочем состоянии центров и предприятий США, существование которых было напрямую связано с полетами астронавтов. Однако все эти способы были значительно дороже, чем планируемая стыковка «Аполлона» и «Союза», а, следовательно, еще труднее вписались бы в сократившийся бюджет НАСА. Так, станция «Скайлэб-2», которую можно было бы вывести на орбиту в 1976 г., обошлась бы американским налогоплательщикам в 800 млн. долларов, а двухнедельный полет по лунной орбите в 1976 или 1977 годах с целью составления подробной карты Селены — в 400 млн. долларов[707].

В-третьих, с учетом наметившегося потепления в отношениях между СССР и США и желания американского политического истеблишмента сохранить эту тенденцию, у НАСА были все основания рассчитывать на поддержку, в том числе финансовую, советско-американской космической миссии со стороны Белого дома и Капитолийского холма[708].

В-четвертых — «Аполлон-13». Взрыв кислородного бака во время его полета к Луне, создавший серьезную угрозу жизни астронавтов, сделал перспективу разработки универсальных средств спасения на основе советских и американских космических кораблей весьма привлекательной в глазах общества и политиков США[709]. Интересно, что росту популярности в США идеи о взаимопомощи на орбите невольно способствовал Голливуд. По воспоминаниям Сыромятникова, неожиданно переговоры между представителями советской космической программы и американской Академией наук приобрели конкретный характер: «Поводом послужил американский почти научно-фантастический, почти просоветский фильм «В плену орбиты» («Marooned»), в котором советские космонавты помогали спасать терпящих бедствие астронавтов, сумев приблизиться на орбите и через открытый космос передать баллоны с кислородом. Состыковаться корабли не могли, так как их механизмы были несовместимы. Общественность США активно отреагировала на фантазию кинематографистов, что вообще характерно для американцев. Отправившийся в Москву президент Американской академии Ф. Хандлер взял на себя посредническую миссию. В тот момент искусство, наука и политика оказались единомышленны, и это в конце

концов дало практические результаты»[710].

Пятая причина, вынуждавшая НАСА проявлять активность в поиске партнерства с советской космической отраслью, состояла в том, что интерес простых американцев к деятельности их страны в космосе значительно снизился уже после первых полетов астронавтов к Селене и на нее. Достаточно вспомнить, что ни одна из ведущих телевизионных компаний Соединенных Штатов не стала показывать в прямом эфире полет «Аполлона-13», хотя это был всего лишь третий визит людей на другую планету (экипаж этого корабля, разумеется, стал героем всех теле-, радио- и газетных новостей после того, как оказался в опасности). Предстоящая совместная миссия, предлагающая американской публике новое «шоу» на орбите, вполне могла рассчитывать на более высокий общественный интерес и поддержку, чем очередная экспедиция на Луну[711].

В-шестых, совместный пилотируемый космический полет дал бы НАСА время и опыт, необходимые для определения технических требований к системам, которые в дальнейшем могли быть использованы на «шаттлах»[712]. Наконец, одной из главных целей первой советско-американской миссии в космосе было установить между двумя странами отношения «взаимного доверия и уверенности в надежности друг друга» — важнейшего условия для продолжения дальнейшего взаимодействия за пределами атмосферы[713].

Интересно, что совместному полету невольно способствовало и несколько противоречивое стремление Никсона, с одной стороны, сэкономить на «космосе», а с другой — осуществить после «Аполлона» какой-нибудь другой амбициозный космический проект. Об этом он, еще в бытность кандидатом в президенты, прямо сказал в мае 1968 г.: «Думаю, что космос будет в списке тех сфер деятельности, расходы на которые я как президент предложу сократить. Полагаю, что нам придется сконцентрироваться на тех сферах, где шансы на получение впечатляющих результатов будут наиболее высоки. Однако с учетом серьезнейшего финансового кризиса, в котором сегодня находятся Соединенные Штаты, нам придется пойти на некоторые сокращения. Я поддерживаю эти сокращения. Но как только нам удастся восстановить [экономическую] стабильность в стране, мы вновь сможем продолжить программы освоения не только космоса, но и вообще всего нового. И тогда космос должен будет стать одним из первых в списке приоритетов, поскольку ни одна великая держава не может позволить себе быть второй в исследовании неизвестного»[714].

По мнению высших руководителей страны, к числу которых относился вице-президент Спиро Агню, международное сотрудничество с разделением финансового бремени между всеми участниками было важнейшим условием реализации любого крупномасштабного космического проекта[715]. Но проект проекту, даже в одной и той же области — рознь. Космический корабль многоцелевого использования типа «Спэйс Шаттл», имеющий четкое военное применение, США могли разрабатывать вместе с ближайшими друзьями и стратегическими союзниками — Западной Европой и Канадой[716]. Понятно, что Советскому Союзу — потенциальному противнику Соединенных Штатов, несмотря на весь его опыт в создании пилотируемой космической техники, вход в этот «альянс» был заказан. Другое дело — обитаемая околоземная станция — один из проектов, представлявших для НАСА наибольший интерес. Подобный орбитальный комплекс мог быть построен в рамках двустороннего соглашения между США и СССР на базе уже сравнительно «устаревших» американских и советских технологий.

Станция под вопросом

Впрочем, у проекта околоземного «дома» были и свои оппоненты. Доклад, представленный Никсону группой экспертов еще до его формального вступления в должность президента, критиковал идею орбитального комплекса на том основании, что это «был, очевидно, не самый эффективный способ продолжать показывать с целью престижа наши пилотируемые космические возможности», в то время как потребность в престиже на международной арене продолжала сохраняться[717]. Дальнейший ход событий показал, что

Никсон прислушался к рекомендациям, изложенным в этом документе. В одной из них, кстати, рекомендовалось активизировать попытки по организации международного сотрудничества в космосе, в частности, с Советским Союзом. По мнению авторов доклада, исследование космоса с помощью автоматических аппаратов было сферой, где советско-американское сотрудничество наиболее вероятно. Однако обращает на себя внимание причина, по которой они рекомендовали взаимодействие именно в этой области: «в ней Советы так же компетентны, как мы, что очевидно позволит сэкономить средства обеим странам»[718]. Это отмеченное равенство возможностей вполне могло быть применено и к пилотируемой космонавтике, а следовательно — стать одним из факторов, предопределяющих будущее партнерство двух стран в сфере обитаемого космоса.

Американцы были хорошо осведомлены о работах в СССР по созданию орбитальных станций. Джо Калифано, советник Никсона, в меморандуме только что избранному президенту подчеркнул:

«анализ темпов, какими осуществляется советская программа высадки человека на Луну, наличие пилотируемых космических кораблей и носителей для их запуска дают основание предположить, что Советы уже в состоянии вывести в космос прототип космической станции. Это может стать прологом к установлению [их] длительного присутствия на околоземной орбите»[719].

Вывод из меморандума Калифано напрашивался сам собой: Советский Союз является естественным партнером Америки в разработке и строительстве орбитального комплекса. Впрочем, к тому времени в США уже рассматривались планы по кооперации с СССР в рамках такого рода проекта. Так, Эдвард Уэлш, исполнительный секретарь Национального совета по аэронавтике и космосу в администрации Джонсона, сказал в мае 1968 г., что сотрудничество с Советским Союзом в тех случаях, когда оно приобретает взаимовыгодный характер, всегда было одной из целей американской политики. Причем Уэлш не ограничился общей декларацией, а указал на конкретную форму, которую могло бы обрести подобное взаимодействие. По его мнению, «совместная обитаемая лаборатория на поверхности Луны» (фактически та же околоземная станция, только расположенная на Селене) могла стать хорошим объектом для двустороннего партнерства[720].

СССР: сблизиться или нет?

В основе американских аргументов в пользу своевременности новых инициатив о космическом партнерстве с Советским Союзом лежали следующие послышки. Первая. США безусловно выиграли «космическую гонку» с СССР. Вторая. Советам не остается ничего другого, как признать американское превосходство в космосе. Третья. Увидев готовность к сотрудничеству со стороны Соединенных Штатов, Москва проявит реализм и поймет, что лучше взаимодействовать с успешным противником, чем продолжать дорогостоящее соперничество с ним — то, что может привести лишь к дальнейшему отставанию СССР от США в космосе.

Советский Союз, однако, не спешил действовать в соответствии с логикой, предначертанной ему сторонниками советско-американского сотрудничества в космосе. Более того, не похоже было, что на СССР произвел большое впечатление успех программы «Аполлон» или что Москва намерена покончить с традиционной единоличностью в области исследования либо освоения космоса. Следует, впрочем, признать, что советская пресса отдала должное высадке американцев на Луну. Так, «Известия» назвали это «замечательным техническим достижением», «Правда» — «крупнейшим технологическим свершением», а «Труд» — «выдающимся успехом». При этом, однако, тон печати был таков, что у читателя должно было сложиться впечатление: да, люди на Луне — это, конечно, здорово, но не следует забывать, что речь идет всего лишь об эпизоде в истории освоения космоса — процессе, главную роль в котором играет СССР.

Показательна в этом смысле статья в «Правде» от 23 июля 1969 г. Воздав должное высадке людей на Луне, как «исключительному событию», газета в то же время подчеркнула, что оно стоит в одном ряду с такими выдающимися достижениями, как запуск первого искусственного спутника Земли, первый пилотируемый космический полет, осуществленный Юрием Гагариным, первый выход в открытый космос, совершенный Алексеем Леоновым, а также первые запуски автоматических аппаратов на Луну, Марс и Венеру (все также были советскими). Дали советские труженики пера и классовую оценку «Аполлону». Так, «Правда» от 27 июля советовала не забывать, что успех лунной программы эксплуатируется теми же людьми, которые развязали и продолжают вести «грязную войну» во Вьетнаме, помогают израильским агрессорам и поддерживают реваншистов в Бонне. В подобном духе было выдержано и выступление комментатора по московскому радио 29 июля. Он напомнил, что успех «Аполлонов» не может скрыть жгучих проблем американской действительности, к коим относятся массовые протесты общественности Соединенных Штатов против войны во Вьетнаме; попытки Вашингтонской администрации навязать своей стране создание дорогостоящей системы противоракетной обороны, что было запланировано еще предыдущим правительством США; усиливающиеся волнения среди негритянского населения, борющегося за равные права; демонстрации американских бедняков; «мощные забастовки» рабочих и служащих[721].

Все эти высказывания, появлявшиеся в подконтрольных государству СМИ, посылали Америке недвусмысленный сигнал: „Аполлон“, конечно, немалое достижение, но мы понимаем, что он в первую очередь очередная попытка замаскировать ваши «империалистические язвы», а потому не думайте, что мы будем вам в этом помогать». Предельно же небольшой размер заметок, посвященных экспедициям на Луну, должен был создать у советского читателя представление о незначительности событий. Подобная политика СМИ, проводимая в соответствии с идеологическими установками Кремля, раздражала даже такого последовательного приверженца внутри- и внешнеполитического курса КПСС, а соответственно и ярого «антиимпериалиста», как генерал Каманин. Вот какую запись он оставил, в частности, в своем дневнике по поводу старта «Аполлона-13», состоявшегося в апреле 1970 г.:

«В нашей печати до предела скупо сообщается об этом полете (была лишь крохотная заметка в «Правде» за 12 апреля), и это еще больше портит мне настроение. Осуществление мечты, которой жила вся планета последние десять лет, перестало интересовать наших руководителей только потому, что на Луну летаем не мы, а американцы. Я не могу присоединиться к заговору молчания о величайшем достижении человечества и от всей души приветствую успехи наших американских коллег, хотя знаю, что советские космонавты тяжело переживают наше поражение»[722].

Но в любом случае, в конце 1960-х годов Москве стало ясно — «лунная гонка» проиграна, и космос, бывший доселе ареной ожесточенного соперничества двух систем, может закрепить тенденцию к потеплению, обозначившуюся в советско-американских отношениях. Намек на это содержался в речи Брежнева, с которой он выступил в Кремле 1 ноября 1968 г. Он отметил, что любая деятельность советских людей на Земле и в космосе подчинена делу укрепления мира и прогрессу человечества. Кроме того, Генсек подчеркнул, что космос должен быть сферой научных исследований и международного сотрудничества, а не ареной для враждебной конфронтации[723]. Впрочем, еще до этого намека главы Кремля и даже еще до посадки «Аполлона-11» на Луну из советской научной среды стали появляться сигналы о желательности международного взаимодействия за пределами атмосферы. Так, Б. П. Константинов[724], вице-президент АН СССР, еще в 1968 г. в интервью югославской газете «Вестник Загреба» отметил, что освоение космоса является все еще «вопросом престижа».

Однако при этом он высказал уверенность, что вместе с прогрессом в этой области все

более будет становиться очевидной необходимостью какого-либо сотрудничества в космосе. Константинов упомянул два направления для такого рода партнерства: спасение космонавтов и неразмещение во внеземном пространстве боевых средств и вооружений[725].

Аналогичные мысли посещали и разработчиков космической техники. Когда на повестке дня стояла разработка и постройка военной орбитальной станции типа «Алмаз», конструкторы понимали: «Алмаз» должен оставаться секретным военным космическим объектом. Необходимо же иметь по возможности и несекретную станцию и продемонстрировать всему миру, что мы предлагаем международное сотрудничество в интересах науки и экономики. Сделать все это надо было быстро, пока американцы не додумались захватить с собой на Луну астронавта какой-либо европейской страны»[726].

А накануне 1971 г. в поддержку идеи взаимодействия между разными странами в области освоения космоса выступила и «Правда». Главный печатный орган страны однозначно заявил, что роль международного сотрудничества в космосе должна вырасти уже в ближайшем будущем. Сотрудничество это, по словам газеты, охватит значительное количество государств и повысит эффективность исследования и завоевания космоса. Космонавтика, утверждала «Правда», все чаще будет становиться основой для научно-технического взаимодействия различных стран, облегчая взаимопонимание между ними[727].

Впрочем, делать обнадеживающие высказывания о грядущем партнерстве оказалось легче, чем преодолеть инерцию недоверия и соперничества, господствовавшую в советско-американских космических отношениях с начала космической эры. Так, академик Благодоров выступил с достаточно дежурным заявлением по случаю полета «Аполлона-8», в котором подчеркнул, что отечественные ученые всегда были готовы к взаимному обмену результатами космических исследований с американскими коллегами и что результаты этих исследований должны использоваться на благо всего человечества[728]. Впрочем, пропагандисты не были бы сами собой, если бы позволили отношению ученых СССР к первому пилотируемому полету к Луне остаться даже на этой пресно-мажорной ноте. Так, один из обозревателей, комментируя по радио миссию «восьмерки», отметил, что полет «Аполлона» должен напомнить всем людям Земли о «жизненной необходимости» международного сотрудничества в рамках проектов, представляющих интерес для всего человечества. Один из таких проектов — научные исследования в мирных целях. Остается только жалеть, подчеркнул обозреватель, что агрессивные тенденции в американской внешней политике продолжают препятствовать сотрудничеству между Советским Союзом и Соединенными Штатами, а также — другими нациями, в области космической деятельности[729].

Однако США, очевидно, не считали, что агрессивные тенденции в их внешней политике способны создать препоны на пути объединения усилий за пределами атмосферы двух сверхдержав. Так, в 1969 г. руководитель НАСА Томас Пэйн обрушил на руководство АН СССР лавину инициатив, о которых доложил 11 марта 1970 г. в сенатском комитете по исследованиям в области аэронавтики и космоса:

«...За последние несколько месяцев я написал очередную серию писем президенту Келдышу и академику Благодорову... с новыми предложениями, касающимися сотрудничества в космосе. Письма приглашали советских ученых провести эксперименты на наших космических кораблях, предоставляли им возможность использовать лазерный рефлектор, оставленный на Луне экипажем «Аполлона-11», предлагали участвовать в анализе образцов грунта лунной поверхности, приглашали принять участие в конференции по миссии «Викингов»[730] на Марс, предлагали провести обсуждение планетарных программ [обеих стран]. Кроме того, мы подтвердили нашу готовность встретиться и рассмотреть любую возможность для совместного сотрудничества»[731].

Увы, ни на одну из инициатив Пэйна ответа дано не было. Вот лишь некоторые их

примеры.

Глава НАСА передал 30 апреля 1969 г. академику Благоднравову публикацию агентства под названием «Возможности для участия в исследованиях космических полетов», сопроводив жест этот уверениями в том, что участие советских ученых в такого рода деятельности будет только приветствоваться. Никакой реакции со стороны Москвы не последовало.

Решив не сдаваться, Пэйн отправил 29 мая 1969 г. приглашение Благоднравову на старт «Аполлона-11», в котором предложил, в том числе, встретиться «без галстуков» и обсудить в неформальной атмосфере возможные совместные проекты. На этот раз «успех» был налицо, правда лишь частичный. Анатолий Аркадьевич ответил, но лишь для того, чтобы сообщить, что присутствовать на старте, увы, не сможет.

Пэйн перенес «огонь» на самый верхний эшелон властной структуры академии. Он лично предложил президенту АН СССР Келдышу прислать советских ученых на своего рода брифинг, запланированный НАСА на 11 — 12 сентября 1969 г. Мероприятие было организовано для исследователей, пожелавших предложить свои эксперименты для осуществления в ходе грядущих миссий «Викингов» к Марсу. Адресат получил письмо лишь 3 сентября 1969 г. и, сославшись на недостаток времени для решения организационных вопросов, связанных с откомандированием за «железный занавес» советских специалистов, ответил отказом. Впрочем, президент академии запросил материалы брифинга для последующего распространения среди коллег и даже не исключил возможность и того, что в будущем подобная встреча может произойти. Пэйн отослал запрошенные материалы Келдышу и предложил ему организовать отдельный брифинг для советских ученых. Ответом администратору НАСА было молчание.

18 сентября 1969 г. доктор Хамфрис, начальник отдела космической медицины НАСА, отправил О. Г. Газенко, ведущему советскому специалисту в области космической биологии и медицины, письмо с вопросом, не желает ли тот выдвинуть какие-нибудь предложения по обмену молодыми врачами и биологами из СССР и США с прохождением ими стажировки в заранее выбранных лабораториях Советского Союза и Соединенных Штатов. В ответном письме, которое пришло в НАСА лишь 9 декабря 1969 г., Газенко просил еще время для консультаций по поводу предложения Хамфриса.

В письме к Келдышу от 3 октября 1969 г. Пэйн заверил, что американская сторона приветствовала бы предложения советских ученых касательно анализа лунного грунта. Ответа не последовало.

Через неделю, 10 октября, Пэйн направил Келдышу копии доклада, подготовленного для президента США Оперативной группой по космосу. В сопроводительном письме глава НАСА предложил главе АН СССР рассмотреть возможности того, как космические программы Советского Союза и Соединенных Штатов могли бы дополнить друг друга. Поскольку Пэйн хотел, чтобы в переговорах на эту тему приняли участие космонавты и астронавты, было очевидно — администратор НАСА рассматривает возможность объединения усилий двух стран в рамках пилотируемых проектов.

В ответе от 12 декабря 1969 г. Келдыш подтвердил получение материалов. Он согласился с тем, что советско-американское сотрудничество в космосе «в настоящее время имеет ограниченный характер и его необходимо развивать». Келдыш также согласился с предложением Пэйна встретиться и обсудить эту проблему, но отложил встречу «на три-четыре месяца». Президент АН СССР отклонил идею администратора НАСА пригласить российских ученых представить свои предложения о проведении экспериментов на борту американских межпланетных космических аппаратов. В качестве альтернативы Мстислав Всеволодович предложил установить такие отношения между американским аэрокосмическим агентством и советской Академией наук, при которых обе организации координировали бы свои «планетарные планы» и «обменивались результатами», полученными с помощью межпланетных зондов.

Наконец, 18 декабря 1969 г. Пэйн пригласил Келдыша отправить советских ученых на

научную конференцию, посвященную результатам полета «Аполлона-11». Президент АН СССР не ответил на это приглашение[732].

Заключительным аккордом попыток США установить взаимодействие в космосе с Советским Союзом стали слова сенатора Маргарет Чейз Смит:

«...нам нужно трезво и реалистично посмотреть на вещи, а следовательно понять, что любой вид сколько-нибудь значительного сотрудничества [с СССР] будет в высшей степени зависеть от значительных перемен в отношении Советского Союза [к этому сотрудничеству]»[733].

Признаки подобных перемен наметились уже в конце апреля 1970 года, когда в Нью-Йорке состоялась второе Национальное совещание по проблемам строительства мира. Выступая на нем, М. Д. Миллионщиков[734], вице-президент АН СССР, отметил, что пришло время, когда Советский Союз и Соединенные Штаты должны начать переговоры о сотрудничестве в космосе, и подчеркнул, что подобные переговоры могут быть «очень плодотворными и полезными».

Прочие советские участники этого форума дали понять, что обсуждение этой темы могло бы состояться уже в ближайшем будущем и затронуть самые разные аспекты освоения внеземного пространства. Важный момент: возможное взаимодействие в области пилотируемых полетов, хотя и не рассматривалось в качестве главного поля для партнерства, тем не менее присутствовало в качестве предложения разработать международную спасательную систему для оказания помощи космонавтам и астронавтам, оказавшимся в аварийной ситуации за пределами Земли. В числе прочих сфер для предполагаемого сотрудничества имелся и обмен научной информацией. Мысли о возможном альянсе в космосе между СССР и США были высказаны Миллионщиковым в неофициальной форме и вполне могли быть отражением его личного мнения. Однако слова второго человека в советской академии были восприняты в США, как ободряющий знак: Советский Союз стал склоняться к идее космического партнерства с Соединенными Штатами[735].

Одна из причин подобного «потепления» Академии наук СССР к идее взаимодействия с США в области космоса могла крыться в определенном изменении позиции президента АН — Келдыша. По некоторым признакам можно было судить о его растущем недовольстве засилием в академии бюрократии, тесно связанной с военно-промышленным комплексом (той самой бюрократии, которую он когда-то сам укреплял), равно как и усилением влияния ВПК практически на все стороны жизни советского общества[736].

Сотрудничество с американцами могло внести «живую струю» в жизнь АН, а также способствовать росту и влиянию гражданского сектора космонавтики.

Обоснованность подобного предположения подтверждает и Сыромятников. По его мнению, «...в те годы руководители Академии наук были не только настоящими учеными, но и государственными деятелями. В политике они разбирались намного лучше нас, инженеров, и хорошо понимали, что только через конкретные дела, через заметные проекты можно добиться существенных перемен, расшатать косность и всколыхнуть новые силы»[737].

То, что слова Миллионщикова о желательности советско-американского партнерства за пределами атмосферы не были дипломатическим «реверансом» в сторону США, подтверждено рядом последующих событий. Американские обозреватели связали их, в том числе, с успехами вначале 18-суточного полета Николаева и Севастьянова на «Союзе-9», состоявшегося в июне 1970 г., а после — «Луны-16» в сентябре того же года. Обозреватели полагали, что данные достижения «безусловно... облегчат русским [проблему] рассмотрения сотрудничества с США»[738], так как помогут советским специалистам избежать ситуации, в которой они невольно могут выглядеть «учениками» своих потенциальных американских партнеров. Основания для подобных высказываний имелись. В том же месяце, когда Севастьянов и Николаев установили свой космический рекорд, Келдыш пообещал с «максимальным вниманием» рассмотреть предложения американцев о сотрудничестве в

космосе с СССР[739]. По мнению западных дипломатов, слова президента АН СССР были наполнены реальным содержанием в большей степени, чем все предыдущие заявления советских представителей о возможности сотрудничества в космосе с американцами[740].

В сентябре 1970 г. Кремль сделал символический жест доброй воли по отношению к Америке, вернув ей посадочную капсулу ВР-1227, имитирующую соответствующую часть космического корабля «Аполлон». Макет этот, выполненный большей частью из обычного листового железа и фиброгласа, использовался базировавшимися в Англии кораблями военно-морских сил США для отработки поиска реальных посадочных капсул «Аполлонов» с экипажами на борту. Во время учений ВР-1227 была потеряна, а затем подобрана советскими рыбаками в Бискайском заливе неподалеку от побережья Франции[741].

Видимо, реакция американцев на подобный шаг со стороны СССР понравилась Кремлю, ибо в скором времени было решено дополнить такого рода жест доброй воли аналогичным. Правда, в этом случае планируемый дипломатический выигрыш чуть не обернулся дипломатическим казусом. Поскольку данный эпизод весьма точно передает дух советского времени (выраженный горько-ироническими словами певца Александра Вертинского: «Узнаю тебя, Родина!...»)[742], он заслуживает более подробного рассказа. Лучше всего это сделает академик Сагдеев, бывший директор ИКИ.

Итак, слово академику Сагдееву.

«Американский высотный аэростат с аппаратурой для изучения космических лучей был сбит советской ПВО. Военные отыскивали парашют и гондолу, после чего посольство США в Москве было проинформировано о том, что советская сторона готова передать американской «каждую частицу того, что оказалось в руках советских властей».

Моему институту была предоставлена огромная честь вручить этот «дар». Поскольку такое случалось не каждый день, то все мы в институте тут же отправились взглянуть на предметы, которые нам предстояло отдать американцам. Это оказались огромный парашют ярко-оранжевого цвета с гондолой примерно в метр длиной. Полезная нагрузка, которая там размещалась, выглядела довольно заурядно, по крайней мере, для обывателя. Однако политическое значение предстоящего события было достаточно велико, чтобы привлечь к запланированной на завтра церемонии внимание десятка журналистов и репортеров. Все ждали следующего дня.

Но наутро мне неожиданно позвонил полковник Чернышев (очевидно, начальник службы режима института. — *Ю. К.*): «Директор, мне очень жаль, но у нас серьезная неприятность. Кто-то ночью совершил международное преступление. Парашютный шелк исчез без следа». Впрочем, как выяснилось, это была не единственная пропажа. Шелк «испарился» вместе с прибором, который, как удалось установить позднее, был фотоаппаратом для проведения экспериментов с космическими лучами.

Через полчаса на срочном заседании руководства института мы обсудили различные версии того, что могло произойти. Детективы-любители тотчас предположили, что воры, по крайней мере, не были профессиональными учеными или техниками. Только абсолютно неграмотный, не разбирающийся в оптике человек, мог польститься на аппарат, который можно было использовать только в экспериментах с космическими лучами. Огромный, сделанный из специально укрепленного шелка купол, конечно, другое дело. Мы знали, что это дефицитный материал, и чувствовали невероятный стыд за одного из своих соотечественников, который не смог побороть в себе чувство жадности. В самом начале столь блестящей международной карьеры нашего института (он уже был выбран в качестве ведущей советской организации — партнера НАСА в грядущем проекте «Союз — Аполлон». — *Ю. К.*) этот случай был настоящим ножом в нашу спину: ведь он грозил перерасти в международный политический скандал.

«Увы, в круг моих должностных обязанностей входит только охрана советских секретов», — «умыл руки» Чернышев.

Заместитель директора по АХЧ (административно-хозяйственная часть. — Ю. К.) Иванов, очевидно, страдал от кражи не меньше других. Было видно, что человек уязвлен до глубины души. «Я проверю каждого сотрудника своего подразделения. Мы сможем воссоздать события каждого часа прошлой ночи», — пообещал он нам.

...Я был представлен замдиректора по АХЧ Анатолию Иванову в свой первый день в должности директора института. Мне сказали, что ИКИ повсюду искал кандидатуру на это место. «Никто в Москве не соответствовал нашим требованиям, — уверяли меня, — наконец, мы нашли его за шесть тысяч километров отсюда».

Несмотря на то, что Иванов был в институте всего лишь несколько месяцев, он все держал под контролем. Необычайно энергичный, он предпринял несколько инициатив, которые должны были укрепить материальную и финансовую базу института. Иванов был мастером по части «проворачивания» разных дел. В то же время он был абсолютно честным и совершенно некоррупцированным, что для меня тогда было особенно важно. Как директору мне приходилось думать о том впечатлении, которое произведет институт на ожидаемую вскоре в его стенах толпу американских космонавтов, инженеров и, как я еще надеялся, ученых. Вся эта команда должна была прибыть в рамках подготовки к грядущему совместному полету и стыковке американских и советских кораблей: проект «Союз — Аполлон».

...По прошествии стольких лет после этого события я все еще не знаю, что произошло в институте в течение следующего часа. Помню очень хорошо, что я сидел в своем кабинете в ужасном настроении и принимал телефонные звонки с весьма нелестными комментариями буквально с каждого угла «пирамиды» власти — из Академии наук, из Совета Министров и даже из Центрального комитета.

Внезапно в мой кабинет вошел Чернышев с видом кота, поймавшего мышшь. «Директор, не беспокойтесь. Все в порядке. Тайна раскрыта, и мы вернули шелк».

Не знаю, насколько помогли Чернышеву его профессиональные навыки в том, чтобы вычислить злоумышленника, но истина буквально потрясла меня. Мой заместитель по АХЧ Иванов, которого пригласили в Москву как человека с уникальным сочетанием управленческих талантов и личной честности, оказался тем, кто взял парашют. Он потом объяснял мне, что исходил из простой практической логики: американцы не станут повторно использовать один и тот же парашют, а ему нужно было срочно закрыть свою машину чехлом.

Иванов стал первым человеком, которого я когда-либо уволил в своей жизни. Я никогда о нем больше не слышал. Впрочем, позже Чернышев сказал мне, что Иванов сохранил свой секретный допуск, важный для его будущей работы»[743].

Следующее событие носило более практичный и судьбоносный характер для будущего взаимодействия в космосе двух сверхдержав, чем передача в торжественной обстановке утерянных капсул и парашютов... 26-27 октября 1970 г. в Москве прошла встреча специалистов СССР и США по космической технике, в ходе которой они обсудили возможные совместные проекты. Именно это мероприятие ознаменовало собой начало пятилетнего периода в истории советско-американского сотрудничества в космосе, завершившегося полетом «Союз — Аполлон» в июле 1975 г. И хотя тогда, осенью 1970 г., до исторического «рукопожатия в космосе» оставалось еще почти пять лет, даже скептики, взглянув на должности и звания участников встречи, вынуждены были бы признать: да, похоже, на этот раз у СССР и США серьезные намерения сделать в космосе что-то совместно.

С американской стороны в переговорах приняли участие: Роберт Гилрут — директор Центра пилотируемых космических кораблей, Арнольд Фруткин — помощник администратора НАСА по международным связям, Калдвелл Джонсон — специалист по электромеханическим вопросам, относящимся к разработке совместной стыковочной системы, Глин Лунни — специалист по управлению полетами и Джордж Харди —

ответственный за координацию инженерно-конструкторских работ в рамках программы «Скайлэб». Советская сторона была представлена академиком Борисом Петровым, бывшим космонавтом и одним из ведущих конструкторов космических кораблей Константином Феоктистовым, специалистом по стыковочным системам Владимиром Сыромятниковым, В. В. Сусленниковым — специалистом по системам радионаведения корабля типа «Союз», а также Ильей Лавровым — специалистом по системам жизнеобеспечения[744].

Обратим внимание на один момент: ни среди советских, ни среди американских участников переговоров не было высших чиновников, отвечающих за космические программы своих стран. Это показатель того, что страны не спешили устанавливать между собой формальные отношения партнерства в этой области, пока лишь проверяя намерения друг друга. Но было очевидно и другое — к тому времени как СССР, так и США уже рассматривали в практической плоскости совместное сотрудничество в области пилотируемых полетов. Впрочем, определенное движение к взаимодействию наметилось и в сфере космических исследований с использованием беспилотных аппаратов. Несмотря на то, что Советский Союз отклонил предложение Соединенных Штатов принять участие в анализе образцов лунной поверхности, доставленных экипажем «Аполлона-11» в июле 1969 г., в январе 1971 г., всего лишь через четыре месяца после успешного завершения миссии «Луны-16», исследователи из СССР согласились обменяться лунными образцами со своими американскими коллегами[745].

Если официальные контакты между советскими и американскими специалистами были «кирпичами», из которых складывался мост между космическими программами СССР и США, то цементировать эти «кирпичи» в единое целое помогала космическая «народная дипломатия». Это визиты, которыми обменивались космоплаватели Советского Союза и Соединенных Штатов. Начало времени перехода «от раздоров к переговорам» положил командир «Аполлона-8» Фрэнк Борман, который был приглашен посетить СССР по решению ЦК КПСС и Совета Министров. 1 июля 1969 г. он прибыл в Москву вместе с женой и двумя детьми. Выбор американской стороной Бормана был не случаен. По мнению Ламбрайта, он был «одним из наиболее умных, а также четко выражающих свои мысли» астронавтов[746]. Такое же впечатление сложилось о Бормане и у Каманина. Вот как он вспоминал о визите астронавта в Центр подготовки космонавтов имени Гагарина:

«В общей сложности Борман и его семья провели в Звездном более восьми часов, произведя на всех очень благоприятное впечатление. Фрэнк Борман скромен, точен, дисциплинирован. Он блестящий и остроумный оратор, тонкий дипломат и политик. По интеллектуальному развитию его можно было бы сравнить с Гагариным или Титовым, но у него больше опыта и, пожалуй, выше чувство ответственности и самодисциплины»[747].

Цель миссии Бормана была ясно обозначена в его выступлениях перед советской общественностью, в которых он настойчиво проводил такую мысль: «Наша планета очень небольшая, она служит домом для всего человечества, и нельзя драться и разрушать родной дом. Перед нами открыт путь во Вселенную — мы обязаны добиться мира и взаимопонимания на Земле, чтобы направить наши усилия на освоение космоса»[748].

Несмотря на столь миротворческий характер визита командира «Аполлона-8», нельзя сказать, что официальные советские представители, по крайней мере вначале, отнеслись к приезду Бормана в СССР с открытой душой. Тот же Каманин «был против приглашения американского астронавта в момент ошеломляющих достижений США в космосе... В народе растет большое недовольство тем, что СССР уступил лидерство в космосе, а теперь нам самим придется подогревать это недовольство встречами с американским астронавтом»[749]. Секретарь ЦК М. А. Суслов[750] вообще рекомендовал не организовывать массовых встреч с Борманом и резко ограничить сообщения о его пребывании в стране (что и было сделано — человека, облетевшего Луну, встречали 30 иностранных корреспондентов, а советских было мало[751]).

Более того, ни у кого из высших руководителей страны, по словам Суслова, намерений встретиться с Борманом не имелось[752]. Подобная позиция была неприемлема даже для Каманина, по мнению которого, если уж Фрэнк Борман приехал, то заслуживал «быть принятым на самом высоком уровне», и генерал намеревался добиться, чтобы такой прием состоялся[753]. Любопытно взглянуть на причины, по которым «начальник космонавтов» собирался сделать это. С одной стороны, он сослался на необходимость ответной вежливости (Германа Титова в 1962 г. принимал президент США Джон Кеннеди). Но не только. Вот что написал Каманин в своем дневнике о советско-американских отношениях незадолго до прибытия Бормана в Советский Союз: «Наши взаимоотношения на Земле далеки от нормальных (и в этом виноваты не только американцы). Слишком велики взаимная подозрительность и недоверие: в сложившейся обстановке трудно приступить к объединению усилий в космосе. Но к такому объединению надо искать пути...»[754] И если генерал Каманин, который, по словам Голованова, «на всю жизнь... остался убежденным сталинистом»[755] предлагал «искать пути» к взаимодействию с Соединенными Штатами за пределами атмосферы, то можно предположить, что более либеральная часть сотрудников советской космической программы была тем более готова к подобному поиску. 10 июля Борман с семьей отбыл из СССР. В августе он вновь посетил Советский Союз, а уже в конце этого месяца президент Никсон прислал приглашение двум советским космонавтам посетить США с семьями в ноябре 1969 г. Это была работа командира «Аполлона-8» — он сдержал обещание, данное при встрече в Москве[756].

С ответным визитом космонавтов в Соединенные Штаты у ЦК КПСС также возникли определенные сложности. Дело в том, что первоначально руководство советской космической программы планировало послать космонавтов Шаталова и Беляева в США 5 ноября с тем, чтобы они смогли присутствовать на старте «Аполлона-12». Однако, видимо, руководителей партии вновь навел кошмар, связанный с дипломатической необходимостью организовать для американских астронавтов аналогичное посещение «наисекретнейшего» Байконура. К подобному раскрытию стратегических «карт» перед империалистами лидеры партии и правительства были явно не готовы, а потому рекомендовали отправить космических «посланцев доброй воли» в Америку 22 октября. В итоге в соответствии с «высочайшей рекомендацией» в октябре в Соединенные Штаты отправились Береговой с Феоктистовым, которым вместо посещения мыса Канаверал пришлось довольствоваться приемом в доме одного из ведущих американских актеров того времени Кирка Дугласа, куда на встречу с ними были приглашены и прочие «звезды» Голливуда. В мае 1970 г. в СССР побывал первый человек на Луне Нил Армстронг. А в октябре того же года США посетили космонавты Николаев и Севастьянов, незадолго до этого совершившие рекордный по продолжительности 18-суточный полет. По оценке Каманина, «поездка прошла удачно: космонавты побывали в основных космических центрах страны и привезли много ценных сведений об особенностях подготовки американских астронавтов к пилотируемым полетам. Мы уже многое знаем о программе «Аполлон», о качестве американских космических кораблей и ракет, о методах подготовки астронавтов, а теперь Николаев и Севастьянов расширили наши знания и о космических тренажерах в США»[757].

Аналогичного мнения придерживались и американцы, сопровождавшие космонавтов. По словам одного из них — фотокорреспондента Стэна Григоровича-Барского, несмотря на то, что ни космонавты, ни астронавты не сообщили друг другу каких-либо ценных сведений коммерческого или военного значения, они, тем не менее, обменялись информацией о космических программах своих стран[758]. А это, безусловно, способствовало заинтересованности в совместной работе представителей космических отраслей СССР и США.

Совпадение профессиональных интересов

У периода в истории советско-американского сотрудничества в космосе, который начался в конце 1960-х годов и в конечном итоге привел к стыковке на орбите кораблей «Союз» и «Аполлон», была одна интересная особенность, отличавшая его от предшествующих попыток объединить в космосе усилия двух стран. Процессы, завершившиеся в конечном итоге ЭПАСом, были порождены чисто профессиональной заинтересованностью в партнерстве руководителей космических программ Советского Союза и Соединенных Штатов. Высшая государственная власть обеих стран старалась как можно меньше вмешиваться в эти процессы. Так, 10 июля 1970 г. президент Никсон публично подтвердил свой интерес в продолжении переговоров по взаимодействию в космосе с СССР, но при этом подчеркнул, что они должны проходить на уровне агентств[759]. Понятно, что никакого космического агентства в Советском Союзе в то время не существовало, и глава Белого дома всего лишь имел в виду, что решение вопроса «сотрудничать или не сотрудничать» должно было на данном этапе находиться исключительно в ведении руководства космических отраслей СССР и США. Впрочем, подобный подход был весьма типичным для управленческого стиля как Никсона, так и Киссинджера. По мнению американского исследователя Рэя Гартоффа, «и тот и другой относились к государственной бюрократии с подозрением и недоверием. Хоть это и может показаться странным, оба полагали, что не стоит доверять бюрократии даже их собственной администрации»[760]. Применительно к космосу это означало, что как президент, так и его помощник по вопросам национальной безопасности намеревались предоставить НАСА максимальную свободу в установлении и развитии профессиональных контактов с советской организацией-партнером. Очевидно, они решили изменить практику, о которой сказал в 1972 г. МакДжордж Банди, занимавший должность специального помощника президента по вопросам национальной безопасности во времена Кеннеди и Джонсона. По словам Банди,

«зачастую наши отношения [в области науки и техники] с Советским Союзом определялись в прошлом культурой дипломатов, заключавших соответствующие договоренности, а потому не так-то и часто правительства обеих стран позволяли своим исполнительным организациям вести прямые переговоры по существу дела»[761].

Руководители СССР, судя по всему, придерживались такой же тактики. По воспоминаниям бывшего посла в США Добрынина, персонал посольства СССР в Вашингтоне не принимал участия в переговорах между американскими и советскими специалистами по космической технике[762]. В октябре 1970 г. в Москве прошла успешно встреча между представителями космических программ СССР и США, несмотря на то что общий контекст двусторонних отношений, по замечанию газеты «Нью-Йорк Таймс», был омрачен комплексом проблем, начиная с ситуации на Ближнем Востоке и заканчивая содержанием под стражей в Советском Союзе двух американских генералов[763], чей самолет непреднамеренно вторгся в воздушное пространство СССР при полете в воздушном пространстве Турции[764].

Впрочем, в одном случае правительству США все же пришлось нарушить свой «нейтралитет» и вмешаться, пусть и в «мягкой форме», в процесс формирования советско-американского космического альянса. В январе 1971 г. заместитель госсекретаря Алексис Джонсон встретился с исполняющим обязанности администратора НАСА Джорджем Лоу перед отъездом последнего на очередной раунд переговоров в Москву. В ходе встречи Джонсон проинформировал Лоу о возросшей напряженности в советско-американских отношениях из-за смертных приговоров, вынесенных советским судом угонщикам гражданского самолета. Поскольку осужденные были лицами еврейской национальности, двое из которых к тому же подали апелляцию о смягчении своих приговоров, суд над ними и назначенное наказание были расценены в США как проявление антисемитизма. Лига защиты евреев осуществила ряд взрывов бомб у советских учреждений в Соединенных Штатах и провела несколько других акций, нацеленных на запугивание работников дипломатических

представительств СССР в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Посол Советского Союза в США Добрынин отправил в этой связи ноту в госдепартамент, в которой обвинил правительство США в фактическом пособничестве террористам и предупредил, что руководство его страны также не сможет гарантировать безопасность американских дипломатов и предпринимателей в Москве. Поскольку трудно было предсказать, как разговор «на повышенных тонах» между двумя сверхдержавами мог отразиться на их отношениях, Джонсон порекомендовал Лоу следующее: в случае успеха переговоров проконсультироваться с посольством США в Москве прежде, чем делать ободряющие заявления для прессы[765]. Но оснований для беспокойства не оказалось. Результаты встречи между специалистами Советского Союза и Соединенных Штатов полностью соответствовали ожидаемым, а что касается дипломатического «дискорданса» вокруг угонщиков, то не было никаких признаков того, что он каким-то образом отразился на ходе переговоров. Как отметили американские историки ЭПАС Эдвард и Линда Изелл, «желание сотрудничать в области освоения космического пространства перевесило любые [не связанные с космосом] политические события»[766].

Впрочем, несправедливо обвинять руководителей СССР и США в некоей нарочитой индифферентности к зарождению реального сотрудничества в космосе двух стран. Переговоры между представителями советской и американской космических программ были вполне в духе разрядки. По мнению американских политиков, соглашение по космосу, которое в 1972 году было подписано между Советским Союзом и Соединенными Штатами, способствовало «уменьшению напряженности между подписавшими сторонами, ибо трудно одновременно пожимать руки и показывать кулаки»[767]. Однако в начале процесса оформления космического партнерства и Кремль, и Белый дом, очевидно памятуя о длинной череде неудачных попыток сформировать двусторонний альянс за пределами атмосферы, старались избегать формальных обязательств по взаимодействию во внеземном пространстве. Причины понятны: откуда Брежнев или Никсон могли знать, увенчаются ли успехом попытки космических программ СССР и США объединить усилия? И если не увенчаются, то вина за это падет исключительно на руководителей космических отраслей двух стран, но не на глав государств, не омрачая, таким образом, общий контекст политического сближения между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Итак, в январе 1971 г., примерно в то время, когда заместитель госсекретаря Джонсон наставлял администратора НАСА Лоу, ответственный за внешние связи агентства Фруткин и Лоу встретились с помощником президента по вопросам национальной безопасности Киссинджером. На вопрос Лоу о том, как относится команда Никсона к совместному испытательному полету кораблей «Союз» и «Аполлон», Киссинджер ответил, что «начальник» НАСА может обсуждать абсолютно любые темы, лежащие в сфере компетенции его ведомства. У помощника президента была только одна просьба к главе агентства — не способствовать укреплению идеалистического представления о том, что если космические специалисты СССР и США могут достичь соглашения о сотрудничестве в космосе, точно так же им будет по силам «свести» обе страны на земле. Просьба Киссинджера возникла не на пустом месте. В прошлом некоторые астронавты пробовали «обогащать» теорию международных отношений мыслями о том, что если с Советами удастся найти общий язык по космическим вопросам, то по другим — и подавно. Подобная политическая наивность и малообоснованный оптимизм, проявляемые отдельными весьма известными личностями, только затрудняли работу дипломатов обоих государств. Суммируя отношение Белого дома к оперявшемуся советско-американскому сотрудничеству в космосе, помощник президента заявил следующее: «До тех пор, пока вы находитесь в рамках космической тематики, делайте все, что хотите. Ваши руки развязаны, и, более того, я хочу, чтобы вы сказали своим коллегам в Москве, что прибыли туда по заданию президента»[768]. В соответствии с этой рекомендацией Киссинджера, Лоу в ходе встречи в столице СССР в январе 1971 г. передал советским специалистам пожелание главы Белого дома расширить взаимодействие между Советским Союзом и Соединенными Штатами во

внеземном пространстве[769].

Надо сказать, что активность политической элиты США в отношении формировавшегося советско-американского космического альянса была довольно неоднородной. В то время как президент и его соратники по республиканской партии предпочли «посидеть и посмотреть», к чему приведут усилия, направленные на объединение потенциалов двух стран в области пилотируемых полетов, демократы, в соответствии с традицией, заложенной самим Кеннеди, стремились к более активным действиям. В октябре 1970 г. группа из восьми сенаторов и 39 членов нижней палаты конгресса призвала президента Никсона начать переговоры с СССР о советском участии в экспериментах на борту станции «Скайлэб», равно как и в прочих будущих американских космических проектах. Все 47 законодателей состояли в организации под названием «Члены конгресса за мир через закон». Основной целью этой организации было сокращение военного бюджета. Важный момент: в своем обращении конгрессмены и сенаторы не просто показали свое понимание, что сотрудничество с русскими в рамках программы космической станции способно принести более крупные плоды, чем только разделение затрат по созданию орбитального комплекса. Как Эйзенхауэр, так Кеннеди и Джонсон в принципе рассматривали возможность создания широкого международного космического альянса без участия СССР в качестве средства принуждения Советского Союза к взаимодействию в космосе. Куда, мол, будет деваться Москве, когда она увидит, что космический «поезд» с Вашингтоном в качестве «локомотива» может уйти без нее, лишив советскую столицу возможности не только самой однажды занять место в голове этого «состава», но и перспектив тесного и плодотворного общения с другими «пассажирами» — странами с зарождающимися космическими программами. Законодатели-демократы при Никсоне поменяли составляющие формулы «сотрудничество с остальным миром, как средство вовлечения в сотрудничество СССР» местами. По их мнению, именно взаимодействие в космосе с Советским Союзом должно стать важным шагом на пути к формированию широкого международного партнерства за пределами атмосферы. По их мнению, на переговорах с СССР «должно рассматриваться советско-американское сотрудничество в рамках программы «Скайлэб», а также других орбитальных проектов, посредством которых все заинтересованные нации могли бы взаимодействовать в освоении космического пространства и использовании соответствующих технологий для решения земных проблем»[770]. Как известно, в 1970-е годы Советскому Союзу и Соединенным Штатам не удалось объединить усилия в области создания и эксплуатации орбитальных комплексов. Это стало возможным лишь в 1990-е годы, сначала в виде краткосрочных и длительных посещений американскими астронавтами российской станции «Мир», а после — в ходе совместных разработки, строительства и пилотирования Россией и США Международной космической станции (МКС). На заре президентства Никсона, в силу ряда обстоятельств как технического, так и политического характера, представители советской и американской космических программ остановились на орбитальном randevу между кораблями «Союз» и «Аполлон».

Заключение

В конце 1960-х — начале 1970-х годов советско-американское взаимодействие в космосе наконец-то стало приобретать реальные очертания, пока, наконец, не оформилось в виде ЭПАСа — проекта, с которого, по словам генерала Томаса Стаффорда, командира «Аполлона», начался отсчет «новой эры в освоении космического пространства». Подобный «ренессанс» идеи заатмосферного партнерства был порожден рядом факторов, которые можно условно разделить на две категории. Первая включала в себя внутри- и внешнеполитические события и тенденции как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах. Результатом их действия явилось окончание очередного этапа холодной войны, а также создание общей атмосферы сотрудничества в отношениях между Москвой и

Вашингтоном.

Вторая категория состояла из факторов, относящихся к изменениям в космических отраслях и политике обоих государств. Главных было два. Первый — прогресс в области пилотируемой космической техники, расширивший ее возможности, в том числе в сфере совместимости двух различных типов кораблей — американского и советского. Вторым — окончание «лунной гонки». Среди причин, которые побудили советское руководство пойти на космическое сотрудничество с Америкой, были проигрыш этого состязания и соответствующее ослабление духа соперничества с США, пронизывавшего космическую деятельность СССР с конца 1950-х годов. Раньше, когда Соединенные Штаты явно отставали от Советского Союза в области космоса, СССР избегал сколько-нибудь значительного сотрудничества с США за пределами атмосферы, в частности и по идеологическим соображениям. В самом деле, зачем делиться с «оплотом империализма» лаврами космического первопроходца? Теперь, когда Соединенные Штаты, безусловно, вырвались вперед, объединение усилий с Америкой на равноправной основе в рамках пилотируемого проекта, к тому же с использованием одного из главных «героев» лунной программы США — корабля «Аполлон», должно было подчеркнуть общую равновеликость космических достижений двух стран. Не последнюю роль в переключении с состязания на взаимодействие с Америкой сыграло и стремление представителей советской космической программы приобщиться к опыту американцев в сфере создания стыковочной техники и проведения стыковок на орбите. В этой сфере космических полетов США также заметно обогнали СССР. Гибель Главного конструктора С. П. Королева, одержимого идеей быть впереди американцев в космосе, и занятие освободившейся должности С. П. Мишиным, не отличавшимся таким соревновательным настроем, как его предшественник, также могло способствовать ослаблению «космической гонки» и сближению двух стран в области освоения внеземного пространства.

Что касается Америки, то ее «подтолкнули» к сотрудничеству с СССР три главных фактора. Первый — снижение интереса населения США к продолжению космического соперничества с Советским Союзом после того, как американские астронавты первыми ступили на лунную поверхность. Вторым — намерение Никсона, не устремленного в той степени, как Кеннеди или Джонсон, в космос, сэкономить на бюджете НАСА. В-третьих, Никсон понимал то оздоровительное воздействие, которое сотрудничество за пределами атмосферы может оказать на общее состояние советско-американских отношений, а потому поддерживал взаимодействие СССР и США во внеземном пространстве в качестве альтернативы гонки вооружений.

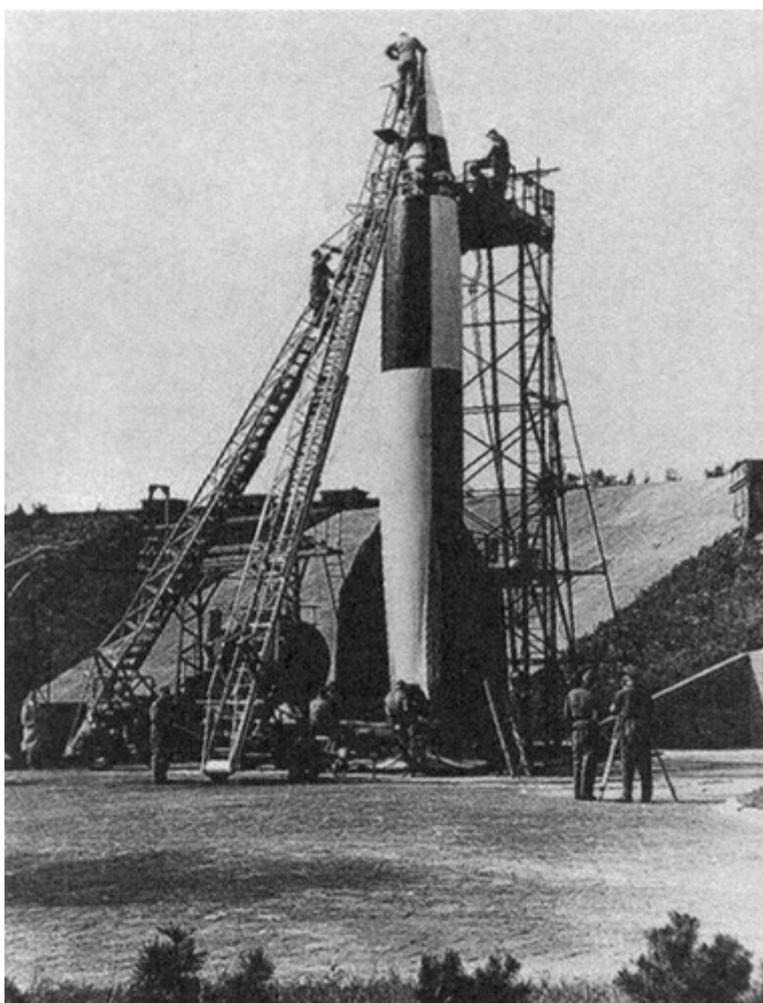
Несмотря на то, что в Соединенных Штатах поддержка совместному пилотируемому проекту была оказана на самом высоком уровне, первые практические шаги к объединению усилий двух стран в космосе были сделаны не Белым домом или Капитолийским холмом, а представителями НАСА. Почему — понятно. Окончание «лунной гонки» могло оказать на американскую лунную программу куда более разрушительное воздействие, чем на советскую, ибо первая зависела от внутреннего общественного мнения в гораздо большей степени, чем вторая. Вместе со значительно снизившимся интересом налогоплательщиков США и к «космической гонке», и к освоению космического пространства уменьшилась их финансовая поддержка НАСА. Совместный полет пилотируемых кораблей двух стран мог в определенной степени способствовать возрождению этого интереса. У «рукопожатия на орбите» были и довольно хорошие шансы на поддержку со стороны американского политического лобби, которое рассматривало освоение космоса в качестве одной из «сфер совместных интересов» СССР и США. Наконец, с чисто технической точки зрения советско-американская стыковка на орбите помогла бы: найти применение хотя бы части неиспользованных по программе «Аполлон» носителей и космических кораблей; поддержать «на плаву» до начала полетов преемников «Аполлонов» ту часть космической отрасли США, которая обеспечивала проведение пилотируемых миссий; дать НАСА время и опыт, необходимые для определения технических требований к системам, которые в дальнейшем

должны были использоваться на «шаттлах». Взаимное доверие и умение работать вместе — важнейшие условия сотрудничества в рамках таких крупномасштабных проектов, как строительство крупной околоземной станции или экспедиция на Марс, также были среди ожидаемых результатов совместного полета. Именно совокупность произошедших изменений во внешней и внутренней политике СССР и США к началу 1970-х годов вместе с надеждами, которые возлагали на «рукопожатие на орбите» государственные руководители и космические деятели обеих стран, сделали возможным в июле 1975 года стыковку в околоземном пространстве кораблей «Союз» и «Аполлон».

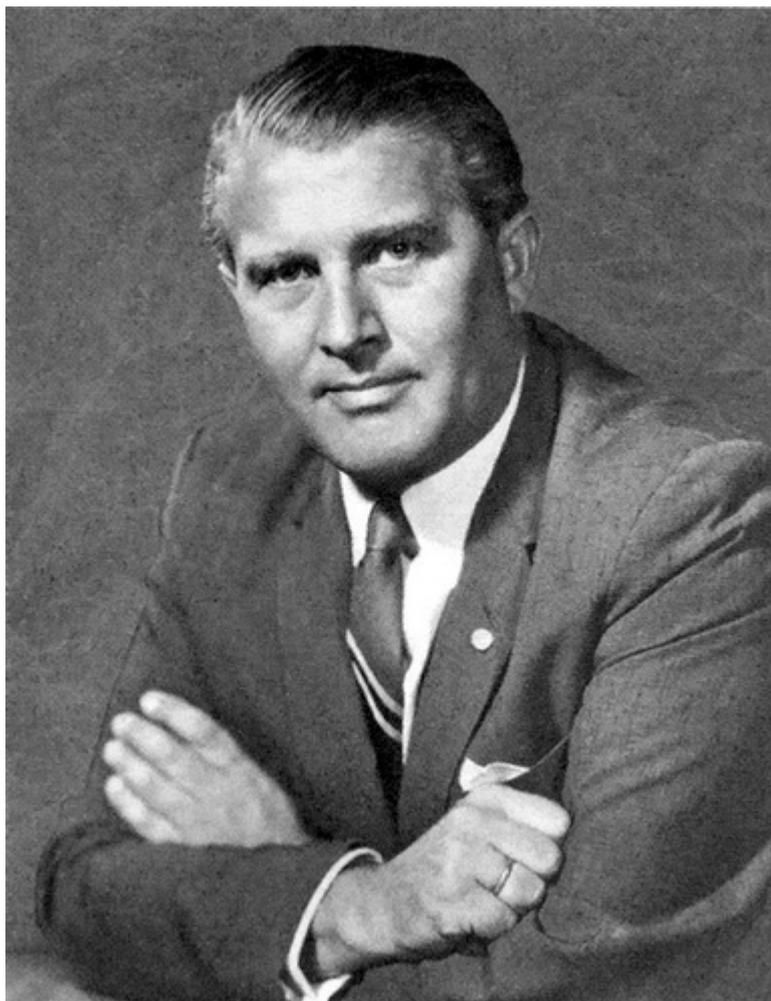
ОГЛАВЛЕНИЕ

Неоконченная стратегическая партия... 3
Глава 1. НАПЕРЕГОНКИ ИЛИ РУКА ОБ РУКУ?... 11
Глава 2. «ЗАСТОЙ»... 255
Глава 3. ОТ «ЛУННОЙ ГОНКИ» К «РУКОПОЖАТИЮ В КОСМОСЕ» (конец 1960-х — начало 1970-х гг.)... 344

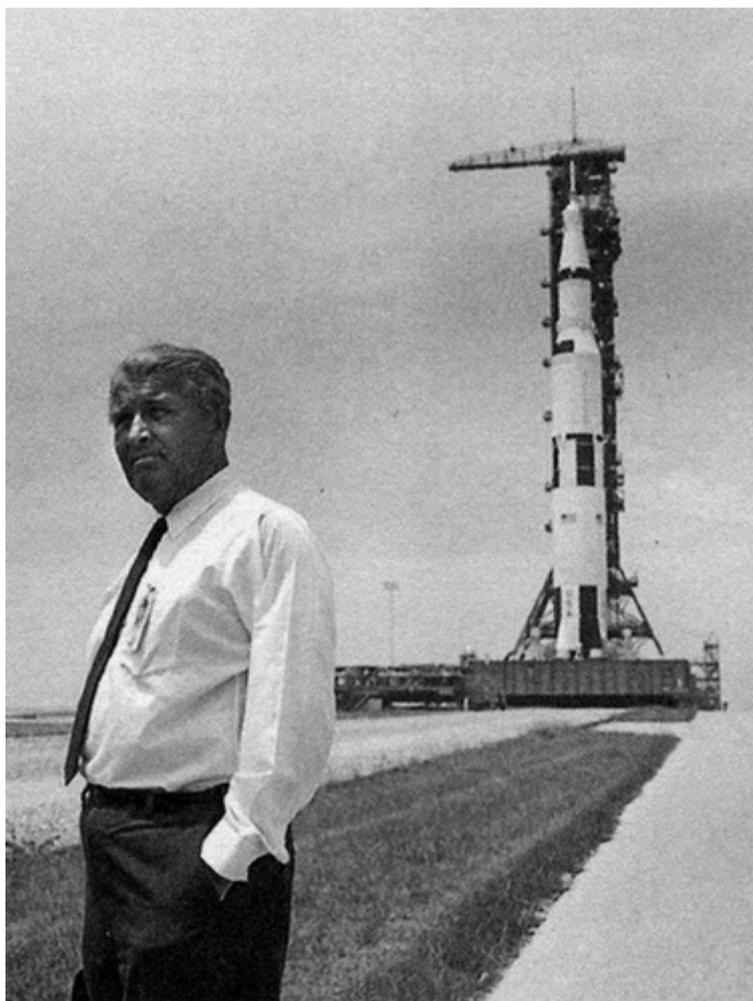
Иллюстрации

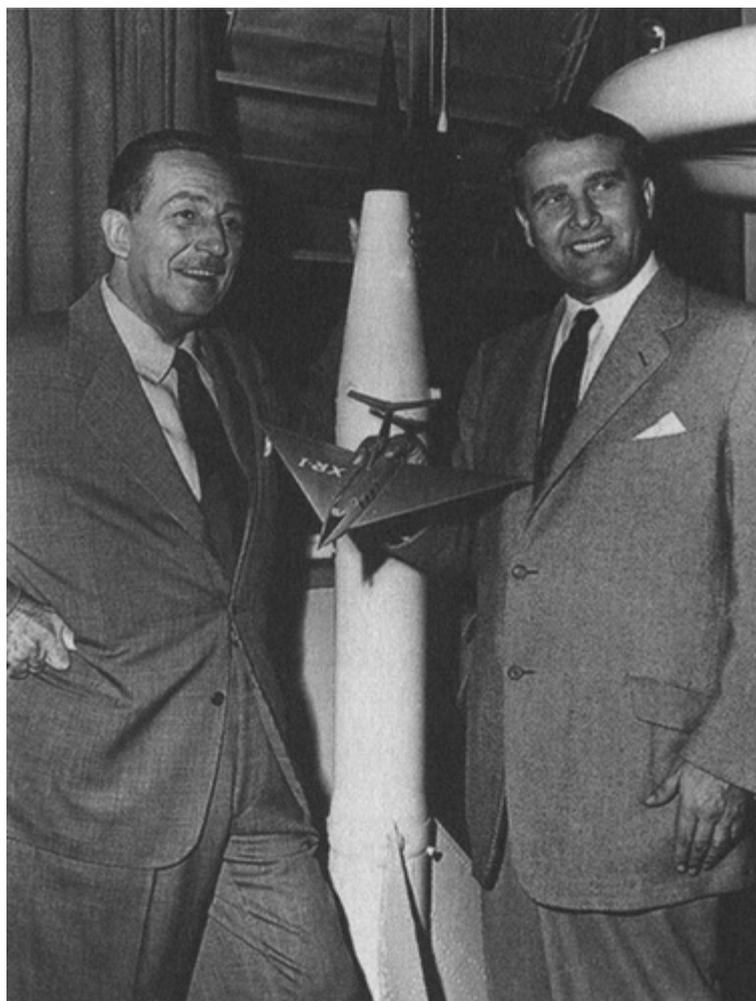
Фау-2. С неё началась эра практического ракетостроения

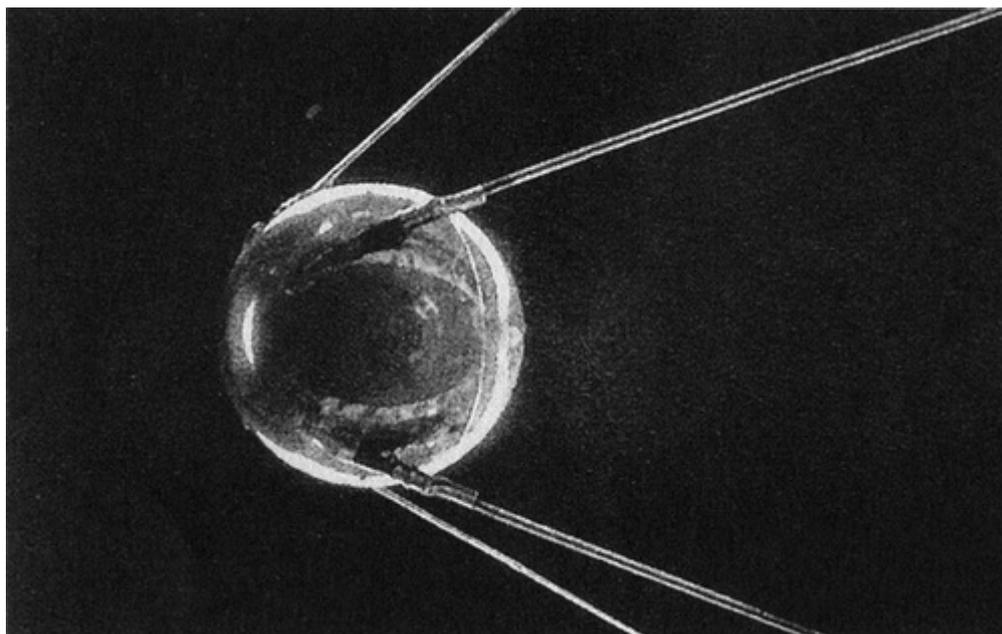
Вернер фон Браун, один из родоначальников практического ракетостроения, создатель ракеты Фау-2, а также ракет-носителей, одна из которых вывела на орбиту Земли первый американский искусственный спутник, а другие доставили людей на Луну

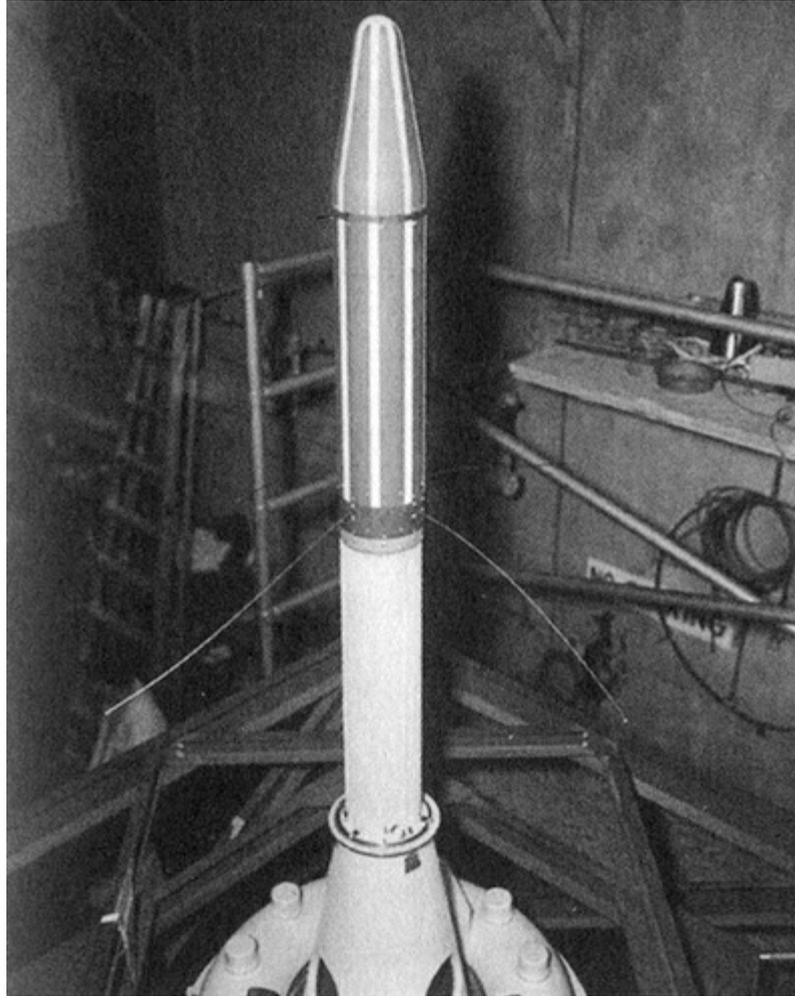
Вернер фон Браун на фоне своего главного детища — ракеты-носителя «Сатурн-5», доставившего людей на Луну

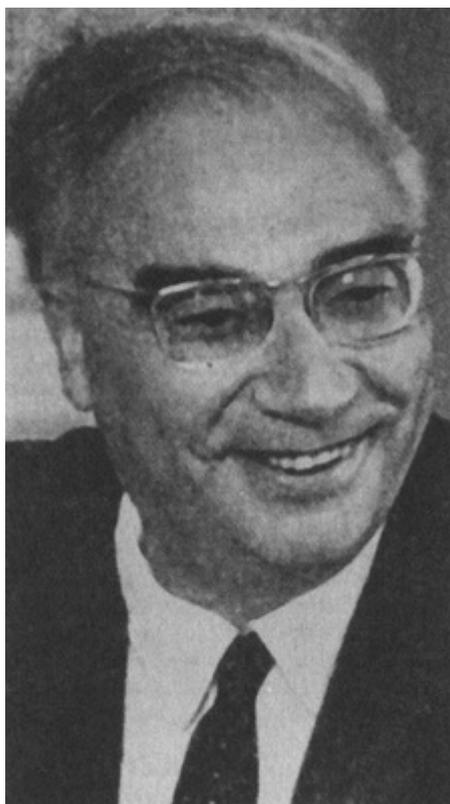
«Отец» Микки Мауса Уолт Дисней (справа) и Вернер фон Браун во время работы над диснеевскими сериями о космосе

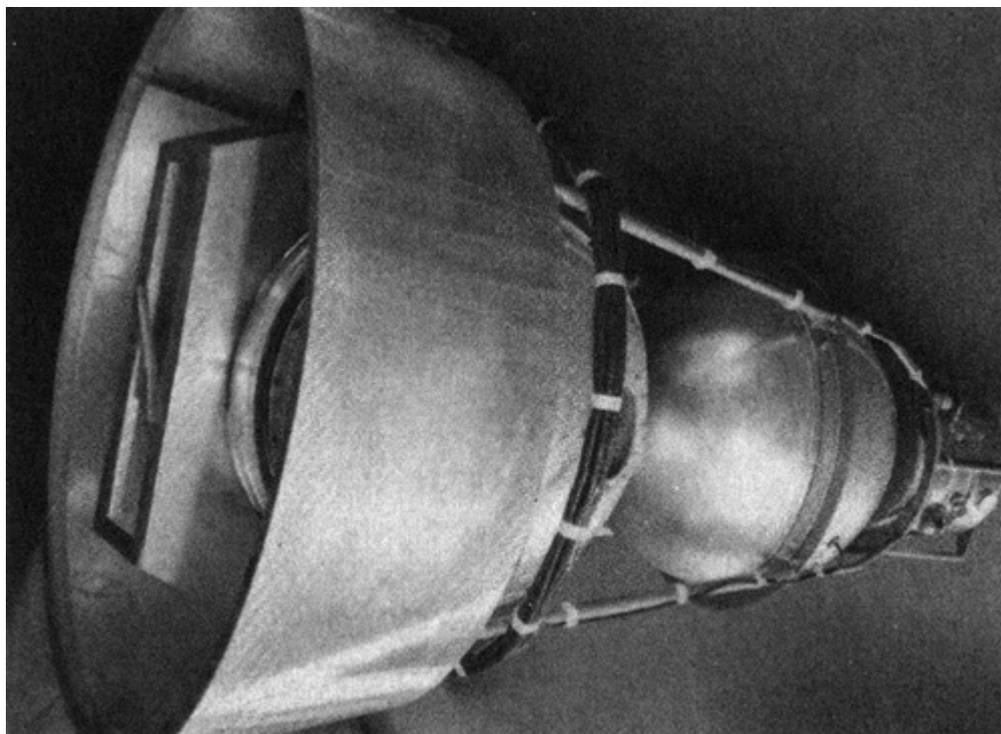
Первый искусственный спутник Земли (произведен в СССР)

Так выглядел первый американский спутник «Эксплорер-1» (на снимке он в процессе установки на ракету-носитель «Юпитер»). Сверху спутник еще закрывался носовым обтекателем ракеты

Академик Леонид Иванович Седов — «эрзац»-отец первого советского спутника

Второй искусственный спутник Земли с собакой Лайкой на борту

Сергей Павлович Королев — главный конструктор советской ракетно-космической техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда. Его основные достижения: первый искусственный спутник Земли, первое живое существо в космосе (собака Лайка), первые космические аппараты, достигшие поверхности Луны и Венеры, первый полёт человека в космос, первый выход человека в открытый космос

Владимир Николаевич Челомей — конструктор ракетно-космической техники. Академик, дважды Герой Социалистического Труда. Его главные достижения — ракета-носитель «Протон» и пилотируемые орбитальные станции типа «Алмаз»

Валентин Петрович Глушко — главный конструктор ракетных двигателей. Академик, дважды Герой Социалистического Труда

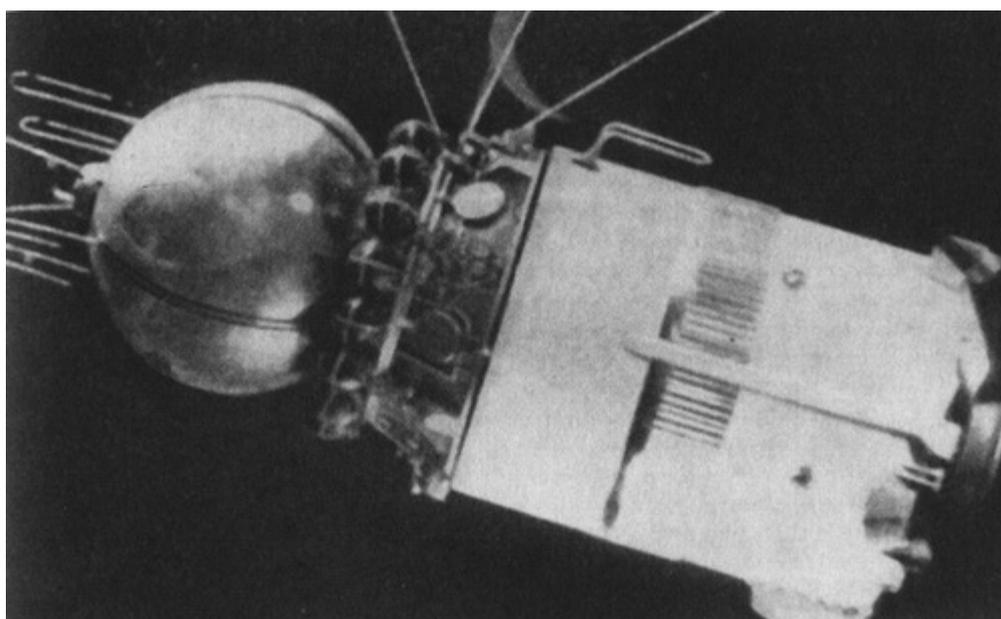
Фридрих Артурович Цандер — русский советский инженер, конструктор, один из идеологов освоения космоса, в частности, полета на Марс. Участвовал в разработке теоретических и практических основ космонавтики в первой трети XX века

Никита Сергеевич Хрущев — глава СССР и великий энтузиаст отечественной космонавтики, во многом обеспечивший ее рождение

Леонид Ильич Брежнев — глава СССР, при котором советская космонавтика перешла в основном на экстенсивный путь развития

Космический корабль «Восток», на борту которого совершил свой полет Юрий Гагарин

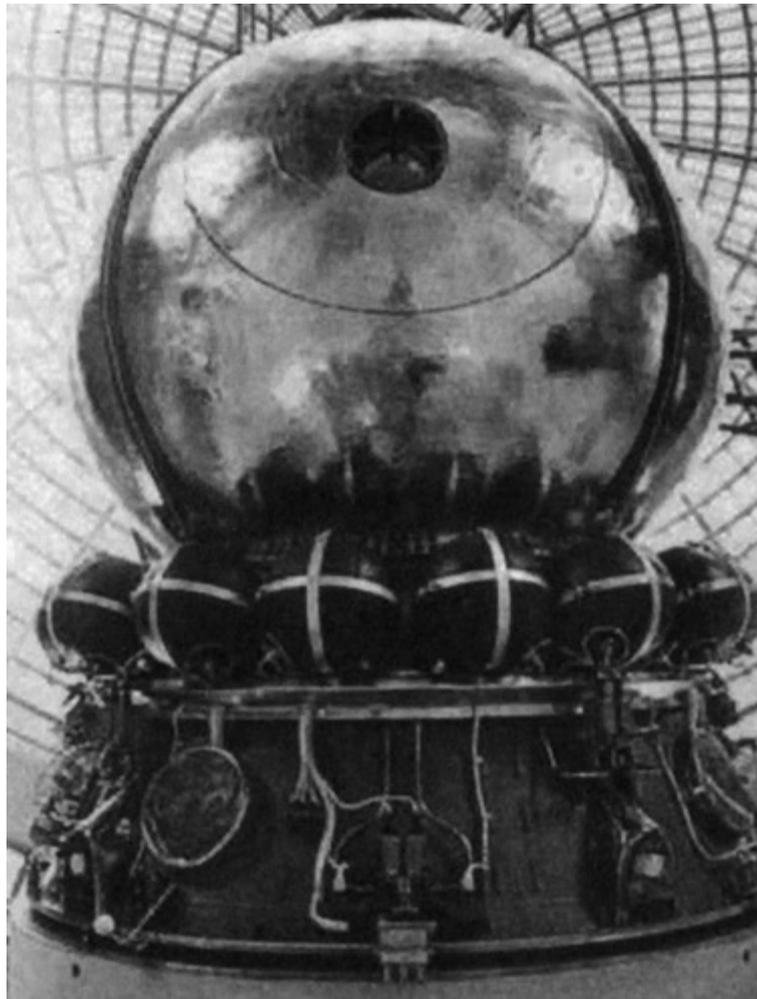
Юрий Гагарин, первый космонавт Земли

Космонавт-2 Герман Титов

Первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова

Первый многоместный космический корабль «Восход»

Советский космонавт, дважды герой Советского Союза Владимир Комаров — командир первого многоместного корабля «Восход-1». Погиб при испытании корабля «Союз-1» в апреле 1967 года

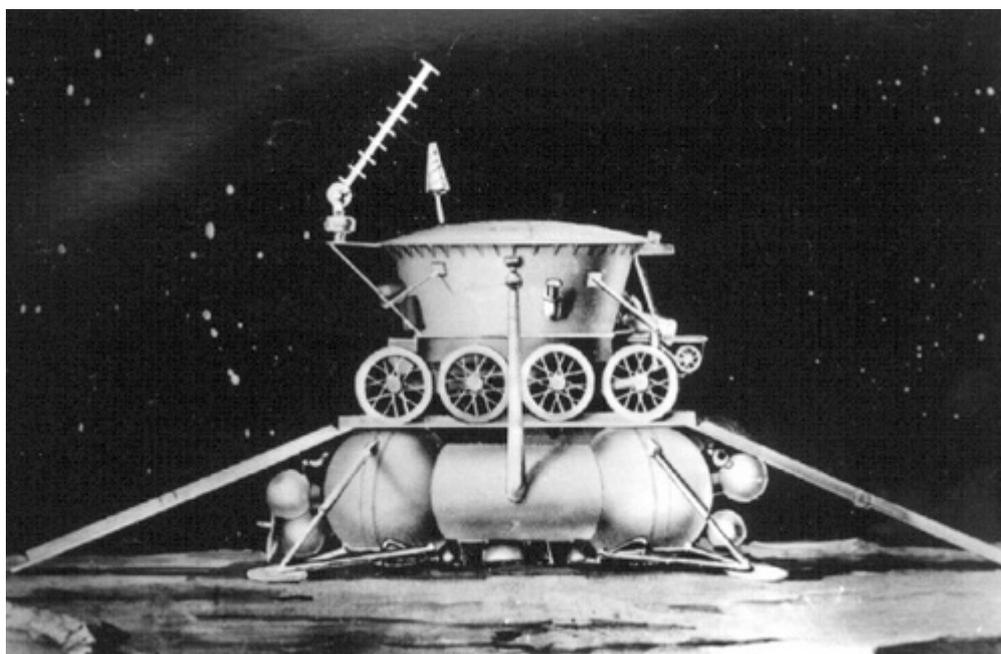
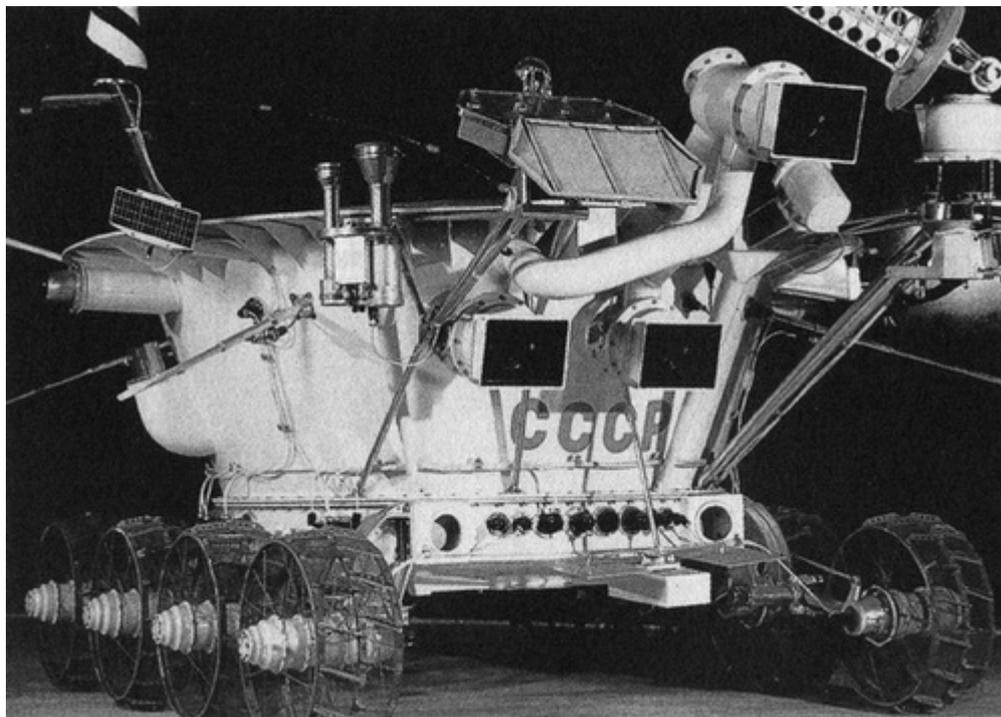
Джон Гленн. Первый американский астронавт, совершивший орбитальный полет. 1962 год

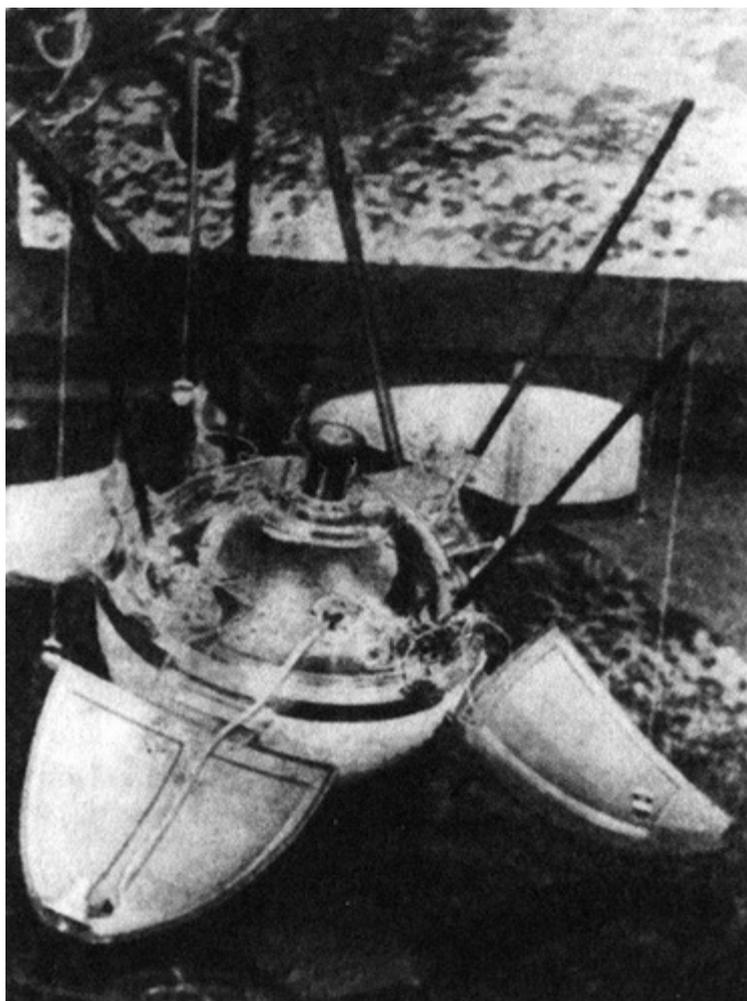
Друзья. Юрий Гагарин и Владимир Комаров

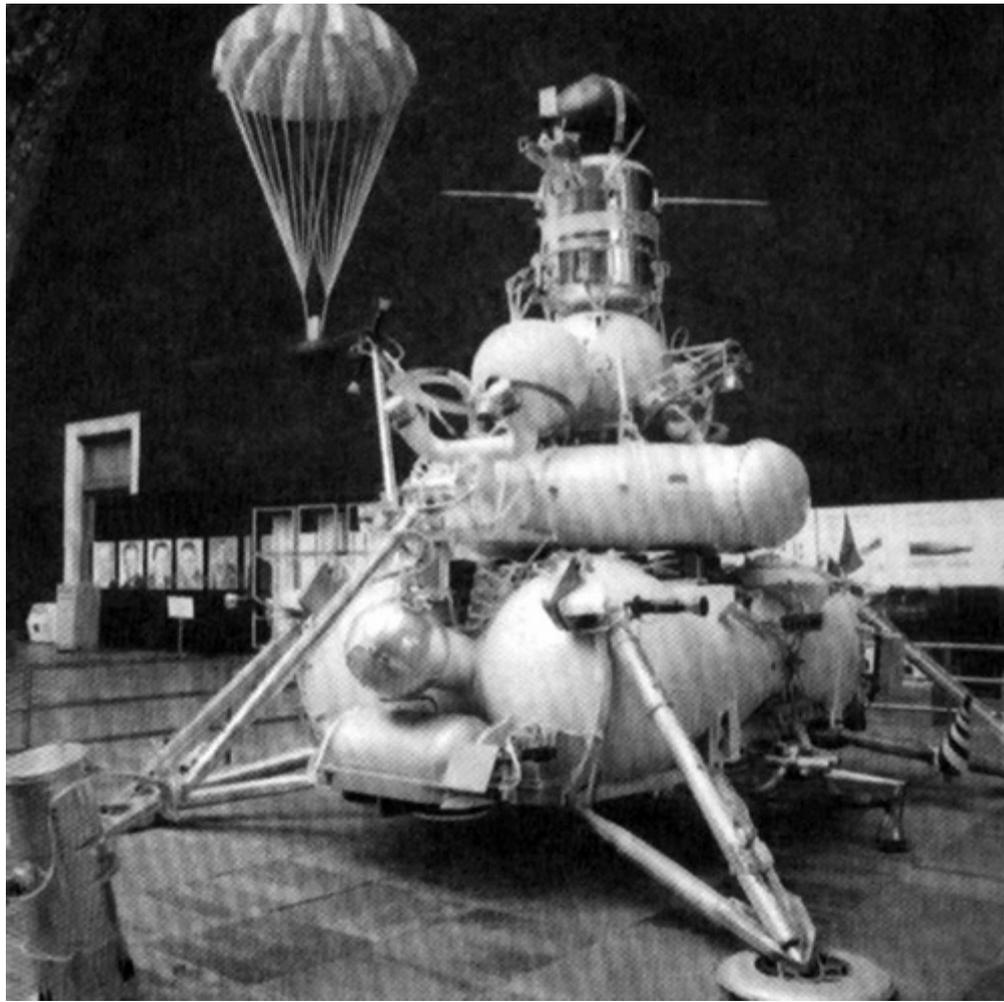
Первый в мире «звездный» экипаж: ученый Константин Феокистов, командир корабля Владимир Комаров, врач Борис Егоров

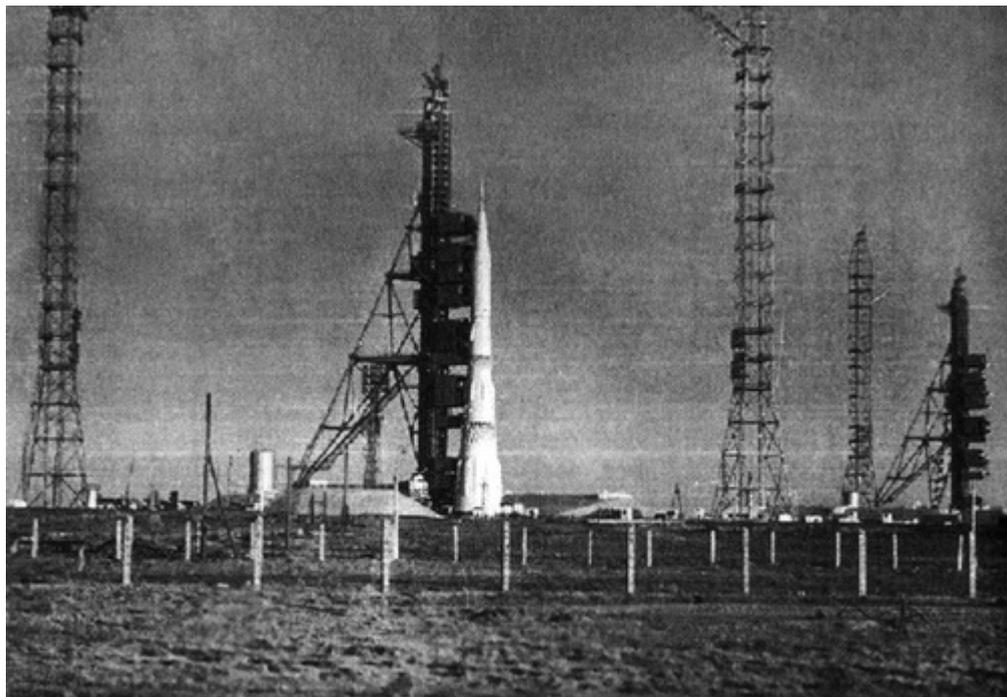
Луноход — первый автоматический самоходный аппарат на Луне (произведён в СССР)

Автоматическая станция «Луна-9» первая опробовала поверхность Луны

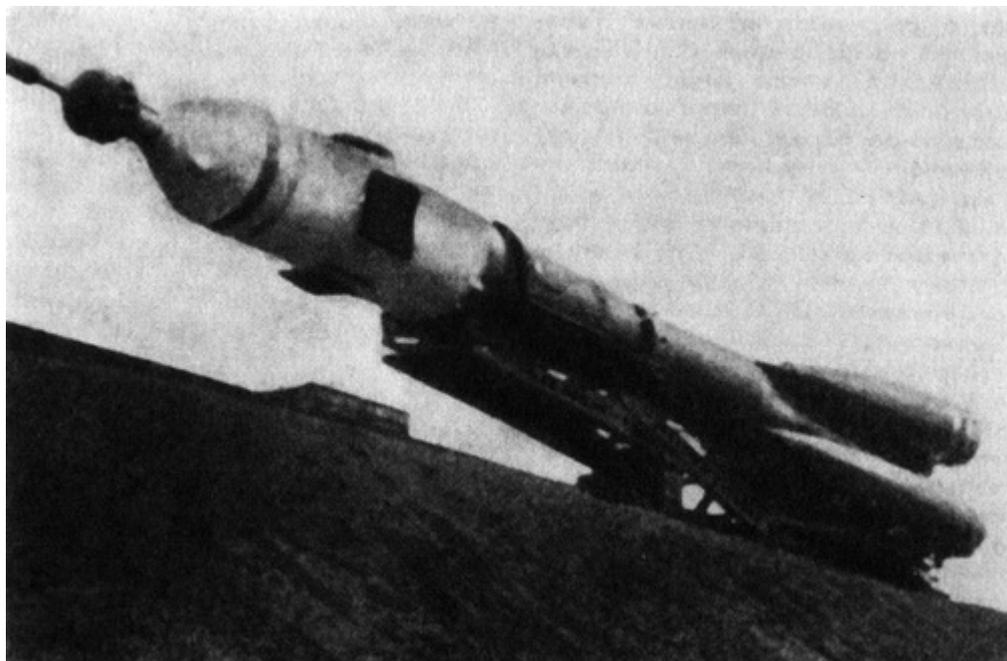
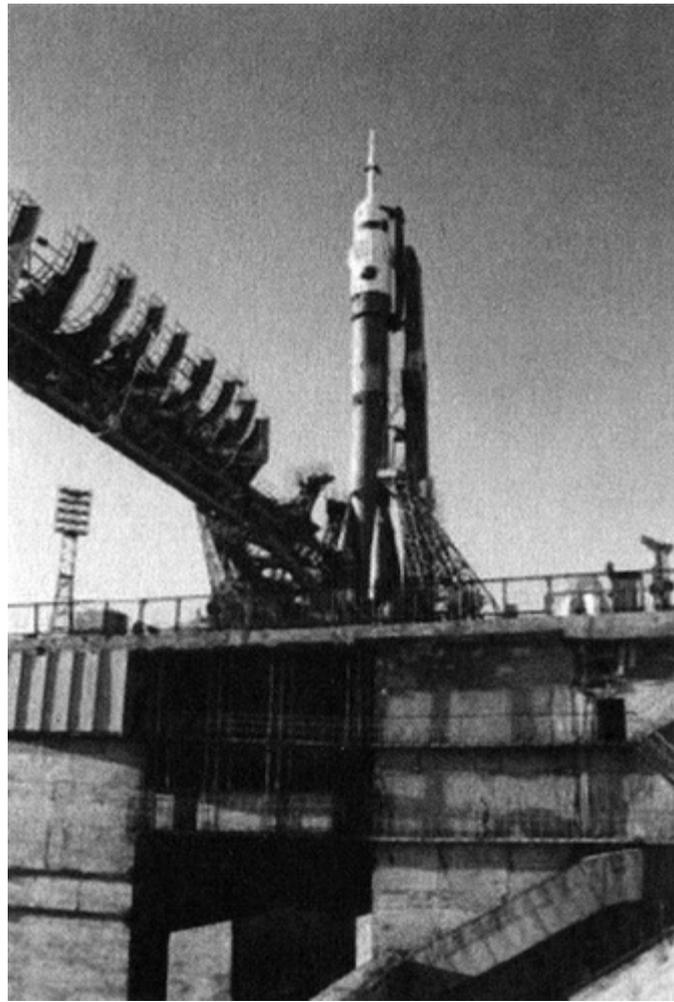

Автоматическая станция «Луна-16»

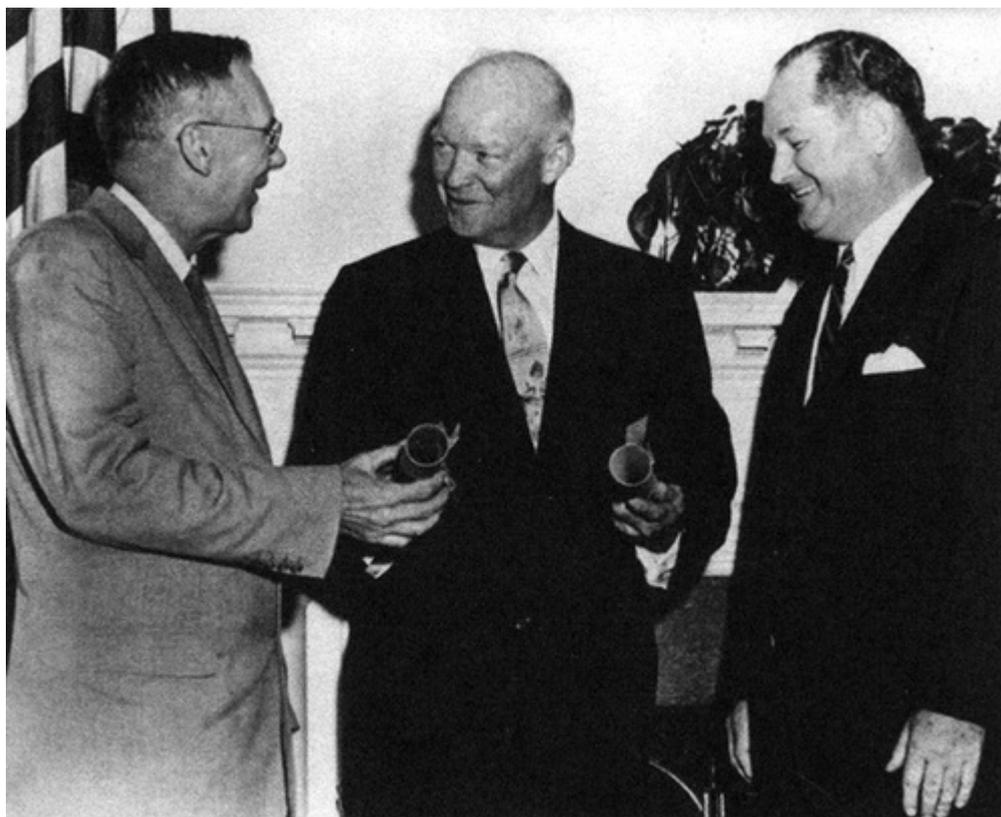

Ракетный комплекс Н-1-Л-3

Ракета-носитель «Союз» — «потомок» ракеты-носителя «Восток», главная рабочая «лошадка» советской и российской пилотируемой космонавтики

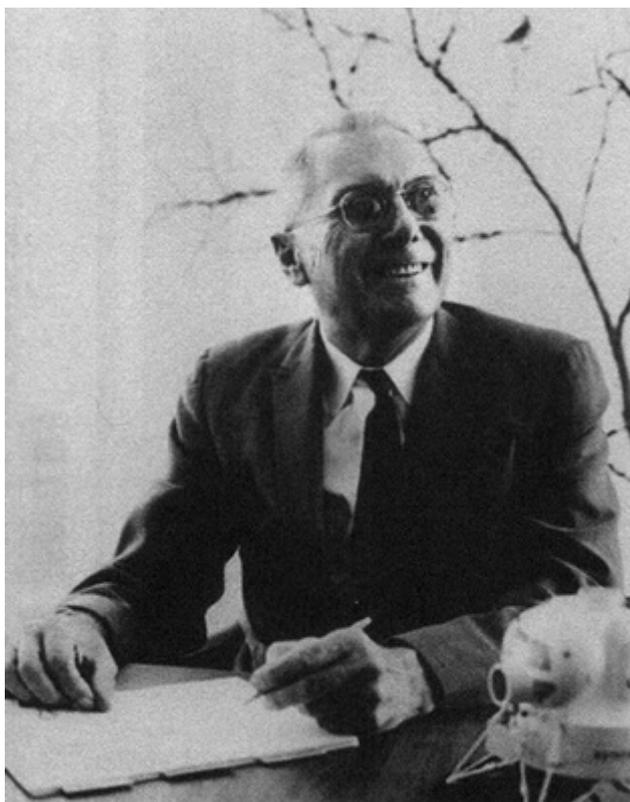
Президент Эйзенхауэр с руководством НАСА. Слева от него Хью Драйден, справа первый глава НАСА Кейт Гленнан. На фотографии запечатлён исторический момент — Эйзенхауэр вручает руководителям НАСА документы, удостоверяющие их в этих должностях. 1958 год

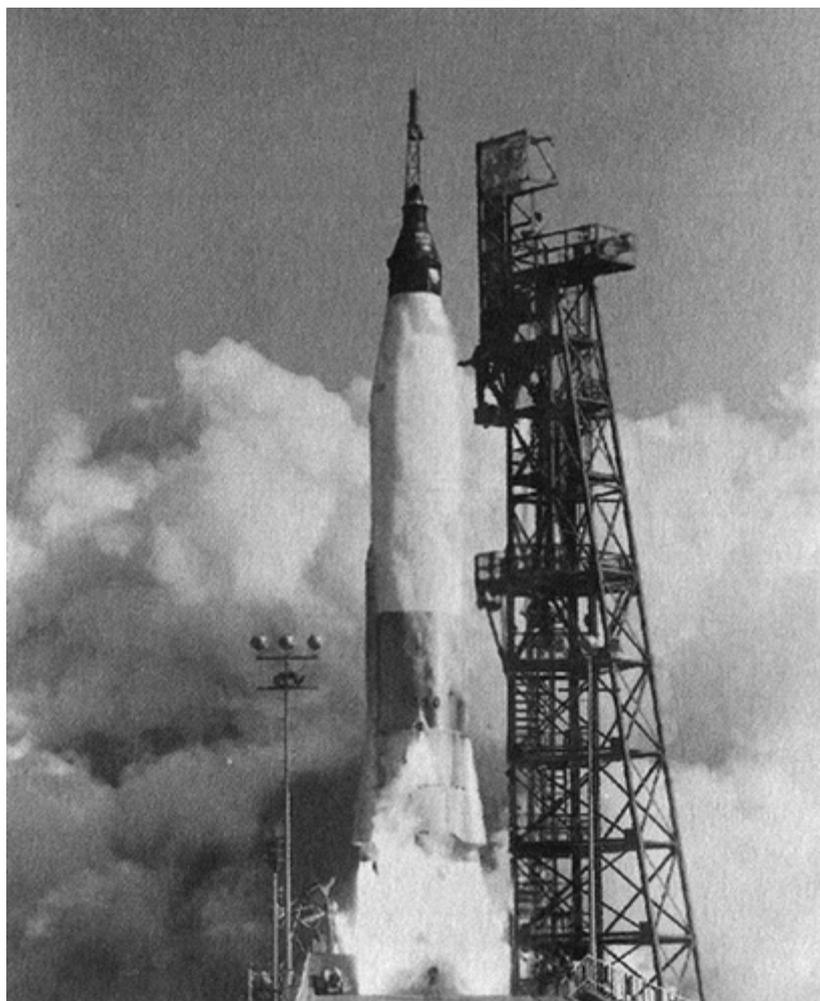
Президент США Линдон Джонсон вместе с экипажем космического корабля «Джемини-4» Эдвардом Уайтом (слева) и Джеймсом МакДивиттом. Справа от МакДивитта улыбающийся Джеймс Уэбб

На снимке хорошо переданы относительные размеры корабля типа «Джемини». Из открытых люков поднимаются члены экипажа «Джемини-12»: слева — Эдвин «Баз» Олдрин, справа — Джим Ловелл. Их полёт, состоявшийся в 1968 году, завершил программу «Джемини»

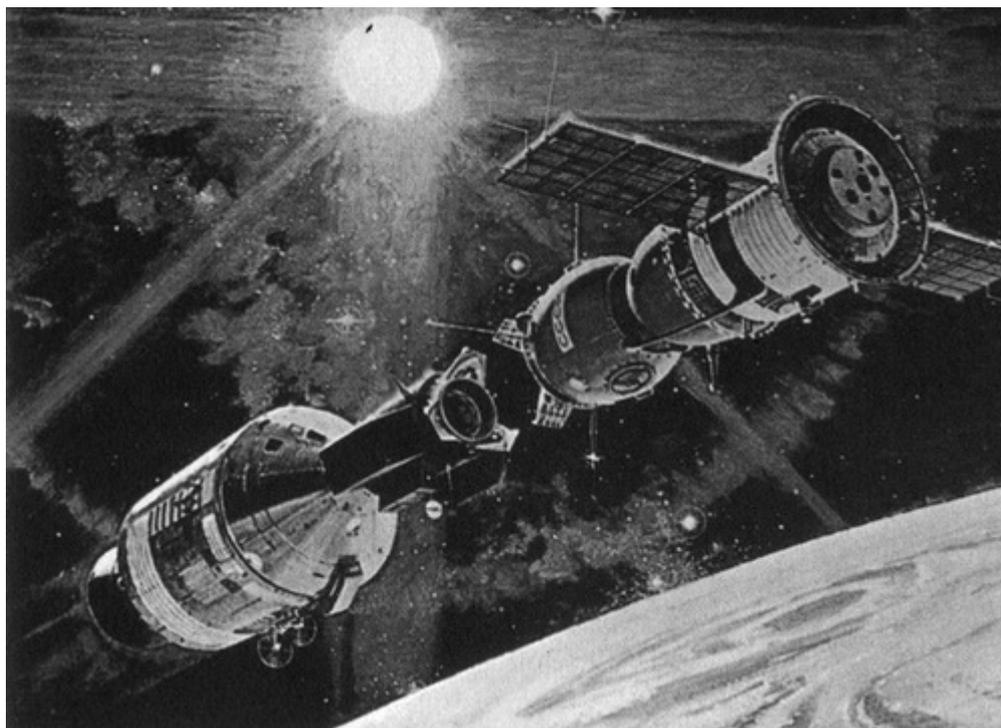
Заместитель администратора (главы) НАСА Хью Драйден. Именно он в 1960-е годы вёл переговоры с академиком Анатолием Благовровым, пытаясь договориться об объединении усилий СССР и США в космосе

Американская ракета-носитель «Атлас» с кораблём типа «Меркурий»

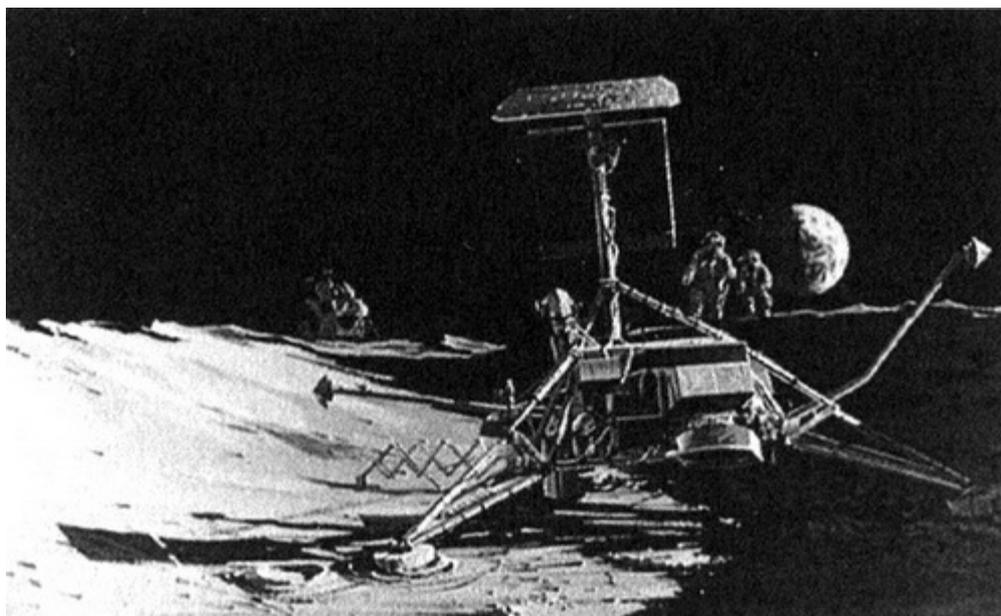
Президент США Дж. Кеннеди объявляет о начале программы «Аполлон». Слева от него на заднем плане вице-президент Линдон Джонсон

«Союз-Аполлон» — первая в мире международная орбитальная станция с интернациональным экипажем

Экипажи космических кораблей «Союз» и «Аполлон»: Алексей Леонов, Томас Стаффорд, Валерий Кубасов, Дональд Слейтон, Вэнс Бранд

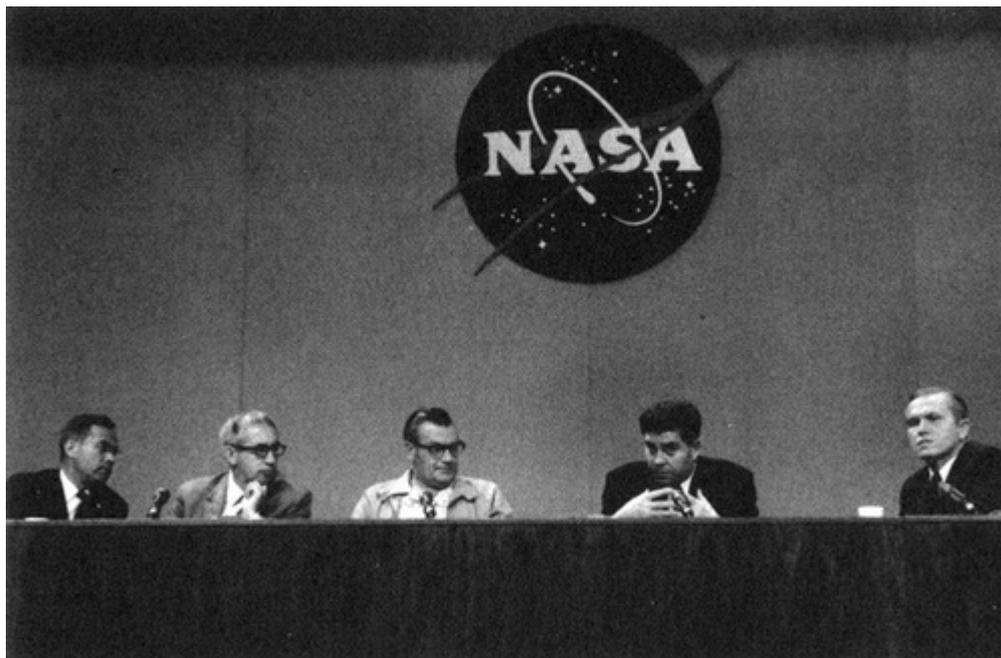

Один из американских автоматических аппаратов типа «Лунар Сервейор», которые «обследовали» поверхность Луны перед посадками «Аполлонов». На снимке: «Сервейор-3». Именно его в ноябре 1969 года посетил экипаж «Аполлона-12»

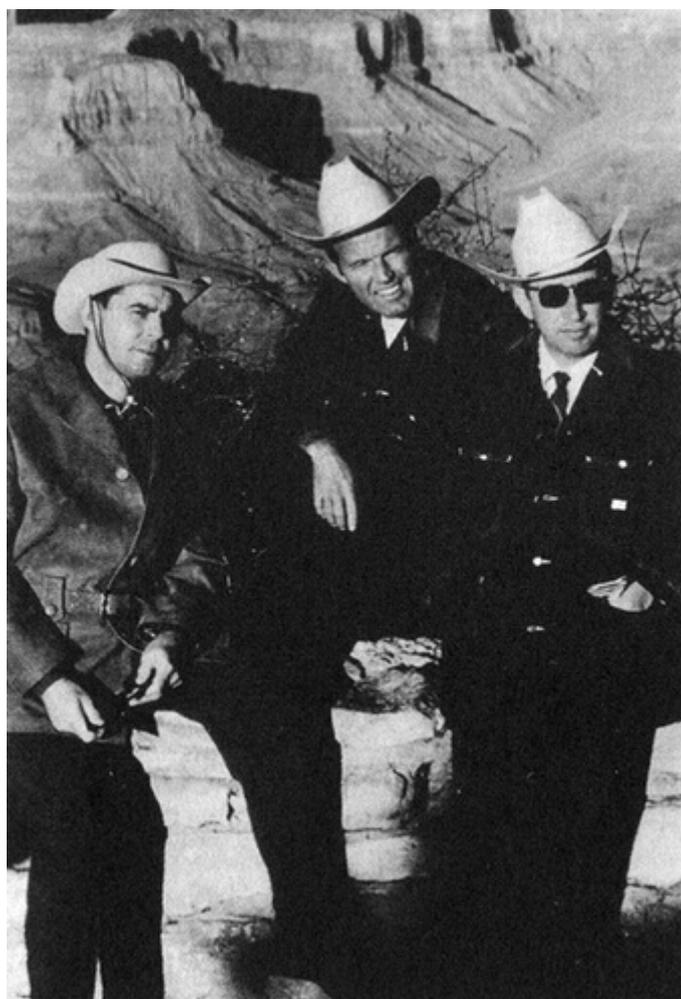
**Визиты в США космонавтов Георгия Берегового и Константина Феоктистова (1969 год),
Андряна Николаева и Виталия Севастьянова (1970 год)
*Комментарии Константина Григоровича-Барского, фотографа НЛСА,
потомка русских эмигрантов***

После удачной «стыковки» в имитаторе Береговой слушает пояснения астронавта Джека Суайгерта (впоследствии героя полета «Аполло-13» 22 октября 1969 года

Пресс-конференция космонавтов в Хьюстоне: Шкляр, Феоктистов, Григорович-Барский, Береговой, Борман. 23 октября 1969 года

Слева направо — Георгий Береговой, астронавт Гордон Купер и Константин Феоктистов во время поездки по США

В самолёте, в котором раньше президент Джонсон летал на свое ранчо (мы сделали 12 перелетов за 14 дней). Слева направо: фотограф журнала «Америка» Ларри Риордан со значком прошедшего Гранд Каньон пешком, Береговой и Феоктистов со значками «погонщиков мулов»

На приеме у Кирка Дугласа. Слева — «король» Голливуда, американский актёр русского происхождения Юл Бриннер, рядом, лицом к фотоаппарату стоит Константин Феоктистов

На приёме у Кирка Дугласа. Звёзды американского кино, американские астронавты и советские космонавты слушают импровизированную речь Кирка Дугласа, в которой он, играя названиями советских космических кораблей «Союз», США и СССР выразил надежду на мировой союз освоения космоса. 1970 год

Феоктистов беседует с Нобелевским лауреатом, доктором Гарольдом Ари

141 EL CAMINO DRIVE
BEVERLY HILLS, CALIFORNIA 90212

December 22, 1998

Mr. Yuri Karash
ANSER/CIAC
1215 Jefferson Davis Highway, Suite 800
Arlington, VA 22202

Dear Mr. Karash:

I remember very well the party we gave at our house for George Beregovoi and Konstantin Feoktistov. It was a huge success with several hundreds of people. I made sure we had the most beautiful women in Hollywood. All through the evening, George Beregovoi and I joked about a trip to the moon and picking out the most beautiful girls in the room to join us. He was such a charming person and he seemed to enjoy himself very much.

Years later I met George Beregovoi in Moscow and he seemed very strange, but I will never forget my meeting with that hero and his colleague Konstantin Feoktistov.

Warmest regards,

Kirk Douglas

Kirk Douglas

Письмо легендарного американского киноактера Кирка Дугласа автору книги Юрию Карашу. В нем, в частности, говорится:

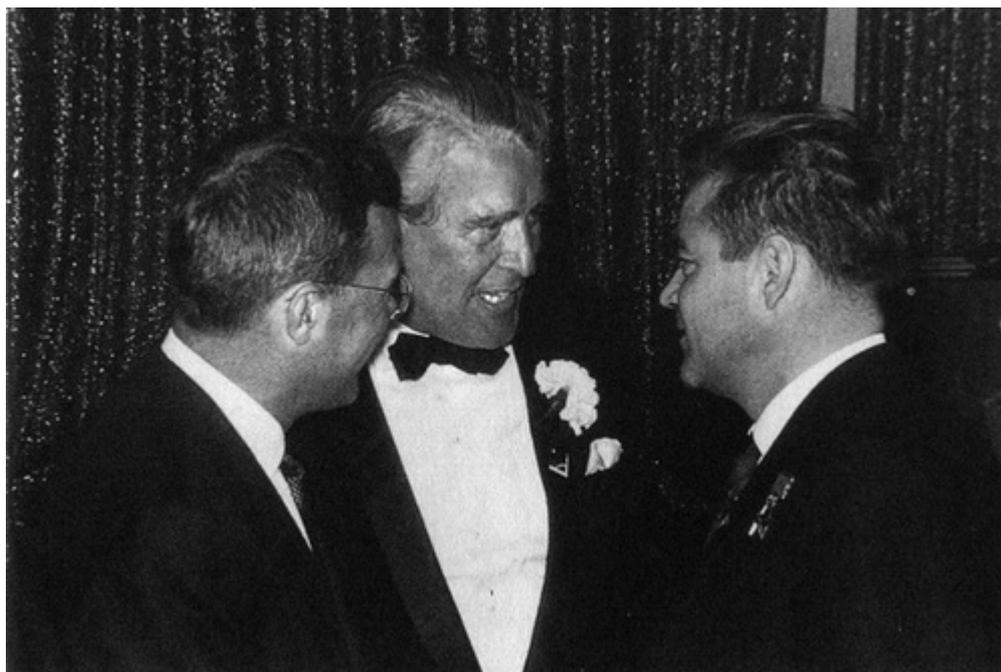
«Я очень хорошо помню ту вечеринку, которую мы организовали в нашем доме в честь Георгия Берегового и Константина Феоктистова. На нее пришли несколько сот человек, и все было просто замечательно. Я позаботился о том, чтоб там были самые красивые женщины Голливуда. Мы с Береговым весь вечер шутили о том, как полетим на Луну и возьмем с собой самых красивых девушек, которые были с нами в тот вечер. Он был таким очаровательным человеком и, похоже, ему все очень нравилось.

Годы спустя я снова встретил Берегового в Москве и он показался мне очень странным, но я никогда не забуду мою встречу с этим героем и его коллегой Константином Феоктистовым.

С самыми теплыми пожеланиями, Кирк Дуглас»

Георгий Береговой и Юджин Сернан осматривают корабль «Аполло-11», на котором Армстронг, Олдрин и Коллинс вернулись с Луны. 1970 год

Советский космонавт Андриян Николаев (справа) беседует с Вернером фон

Брауном на банкете, организованном Американским институтом аэронавтики и астронавтики. 1969 год

Можно только надеяться, что ни жёны, ни КГБ не увидят этих снимков. Впрочем, они были включены в альбом НАСА. Но оба космонавта научились говорить «cheese»... Севастьянов и Николаев примеряют космические скафандры

НАСА. 1970 год

Тот самый «Боинг-747», который лётчик-истребитель Николаев, ни разу до того дня не управлявший большими самолетами, поднял в воздух на американском аэродроме. Взлёт прошёл безупречно. Николаев похвалил за храбрость пилота-инструктора, который убрал руки с рычагов управления, чтобы «не мешать» Николаеву. 27 октября 1970 года, Сиэтл, завод Боинг

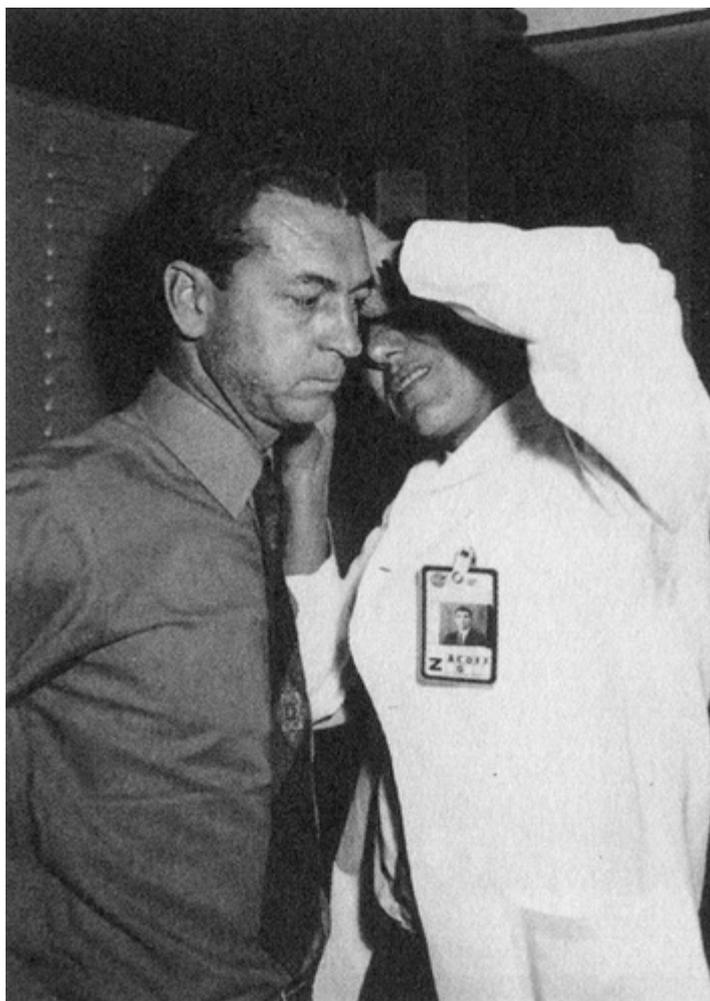
Олдрин — второй американец, ступивший на поверхность Луны, и его русские гости после успешных полётов на «Боинге-747»

Присвоение шуточного звания «Почётный космонавт» председателю
Правления Боинга Биллу Аллену 27 октября 1970 года

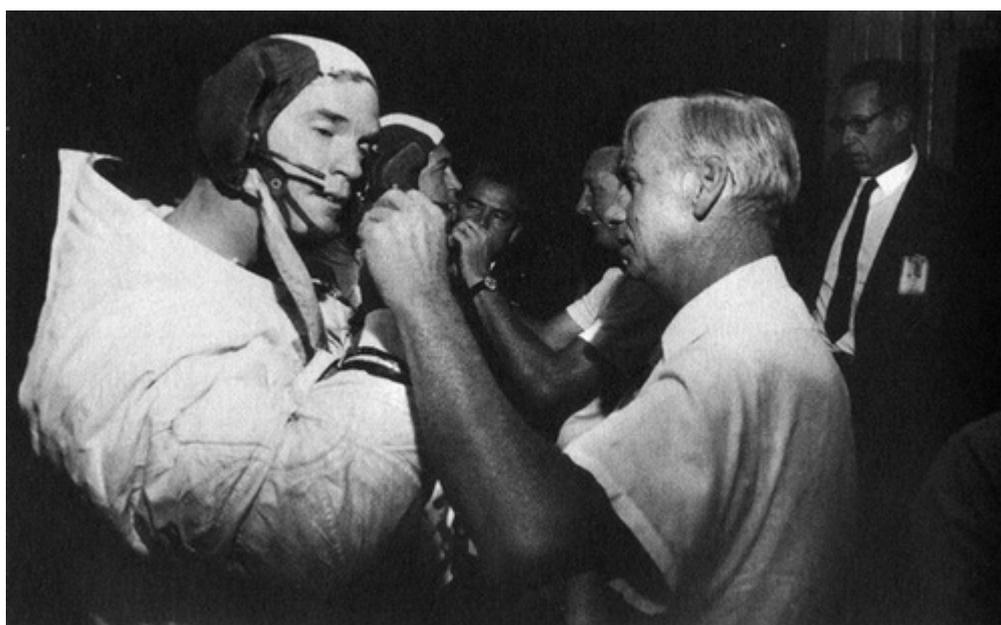
Центр имени Маршалла. Макет американской экспериментальной орбитальной лаборатории «Скайлэб»

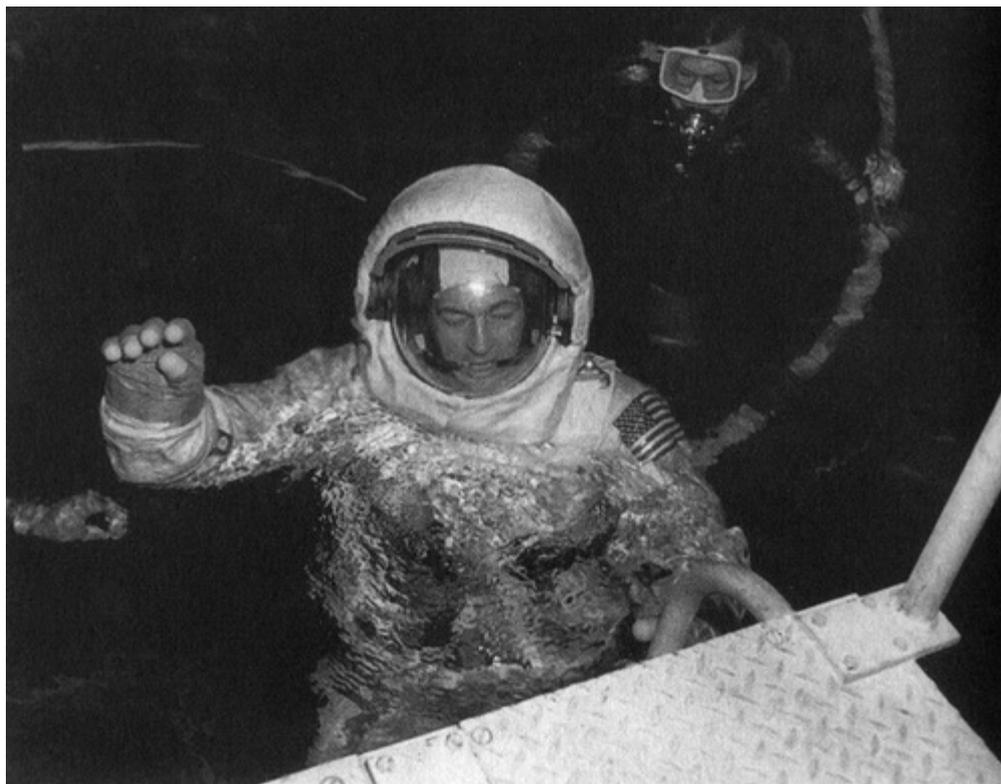
После медицинского осмотра.

Астронавт Швейкарт и космонавт Севастьянов идут к бассейну гидроневесомости

Сначала — наушники и микрофон...

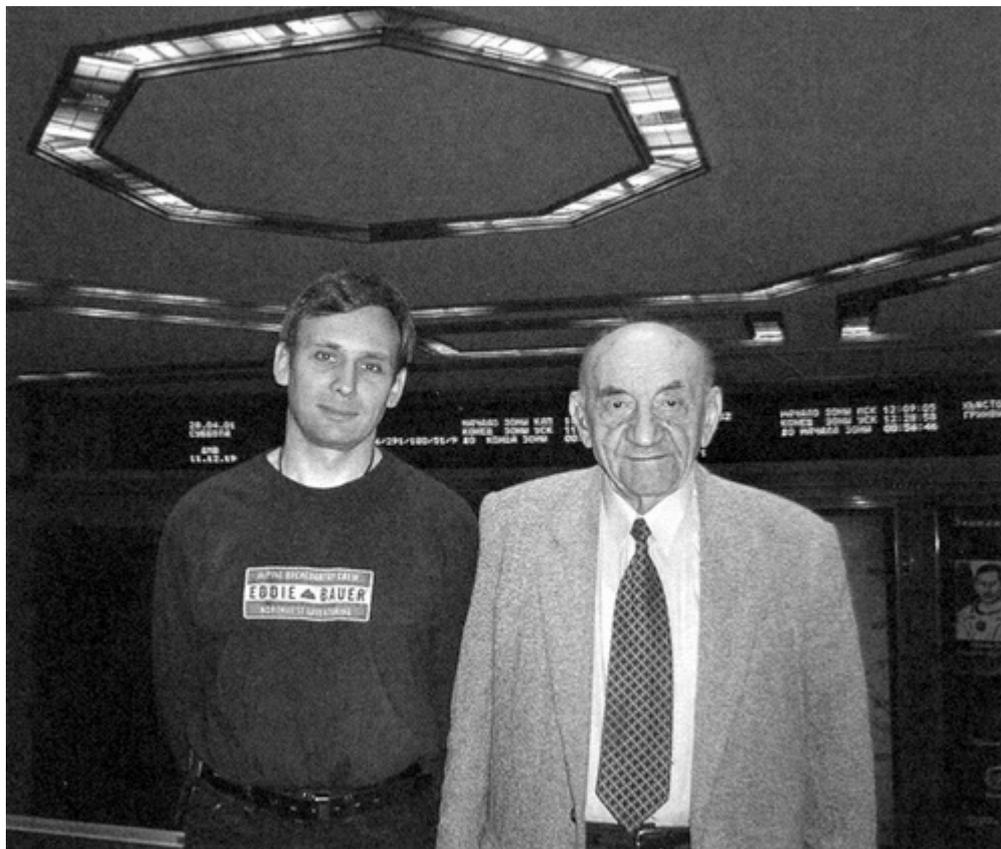
«Есть, в воду! Скоро увидимся на суше!» Севастьянов погружается в бассейн гидроневесомости...

Тренировка удачно завершена

Так оно и было... Севастьянов со «скафандриком» Швейкарта и «аквалангистом» Олдрином считает, что опыт прошел «на во!»

Б. Е. Черток, специалист по системам управления (справа) и автор данной книги Ю. Ю. Караш

Все фотографии для художественного оформления книги любезно предоставлены автором Карашем Ю. Ю. из его личного архива, в том числе фотографии, подаренные автору вдовой американского фотокорреспондента К. Григоровича-Барского — Мариной Григорович-Барской. В книге также использованы снимки с официального сайта НАСА.

Караш Ю. Ю.

К 21

Тайны лунной гонки. СССР и США: сотрудничество в космосе.

М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — 473 с. — (Архив).

УДК 629.7 ББК 39.6г

ISBN 5-94848-210-3

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Инвест», 2005

Документально-историческое издание

Юрий Юрьевич Караш

ТАЙНЫ ЛУННОЙ ГОНКИ.

СССР и США: сотрудничество в космосе

Ответственный за выпуск *Л. Бурякова*

Младший редактор *Н. Пастухова*

Художественный редактор *Л. Чернова*

Технический редактор *Л. Бирюкова*
Компьютерная верстка *И. Слепцовой*
Корректоры *Л. Пруткова, Н. Стронина*

Подписано в печать 25.08.05.

Формат 60x90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,0. Тираж 3000 экз.

Изд. № 05-7170. Заказ № 5434.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Инвест»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

«ОЛМА-ПРЕСС Инвест» входит в группу компаний ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, Краснопролетарская, 16

